АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ
2

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

2

ФАНТАСТИКА
ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ГЕЛЯВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» * 1963

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 2

Последний человек из Атлантиды

Продавец воздуха

Когда погаснет свет

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» * 1963

Р2
Б11

Обложка и титул
художника
Б. Маркевича

Иллюстрации
художника
Д. Бисти

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

Текст печатается по изданию:

Александр Беляев,

Избранные научно-фантастические произведения в 3 томах.

М., «Молодая гвардия», 1957, т. 2.

КАК БЫЛА ОТКРЫТА АТЛАНТИДА

I. ПОДВОДНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ТО МЫСЛЬ!

Отложив книгу в сторону, мистер Солли еще раз повторил:

— Да. Это мысль! — и погрузился в раздумье.

Мистер Солли — удачливый нью-йоркский фабрикант и биржевик, нажившийся на военных поставках во время мировой войны.

Война — прекрасная вещь для таких людей. Чем выше росли горы трупов на полях сражений, тем больше округлялся текущий счет мистера Солли. К концу войны мистер Солли «стоил» несколько миллиардов долларов.

Но когда он достиг вершины финансового могущества, с ним случи-

лась неприятная история. Роскошные обеды, обильно орошаемые тонкими винами, вызвали заболевание мозговых сосудов. И он слег от мозгового удара, когда менее всего ожидал этого. У него отнялись правая рука и нога. Удар был легкий, и при тщательном медицинском уходе через несколько месяцев больной оправился. Паралич, казалось, прошел. Но врач категорически запретил мистеру Солли возвращаться к коммерческой деятельности.

— Довольно, поработали, — сказал врач. — Если вы хотите сохранить здоровье, вы должны совершенно изменить образ жизни. Путешествуйте, занимайтесь коллекционированием, благотворительностью — одним словом, чем хотите, лишь бы заполнить ваше время и развлечься, но избегайте умственного и нервного напряжения. Иначе я не отвечаю за вашу жизнь.

После такого ультиматума перед мистером Солли встал нелегкий вопрос: чем наполнить жизнь и как использовать свои несметные богатства?

Он был одинок. Это еще больше осложняло положение. Ему не о ком было заботиться, кроме как о самом себе.

Ехать в Африку и охотиться на львов, как это сделал Рузвельт?

Слишком сильные ощущения такого спорта не привлекали Солли.

Благотворительность?

Одна мысль об этом вызывала на его жирном, красном лице гримасу брезгливости. Слишком избито, пошло. Написать чек на сотню тысяч долларов в пользу университета, чтобы потом полюбоваться на свой портрет в газете? Пустое и скучное занятие.

Мистер Солли попробовал заняться коллекционированием. Начал скупать картины старых итальянских мастеров. Но все эти Леонардо да Винчи и Рафаэли, очевидно, не учли американского спро-

са. Большинство уников* было уже скуплено. Оскандалившись с покупкой «подлинного» Корреджио, оказавшегося ловкой подделкой, Солли почувствовал отвращение к живописи.

Потом следовали коллекции австралийских бумерангов, китайских колокольчиков... Коллекция, составленная из трехсот пятидесяти видов живых блох, собранных со всех стран мира, заставила говорить о себе некоторое время. Но все это было не то... Нужно было найти что-нибудь выдающееся, что, быть может, обессмертило бы его имя.

Вкусив от плодов богатства и власти, мистер Солли втайне мечтал и о славе. Но как купить ее? Это было совсем не так просто, как с биржевыми акциями.

И вот, когда он уже терял надежду найти достойную его цель жизни, простой случай пришел на помощь.

Личный секретарь мистера Солли случайно оставил на письменном столе книжку с серыми и голубыми полосками на обложке. Это был томик на французском языке: «*Роже Девинь. Исчезнувший материк. Атлантида, шестая часть света*».

Миллионер, скучая, просмотрел эту книгу, но несколько строк остановили его внимание.

«Необходимо создать, — писал автор, — экспедицию из кораблей всех наций для исследования Атлантического океана, чтобы найти священную землю, в которой спят общие предки древнейших наций Европы, Африки и Америки».

«Подводная экспедиция для отыскания Атлантиды... Это идея!»

Закурив сигару, мистер Солли погрузился в честолюбивые мечты. Он, мистер Генри Солли, открывает этот исчезнувший материк. Он будет новым Колумбом. Он водрузит звездное американское знамя на этом исчезнувшем материке. А коллекции со дна океана! Там уж, наверно, не будет подделок. Все уники неизмеримой ценности.

---

* Уник — редкий, единственный в своем роде предмет.

«Недурное помещение для капитала, — мелькнула мысль, привыкшая ко всему подходить с коммерческим расчетом. — И слава, слава...»

Да, решительно над этим следует подумать. Надо изучить вопрос. Мистер Солли осмотрел приложенную библиографию в конце книги: «Одна коллекция книг в Смитсонианском институте содержит более 50 000 томов...»

«Ну, это уж слишком! — мистер Солли поморщился, представив себе эти груды книг. — Впрочем, для чего существуют ученые? Мы поручим им сделать необходимые выборки. А пока познакомимся с Девинем».

Забыв даже о строгом режиме врача, мистер Солли засиделся за полночь, погруженный в чтение книги.

Пришедший на другое утро личный секретарь мистер Картер увидел своего патрона необычайно оживленным и был ошеломлен его словами.

— Картер! Мы отправляемся в подводную экспедицию разыскивать Атлантиду...

Картер широко открыл глаза, потом покосился на оставленный вчера томик Девиня и понял все.

«Уж лучше бы блох своих ловил», — подумал Картер. Ему совсем не улыбалась эта экспедиция. Он только недавно был помолвлен.

Но с обычной любезностью он промолвил:

— К вашим услугам, сэр.

II. АТЛАНТИДА И МЭРИ

Работа закипела. Мистер Солли был неузнаваем. Апатия и вялость исчезли бесследно. С утра до вечера он совещался с учеными, инженерами, моряками. Солли входил во все мелочи и проявлял свои недюжинные практические и организаторские способности.

Инженеры вырабатывали типы подводных кораблей. Воплощалась в жизнь фантазия Жюля Вер-

на об открытии Атлантиды «Наутилусом» капитана Немо. Солли забраковал проект постройки одного большого подводного корабля.

— Он нам может понадобиться лишь в конце, когда Атлантида будет найдена. И потом большие субмарины * дорогоньки даже для моего кармана. Нам нужны ищейки, флотилия мелких судов, которые будут рыскать под волнами океана и производить предварительные изыскания.

Остановились на типе небольшой подводной лодки и стали вырабатывать ее конструкцию.

На подводных лодках предполагалось устроить окна из толстого стекла и сильные прожекторы для наблюдения изнутри судна. В дне корпуса должны были находиться отверстия, через которые на дно океана могли бы опускаться особые зонды для исследования почв. Наконец особые люки могли выбрасывать и забирать обратно водолазов. С надводным миром предполагалось поддерживать постоянную связь при помощи радио. Решили построить пять таких субмарин. Смета все росла, но это не смущало Солли. По его плану, суда необходимо было построить в два года; расходы могли быть покрыты одними процентами с его капитала. Первая лодка должна была быть готова через полгода. Если ей посчастливится, остальные можно будет и не строить.

Несмотря на все эти кипучие сборы, дело могло расстроиться и только потому, что в судьбу открытия Атлантиды оказалась замешанной судьба белокурой Мэри, невесты Картера. Секретарь миллионера был так же увлечен ею, как Солли Атлантидой. В ее лице Атлантида приобрела сильную соперницу.

Картер смотрел на затею Солли как на одну из его причуд, которые могут пройти так же быстро, как прошли его другие увлечения. Но эта причуда могла надолго оторвать его от мисс Мэри Ривс.

---

* Субмарины — подводные лодки.

И он повел тайную интригу, чтобы разрушить эту затею. Он уверял врача, что увлечение Солли Атлантидой вредно для его здоровья. Он умышленно осложнял работу, чтобы оттянуть отъезд. Он разыскивал профессоров, которые не верили в существование Атлантиды, и просил их уговорить старика Солли отказаться от его затеи. Он поднял целую кампанию в печати. Большинство ученых осмеивали фантазерство Солли. Газеты помещали карикатуры. Но Солли был непреклонен.

К несчастью Картера, Солли нашел в лице профессора Ларисона фанатичного сторонника экспедиции.

Ларисон, старик с шарообразным, безволосым черепом и узкими, веселыми глазками, переселился к Солли и прямо гипнотизировал его своими возбужденными речами об Атлантиде, ее несметных богатствах, погребенных на дне океана.

Потеряв всякую надежду расстроить экспедицию, Картер заявил Солли в одно утро о своем уходе.

— Как, вы покидаете меня в такую минуту? — спросил Солли огорченно. — Но какая причина?

Все это было сказано с таким искренним огорчением, что Картер после некоторого колебания решил сказать правду.

— Я предполагаю скоро вступить в брак и не нахожу возможным в такое время отправиться в экспедицию, которая займет, может быть, несколько лет.

Солли опустил голову. Потом он вдруг вскочил с кресла и, махнув обеими руками, закричал:

— Так за чем дело стало! Женитесь скорей и берите ее с собой!

«С собой... — это была новая мысль, которая еще не приходила Картеру в голову. — И согласится ли Мэри?»

Неожиданно для него Мэри согласилась принять участие в экспедиции и даже выразила живейший интерес.

Мэри перестала быть опасной для Атлантиды.

III. В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

Прошло еще три года. Годы разочарований и обманутых надежд. Уже четыре года субмарины бороздили пучины Атлантического океана между северо-западными берегами Африки и восточными берегами Северной и Южной Америки. Было сделано много интересных геологических и палеонтологических находок, но следов Атлантиды не находилось. Целые отряды водолазов зондировали дно морское на сотни метров вглубь, но везде находили только вулканический туф, кристаллизовавшийся под давлением воды, гранит и глинистый сланец.

Участники экспедиции были явно утомлены. У Мэри Картер значительно остыл интерес к Атлантиде.

Ее муж проклинал Атлантиду, Ларисона и Солли. Но хороший оклад удерживал его в экспедиции. Сам Солли временами впадал в сомнение. Расходы росли, ему давно пришлось тронуть основной капитал, и он, Солли, «стоил» уже намного меньше, чем до экспедиции.

Подводная экспедиция Солли вначале возбудила громадный интерес. На время Атлантида стала самой модной темой. О ней читались бесчисленные лекции, велись ученые споры. Некоторым мерещились богатства, погребенные на дне океана. Поднимался даже вопрос об основании акционерного общества для ведения совместно с Солли работ. Но простой расчет заставил подождать результатов экспедиции Солли. А эти результаты пока были плачевны. Газеты и журналы писали об экспедиции все холоднее, потом перешли к вышучиванию, высчитывали, сколько стоит «миф об Атлантиде», и, наконец, замолчали совершенно. Это для Солли было хуже всего. В довершение неприятностей он потерял часть состояния, заключенного в нефтяных акциях.

Дальнейшее «закапывание денег в океан», как писали в газетах, грозило ему разорением.

Солли стал молчалив и раздражителен.

Не унывал один Ларисон.

— Все наши неудачи ничего не доказывают. Просто мы допустили ошибку в исследованиях. Но эту ошибку легко исправить. Дело в том, что до сих пор мы ковыряли только вершины вулканических гор Атлантиды. Вспомните, что еще Платон упоминал об этих высоких горах. Города лежали у их подошвы. Следовательно, чтобы искать их, нужно опуститься по крайней мере на три тысячи метров, в долины, лежащие на дне океана, и проделать в почве несколько глубоких косых траншей. И мы найдем Атлантиду. Она ждала вас десятки тысяч лет, и неужели теперь, когда вы так близко от нее и от славы, — да, от славы! — вы бросите все?

Хитрый Ларисон давно нашел слабую струнку Солли. Слава!

— Сколько она стоит? То есть сколько это будет стоить еще? — спросил Солли.

Стали подсчитывать. Работы на дне океана стоили безумно дорого. Но упорство и привычка рисковать заставили Солли решиться на этот шаг.

Для последних исследований выбрали местность на 12° северной широты и 40° западной долготы. На дно были опущены громадные воздушные колокола, так как на глубине трех тысяч метров давление воды было слишком велико для работы водолазов. Сверла, приводимые в движение электричеством с кораблей, стоящих на поверхности океана, бурили и дробили землю, которая через герметические люки выбрасывалась из колокола. Несколько раз вода проникала под колокол. Шесть рабочих уже поплатились жизнью. Все труднее было найти охотников на место выбывших, все дороже оплачивался труд. Три месяца шла эта упорная работа. Героические усилия экспедиции привлекли вновь к ней внимание «надземного мира». Неутомимый Ларисон энергично руководил работами на дне океана. Солли большую часть времени проводил на плавучем доке, устроенном около места

работ, — на открытом воздухе. Пребывание в подводных лодках было для него тяжело. Зато морской воздух очень укрепил его здоровье. Физически он чувствовал себя прекрасно. Но это лечение обошлось ему не дешево. В одно утро, посидев над счетами и подведя баланс, он увидел, что ему хватит средств продолжать работу только на два месяца. А дальше — конец. Он разорен и вдобавок опозорен, как старый фантазер и мечтатель.

Вечером, когда Ларисон, усталый, но бодрый и шумный, как всегда, поднялся к нему со дна океана, Солли поведал печальную новость.

Ларисон в первый раз почувствовал себя растерянным.

Он никогда не думал, что этот золотой мешок может иссякнуть. Но Ларисон был слишком поглощен своими работами, чтобы предаваться отчаянию.

— Этого не может быть!

— То есть как не может быть? Вот посмотрите итог.

— Не может этого быть, говорю я, чтобы работа прекратилась на самом интересном месте. Мы дошли до мягкого туфа. Работать легче. И только сегодня я нашел что-то чертовски напоминающее кусок черепицы от крыши. Деньги? Их надо достать!

— Но как?

Ларисон пожал плечами и ушел к себе. Он долго писал в этот вечер, сделал какие-то распоряжения и наутро, наскоро позавтракав, нырнул «к себе» на дно океана.

IV. НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Два роковых месяца были на исходе. Солли занимался тем, что подсчитывал, что останется ему на скромную жизнь, когда он бросит «глупую затею» с Атлантидой и ликвидирует ее. Вызванный управляющий делал ему доклад. После ликвидации

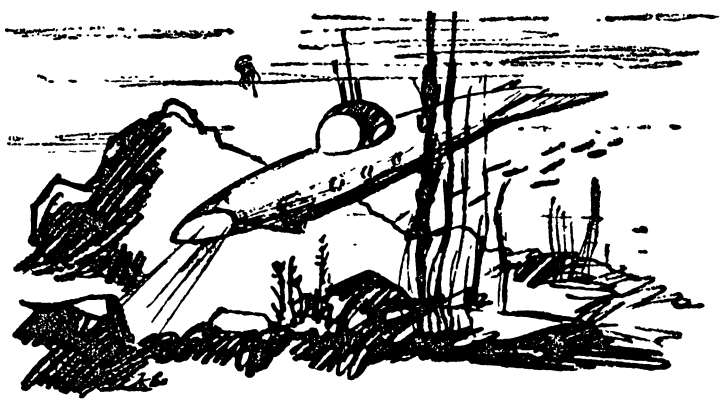
овечьих ранчо в Техасе оставались кое-какие крохи в несколько сот тысяч долларов.

Солли в задумчивости пускал струи дыма, рисуя картину своего будущего. Он уедет в уединенное имение в южных штатах и будет доживать свой век в полном одиночестве. С африканского берега тянуло горячим дыханием раскаленных пустынь.

Вдруг на севере показался ряд кораблей. Когда они подошли, Солли увидал развевающиеся вымпелы.

— Это что еще за флотилия?

Он не знал, что это шла неожиданная международная помощь. Ларисон не дремал. Он написал горячее воззвание в газеты разных стран с призывом ко всему культурному человечеству помочь экспедиции «во имя науки». Его горячо написанное воззвание произвело впечатление. Был сформирован вспомогательный флот, корабли которого подходили теперь к плавучему маяку. Солли давно



уже не читал газет: «Ничего, кроме неприятностей». И потому не знал о воззвании Ларисона.

Помощь пришла вовремя, и работа закипела с удвоенным темпом. Вскоре были найдены неоспоримые следы Атлантиды: каменная кладка из черных, белых и красных камней, хорошо сохранив-

шихся в водонепроницаемом слое. Открытие произвело необычайную сенсацию во всем мире. Почти все государства, словно желая наверстать потерянное, приняли участие в раскопках.

Работа шла медленно, но теперь это уже была работа не вслепую.

Каждый месяц приносил все более радостные новости. Солли, оживший и вновь повеселевший, проплывал на субмарине вдоль места работ и в окно иллюминатора глядел, как из синевы океана, освещенной прожектором, показывались то полуразрушенный ряд колонн, сквозь которые проплывали рыбы, мягко шевеля плавниками, то стены дома, то покосившийся портик храма...

На пятом году экспедиции были найдены развалины храма Посейдона, а в них — громадная библиотека, состоящая из бронзовых полированных пластин, на которых были вытравлены надписи. Надписи прекрасно сохранились. Их удалось расшифровать одному русскому ученому-лингвисту. Постепенно Атлантида раскрывала все свои тайны: храмы, пирамиды, статуи, дома, бронзовое оружие, утварь и бесчисленное количество «бронзовых книг» атлантов.

По окончании раскопок была созвана международная конференция из представителей дипломатии и ученого мира для разрешения вопроса о судьбе извлеченных со дна океана ценнейших археологических коллекций.

Было решено не дробить «центральное ядро» археологического материала, дающее полное, почти исчерпывающее представление об Атлантиде, ее цивилизации и жизни. Но между Европой и Америкой завязался горячий спор: кому владеть этим ядром?

В конце концов спор был разрешен в пользу Америки, но в виде уступки Европе там был создан Международный музей Атлантиды.

Это было грандиозное здание, построенное в стиле атлантов и состоявшее из трехсот шестидесяти громадных залов, наполненных статуями, ут-

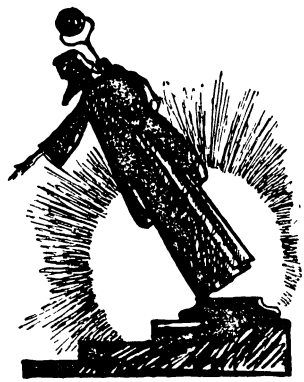
варью, предметами культа и т. п. К этому главному зданию примыкал ряд других: Международный институт по изучению Атлантиды и библиотека, включавшая уже более двухсот тысяч томов книг по Атлантиде.

Первая речь на торжественном открытии этого музея и института была предоставлена профессору Ларисону. Она продолжалась более шести часов и была прослушана с захватывающим интересом. Мистер Солли также не был забыт на этом торжестве, и его самолюбие было удовлетворено. Ведь в конце концов его скука и лишние деньги помогли открыть Атлантиду.

Дубликатов археологических находок было достаточно, чтобы создать богатейшие музеи в Европе. Среди них самыми полными и богатыми оказались музеи Москвы, Парижа и Лондона.

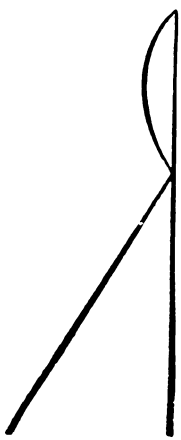
На этом мы и закончим краткую историю открытия Атлантиды. Далее идет уже история самой Атлантиды. Эту историю написал неугомонный старик Ларисон. Такой энтузиаст, как Ларисон, не мог написать сухого ученого трактата. Он написал скорее роман, чем историю. Но роман, в котором каждое положение основано на научных данных. К сожалению, Ларисон неожиданно умер, и рукопись, о которой знали многие из его друзей, считалась потерянной. Лишь недавно она была найдена среди хлама на чердаке его уединенного дома.

Рукопись снабжена примечаниями Ларисона, которые мы сохранили. Вот эта рукопись.



ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ



ПИШУ для себя. На изучение Атлантиды я потратил долгие годы. Я слишком сжился с нею. Я бродил среди развалин Атлантиды на дне океана. Там передо мною проносились картины ее былого величия и ужасного конца. По многим документам, найденным на дне океана и на поверхности земли в различных странах, я познакомился с судьбой ее обитателей и даже отдельных лиц. И у меня явилась непреодолимая потребность записать все это. Я не предполагаю печатать эту рукопись.

Моя повесть об Атлантиде слишком научна для романа и слишком романтична для науки.

Но я не могу не написать ее, потому что эти видения преследуют меня, как галлюцинации.

Может быть, описав их, я буду с большим спокойствием продолжать свои научные работы.

Профессор *Ларисон.*

I. АТЛАНТИДА

Солнце склонилось к западу. Вечерний береговой ветер доносил до самого корабля ароматы цветущих апельсиновых деревьев, магнолий и душистых горных трав.

Пассажиры вышли на верхнюю палубу пятиэтажного корабля и любовались величественной картиной.

Перед ними дремали в лучах горячего солнца берега великой Атлантиды.

У самого берега возвышался знаменитый Посейдонский маяк * — одно из мировых чудес. Он имел форму конуса, усеченная вершина которого, казалось, упиралась в небесный свод. Маяк был сложен из громадных каменных кубов красного, черного и белого цвета, расположенных красивым узором. Вокруг маяка спиралью вилась широкая дорога, по которой свободно проезжало рядом шесть колесниц.

День и ночь по винтовой дороге тянулись повозки. Одни из них доставляли смолистые деревья на вершину маяка, другие увозили обратно пепел и угли. На верху маяка была круглая площадка, на которой свободно мог разместиться целый городок. Здесь были огромные запасы дров, ямы для пепла и углей, решетки для костров и целая система шлифованных вогнутых бронзовых зеркал. Смолистое дерево, смешанное с серой и нефтью, давало яркое пламя, которое не могла погасить даже буря. На

* Большинство имен собственных мною взято из языка атлантов. Но некоторые имена (Посейдонис, Атлантида и др.) оставлены в том правописании, которое установилось со времени Платона, как более знакомое современникам. — *Ларисон.*

случай ливня был установлен бронзовый навес. Бронзовые зеркала, как сильные конденсаторы, собирали свет и бросали лучи в океан на много десятков миль.

Маяк стоял у гавани, окруженный садами, среди которых были разбросаны дома кубической формы из камней черного, красного и белого цвета. Дальше почва постепенно возвышалась, переходя в горную цепь.

На склонах горы, как расплавленное золото, сверкали под солнцем своей бронзовой облицовкой здания Посейдониса — столицы мира и Атлантиды. Еще выше, как сторожевой дозор, высился полукруг гигантских гор с снежными вершинами.

А вдоль всей горной цепи протянулось одно из самых чудесных произведений искусства атлантов, создание великого ваятеля Атлантиды — Адиширны-Гуанча: бог Солнца, изображенный в виде полулежащего на левом боку юноши. В правой руке, протянутой вдоль бедра, он держал рог, из которого низвергался громадный водопад. Опершись на локоть, он протянул раскрытую ладонь левой руки и с улыбкой рассматривал расположенные на ней храмы с великим храмом Посейдониса посредине, громадные пирамиды и обелиски. Фигура бога была высечена в горном хребте. Требовалось два с половиной дня пути, чтобы пройти от локтя статуи до конца ноги. Десятки тысяч рабов трудились над нею.

Статуя эта с моря, на расстоянии нескольких часов пути от берега, производила необычайное, ни с чем не сравнимое впечатление. Громадные храмы и пирамиды на ладони статуи казались прекрасными маленькими игрушками.

Снежные вершины окаймляли статую бога Солнца, как белое облако, утопавшее в синеве тропического неба.

Пассажиры с немым благоговением смотрели на эту величественную панораму.

— Да, велик бог Атлантиды, — задумчиво сказал один из них.

Он сидел на золотом троне, под полосатым балдахином, в шелковой пурпуровой одежде, вышитой яркими узорами. Красные рубины сверкали на его одежде, как угли, в лучах заходящего солнца. Черная длинная борода его на щеках была завита в мелкие кольца, а ниже заплеталась в жгуты. На голове конусообразная тиара была усыпана драгоценными камнями.

Это был владыка далекого Ашура, один из многих царей, подвластных Атлантиде. Он приехал с обычными дарами на праздник Солнца.

Корабль входил в бухту. Матросы опускали громадные пурпуровые паруса, на которых разноцветными шелками были вышиты крылатые быки. И паруса падали вдоль мачт, построенных в форме «Λ», как на сложенный дождевой зонтик. Один ряд за другим гребцы опускали тяжелые весла, обитые тонкими листами бронзы. Только в самом нижнем ярусе весла ударяли еще по воде под ритмические звуки флейты.

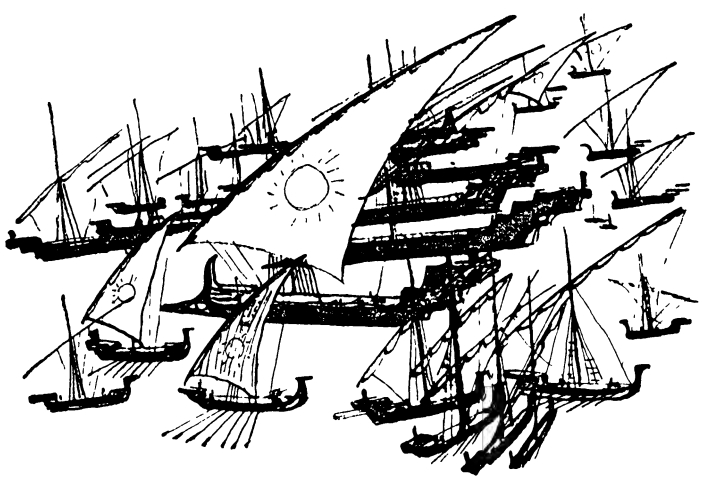
Наконец был опущен и небольшой носовой треугольный парус. Он затрепетал на ветру, как крылья бабочки, и замер.

Корабль входил в широкий канал, берега которого были облицованы белым камнем.

Канал проходил через три гавани, лежащие одна за другой. При приближении корабля к первой гавани послышались громкие звуки громадных бронзовых труб морской стражи.

Шесть таможенных барок, плоских, с заостренными и приподнятыми мысами и короткими мачтами в форме «Λ», подплыли и остановились полукругом около прибывшего корабля. На барках стояли солдаты с длинными пиками, короткими мечами и в касках из полированной бронзы.

Начальник морской стражи вошел на палубу корабля. Он протянул руку в знак почтения — свободные атланты не падали на колени даже перед царями — и просил продолжать путь. Весла вновь мерно опустились в воду.



Но вот канал неожиданно оборвался, и корабль вошел в Большую Гавань Посейдониса, освещенную заходящим солнцем. Ветер трепал флаги на

верхушках целого леса мачт. Человеческие голоса, звуки песен, скрип воротов, лязг бронзовых цепей сливались в однообразный шум.

Корабль проследовал дальше, в большой канал длиною в девять километров. По берегам канала тянулись дома, храмы, склады, богатейшие поля маиса и пшеницы, орошаемые сетью мелких каналов. Среди зелени садов были разбросаны низкие белые кубообразные дома из белого, красного и черного камней, сложенных простым, но красивым узором.

Направо в последних лучах заходящего солнца возвышалось здание Морской Биржи с высокими обелисками, испещренными надписями. Перед нею шумела и волновалась толпа, разноплеменная, пестрая: скандинавы, даже здесь не оставлявшие своих меховых одежд со скрытыми под ними коварными мечами; азиаты в красных колпаках и длинных одеждах, расписанных золотом; нубийцы — продавцы слоновой кости в конических тиарах, звенящие своими амулетами; желтолицые продавцы лошадей и барышники...

Наконец корабль остановился в третьем, внутреннем, морском бассейне, на поверхности которого скользили, как быстрые водяные жуки, небольшие лодки, фелюги, гондолы. Путешественники сошли с корабля и расположились в черных гондолах, украшенных диском солнца.

Гондолы быстро поплыли вдоль прямого канала, который пересекался тремя концентричными каналами. Внутри этих каналов, закованных в красную бронзу, возвышался Священный Холм города Посейдониса.

Без сумерек пала на землю южная ночь. Издали, от Морской Биржи, донеслись заглушенные расстоянием звуки песен, шум толпы...

На Холме высились громадные бронзовые колонны-«фонари», с вершин которых падали яркие лучи света. На фоне неба чернели леса у края снежных горных вершин, защищавших Атлантиду от северных гиперборейских ветров...

Между первым и вторым кольцевыми каналами были расположены громадные здания казарм. В них помещались испытанные в своей верности воины, которых набирали главным образом среди белокурых, длинноволосых галлов и смуглых берберов.

Гости сошли с гондол и стали пешком подниматься на Священный Холм. На его вершине уже ясно виднелись пирамиды, окружавшие храмы, с храмом Посейдона посредине. Храмы окружало роскошное ожерелье дворцов, монастырей, часовен, висячих садов, астрономических башен и научных лабораторий жрецов. По обе стороны дороги росли драконовые деревья с их острыми листьями и корнями, сок которых похож на кровь. Среди пальм струились фонтаны.

Взошла луна, и свет ее ярко осветил город. Аромат цветов наполнял воздух. От времени до времени от казарм доносились резкие звуки труб.

Никто не повстречался им, кроме стороживших воинов, стоявших неподвижно, как статуи. Закованные в блестящие латы, они блестели при свете луны, как бронзовые монолиты. Это были «кавалеристы Нептуна» — сыновья жрецов и царей. Только знатное происхождение доставляло им честь стоять на страже в этих запретных местах.

На высоте Холма сильнее чувствовалось освежающее дыхание океана...

Храм Посейдона был воздвигнут на усеченной пирамиде, покрытой бронзой. Он имел стадий * в длину и весь был покрыт серебром, золотом и бронзой. Внутри храма статуи и колонны были украшены слоновой костью. На верху храма возвышалась гигантская статуя бога, стоящего на своей колеснице, запряженной крылатыми конями. Вокруг статуи высились ряды астрономических колонн, бронзовых нереид и золотые статуи царей и цариц, происшедших от десяти сыновей Посейдона.

* Стадий — древнегреческая мера длины, в разных местах неодинаковая. Аттический стадий был равен 177,6 метра.

Все эти архитектурные сооружения, облицованные сверкающей бронзой, производили впечатление несколько варварского, но поражающего великолепия.

Недалеко от храма, из скалы, вытекали два источника: один с холодной, другой с горячей водой. Источники вливались в бассейны, над которыми были воздвигнуты бани: одна летняя, и другая, крытая, — на время зимних дождей.

Проводник привел гостей к одному из дворцов, стоявших недалеко от храма Посейдона, в лавровой роще. Цветущие глицинии обвивали колонны.

Луна освещала бронзовую облицовку двери, на которой был изображен лик бога Солнца в виде человеческой головы с разбросанными пылающими волосами.

На стук проводника дверь открылась.

— Трижды великий царь Атлантиды предоставил этот дворец в ваше распоряжение, — сказал проводник царю Ашура, протягивая руку.

Почетная стража атлантов потрясла копьями и ударила ими о щиты в знак салюта, и гости вошли во дворец.

II. СЕЛЬ

— Какая душная ночь! Эта бронзовая облицовка за день так накаляется, что даже ночью дышать нечем. Надо сказать нашему архитектору Кунтина-шару, чтобы он выстроил мне дворец из пористого камня, как у Шишена-Итца. Открой завесу, Ца!

Старуху, няньку царевны Сель, звали Гу-Шир-Ца. Но Сель с детства называла ее кратко: «Ца».

Старуха отдернула лиловую завесу, расшитую серебряными лилиями. В открывшейся раме между колоннами сверкнула полоса поверхности океана, переливающаяся лунным серебристым светом. В комнату ворвался свежий ветер и колыхнул широкие концы пояса Сель.

Сель стояла у столика из слоновой кости, заставленного коробочками из яшмы, хрустальными

и золотыми флаконами удлиненной формы, миниатюрными чашечками из оникса и сердолика для белил и румян и маленькими статуэтками.

В протянутой руке она держала зеркало из полированной бронзы. Полотняный кусок материи с вытканными змеями и цветами, узко стянутый у бедер, прикрывал ее тело до пояса. Сверх полотна был повязан темно-синий широкий пояс, завязанный узлом у живота. Концы пояса спускались ниже колен. Грудь, шея и руки были обнажены. Руки выше локтя были перехвачены браслетами в виде змеек. Мелкая чешуя их отливала зеленоватым золотом. На их приподнятых головках сверкали изумрудные глаза.

Сель любовалась собой в зеркало, поправляя распущенные черные волосы.

С одной стороны девушка была освещена красным огнем высокого бронзового светильника, с другой — голубым лучом луны, падавшим сквозь высокие колонны. Бронзовое зеркало несколько золотило смуглый цвет ее кожи.

— Ца, сделай мне прическу. Много приехало гостей на праздник?

И Сель улеглась на низкую кушетку, покрытую шкурой леопарда.

— Едут и едут... Одних царей шестнадцать уже приехало... Царь Шеркурлы, Агада, Эреха, Ура, Ишна, Марсама, Атцора — всех не перечесть... Могуч Гуан-Атагуераган! Весь мир покорили атланты. Взять, к примеру, хотя бы царя Ашура. Каково ему-то на поклон ехать! А не откажешься...

— Ца, какой я сегодня сон видела! Будто мою голубку схватил коршун и уносит. Я стала кричать, а голоса нет... Вдруг орел поднялся — и камнем на коршуна! И они дрались так, что летели перья. Но тут я проснулась. Какая досада!.. Я так и не узнала, спас ли орел голубку... Как ты думаешь, что означает этот сон? Спросить разве у Эльзаира? Он хорошо толкует сны.

— И спрашивать нечего. Я сама растолкую. Голубка — это ты. Из-за тебя уж давно пух и перья

летят: ссорятся женихи, значит. Вот слыхала я, что царь Ашура опять сватается за тебя. Он и в прошлом году сватался.

— Этот черный, с длинной бородой в кудряшках? Ни за что! Чтобы я поехала с этим коршуном на край света, оставила свою прекрасную страну? Ни за что!

— Слово царское — закон. Не все по нашей воле делается!

— Я сама себе — слово царское. Ну, это мы посмотрим! Что ты долго возишься с прической?

— Готово. Какое платье прикажешь подать к завтрашнему празднику?

— Завтра не платье, а латы, меч и копье!

И она сделала резкое движение рукой, как бы рассекая мечом воздух. Под тонкой кожей заиграли хорошо развитые мускулы.

— Я завтра еду с отрядом своих амазонок. Пусть знают все иностранные соколы и орлы, что дочери атлантов владеют копьем и мечом не хуже их воинов. Может быть, это отобьет у них охоту брать в жены амазонку *.

Протянув плащ под правую руку, она свободным движением закинула конец его на левое плечо.

— Заколи на плече! Опять волочиться будет, — ворчливо сказала Ца и подала Сель булавку, сделанную из красной яшмы в виде человеческого сердца, пронзенного золотой стрелой.

Сель улыбнулась, взглянув на этот древний символ несчастной любви. Брошь была сделана рабом Адиширной-Гуанчем, ваятелем и придворным ювелиром.

— Что делает Адиширна-Гуанч? Как его Золотые Сады? Он успеет их закончить к празднику?

— Говорят, все готово. Он там, в садах.

— Я пойду посмотреть на его работу!

— Что ты, Сель!.. — замахала руками Ца. — Отец строго запретил входить в Золотые Сады, по-

---

* Женщины атлантов принимали участие в войнах, сражаясь наравне с мужчинами. — *Ларисон.*

ка они не будут окончены. Завтра их откроют, тогда смотри сколько хочешь!

— Я потихоньку!.. У меня есть ключ.

— Ни один ключ не подходит к замкам, открывающим Золотые Сады.

— А мой подойдет!

Ца подозрительно посмотрела на свою воспитанницу.

— Откуда он у тебя?.. Уж не сам ли Адиширна-Гуанч преподнес его тебе?

— А хоть бы и так! — и, рассмеявшись, Сель обняла Ца. — Идем со мной, моя старушка...

Ца была обезоружена лаской своей любимицы.

— А вдруг отец придет туда и застанет тебя?

— Он сейчас занят своими государственными делами. Вот что: пройдем к нему и посмотрим, что он делает. Если у него с докладом Шишен-Итца, то можно бродить безопасно в Золотых Садах хоть до утра.

Ца неодобрительно покачала головой, но поплелась, ковыляя, за девушкой.

III. ГУАН-АТАГУЕРАГАН, ЦАРЬ АТЛАНТИДЫ

Царь занимался государственными делами в длинной узкой комнате без колонн. Стены были покрыты бронзовыми барельефами, изображавшими подвиги царей Атлантиды. Низ стен на высоте двадцати локтей был увешан цветными коврами с вытканными сценами из мифологии. Над самым потолком сквозь квадратные окна виднелось звездное небо. Другой ряд окон выходил во внутренние помещения дворца, на второй этаж. Сюда и забралась Сель со своей нянькой и заглянула вниз из-за шелковой занавески окна.

Гуан-Атагуераган сидел у узкой стены в конце коридорообразной комнаты на высоком троне из драгоценного дерева. Спинка трона украшалась золотым диском солнца. Львиные лапы, вырезанные из слоновой кости, поддерживали ножки трона.

По одну сторону стоял в длинной черной одежде один из жрецов — Вестник Солнца, — который совершал объезды владений Атлантиды.

По другую сторону — любимый жрец царя — Шишен-Итца.

У трона на разостланной по мозаичному полу шкуре пещерного медведя лежал на животе рабскорописец.

Перед ним стоял небольшой пюпитр с листами папируса, тушью и кисточкой.

Царь сидел, устремив неподвижный взор в пространство, и медленно диктовал:

— Пиши: «Я — царь, могучий, почитаемый, исполин, первый, сильный, отважный, лев и богатырь Гуан-Атагуераган, могущественный царь, владыка Атлантиды. Я — непреодолимое оружие, разрушитель городов, попиратель врагов, царю Уруазала, поднявшему восстание против власти моей, — гнев мой падет на тебя.

Я воздвигну пирамиду из голов непокорных. С живого сдеру кожу твою и растяну ее на город-

ских воротах, как охотник растягивает шкуры затравленных зверей. Я воздвигну столб перед воротами города, со всех бунтовавших вельмож я сдеру кожу и этими кожами обтяну тот столб, как сделал это Мушизимбардуне. Иных я посажу на

колья вверху столба, а еще иных на колья, расставленные вокруг него. Я отрежу пленным ноги и сложу в кучи. Я отрежу уши, носы и руки. Подростков обоего пола я сожгу живьем.

И гнев мой постигнет тебя даже у края земли...»

— Перепиши приказ и поставь мою печать, — обратился он к Шишену.

— Пошли тысячу кораблей с Непобедимыми Легионами, — обернулся царь к Вестнику Солнца, — и пусть они не оставят камня на камне. Власть атлантов должна стоять незыблемо, как сама земля!

До сих пор это так и было. Бронзовое оружие, неисчислимый флот и расчетливая дальновидная политика подчинила атлантам все известные народы мира. Их власть, как бронзовое кольцо, опоя-

сала земной шар. Там, где трудно было достигнуть цели одной силой оружия, атланты пускали в ход политику. Пользуясь междоусобными войнами, они приходили на помощь одной из воюющих сторон, брали под свою защиту, побеждали врага и постепенно подчиняли своей воле оба враждующих государства. У атлантов завязались торговые сношения с отдаленнейшими государствами. Цивилизация атлантов, их архитектура, астрономия, медицина проникли во все страны мира. Изменяясь на новых местах, эта цивилизация все же сохраняла свои основные черты. Лишь тайны своей металлургической промышленности, секрет выработки бронзы, которой придавалась крепость стали, бережно хранились атлантами.

Восстания были редки. Но если они были, их подавляли с беспощадной жестокостью. Высота научных знаний касты жрецов и варварская пышность и жестокость правления уживались в Атлантиде.

Покончив с Вестником Солнца, царь обратился к Шишену-Итца:

— У тебя что?

— Трижды великий, могучий, непобедимый...

— Короче. Мы одни, и у меня немного времени до восхода солнца.

— Верховный Совет жрецов просит подтвердить на новый год прежний порядок взимания десятины в пользу храмов со всех государственных доходов.

— Довольно будет и пятой части. Жрецы скоро будут богаче меня.

— Но это вызовет недовольство и даже, может быть...

Царь нахмурил брови. Над его длинным носом легли две глубокие складки — признак сдерживаемого гнева.

— Что такое?.. Недовольство?.. Жрецы забываются. Они берут на себя слишком много. Они хотят управлять от моего имени. Я не могу потерпеть ограничения моей власти!.. На заседаниях Верховного Совета жрецы стараются подавить мой авторитет авторитетом своих знаний. А если я и настаи-

ваю на своем, они призывают авторитет божества. Воля богов для меня священна, но так ли интересуются боги нашими земными делами, как это представляют жрецы? Довольно! Я слишком долго терпел своеволие! Отныне в Совете вместо семи Верховных жрецов будет только три. Четыре места я отдаю военачальникам и лицам царствующего дома Посейдонисов. Заготовь приказ!

Шишен-Итца вытер ладонью выступивший на лбу холодный пот.

— Великий царь...

— Довольно слов! Я хочу быть великим на деле...

— Пусть гнев твой обрушится на меня, но это невозможно...

— Ну, теперь они не скоро кончат, — шепнула Сель и, дернув няньку за одежду, побежала по крутой малахитовой лестнице.

Нянька ковыляла вслед за нею, тряся старой головой.

— Быть беде... быть беде... Не может быть здорово тело, когда руки ссорятся с головой...

— Что ты ворчишь там?

— Нельзя обижать жрецов! Гнев богов страшнее царского гнева!

IV. АДИШИРНА-ГУАНЧ

Сель подошла к высокой золотой стене, ограждавшей Золотые Сады. У стены была низкая дверь. Вынув из-под плаща бронзовый ключ, Сель открыла замок, пружина которого издала мелодичный звон. Тяжелая дверь подалась с трудом.

— Идем!

Ца тяжко вздыхала и колебалась.

— Ну, оставайся здесь, если боишься. Я одна пойду! — решительно сказала Сель и проскользнула в полуоткрытую дверь.

Сгорбившись, кряхтя и мотая головой, старуха последовала за нею.

В проходе она зацепилась платьем за острый край золотого листа и изорвала платье.

— Не к добру это... не к добру, — ворчала она.

А Сель уже стояла на высокой площадке и смотрела как зачарованная на волшебную картину, расстилавшуюся перед нею.

Золотые Сады спускались широкими террасами. Каждая терраса сверкала в лунных лучах своими золотыми деревьями, листьями, плодами, феерическими цветами. Все это было вычеканено из золота и серебра. На цветах сидели бабочки, раскрыв свои крылья, на ветках — птицы; свернутые ужи, громадные ящерицы и улитки виднелись в золотой траве. Целые поля маиса были вычеканены из золота и серебра с волшебным искусством. По обе стороны дорожки, усыпанной золотым песком, дремали громадные золотые львы. Самый сильный ветер не мог поколебать ни одной ветки, ни одного листа в этом необычайном саду.

Сель долго не могла оторваться от этой картины...

Даже старуха Ца, забыв о своем неповиновении царскому слову, в восторге хлопнула кривыми, костлявыми пальцами по коленям и воскликнула:

— Вот так внук!

— Какой внук? — с недоумением спросила Сель.

— Адиширна, внук он мне...

— Я и не знала!.. Отчего же ты не говорила мне об этом?

— Мы люди маленькие, кому интересно наше родство? А только нельзя не похвалиться. Ведь этакие способности дали ему боги!.. Не всякому и жрецу в пору сделать такое... А так рабом и умрет... Что делать?.. Одному на роду написано царствовать, а другому — быть рабом... Каждому свое...

— Я и не знала, — сказала еще раз в задумчивости Сель. — Да... Одному царствовать, а другому быть рабом. Но боги или люди создали это разделение?..

Ца взмахнула руками.

Не дав ей ответить, Сель быстро заговорила:

— Слушай, Ца, ты ведь меня любишь?.. Ну, конечно! Я знаю. Не целуй край моего плаща. Так слушай, Ца: сиди вот здесь, на этом золотом льве,— не бойся, он не проснется и не тронет тебя. Сиди смирно и дожидайся меня. Я скоро вернусь... Я одна!..

Прежде чем Ца успела открыть рот, Сель уже бежала вниз по золотистой дорожке.

На второй террасе были видны люди в коротких одеждах рабов. Некоторые из них имели только повязку у бедер. Они возились около фонтанов.

Около группы склоненных рабов стоял стройный юноша в черной короткой рубахе, перетянутой широким кожаным поясом. Руки выше локтей и широкая грудь его были открыты. Густые вьющиеся волосы стянуты узким ремешком. Несмотря на этот простой костюм, юноша был прекрасен, как молодой бог.

Это был раб Адиширна-Гуанч, гениальный художник, скульптор и ювелир.

Сель подбежала к нему сзади и в смущении остановилась.

Рабы прервали работу и подняли головы. Адиширна повернулся и замер от удивления...

— Ты?!

— Я пришла посмотреть на работы, — сказала она. — Что ты тут делаешь?..

Чтобы скрыть смущение и радость, художник с жаром принялся объяснять:

— А вот посмотри. Струи фонтанов сделаны из бриллиантов. Мы сейчас оживим их!

Наклонившись к колодцу в земле, он крикнул на берберском наречии:

— Ширан, дай свет!

Фонтан осветился лучом света, идущим из-под земли. Свет переливался цветами радуги, скользил внутри бриллиантовых струй фонтана, и это создавало иллюзию струящейся воды.

Сель была по-детски восхищена.

— Да ты колдун, — сказала она, смеясь, и поправила красную розу на своей груди. — Покажи, что здесь есть еще интересного.

— Вон там пруд...

— Идем! — повелительно сказала она.

Сель и Адиширна отделились от рабов и подошли к уединенному пруду.

— Вода в нем сделана из горного хрусталя!

Адиширна наклонился к земле, повернул скрытый рычаг, и пруд осветился голубым светом.

Еще один поворот рычага, и в хрустальной глубине медленно поплыли золотые рыбки, шевеля плавниками и хвостиками.

— Колдун, колдун! — И, по-детски восхищенная, Сель захлопала в ладоши.

— Здесь нет колдовства, — сказал художник, и румянец удовольствия покрыл его смуглые щеки.— Законы механики, не больше! Все эти птицы, — и он махнул рукою по направлению веток с сидящими птицами, — могут петь и махать крыльями. Желаешь посмотреть?

— Нет, не надо... — сказала Сель и задумалась. — Скажи мне, Адиширна, как пришла тебе в голову мысль создать этот волшебный сад?

— Как пришла мне в голову эта мысль? — медленно проговорил художник, опуская голову.

Он что-то обдумывал и, казалось, колебался. Потом, решительным движением вскинув голову, он взглянул прямо в глаза Сель.

— Вот как... Для меня этот сад — символ.

— Что же он означает? — спросила Сель, несколько смущенная пристальным взглядом художника, но не опуская глаз.

— Посмотри на этот сад! — с воодушевлением начал художник. — Ты видишь в нем роскошные плоды, но не можешь насладиться их вкусом. Ты видишь диковинные цветы, но не можешь сорвать их. А если захочешь сделать это, они только больно уколют руки. Здесь все чарует глаз, и ничто не доступно для обладания... Жизнь — это тот же Золотой Сад...

Вздохнув, художник опустил голову и замолчал. Молчала и Сель.

Потом, подойдя к нему ближе, она спросила взволнованным, тихим голосом:

— Ты... ты хотел бы обладать всеми цветами мира?

— Только одним! — воскликнул художник, вновь окинув ее горячим взглядом.

— Каким же? — спросила Сель.

— Этот цветок ты! — страстно воскликнул юноша.

— Но ты забыл, что сад, в котором растет этот цветок, для тебя запретный, — лукаво смеясь, возразила Сель и, повернувшись, побежала к ждущей ее Ца.

V. ПРИ СВЕТЕ ЗВЕЗД

Синий купол звездного неба покрывал Атлантиду.

На вершине огромной пирамиды, у храма По-

сейдониса, жрец Эльзаир, астроном и астролог, наблюдал движение небесных светил.

На обширной площадке, мощенной шашками черных и белых мраморных плит, стояли различные астрономические инструменты из бронзы.

Астроном записывал на бронзовых пластинках свои наблюдения. Он макал стилос, сделанный из вещества, не растворяющегося в едких кислотах, в стеклянный сосуд в виде раскрытой пасти льва, и наносил на пластинку знаки, напоминающие ассирийскую клинопись. Кислота выедала на пластинках эти знаки неизгладимыми темными углублениями. Небольшая глиняная лампа, изображающая дельфина, с волокнистым фитилем, вставленным в масло, бросала слабый свет на полированные таблицы.

Жрец так был погружен в свое занятие, что не слыхал, как в люк, закрывавший вход на площадку, постучались.

Стук повторился.

— Кто там?

— Именем Солнца!

Жрец поднял люк, и на площадку вошли пять жрецов: Кунтинашар — архитектор и математик, Анугуан — историк, законовед и дипломат, Зануцирам — химик и инженер металлургической промышленности, Агушатца — врач и Нуги-Эстцак — философ и хранитель культа.

— Как твои наблюдения, Эльзаир? — спросил Кунтинашар.

Эльзаир развел руками.

— Или в моей голове, или в небе творится что-то неладное. Планеты сдвигаются со своих орбит, и даже все неподвижные звезды будто сдвинулись немного вправо с предначертанного им в вечности места... Смотри сам...

Кунтинашар подошел к инструментам, внимательно осмотрел их, произвел градусные измерения, проверил цифры таблиц и пожал плечами.

— Да, загадочное явление...

— Я сообщу об этом Ацро-Шану, хранителю

Высших Тайн. Если не сумеет и он объяснить, то одни боги знают, что творится в небесах!

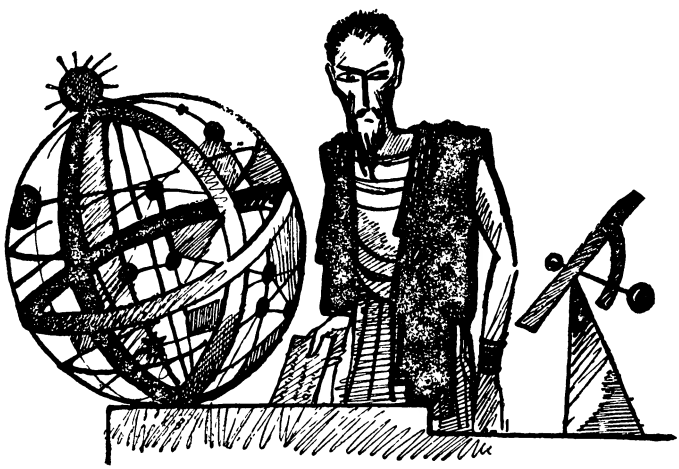
— Просматривал ли ты таблицы за прежние годы? — спросил историк Анугуан.

— Я просмотрел уже за четыре тысячи пятьсот лет. Ничего подобного в записях не встречается.

— Ну, вот что, — произнес Зануцирам, — вы, звездочеты и математики, интересуетесь только небом, а нам интересно то, что творится здесь, на земле. Нуги-Эстцак, посмотри, хорошо ли прикрыта подъемная дверь!

— Кого?.. — спросил рассеянно Нуги-Эстцак.

Философ не слышал вопроса. Мысли его были далеко.



Посмотрев на него и безнадежно махнув рукой, Зануцирам подошел к двери, поднял ее, убедился, что внизу никто не подслушивает, и, плотно закрыв, сказал вполголоса:

— Мы одни... Агушатца, скажи, что ты сегодня узнал во дворце?

Агушатца осмотрелся кругом, как бы не доверяя и этому уединенному месту, и так же тихо начал говорить:

— Плохие новости... Царь жаловался на боль

головного мускула *, и я был у него... Ничего серьезного.

— Ничего серьезного? Да, это плохие новости,— с иронией проговорил Зануцирам.

— Есть хуже, — продолжал Агушатца. — Возвращаясь из опочивальни царя, я встретил царского скорописца. И он успел шепнуть мне, что Гуан-Атагуераган уменьшил наши доходы наполовину и изменил не в нашу пользу состав Верховного Совета.

— Этого надо было ожидать...

— Так дальше продолжаться не может!

— Здесь нас пять из семи членов Верховного Совета. Великий Ацро-Шану, хранитель Высших Тайн, живет в тысячелетиях, — он выше наших забот. Шишен-Итца с тех пор, как царь пленился его дочерью и «породнился» с ним, взяв ее в свой гарем, готов лизать царские пятки. Только мы одни можем защитить интересы великой касты жрецов. Мы — соль Атлантиды. Мы — истинная сила ее. Мы храним знания, накопленные десятками тысячелетий.

— Так откажемся строить, откажемся лечить, выделывать бронзовое оружие и строить корабли,— и царь сразу почувствует, что значит ссориться со жрецами!

— Нож хочет перестать быть острым, а солнце горячим? — с улыбкой произнес архитектор Кунти-нашар. — Не забросят ли нож, и не разведут ли костры, если угаснет солнце, чтобы обогреться? Ты увлекаешься, Агушатца. Это опасный путь!.. А что, если обойдутся без нас? Посмотри на этого выскочку, раба Адиширну-Гуанча. Он не накоплял знания тысячелетиями, как наша каста, и он вырос в грязи, а сумел создать произведения, достойные богов. Он был и остался рабом, и тем не менее

---

* Не только на бронзовых таблицах атлантов, но на ассирийских клинописях, трактующих о болезнях, встречается это упоминание о «головном мускуле»; точно нам не удалось установить смысла этой фразы. — *Ларисон.*

мне, великому Кунтинашару, приходится завидовать этому мальчишке! Да, завидовать! Перед вами я не скрываю этого. Когда приезжают иноземцы, что поражает их больше всего? Не мой маяк, а его Бог Солнца, на чьей ладони мы помещаемся сейчас со всеми нашими храмами и пирамидами. «Кто создал это чудо?» — спрашивают иноземцы. Раб. Не я!.. Как это перенести? А среди этого сброда найдется не мало таких, как Адиширна. Мы держим их в полуживотном состоянии и этим охраняем наши законные права. Но что, если развяжут их скрытые силы?.. Твой план, Агушатца, никуда не годится...

— Но что же нам предпринять?..

— Надо убрать неугодного нам царя.

Эта мысль была у всех жрецов, но никто не осмеливался высказать ее первой.

И они сидели в выжидательном молчании.

— Ты философ, Нуги-Эстцак, — нарушил молчание жрец-архитектор, — скажи нам, что бы ты сделал, если бы камень преградил тебе дорогу?

— Чтобы решить эту задачу, не нужно быть философом, — простодушно ответил Нуги-Эстцак, — на это хватит ума и у раба. Я отбросил бы ногой камень в сторону...

Жрецы переглянулись и поняли друг друга.

— Да, но как это сделать?.. — задумчиво произнес архитектор.

— Вот как, — добросовестно показал философ, шаркнув своей сандалией по скользким плитам.

Жрецы улыбнулись.

— Если бы это было так просто! — произнес архитектор.

— А что этот... головной мускул, — обратился к Агушатце астроном, — чем его излечивают?

— Настой из двенадцати горных трав, собранных на заре в новолуние.

— Нет ли чего-нибудь покрепче? Да, покрепче! Чтобы сразу мускул этот самый головной...

— Есть, конечно. Но, может быть, ты сам подашь царю это питье «покрепче», Эльзаир? Первый

глоток он заставляет выпить раба, второй — меня, а потом пьет сам.

— Какое возмутительное недоверие к жрецам!..

— Бросим загадки, — сказал Кунтинашар, — Гуан-Атагуераган обречен нами на смерть!..

— История знает такие примеры, — воскликнул историк Анугуан, — 8 227 лет тому назад жрецами был убит царь Абунарцалаган, 5 016 лет тому назад был такой же случай цареубийства «для блага великой Атлантиды». Так и записано в летописи нашего тайного архива: «для блага великой Атлантиды».

— Но жрецам, — сказал Кунтинашар, — не следует принимать непосредственного участия. Надо создать дворцовый переворот. Пусть это будет делом рук брата царя — Келетцу-Ашинацака. Маленькому князьку Атцора * заманчиво сделаться властелином мира. Его не трудно будет убедить в том, что он законный наследник, неправильно устраненный от престола. За доказательствами дело не станет. Можно призвать на помощь магию и астрологию — это по твоей части, Эльзаир. Возведенный на престол с нашей помощью, он будет послушным орудием в наших руках. Воспользуемся его приездом на праздник Солнца и посвятим его в наш план.

— Этот план лучше других, — сказал Анугуан, толстенький старик с полузакрытыми глазами. — Но здесь есть одно препятствие: Келетцу-Ашинацак родился с сердцем овцы. Он вялый, нерешительный и боязливый. Едва ли нам удастся склонить его на такой поступок... Что ж, попробуем! А если не удастся, про запас у меня имеется план получше... Я имею сведения, что среди рабов...

В подъемную дверь кто-то сильно постучал три раза.

Жрецы переглянулись, быстро разошлись в раз-

---

* Атцор вместе с Атлантидой погибли на дне океана. На поверхности остались лишь вершины гор, составляющие теперь Азорские острова.

ные стороны и сделали вид, что углубились в астрономические наблюдения за звездами.

— Три стука... Царь... — шепнул Эльзаир и открыл люк. Вошел царь в сопровождении двух вооруженных белокурых телохранителей и жреца Шишена-Итца.

Царь подозрительно оглядел жрецов.

— Почти весь Верховный Совет совещается со звездами? — сказал царь, иронически улыбаясь.

— Великий царь! Звезды меркнут, когда восходит солнце! — певуче, на придворный манер, произнес Эльзаир.

— До зари еще далеко! — холодно отклонил царь льстивое приветствие Эльзаира. — Составь мне гороскоп на завтра. Мне хочется узнать, успешно ли пройдет завтрашнее празднество, на которое съехались все мои вассалы.

— Гороскоп составлен, трижды великий владыка. Звезды благоприятствуют тебе. Вот он: «Государю царю моему доношу я, Эльзаир, главный астроном города Посейдониса. Привет с пожеланием мира царю моему. Да будут милостивы боги к царю-государю моему. В шестой день месяца Ану приступили мы к наблюдению нашему, и видели мы...»

Царь слушал и исподлобья испытующе смотрел на присутствующих.

Лица жрецов были непроницаемы...

VI. ПРАЗДНИК СОЛНЦА

Ночь была на исходе. Воздух посвежел. Побледнели звезды. Потянуло предутренним ветерком. На огромной площадке, обрывающейся на востоке крутыми утесами к океану, при свете факелов служители храма спешно заканчивали убранство алтарей. Рабы снимали лестницы, веревки, брусья, окончив декоративные работы. Наконец все было готово.

Наступил великий годовой праздник Солнца.

К нему Посейдонис готовился целые месяцы. Это был не только религиозный праздник. Это была демонстрация, которая должна была показать всем приезжим подвластным царям и правителям великолепие, богатство и могущество метрополии.

С горы, от Священного Холма, по горной извилистой дороге показались огни, вытягиваясь и изгибаясь вдоль пути, как длинный светящийся змей. В тишине ночи послышались визгливые звуки флейт, громыхание бронзовых колесниц, тяжкие вздохи громадных слонов. Головная колонна уже входила на площадку, разливаясь по ней огнями факелов, а светящийся хвост процессии еще виднелся на Священном Холме.

Впереди шел отряд воинов, сверкавших бронзовым вооружением, за ним — жрецы в роскошных тяжелых одеяниях, усыпанных драгоценными камнями. На черных носилках, с золотыми дисками солнца по сторонам, четыре служителя храма несли самого Ацро-Шану — великого Верховного жреца, хранителя Высших Тайн, который один раз в год, в праздник Солнца, оставлял свой недоступный даже многим жрецам дворец у храма Посейдониса и являлся миру. Он считался самым старым человеком на земле. Одни определяли его возраст в двести лет, другие — еще более. Народ был уверен в его бессмертии.

Иссохшее, морщинистое лицо его напоминало мумию. Густая белая борода достигала колен. На этом безжизненном пергаментном лице большие, молодые, горящие как угли глаза производили жуткое впечатление.

Толпа невольно отхлынула. Многие рабы пали на колени.

Верховного жреца бережно усадили на высокий престол пред главным жертвенником. Остальные жрецы заняли свои места у жертвенников, расположенных полумесяцем, замыкавшим выступ площадки. В центре этого полумесяца стоял еще более высокий трон царя атлантов, на семидесяти двух постепенно суживающихся мраморных сту-

пенях. Вверху спинки трона был укреплен большой бронзовый диск солнца, поддерживаемый двумя переплетающимися бронзовыми змеями. Вокруг этого трона расположены были семьдесят два трона царей главнейших стран, подчиненных Атлантиде.

В шествии этих царей, окруженных придворной стражей, были представлены все окраски и оттенки человеческой кожи — от черной, как эбонит, кожи нубийцев до белой, как слоновая кость, северных галлов; все одежды, все разнообразие вооружения и украшений.

Когда прибывшие заняли свои места, все огни внезапно были погашены, как будто опустили темный занавес на весь этот пестрый, разноплеменный человеческий муравейник.

Только вверху мерцали побледневшие звезды.

Резко прозвучала большая бронзовая труба, и вдруг стало тихо. Если бы не пофыркивание коней и слонов да случайный лязг медного вооружения, от времени до времени нарушавшие тишину, можно было подумать, что вся громадная площадь пуста...

Среди этой жуткой тишины вдруг раздался голос жреца. Высоким тенором, надрывно, с переливами и неожиданными паузами, так же неожиданно прерываемыми вскриками, он пел об ужасах мрака, таящего в себе неведомые опасности, о страхе смерти, о тоске души, лишенной солнца...

Как бы в ответ на этот вопль раздался хор детских голосов. Хор пел однообразную, заунывную мелодию, а жрец покрывал ее своими плачущими переливами...

Вдруг, как будто из недр земли, послышался тихий хор басов. Он незаметно вплелся в хор детей, как шум прибоя.

Наконец тысячи бронзовых труб огромного органа, приводимого в движение паром, потрясли прибрежные скалы — и вдруг все сразу смолкло...

Резкий, неожиданный переход к полной тишине потряс толпу больше раскатов грома...

Нервы присутствовавших были напряжены до

последнего предела. Люди в толпе сдавливали руками грудь, будто им не хватало воздуха, падали на землю, некоторые рвали на себе волосы...

Но ритуал был построен искусной рукой. В этот самый последний, крайний, опасный предел первого напряжения, среди страшной тишины, которая, как обрушивавшаяся скала, придавила всех, послышался простой, спокойный, задушевный старческий голос Верховного жреца. Не пение, а молитва, похожая на простую беседу, полная тихой ласки и надежды.

— Бог Солнце, услышь наше моление и даруй страждущему, истомленному человечеству свой благостный свет...

К невидимому жрецу из толпы протягивались руки...

— Ты один — защитник наш...

— Спаситель...

— Заступник пред всемогущими богами... — слышались сдержанные, рыдающие выкрики из толпы.

Слабый голос Верховного жреца окреп. Он уже не молил, а почти приказывал богу:

— Озари благостным светом народ твой, трижды священный бог; теплом твоим, как покрывалом, покрой землю твою, да произрастит она плоды на потребность человеку. Дай лицезреть нам сияющий лик твой!..

Читая молитвы, жрец наблюдал за песочными часами. Они стояли на алтаре, скрытые от глаз толпы священными сосудами.

Восток заалел. Черная фигура жреца уже ясно выделялась на розовом фоне неба. И вдруг жрец протянул руку с жезлом и громким, повелительным голосом воскликнул:

— Явись!.. Явись!.. Явись!..

И, словно послушный его воле, из-за горизонта брызнул золотой луч, сверкнул край солнца, и оно поднялось, сияющее, над океаном и сразу залило своим светом площадку, загорелось на полированной бронзе воинов, засверкало на парче и

бриллиантах царей и жрецов и всю землю наполнило яркими красками. Будто только теперь из-под земли поднялись высокие мачты, увитые розами, арки из зелени и живых цветов, яркие флаги и пестрые ковры...

Весь океан, насколько мог охватить глаз, был покрыт разукрашенными пятипалубными кораблями неисчислимого флота атлантов...

«Да, могуч царь Атлантиды, и трудно бороться с ним», — невольно думали гости, глядя на усеянный судами океан.

Воины ударяли медными мечами о щиты, радостный крик понесся по океану навстречу солнцу...

Тысячеголосый хор запел гимн Солнцу — трижды священному богу, жизнеподателю, светлому, сильному, радость несущему.

Ритуал закончился обычными жертвоприношениями быков и тельцов. На пылающий жертвенный огонь были пролиты вино и масло.

От бронзовых курильниц прямыми столбами, розовыми в лучах восходящего солнца, поднимались еще клубы дыма душистых трав и смол, когда по трубному сигналу толпа всколыхнулась, чтобы идти на поле бога Войны, где предстоял парад войск.

Вторичный звук труб заставил толпу двинуться в путь.

Шествие растянулось лентой по прекрасной дороге, которыми славилась Атлантида.

Весь путь был усеян цветами и зелеными ветками.

Впереди шествия на высоком золотом шесте, увитом красными розами, сверкал диск солнца.

На повороте дороги, перед самой колесницей царя, вдруг выросла фигура старика.

На нем была одежда из разорванной шкуры козленка. Длинные, взлохмаченные седые волосы головы и борода покрывали его до пояса. На бронзовом от загара лице пылали большие умные глаза.

Старик властным движением руки остановил колесницу царя.

Стража бросилась к старику, но царь сделал жест рукой, и воины отошли в сторону.

Царь боялся и уважал старика На-Шана, пророка и прорицателя.

— Во что еще бить вас, — грозно закричал старик, — продолжающих ваши беззакония?.. Вся голова больна, и все сердце в скорби... От стопы ноги до головы нет ничего целого... Язвы, и багряные пятна, и гноящиеся раны, не очищенные от гноя, не перевязанные и не размягченные маслом...

Его голос перешел в истерический крик:

— Земля ваша пуста! Ваши города будут сожжены огнем и опустеют от безлюдья, и земля обратится в пустыню. Где была тысяча виноградных лоз, вырастет терновник и колючий кустарник, и во дворцах царей возрастет репейник и на укреплениях — терновник... Совы и демоны будут пере-

кликаться в развалинах... Вот грядет гнев бога, и огонь пожирающий поглотит вас... Горе, горе, горе!..

Толпа притихла в благоговейном ужасе. Царь слушал смущенный, стараясь сохранить вид невозмутимого величия.

«Неужели гнев богов, — думал царь, — обрушится на меня? В чем я согрешил перед ними?..»

И вдруг его взгляд встретился с устремленным на него взором жреца Кунтинашара. И взор показался царю полным укора и угрозы...

Их взгляды скрестились, как мечи...

VII. АКСА-ГУАМ-ИТЦА И АТА

У склона скалы прилепился маленький глинобитный домик с плоской крышей. Маленькое квадратное оконце не имело рамы; двери из тонких досок на ременных завесах, прибитых бронзовыми гвоздями, были открыты.

В тени дома сидела старуха и пряла. Космы седых волос падали ей на лицо, изборожденное глубокими морщинами, и она время от времени отводила костлявой рукой прядь волос от ввалившихся глаз. Ее длинный нос почти соединился с выдающимся острым подбородком.

Перед нею на земле сидела хорошенькая худенькая девочка. Перебирая грязными ручонками камешки, она смотрела в лицо старухи.

— Ну, дальше, бабушка!

— Дальше. Да... о чем я?.. — шамкала старуха, связывая порвавшуюся нить пряжи.

— О Золотом веке, — как же ты забыла, бабушка?

— Да, да... О Золотом веке... Ну вот, говорю я, давно, давно это было...

— И все было золотое?.. И хлеб золотой? И камни и яблоки?

— Время было золотое... Все люди жили счастливо, как боги на небе. Не было ни царей, ни ра-

бов, ни бедных, ни богатых. Бог Солнце грел, ласкал и баловал людей, как любимого первенца. Из зеленых ветвей люди делали себе пояса и венки на голову и так ходили, свободные и радостные, среди садов, которые круглый год давали им сладкие плоды. Чистые источники утоляли жажду. Люди рождались среди цветов, наслаждаясь жизнью до глубокой старости, и мирно засыпали вечным сном, окруженные детьми, внуками и правнуками. И смерть их была так же легка, проста и спокойна, как закат солнца...

— А потом?

— А потом люди согрешили, и боги прогневались на них.

— Чем они согрешили?

— Они захотели быть равными богам и все знать.

— И боги отняли у них этот Золотой век?

Послышались шаги.

К дому подходил Акса-Гуам-Итца, сын жреца Шишена-Итца. На нем была черная шелковая туника, расшитая по краям золотым узором; на ногах его были легкие светло-желтые сандалии. Он подхватил девочку на руки, и она, смеясь, вырывалась.

— Здравствуй, бабушка! — сказал Акса-Гуам, опуская девочку на землю. — Ата дома?

— На работе. Скоро придет.

— Даже сегодня на работе?

— Для нас нет праздников...

— А старик Гуамф?

— В доме.

Акса вошел в помещение. Все оно состояло из одной комнаты, чисто выбеленной известкой и перегороженной домотканой полотняной занавеской с вышитыми на ней мелкими цветами. Грубый деревянный стол, несколько скамеек и шкафчик с глиняной посудой составляли всю меблировку. В углу поместилась домашняя мельница для помола зерен: каменный куб и на нем каменный цилиндр с ручками. Рядом стояла высокая каменная ступа с пестом для выжимания масла. В другом

углу, на мраморном постаменте, стояла небольшая статуя Бога Солнца, прекрасная скульптура, сделанная еще в детстве Адиширной-Гуанчем.

Дед Гуамф, лысый, с седой бородой, сидел на лавке у окна и мастерил силки для птиц. При входе Акса-Гуама он поднялся и рукой приветствовал гостя.

— Сиди, сиди, дедушка Гуамф. С праздником! Что же ты не пошел на встречу Солнца?

— Куда уж мне! Там меня задавят, старика. Будет. Шесть десятков лет провести в сырых шахтах — это не шутка. А солнышко я и здесь встретил как полагается. Слава ему, оно не гнушается посылать свет свой и нам, бедным рабам...

— А Адиширна-Гуанч где?

— Все возится со своими Золотыми Садами.

— Говорят, он создал удивительные вещи.

— А какой для него из всего этого толк? Одно только, что плетьми не бьют. У меня вот они какие рубцы на спине от ременных семихвосток. А состарится он и тоже будет, как я, птиц силками ловить, чтобы прокормить себя.

— Послушай, Гуамф. Тебе не приходили в голову мысли, что могло бы быть иначе?

— Как иначе-то?

— Но ведь всякому терпению может быть конец. Вас миллионы...

— Вот куда ты гнешь! Бунтовать? Пробовали. И бунтовали. Только что же из этого вышло? У нас кирки да лопаты, а у них мечи, острые копья...

— А если бы...

Гуамф неожиданно вспылил.

— Если бы... Если бы... Оставь! Не ковыряйся в старых ранах! Пусть грызут привычной болью...

Акса-Гуам опустил голову и задумался.

— Ну, однако, пойду я, — сказал он, поднимаясь. — Я, вероятно, встречу Ату на дороге... Прощай, старик!

— Да хранит тебя пресветлый бог!..

Не успел Акса-Гуам выйти из дома, как услышал на дворе чужие голоса и остановился. Выгля-

нув из окна, он увидел, что во двор вошли два человека в одеждах служителей храма. Акса-Гуам не хотел, чтобы они видели его здесь.

— Повивальная бабка Цальна здесь живет? — спросили они.

— Здесь, — отвечала Цальна, в испуге роняя веретено. — Я Цальна.

— Именем Солнца приказываю тебе явиться сегодня после захода солнца к воротам священного храма. Мы встретим тебя там и проведем дальше.

— Слушаю... — Цальна низко поклонилась. — Роды, осмелюсь спросить?

— Там узнаешь!

Служители храма удалились.

Акса-Гуам вышел из дома и пошел по белой, сверкающей на солнце дороге. Палящий зной умерялся тенью финиковых пальм и платанов.

По правой, надгорной, стороне лежали шахты, где добывали руду.

Слева, до самых берегов океана, насколько хватает глаз, раскинулись рабочие поселки. Жалкие глинобитные сакли прижимались друг к другу, как испуганное стадо.

В грязи маленьких двориков катались черномазые голые дети.

В шахтах, несмотря на праздничный день, шли работы.

Акса-Гуам спустился в одну из шахт.

Его жреческая черная одежда с вышитым золотом диском на груди служила ему пропуском.

Надсмотрщик склонил голову и протянул к нему руку в знак почтения.

Акса-Гуам небрежно кивнул головой и углубился в лабиринт шахт. Своды шахт были укреплены толстыми, покосившимися бревнами. Кое-где мерцали небольшие масляные светильники. Было душно и жарко.

Выходящие газы не раз взрывались в этих шахтах от пламени светильников. Нередко происходили и обвалы. Рабочие гибли сотнями, но на это мало обращалось внимания: в них недостатка не было.

Если руда была богатая, на месте обвала производили раскопки. Заживо погребенные рабочие выходили тогда из своих могил. Но если пласт руды был тонок или обвал требовал слишком много времени на восстановление шахты, она просто забрасывалась с зарытыми рабами, а шахта прокладывалась в другом месте.

Чем дальше пробирался Акса-Гуам, тем у́же и ниже становилась шахта. Приходилось идти согнувшись.

Навстречу ему ползли на четвереньках рабы, впряженные в бронзовые корытца, наполненные рудой.

Некоторым из них Акса-Гуам кивал головой и тихо говорил:

— После вечерней смены... в старых шахтах...

Шахта сузилась еще больше.

Здесь, лежа на боку, забойщики рубили рудоносную почву бронзовыми кирками.

Нагнувшись к одному из забойщиков, Акса-Гуам шепнул ему:

— Скажи своим... сегодня после вечерней смены, в старых шахтах...

— Будем, — ответил забойщик и отер с лица обильные струи пота, застилавшие глаза.

Акса-Гуам вышел из шахты и вздохнул всей грудью.

Дальше шли поля, где месяцами обжигалась руда. Целые пирамиды ее высились кругом, курясь дымом. Под ними рабы день и ночь поддерживали пламя.

Акса-Гуам бросил им ту же фразу и пошел дальше.

Солнце жгло все сильнее. Дорога стрелой протянулась между курящимися пирамидами. Здесь было тяжело дышать, и Акса-Гуам, несмотря на усталость, ускорил шаги.

Груды обжигаемой руды кончились. Начинались поля, где руду дробили и просеивали сквозь бронзовые сита.

Еще дальше потянулись каменные ограды, над

которыми поднимались густые клубы дыма. Здесь помещались плавильные печи.

Рядом высилась еще более высокая стена, окружавшая целый город, где очищенные руды меди и олова превращались в сплав бронзы. Здесь же изготовлялось бронзовое оружие. Сюда никто не имел доступа, кроме жрецов, наблюдавших за работами. Рабы жили при заводах и не выпускались за ограду стены, которая охранялась стражей.

Ата работала у плавильных печей, перетаскивая в узкой корзине на спине шлак.

Акса-Гуам остановился у ворот. В ворота беспрерывной вереницей въезжали повозки с рудой, обратно — порожние. Рабы хлестали ослов, над-

смотрщики — рабов. Полна движения была и дорога. Беспрерывным потоком двигались нагруженные поклажей ослы, лошади, верблюды и слоны. Свист плетей сливался с ревом животных и короткими выкриками рабов.

Женщины несли за спиной, в плетеных корзинках, детей.

За стеной прозвучала бронзовая труба, и рабы начали выходить из ворот.

Акса-Гуам стал в стороне на груде шлака.

— Ата!..

Одна из рабынь обернулась.

Черные удлиненные глаза ее сверкнули радостью.

Акса-Гуам повернулся и пошел вверх от дороги, по горной тропинке.

Ата, сестра Адиширны-Гуанча, последовала за ним на некотором расстоянии.

Вслед ей пронеслось несколько шуток и замечаний из толпы рабов:

— Бегай, бегай за ним! Он тебя в жены возьмет — во дворце жить будешь!

— Мало им гаремов своих. За рабынями таскаются! Тьфу! — со злобой произнес чернокожий раб и погрозил кулаком вслед удалявшейся паре.

Ата догнала Акса-Гуама за поворотом тропинки, скрывшей их от большой дороги.

Акса-Гуам протянул руки к Ате.

— Не бери моих рук, они грязны от работы... Я сейчас вымоюсь в ручье, — сказала она с краской смущения на лице.

Акса-Гуам взял ее за плечи и поцеловал в лоб.

— Что же ты не на празднике? — сказала Ата, плескаясь у горного ручья.

Позолоченные солнцем брызги падали на ее смуглую кожу. С непроизвольной грацией она вытянула руки навстречу падающей сверху хрустально чистой струе.

Акса-Гуам залюбовался ею.

Она была так же хорошо сложена, как Адиширна-Гуанч. В такой же короткой черной рубахе, перетянутой ременным поясом, она казалась его младшим братом. Только тяжелая коса, закрученная на затылке, удлинявшая еще больше ее удлиненный череп атлантов, да контуры девичьей груди говорили о том, что она не мальчик. Кончив умываться, она сорвала дикий шиповник и приколола к волосам.

— Ну, вот... — и она сама протянула Акса-Гуаму руку.

Акса-Гуам горячо пожал ее, и рука об руку они углубились в густую тень лавровой рощи, к тому месту, где из расщелины скалы ниспадал горный ручей.

Они сели.

Воздух был наполнен запахом полыни, горьких горных трав. Откуда-то тянуло ароматом цветущих апельсиновых деревьев.

Снизу, с дороги, доносился разноголосый шум.

Дальше виднелась полоса океана, греющегося в лучах полуденного солнца.

Высоко над ними лежало поле бога Войны.

Временами оттуда доносились громовые раскаты бронзовых труб и крики толпы.

Но в роще было тихо. Только звенящий многоголосый хор цикад стоял в воздухе... Однообразный, он сам сливался с тишиной. Это была звенящая тишина.

— Почему ты не на празднике? — с лукавой улыбкой повторила свой вопрос Ата. Она держала в руках сорванную ветку лавра и медленно обрывала листья.

— Оттого, что я здесь! — с такой же улыбкой произнес Акса-Гуам.

— А вдруг там заметят твое отсутствие?

— Ну что же! Отец посердится, тем дело и кончится. Довольно того, что я был на встрече Солнца. И в конце концов все это очень скучно. Наши войска будут ослеплять глаза иноземных гостей своей полированной бронзой, трубы будут так реветь, что лошади станут взвиваться на дыбы и падать на колени. Конечно, это величественное зрелище, но я видал его уже много раз. На свете есть более интересные вещи!.. — и он с ласковой улыбкой взглянул на нее.

— А потом? — спросила Ата, опуская длинные густые ресницы, от которых под ее глазами ложились синие тени. — Что будет дальше?

— Потом будут военные игры. Затем уже при свете факелов состоится церемония подношения подарков. Это интереснее. Белолицые люди в меховых одеждах, говорят, привезли из гиперборейских стран живого белого медведя и какого-то диковинного зверя вроде рыбы, с круглой головой и сильными плавниками. Говорят, они водятся на краю света, где вода от холода становится твердая, как хрусталь.

Ата слушала с детским любопытством, широко открыв глаза.

— Где же эти животные?

— Они подохли от жары...

— Бедные звери!.. Ну, что же будет потом?

— Потом наш царь будет одаривать гостей тканями, редкими благовониями из душистых смол, корней и сока цветов, винами, золотом, камнями — всем, чем только богата наша страна, только не бронзовым оружием...

— А твоя сестра тоже на празднике? Ведь она теперь царица? — задала Ата неожиданный вопрос.

Акса-Гуам нахмурился.

— Нет, она не царица. Она будет в царском гареме. Отец, Шишен-Итца, в восторге от этой «чести»... Бедная сестра моя... Как она рыдала! Она ненавидит царя... Но я не допущу этого!.. — Акса-Гуам потряс сжатым кулаком. — Ну, довольно об этом. Скажи и ты что-нибудь мне про себя... Почему тебя поставили на эту тяжелую работу? Я уже не раз задавал тебе этот вопрос.

— Оставь, не все ли равно!

— Нет, на этот раз ты не уклонишься от ответа! Иначе я расправлюсь с тобой, как с рабыней!

И, взяв у нее ветку лавра, он шутя стал бить ее по плечу.

— Говори же, говори!

— Ну, слушай, если ты уж так настаиваешь. Я служила в доме жреца Кунтинашара. Однажды вечером, когда я ставила ему на ночь прохладное питье, он сказал мне:

«Ты нравишься мне, Ата. Я хочу иметь тебя в своем гареме».

«А ты не нравишься мне, Кунтинашар, и я не хочу быть в твоем гареме», — отвечала я.

— Так и сказала?! — восхищенно воскликнул Акса-Гуам, хлопая в ладоши.

— Так и сказала.

— Ну, а он что?

— Он улыбнулся, считая это ответом девочки, которая говорит, не обдумывая своих слов.

«Не забывай, что ты раба, а я господин твой. Иди ко мне!»

Я стояла неподвижно.

Он поднялся и пошел ко мне.

Тогда я одним прыжком уклонилась от него и схватила короткий меч, лежавший у его изголовья.

Он испугался и страшно рассердился.

«Змея!» — прохрипел он и вызвал раба, дежурившего за дверью.

«Отправить ее немедленно на тяжелую работу в Черный город...» Вот и все...

— Какая смелость! — воскликнул Акса-Гуам.— Он мог тут же убить тебя этим же мечом.

И, улыбнувшись, он прибавил:

— Да, не везет Кунтинашару. Твой брат заставляет зеленеть его от зависти, а ты... Но слушай, Ата! Так дальше продолжаться не может. Надо изменить все это. Ты знаешь, что я люблю тебя, и для меня ты не рабыня. Отец никогда не согласится на наш брак, это противно законам. Но мы изменим законы. Мы всю Атлантиду перепашем бронзовым плугом!..

— Я знаю, что никогда не буду твоей женой. Эта мысль мне и не приходила в голову. Мне довольно твоей любви.

— Но я хочу, чтобы ты была моей женой. И не только это. Любовь к тебе мне открыла глаза на ужас рабства, несчастная судьба моей сестры — на ужас царского самовластья. И я увидел целый океан страдания рабов... Их заглушенные стенания преследуют меня, отравляют мне жизнь. Мне кажется, что в каждом из них стонет твоя душа. Освободить их, освободить тебя — вот что хочу я...

Ата смотрела на него широко открытыми глазами, в них светился ужас.

Но Акса-Гуам уже не видел ее. Он говорил, как в бреду:

— Я говорил с Адиширной, предлагая ему примкнуть к готовящемуся восстанию рабов. Он витает в грезах, он слишком художник, чтобы много думать об этом. Но и он примкнет к нам, ты увидишь. Его помощь необходима. Среди рабов уже давно идет брожение... Я стану во главе восстания. Я сам поведу их на Священный Холм. Мы овладеем арсеналами и скрестим мечи с воинами царя. И мы победим их, потому что с нами правда!

В этот самый момент легкий волнообразный подземный толчок колыхнул землю.

Ата покачнулась и побледнела.

— Что это?..

— Мы не оставим камня на камне! А потом мы создадим новую, свободную Атлантиду, где не бу-

дет ни рабов, ни царей, а только радость свободного труда. И настанет вновь Золотой век!

Второй, более сильный толчок заставил Акса-Гуама вернуться к действительности. Колыхнулись листья деревьев. Небольшой камень, лежавший у самого края утеса, сорвался и покатился вниз, ударяясь о камни с постепенно замирающим цоканьем.

— Что-то эти колебания почвы стали повторяться все чаще!

Увидев бледное от испуга лицо Аты, он шуткой постарался успокоить ее.

— Видишь, Ата, сама земля содрогается от преступлений жрецов и царя!

Но Ата не улыбнулась.

Она с тоской посмотрела на Акса-Гуама и тихо прошептала:

— Не делай этого!

— Ты боишься?

— За тебя...

— Ты будешь с нами, Ата?

— Я умру за тебя...

VIII. В МАГИЧЕСКОМ КРУГЕ

В комнате уже находились жрецы: Кунтинашар, Зануцирам, Анугуан, Агушатца и Нуги-Эстцак.

— Вот и Эльзаир, — сказал Кунтинашар. — Нет только Келетцу-Ашинацака.

— По обыкновению колеблется. Мы нарочно назначили это свидание в полдень, когда царь и весь его двор засыпают. Но Келетцу-Ашинацак придет за гороскопом, который я составил для него, — сказал Эльзаир.

— Его звезда, конечно, восходит?

— Так же верно, как то, что звезда царя Гуана-Атагуерагана заходит.

— Хорошо уметь повелевать звездами! — с улыбкой сказал Кунтинашар.

— Не смейся! Звезды не лгут, — обиделся астролог.

— Еще бы звезды лгали! Лгут только люди!.. Но не будем препираться. Анугуан, ты хорошо подготовил старуху?

— Цальна угадывает с полуслова. Хитрая старушонка! Надо ей бросить пару солнечных дисков *. Пусть они погреют ее старые кости.

Дверь открылась, и в комнату вошел брат царя Атлантиды — Келетцу-Ашинацак, царь Атцора, в сопровождении жреца Шитца.

Жрецы встали и подняли руки в знак благословения и приветствия.

— Да будет свет твоего величия с нами, — сказал Кунтинашар.

— Привет вам. Ну, как мой гороскоп, Эльзаир? Хорошо? Все благополучно?

У Келетцу-Ашинацака были близорукие глаза, которыми он пристально смотрел, закинув несколько голову. Его маленькие сухие ручки были в беспрерывном движении. Он суетливо теребил пальцами рыжеватую бороду. Только при торжественных выходах он сдерживал эти невольные суетливые движения, не приличествующие царскому величию.

— Слава Солнцу! Великий царь, твой гороскоп прекрасен! Звезды благоприятствуют тебе. Позволь мне прочесть.

И Эльзаир начал нараспев:

— Великому и славному, могущественному властелину Атцора...

— Не надо, не надо... — замахал Келетцу сухими ручками, — главное!.. Да... главное говори... и своими словами... да...

— Твоя звезда, великий царь, в своем восходящем течении горела ярче всех и пересекла путь звезды трижды великого царя Атлантиды Гуана-Атагуерагана, и лучи его звезды померкли в лучах звезды властелина Атцора.

---

* На монетах атлантов изображались: на одной стороне диск солнца, а на другой — голова царя. Поэтому атланты называли иногда золотую монету «солнечный диск». — *Ларисон.*

Келетцу-Ашинацак был взволнован, обрадован и испуган.

— Что же это значит? Что это значит? — спросил он, обводя жрецов пристальным взглядом сощуренных, близоруких глаз и усиленно теребя рыжеватую бороду.

— Великий царь! — выступил жрец Анугуан. — Чтобы ответить тебе на этот вопрос, я изучил все бронзовые таблицы государственного архива со дня твоего рождения. И вот что узнал я: законный царь Атлантиды — ты.

— Я?.. Вот как! Но я младший! Хотя мы родились двойней!..

— Ты — старший, великий царь! Об этом говорят не только наши таблицы!

Анугуан подошел к стене, открыл потайную дверь и впустил Цальну.

— Вот повивальная бабка, которая принимала тебя и твоего царственного брата. Говори, старуха, кто родился первым: царь Келетцу-Ашинацак или Гуан-Атагуераган?

— Первым родился царь Келетцу-Ашинацак. Я хорошо заметила у первенца большую родинку на правом плече...

— Родинку?.. Да, у меня есть большая родинка на плече.

— Потом родился Гуан-Атагуераган. Когда младенцев омыли и показали родителю, трижды великому царю Атагуераган-Кукулькану, то он сказал, указывая на Гуана:

«Вот первенец и наследник мой!»

— Но почему же? Почему?.. — обиженно воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Не гневайся, великий царь! Твоему родителю не понравился цвет волос на твоей голове. И еще: лицом ты был похож на овцу... И потом: ты родился слабенький, и отец боялся, что ты можешь умереть или будешь хилым царем...

— Хилым царем? Да? Так и сказал?

— Или хилым мужем, — я уж точно не помню...

— Ты больше не нужна, Цальна, — сказал Кунтинашар.

И Цальна, низко кланяясь, удалилась.

Жрецы выжидательно молчали. Келетцу-Ашинацак сидел озадаченный, теребя свою бородку. Наконец Анугуан нарушил молчание.

— Великий царь! Я хранитель законов. И я считаю, что во имя святости закона ты должен быть восстановлен в своих правах!

В близоруких глазках Келетцу вспыхнула радость, но он испуганно замахал ручками.

— Что ты!.. Что ты!.. А как же брат?

— Мы предложим ему уступить место добровольно. Если же он не согласится, то...

— Конечно, не согласится! Конечно! Столько лет царствовал — и вдруг...

— Если не согласится, то у тебя есть армия и флот. Часть войск и военачальников Гуана-Атагуерагана недовольна им. Среди подвластных Атлантиде царей ты всегда можешь найти союзников. Мы с тобой. Тебе нужно лишь одно: заявить о своих правах. Остальное сделаем мы... с тобой и от твоего имени.

— Я не знаю... Это так неожиданно...

— Твои колебания понятны, великий царь, — сказал Эльзаир. — Родственные чувства... любовь к брату... Но наш земной путь предначертан на небесах. Если ты еще сомневаешься, то мы сделаем вот что. Данной мне богами властью я вызову тень твоего отца. Пусть он сам решит судьбу престола.

— Тень отца? — с испугом и интересом воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Да, тень отца!

И, отворив скрытую в стене дверь, Эльзаир повелительно сказал:

— Войди!

Келетцу-Ашинацак нерешительно вошел. Жрецы последовали за ним.

Совершенно круглая комната, окрашенная в голубой цвет, с куполообразным потолком, напоминала небесное полушарие. Сходство дополняли

разбросанные по куполу золотые звезды. В центре мозаичного пола из синих камней был выложен геометрически правильный круг со вписанным в нем пентаклем. Посреди круга возвышался узкий бронзовый трон, с диском солнца на верху спинки. По сторонам трона стояли два высоких бронзовых светильника в виде трех перевитых змей. Их загнутые хвосты служили ножками. Три золотые головки, с изумрудными глазами и открытыми, как для укуса, ртами, склонились над пламенем.

— Садись! — так же повелительно сказал Эльзаир.

Келетцу-Ашинацак боязливо переступил черту круга и взобрался по ступенькам на трон.

— Сейчас разорвется завеса времени!..

И Эльзаир, подняв руку, стал торжественно и протяжно произносить заклинания:

АЦАН, ЦИТА, АТИЦ, НАЦА.

При каждом его слове пламя светильников меркло и, наконец, совсем погасло. Комната погрузилась в непроницаемый мрак.

У Келетцу-Ашинацака от нервного напряжения зазвенело в ушах и перед глазами пошли зеленые круги.

Наступило томительное молчание.

Вдруг вдали послышались нежные звуки флейты. В тот же момент на стене появилась змейка голубоватого света. Световая змейка беспрерывно двигалась, то разгораясь, то бледнея. Ее движения и сила света были неразрывно связаны со звуками флейты. Мелодия звучала быстрее и сильнее — быстрее извивалась и ярче светилась змейка. Звуки замедлялись и затихали — бледнел и замедлялся в своем движении свет; однообразная мелодия состояла всего из пяти повторяющихся нот.

Эта однообразная музыка и игра света гипнотизировали Келетцу. Он никак не мог понять, видит ли он светящиеся звуки, или слышит игру света.

Одновременно присоединилась вторая световая змейка и вторая флейта. Потом третья, четвертая, звуки и световые змейки догоняли друг друга, сплe-

тались, расходились. Постепенно из отдельных змеек образовался светящийся круг. Тогда движение змеек прекратилось, умолкли и звуки флейты. Круг горел ровным фосфорическим светом. Он стал углубляться и превратился в круглое окно, за которым было пустое пространство, наполненное легким туманом.

Перед пораженным Келетцу-Ашинацаком предстала, как ему показалось, тень его отца. Тень подняла руку по направлению к Келетцу, и в комнате ясно прозвучал голос:

— Келетцу-Ашинацак! Трон Атлантиды ждет тебя...

Все погрузилось во тьму.

Келетцу вскрикнул и потерял сознание.

Жрецы вынесли его в первую комнату и привели в чувство.

— Трижды великий царь Атлантиды! — торжественно обратился к нему Кунтинашар.

— Я еще не царь Атлантиды... — слабо произнес Келетцу с блуждающим взором.

— Для нас ты уже царь. Тень отца твоего возвела тебя на престол!..

— Да, но тень отца сказала: «Трон ждет тебя...» Может быть, по смерти брата?..

Кунтинашар бросил раздосадованный взгляд на Эльзаира.

— Ответ твоего отца совершенно ясен: «Трон ждет тебя». Значит, нельзя медлить, — сказал Эльзаир.

— Да, да... Хорошо. Я подумаю... Я слишком устал. Я дам ответ... да... Шитца, проводи меня.

И Келетцу-Ашинацак, опираясь на руку жреца, удалился.

— Не мог ты заставить эту тень говорить иначе! «Трон ждет тебя». Сказал бы: «Келетцу! Я приказываю тебе силой отнять трон у Гуана. Ты законный наследник престола», или что-нибудь в этом роде, — сердился Кунтинашар. — Удивительная у вас, магов, привычка говорить туманно, загадками. Вот и перетуманил!

— Кто ж его знал!.. — смущенно проговорил Эльзаир. — Ему все разжевать и в рот положить надо...

— А царек ничего... подходящий был бы царек, — сказал Зануцирам. — Очень удобный!..

— Удобный, когда будет царем. А посадить-то его как?

— Надо начать с другого конца, — сказал Анугуан. — Мне известно, да теперь и вам известно, что готовится восстание рабов. Во главе стоит Акса-Гуам-Итца, сын Шишена-Итца — верного царского пса! То-то молодость! Увлекся, говорят, какой-то рабыней и теперь всю Атлантиду перевернуть хочет! Вот этого-то Акса-Гуама мы и используем. Если восстание направить умелой рукой, они мо-

гут убить Гуана-Атагуерагана. Нам это и нужно. С рабами же скоро расправимся и на престол возведем эту атцорскую овечку — Келетцу. И мы будем неограниченными правителями Атлантиды. А сорвется восстание и уцелеет голова Гуана-Ата-

гуерагана — слетит голова Акса-Гуама, да и его отцу несдобровать. Мы же останемся в стороне.

— Вот истинный дипломат Атлантиды! Хранитель законов, поддерживающий восстание рабов! — со смехом сказал Кунтинашар.

Легкий волнообразный подземный толчок отбросил всех влево. Где-то зашуршала обвалившаяся штукатурка.

— Эти подземные толчки начинают беспокоить меня!

— Пустяки! — беспечно сказал Кунтинашар.

— Но не всегда дело кончается пустяками, — возразил Анугуан. — Наши таблицы повествуют о нескольких ужасных землетрясениях и извержениях вулканов. Вот эта самая пирамида, которая крепче скалы, дала три тысячи семьсот лет тому назад громадную трещину, и ее пришлось перекладывать. Что же было тогда с дворцами и храмами?

— Ты собираешься жить три тысячи лет, Анугуан? Я думаю, на наш век хватит! А там... Пусть хоть все пирамиды лопаются, как скорлупа печеных яиц!

Сладко зевнув, он прибавил:

— Однако пора и на покой!

IX. ЗМЕЕНЫШ

— Кончено!

Адиширна-Гуанч положил бронзовое зубило и молоток, отошел от статуи и окинул ее взглядом.

Перед ним, как живая, стояла Сель в короткой легкой тунике, с копьем в правой руке, приготовленным для метанья. Вся фигура дышала порывом. Правая нога выдвинута вперед и согнута в колене. Левой рукой, на ремешке, она сдерживала пару остромордых, поджарых собак с напряженными мускулами. Волосы Сель были плотно обтянуты лентой, сколотой впереди булавкой в виде полумесяца. Этот полумесяц символически изображал ее имя *.

Адиширна залюбовался своим произведением. Такой он увидел Сель в первый раз на охоте, в лесу.

Большая луна уже поднялась над океаном. Лунный луч скользил по мраморному лицу статуи, и Адиширне показалось, что Сель улыбнулась ему.

В порыве любви он подошел к статуе и поцеловал ее в холодные мраморные губы.

— Кхе, кхе, кхе... боги святые, он с ума сошел...

Адиширна в смущении отпрянул от статуи и

---

* Сель на языке атлантов означает луна. — *Ларисон.*

обернулся. Перед ним стояла нянька царевны Сель — бабушка Гу-Шир-Ца.

— Что случилось? Говори скорее!

Ца стала рыться непослушными, старческими руками в складках своей одежды, причитая и охая; наконец извлекла свернутый кусок материи и подала Адиширне.

— На вот... читай...

Адиширна вырвал из рук Ца кусок материи, раскрыл и в волнении начал читать при свете луны. Потом он вскрикнул, засунул послание за пазуху и быстро убежал. Адиширна-Гуанч мчался по широким улицам к Священному Холму.

Жители Атлантиды наслаждались прохладой ночи. Из темной зелени садов неслись звуки песен, флейт и воркование китцар *. Дома были освещены. Отдернутые занавеси меж колонн открывали для глаза внутренние помещения. Атланты возлежали у столов, увитых розами и уставленных блюдами и чашами. Рабы наливали вино в чаши тонкой рубиновой струей, высоко поднимая узкие, длинные амфоры. Слышались шутки и смех.

— ...Ты мало пьешь, оттого и боишься землетрясений, — услышал Адиширна отрывок фразы. — Пей больше, и ты привыкнешь к колебаниям почвы. Земля пьяна и шатается. Будем пить и мы. Раб, вина!..

Адиширна продолжал быстро идти. В густой тени лавровой рощи зазвучала веселая песня. Чей-то женский голос пел:

Атлантида тихо дремлет
В голубых лучах луны...
Как луна целует землю,
Поцелуй меня и ты!

Мужской голос отвечал:

Пусть зажгутся страстью очи!
Поцелуями, любовью,
Виноградной, сладкой кровью
Мы наполним чашу ночи!

---

* Китцара — музыкальный инструмент, напоминающий греческую кифару. — *Ларисон.*

Оба голоса слились в дуэт:

Будь что будет! Не печалься!
Ярко светит нам луна...
Песни пой и обнимайся,
Чашу ночи пей до дна!

Раздался смех и звук поцелуя.

Адиширна взошел на подъемный мост у Священного Холма.

— Кто идет? — окликнул воин.

— Адиширна, раб. Меня вызвали во дворец Шишен-Итца починить трубы в ванной комнате.

Адиширна-Гуанч, гениальный скульптор и ювелир, которые родятся один раз в тысячелетие, принужден был исполнять по требованию жрецов и царя самые различные работы, вплоть до починки водопроводов и дверных замков. Адиширну знали на Священном Холме, и он беспрепятственно переступил запретную черту.

На Холме не было такого оживления, как в самом городе. Дворцы стояли особняком, окруженные высокими стенами.

Адиширна свернул на боковую дорогу, густо обсаженную кипарисами. Кипарисы стояли сплошной стеной, и здесь было почти темно. Пахло смолистой хвоей. Впереди послышался треск песка под чьими-то сандалиями. Адиширна спрятался меж кипарисов.

Медленной походкой, напевая под нос песню, прошел один из сторожей. Когда его шаги замолкли вдали, Адиширна отправился дальше. В конце аллеи светились огни дворца. Адиширна пробрался через чащу кипарисов и стал в обход приближаться ко дворцу. Занавесы между колоннами были опущены. За ними слышались голоса. На площадке перед дворцом, у одной из колонн, укрывшись за кустом олеандра, стоял раб Куацром, слуга в доме жреца Шишен-Итца, и подслушивал.

Адиширна подошел к нему и тихо спросил:

— Где Акса-Гуам?

Куацром махнул на него, приложил ладонь к своему рту в знак молчания и показал на занавес.

Адиширна прислушался к голосам. Говорили жрец Шишен-Итца и его жена.

— Позор! Позор! Проклятие на твою голову! Ты родила и вскормила своей грудью змееныша! Акса, мой сын, — изменник и предатель!.. Он замышляет цареубийство. Он проводит время с рабами и подготовляет восстание... Он опозорил мое великое в истории Атлантиды имя... Я должен сейчас же донести на него царю!..

— Но, может быть, можно все исправить?.. Не допустить восстания. Расстроить их планы. Не спеши, молю тебя!..

Адиширна быстро отвел Куацрома в сторону:

— Донос?

— Донос.

— Слушай, Куацром... Надо во что бы то ни стало помешать Шишену-Итца... задержи его, придумай что-нибудь... мне сейчас некогда об этом думать... царь не должен знать о заговоре, понимаешь? По крайней мере, чем позже он узнает о нем, тем лучше. Где Акса-Гуам?

— Он в старых шахтах, на тайной сходке рабов.

— Ладно. Так помни же, Куацром!..

Адиширна быстро зашагал по кипарисовой аллее.

X. В СТАРЫХ ШАХТАХ

Адиширна вмешался в толпу рабов.

Акса-Гуам кончал речь.

Он говорил о тяжких страданиях рабов, об их жизни, похожей на вечную каторгу, и призывал их восстать, сбросить цепи, убить царя, захватить власть в свои руки и стать свободными, какими они и были когда-то.

Яркие лучи луны освещали людской муравейник. Полуголые рабы заполняли громадную котловину заброшенных старых шахт. Рабы облепили

своими телами кучи щебня, сидели на утесах, деревьях, камнях...

Адиширна внимательно оглядел толпу и сразу почувствовал: в ней нет единства.

Одни из рабов жадно слушали Акса-Гуама, полуоткрыв рот и кивая утвердительно головами, другие стояли неподвижно и смотрели на него недоверчиво и враждебно.

— Смерть или свобода!.. — крикнул Акса-Гуам и сошел с утеса.

Его место занял раб, по прозванию «Злой». Он имел светлую окраску кожи. Серые глаза его смотрели насмешливо. Злая улыбка кривила рот.

— Акса-Гуам, жреческий сынок, говорил нам о наших страданиях. Спасибо ему, что он просветил нас, без него мы и не знали бы об этом!

В толпе послышался смех.

— Но откуда у него вдруг появилась такая любовь к рабам? Не вместе ли с любовью к одной из наших девушек? — и он покосился на Ату, стоявшую рядом с Акса-Гуамом. — А что, — обратился он прямо к Акса-Гуаму, — если твоя любовь пройдет или Ата бросит тебя? Тогда ты воспылаешь к рабам такой же ненавистью? Вы, рабы, — продолжал он, обращаясь к толпе, — хотите стать свободными. С чего вы начинаете? С того, что выбираете себе нового царька Акса-Гуама. А что, если он подведет нас под плети, а потом сбежит на свой Священный Холм?.. Только сами рабы могут освободить себя от рабства! Восстание — не дело влюбленных в расшитых золотом одеждах. Вот мое мнение! — И он сошел со скалы.

Толпа пришла в сильное возбуждение. Теперь толпа казалась единодушной. Но это единодушие явно было не в пользу Акса-Гуама. На него устремились тысячи враждебных глаз. Над толпой поднимались кулаки.

— Не верьте ему!..

— Он подослан жрецами! — послышались возгласы. — Гнать его вон!

На скале появился Кривой. Надсмотрщик вы-

бил ему глаз, и с тех пор за ним утвердилось это прозвище. Кривой хитро прищурил свой единственный глаз и поводил головой из стороны в сторону, потом приложил указательный палец к кончику носа и сказал:

— Так вот...

Толпа заинтересовалась этим комическим началом и затихла.

— Злой прав. Но только он смотрит одним глазом, которым я не вижу...

— Хо-хо, — засмеялись в толпе.

— А теперь я посмотрю другим глазом, которым я вижу... Скажите мне, положа руку на сердце, верите ли вы сами в успех восстания, в то, что вы будете свободны, что вы победите легионы атлантов? Нет, не верите. И все-таки восстание будет. Почему? Потому, что нет сил больше терпеть. Потому, что нам хуже не будет: убитым — мир, живым — та же каторга. В это время приходит к нам Акса-Гуам и говорит: «Я с вами. Я помогу вам». А хоть бы и так? Лучше с нами, чем против! Что побудило его прийти — не все ли равно? Наша девушка? Верно! Но ведь девушек-то наших у них полные гаремы. Выбирай любую. А он к нам. Может, и восчувствовал горе наше? Что же выходит? Верить не верьте ему, а гнать тоже незачем... Авось пригодится. Верно я говорю?

И, ткнув опять пальцем в кончик носа, он сошел со скалы.

Акса-Гуам вытер со лба пот. Он совершенно не ожидал такого поворота дела. Он привык смотреть на рабов как на безгласное стадо, забитое и покорное. Довольно сказать им ласковое слово, погладить по шерсти, и они пойдут за ним. Он снизошел до них. Он так долго умилялся своей ролью благодетеля и спасителя — и вдруг вся эта сходка превратилась в какой-то суд над ним. Эти резкие свободные речи о нем, о его личной жизни, этот язвительный или насмешливый тон... Он чувствовал как против его воли в нем поднимается вековая ненависть и презрение его касты к рабам...

Суровый и гордый, поднялся он на скалу.

— Я пришел помочь вам, а вы судите меня. Я не собираюсь делаться вашим царьком. Пусть Злой станет во главе восстания... Я...

Толпа вдруг заволновалась, расступилась. Через толпу, расталкивая рабов, быстро шел Куацром. В руках он нес какой-то мешок.

— Расступись! Расступись! Важное известие!..

Куацром подошел к скале, поднял мешок и вытряс из него на землю какой-то круглый шар.

— Что это?.. — с недоумением спросил Акса-Гуам и вдруг сильно побледнел и в ужасе отшатнулся.

Освещенная лунным светом, на него смотрела остекленелыми глазами голова его отца, жреца Шишена-Итца...

Акса-Гуам схватился за скалу, чувствуя, что теряет сознание.

Ата истерически вскрикнула.

— Шишен-Итца узнал о восстании и шел к царю, чтобы донести на тебя и предупредить его о восстании, — заявил Куацром. — Адиширна сказал

мне: «Задержи во что бы то ни стало Шишена-Итца, чтобы он не донес о заговоре рабов». Я не мог иначе задержать его... Лучше он, чем ты. Он был злой господин... Чтобы не сразу узнали, кто убит, я отрезал голову и унес в мешке... Вот... Я сделал, как мне было приказано...

Толпа выслушала эти слова в полном молчании.

Акса-Гуам сел на камень и опустил голову на руки.

Ата боязливо жалась к нему, не решаясь открыто проявить участие.

Когда первое впечатление прошло, рабы начали обсуждать создавшееся положение. Теперь царь неизбежно должен был узнать о готовящемся восстании. Так же неизбежна была тяжкая расплата за заговор. Надо было решаться действовать немедленно. После долгих и горячих споров план восстания был выработан. Решено было идти приступом на Священный Холм. Но тут неожиданно на скалу поднялся Адиширна-Гуанч.

— Этот план никуда не годится, — сказал он решительным голосом.

— Брат! — воскликнула Ата.

Акса-Гуам поднял голову и с недоумением посмотрел на Адиширну.

— Священный Холм прекрасно укреплен со стороны каналов. Мосты могут быть подняты. Вы должны будете наполнить трупами каналы, прежде чем перейти их. Но там вас встретит бронзовая щетина копий. Мы поведем на приступ только часть нашей армии, чтобы отвлечь внимание. Главные же силы мы пустим в обход и обрушимся на Священный Холм со стороны гор. Это кратчайшая дорога и к царскому дворцу. Но нам нужно раньше овладеть оружием. Я подумаю над этим...

— Итак, на заре!.. — Адиширна не успел докончить. Сильный подземный толчок потряс скалы и волной прокатился по долине. Зашуршали падающие камни.

— Если подземные силы раньше не разрушат Священный Холм, — добавил он.

Но слова его потонули в шуме взволнованной толпы. Муравейник пришел в движение. Рабы расходились, обсуждая события.

Акса-Гуам, Ата, Адиширна и Гуамф шли по дороге.

— Прости меня, Акса, я был невольным виновником смерти твоего отца!.. Но я думал, что Куацром умнее...

Акса-Гуам только мрачно кивнул головой.

Они вышли на безлюдную боковую дорожку. Ата взяла Акса-Гуама за руку и крепко сжала ее, желая утешить. Акса-Гуам ответил рукопожатием.

— Ты тоже примкнул к... восстанию? — спросил Акса. Он хотел сказать: «примкнул к нам», но после речей рабов не смог сказать этого.

— Я не верю в восстание! — сказал Адиширна.— Я преследую личные цели и откровенно говорю об этом.

И, вынув из-за пазухи кусок материи с письменами Сель, он подал его Акса-Гуаму.

Акса-Гуам прочитал:

«Отец выдает меня замуж за царя Ашура. Я скоро должна уехать. Отец узнал о моем свидании с тобой в Золотых Садах от раба и очень рассердился. Он запер меня в Соколином Гнезде. Сель».

Акса-Гуам знал Соколиное Гнездо. Это была своего рода тюрьма для лиц царского дома. Подземный ход вел из самого дворца к горе. Внутри горы была проложена винтовая лестница, которая выводила в помещение, вырубленное на громадной высоте: небольшой балкончик над отвесным, как стена, утесом. Побег был невозможен.

— У меня один путь к Сель — через дворец! — сказал Адиширна.

Оба замолчали, думая каждый о своем.

— Брось это дело! — сказал Гуамф Акса-Гуаму.

Ата только крепче сжала его руку и пристально посмотрела ему в глаза.

Он тяжело вздохнул, до боли сжал руку Аты и сказал глухим голосом:

— Поздно!

XI. АЦРО-ШАНУ И КРИЦНА

Дворец хранителя Высших Тайн Ацро-Шану стоял особняком у храма Посейдона, окруженный высокой стеной.

Дворец имел два этажа: нижний помещался под землей. В верхнем были парадные залы для приема, украшенные со сказочным великолепием. Золотые статуи богов, мебель, треножники, осыпанные драгоценными камнями, слепили глаза.

Ацро-Шану очень редко бывал здесь. Только ранним утром, проведя ночь за бронзовыми таблицами, он приходил иногда подышать свежим воздухом. Он садился у балюстрады на открытой площадке, щурил глаза и тихо дремал или думал. Раб приносил скромный завтрак — маленькую пресную булочку в виде двух сплюснутых шаров и чашу ключевой воды.

Как только жара усиливалась, он спускался в свои подземные комнаты. Здесь всегда стояла ровная прохладная температура. Хорошая вентиляция освежала воздух. Дневной свет проникал, преломленный шлифованными зеркалами. Зеркала эти вращались по ходу солнца. Но в дневном свете не было нужды: Ацро-Шану работал только ночью.

Нижнее помещение представляло полный контраст с верхним этажом. Белые мраморные стены не имели никаких украшений. Комнаты были обставлены почти скудно, самой необходимой деревянной мебелью. Простая деревянная кровать была покрыта двумя шкурами леопардов. Вдоль стен длинной анфилады комнат тянулись полки с рядами бронзовых таблиц. Каждая полка имела надпись на бронзовой пластинке и номер; сами пластинки были также классифицированы и пронумерованы. Один каталог этой библиотеки занимал целую комнату.

Была ночь.

Ацро-Шану сидел в деревянном кресле у длинного стола. Огонь светильника золотил бронзовые пластинки, грудами лежащие на столе. Заслонив рукой глаза от света, Ацро-Шану внимательно читал. Рядом с ним сидел молодой жрец Крицна — его

ученик. Тишина была необычайная. Ни один звук не проникал сверху.

Старик откинулся на спинку кресла и, полузакрыв глаза, тихо сказал:

— Бедная Атлантида!

Крицна не осмелился нарушить молчания.

— Я стар... мне сто сорок девять лет. Пора на покой, — начал Ацро-Шану после долгой паузы. — Тебя избрал я, Крицна. Тебя посвящу в Высшие Тайны Атлантиды. Ты молод. Моложе других. Но в тебе сильный дух и бесстрашная мысль. Чувствуешь ли ты себя готовым узнать истину? Готов ли во имя ее расстаться с самым дорогим для тебя?

— Готов! — твердо произнес Крицна.

— Так слушай: Высшая Тайна в том... что ее нет!

Крицна смотрел на жреца с недоумением.

— Для толпы, даже для царей и низших жрецов у нас много тайн. Мы знаем, как лечить болезни. Мы знаем ход небесных светил. Мы даже знаем, когда должно наступить затмение солнца или луны. Мы можем вызывать мертвых. Чего же больше? Да, мы обладаем великими знаниями, но в них нет ничего таинственного... Тысячи лет мы наблюдали за ходом болезней человека и записывали эти наблюдения.

Тысячи раз мы испробовали — сперва на больных рабах — тысячи разных трав, настоев и смесей. Тысячи больных умирали от наших лекарств, но от некоторых они выздоравливали. Мы тщательно записывали все это, сверяли записи, делали выводы. Так ощупью, слепо, опытным путем мы создавали нашу медицину. Почему настой горькой коры известного нам дерева исцеляет лихорадку? Мы не знаем сами. Мы лишь знаем его целебное действие... Тысячи лет мы наблюдали светила неба и записывали наши наблюдения. Сравнивая их, мы заметили закономерность и периодичность многих небесных явлений и научились предсказывать наступление этих явлений... У нас нет других тайн, кроме тысячи накопленных наблюдений. Но и это тайны лишь потому, что наш опыт мы скрываем от непосвященных. И только в этом наше могущество!

— А вызывание духов?..

— Мы прибегаем ко многим средствам, чтобы удержать их влияние и власть. Зная заранее о затмении солнца, мы говорим, что гнев богов сокроет солнечный свет и лишь по нашей молитве вернет его людям. И при помощи этого мы заставляем самого царя повиноваться нашей воле.

— И царь не знает?..

— Царь верит в Тайну и суеверен так же, как и последний из рабов. Воспитание царей находится в наших руках... Ты спрашивал о вызывании духов. Отражение на парах при помощи зеркал восковой фигуры и слуховая трубка... Вот и все привидение... Как-нибудь я объясню тебе, как это делается...

Крицна был поражен.

После некоторого колебания он сказал:

— Но это обман!

— В чем истина? Разве сами чувства не обманывают нас? И потом народ любит чудо и тайну, и мы даем их народу. Обман? Да! Но это дало нам возможность посвятить себя исключительно знанию и сделать много полезных народу открытий...

— Почему же не посвятить в эти знания и на-

род?.. И что получают рабы от всех полезных открытий?..

Ацро-Шану нахмурился.

— Рабы?.. Кто же будет копаться в шахтах, если рабы станут заниматься наукой?..

Крицну не удовлетворил этот ответ. Целый вихрь мыслей и сомнений закружился в его голове. Несколько успокоившись, он спросил:

— Ну, а боги?..

— Их нет!

Крицна почувствовал, что у него кружится голова.

Искоса посмотрев на него, Ацро-Шану смягчил удар.

— Если хочешь, они есть, но не таковы, какими представляют их цари и рабы. Солнце «божественно» своей оплодотворяющей силой, теплом и светом. Но ни один раб не исполняет с такой точностью свою работу, как солнце свой восход, течение по небу и заход. Может ли оно убавить свой свет или ускорить свой путь? Солнце не бог, а раб времени и пространства...

Крицна молчал, опустив голову...

Лицо его было бледно, густые брови нахмурены. Громадное напряжение мысли и внутренняя борьба отражались на этом лице.

Ацро-Шану незаметно наблюдал за ним, как врач наблюдает больного, производя над ним опасную операцию.

— Я знаю, Крицна, это трудно... Сомнения терзают тебя и будут терзать... Но ты выйдешь победителем... А когда буря уляжется в твоей душе...

Вошел раб.

Это было необычно. Во время занятий никто не имел права входить в комнату Ацро-Шану.

Жрец нахмурился и недовольно забарабанил иссохшими пальцами по столу.

— Что-нибудь срочное?..

Раб преклонил одно колено.

— Трижды священный! Вестник Солнца и Эльзаир просят тебя впустить их по неотложному делу.

— Пусть войдут!

Эльзаир и Вестник Солнца вошли, опустив головы.

Ацро-Шану благословил их поднятием руки.

— Говорите...

— Трижды священный! — сказал Эльзаир. — Я не осмеливался раньше нарушить твой покой... Меня уже давно беспокоят необычайные явления в небесах... Светила как будто сошли со своих мест... Их путь не проходит уже по точкам, установленным на наших пирамидах и инструментах... Не предсказывают ли эти явления, думал я, великих бедствий? И вот является Вестник Солнца, и его сообщения как будто подтверждают мои опасения...

— Говори! — обратился Ацро-Шану к Вестнику Солнца.

— Трижды священный! Я совершил свой обычный объезд по нашим владениям для сбора налогов и ревизий. И везде я заставал ужасные картины. На восток и на запад от Атлантиды все острова в огне вулканов. Многие города уже погибли от извержения и землетрясений. Земля колеблется, здания рушатся, и люди мечутся, как стадо испуганных овец...

— Бедная Атлантида!.. — вновь тихо произнес Ацро-Шану. — Ты прав, Эльзаир! Твои наблюдения имеют связь с наступлением печальных событий, о которых говорит Вестник Солнца. И все же ты ошибся, Эльзаир. Планеты не сместились со своих мест, и неподвижные звезды так же неподвижны, как и раньше.

— Но мои наблюдения?.. Проверь их сам! Это истина! Я видел своими глазами!..

— А ты веришь глазам? — и, обратившись к Крицне, он сказал: — Слушай. Вот хороший пример твоей «истины». Что ты думаешь, Эльзаир, если после чаши крепкого вина тебе покажется, что все шатается вокруг?

Эльзаир покраснел от обиды.

— Но я был трезв...

— Я не о том. Подумаешь ли ты, что колонны сместились с мест, или найдешь причину явлений

в своей голове?.. Так и здесь. Сместились не звезды, а пирамиды, и потому вершины пирамид и твои инструменты не совпадают с обычными течениями звезд.

Эльзаир был совершенно озадачен.

— Но пирамиды стоят незыблемо на земле!

— А сама земля?..

Эльзаир начал понимать.

— Не проще ли допустить, что сдвинулась одна земля, а не весь небесный свод? Так оно и есть. Подземные силы огня изменили положение самой земли; сдвинулись и все твои точки наблюдения. Только сейчас я изучал явления, предшествовавшие ужасным землетрясениям, постигавшим уже Атлантиду тысячелетия тому назад... Тогда было то же самое... И так же, как теперь, первыми начали действовать вулканы на соседних с Атлантидой островах; они меньше Атлантиды, и подземным силам огня легче справиться с ними — прорваться наружу! Увы!.. На основании многих исследований я пришел к заключению, что мы перед небывалой катастрофой... Атлантида обречена!.. Сообщения Вестника Солнца лишь говорят о том, что мы ближе к катастрофе, чем я предполагал...

Эльзаир и Вестник Солнца стояли пораженные. Только Крицна не проявил особого волнения: «подземные силы» клокотали в нем самом.

— Созовите на завтра Верховный Совет... Если мы бессильны предупредить несчастье, позаботимся о спасении.

— Крицна, сообщи во дворец о созыве Верховного Совета.

Крицна поднялся наверх и вышел на мраморную балюстраду дворца.

Внизу лежала Атлантида, упоенная лунным светом и ароматом цветов. Как всегда, со стороны города доносились смягченные расстоянием звуки музыки и песен. Вдали мерно вздыхал океан.

Но Крицна ничего не видел. Он крепко сжал голову и стоял с искаженным лицом под яркими лучами луны. «Все ложь и обман.. Нет богов... нет тай-

ны... Есть только жадная, корыстная каста жрецов, которая из знания делает тайну, чтобы угнетать народ и утопать в роскоши...»

Взгляд его упал на золотую статую Бога Солнца, сияющую в лучах луны.

Вдруг в порыве бешеного гнева Крицна сбросил статую с пьедестала.

Она со звоном покатилась по мраморным плитам пола.

XII. ВОССТАНИЕ РАБОВ

Жрецы и двор давно знали о готовящемся восстании рабов, хотя время восстания им еще не было известно. Священный Холм спокойно ожидал событий.

До сих пор эти восстания не представляли большой опасности для «государства», то есть для его господствующих каст: царского дома, жрецов, военачальников. Эти восстания походили скорее на неорганизованные бунты.

Однако на этот раз события развертывались иначе. Задолго до рассвета, еще в полной тьме, рабы тихо, бесшумно оставили шахты. Так же бесшумно наносились внезапные удары тяжелыми бронзовыми кирками в головы надсмотрщиков и сторожей. И они падали как снопы, не издав ни звука.

Не прошло часа, как весь Черный город оказался в руках восставших. Мрак и тишина скрывали события.

У дорог и тропинок, ведущих к Священному Холму, были поставлены сторожевые отряды, чтобы задержать случайно уцелевших надсмотрщиков и сторожей, которые могли предупредить о событиях Священный Холм. Но это было сделано лишь из предосторожности: в Черном городе не осталось ни одного сторожа, ни одного надсмотрщика с уцелевшим черепом...

Рабы двинулись к старым шахтам.

Здесь находился штаб восстания.

— Если мы и не победим, мы дадим почувство-

вать Священному Холму растущую силу рабов, — сказал Злой, обращаясь к толпе. — Нам нужно во что бы то ни стало вооружиться бронзовыми мечами и копьями. Арсеналы охраняются большими и хорошо вооруженными отрядами воинов. Нам не одолеть их нашими мотыгами и кирками. Итак, чтобы достать оружие из арсенала, нам нужно уже быть хорошо вооруженными. Много готового оружия имеется еще на заводе. Это здесь, под рукой. Завод охраняется меньшим отрядом, чем арсенал. С этим отрядом, быть может, мы справимся скорее. Но при первом же натиске они могут зажечь огни с сигналом тревоги и вызвать к себе на помощь дежурные легионы. Надо овладеть заводами так же быстро и бесшумно, как мы овладели Черным городом. Но как это сделать?

— Мне известно, — сказал Акса-Гуам, — что перед рассветом сменится отряд, охраняющий завод. Смена будет идти по дороге Дракона. У двух источников эта дорога проходит в глухом месте через котловину... Нападем на этот отряд, покончим с воинами, наденем их доспехи, явимся на завод в виде смены и займем ее место. Тогда завод будет в наших руках со всем его оружием.

— А пароль? — спросил Адиширна.

— Я узнал его: «Змей и Солнце».

План был принят.

На дороге Дракона, у двух источников, произошло первое сражение.

Рабы пропустили отряд, отрезали отступление и сразу напали на него с трех сторон: спереди, с тыла и с левой стороны дороги, — правая обрывалась крутым утесом.

Удар был неожиданный, но закаленные в боях воины атлантов оказывали упорное сопротивление. Щиты защищали их от камней. Копья были длиннее мотыг и кирок. Воины разили ими рабов без особого вреда для себя. Отряд мог быть легко сброшен с утеса, но надо было по возможности полностью сохранить вооружение воинов. На стороне рабов был численный перевес. Копья застревали в телах рабов.

Прежде чем воины успевали извлекать острие копья, к древку тянулись десятки рук и цепко хватались за него, несмотря на удары других копий. Мало-помалу большинство копий перешло в руки рабов. Движения воинов затруднялись недостаточной шириной дороги. Потеряв копья, воины пустили в ход мечи. Но копья дали явный перевес рабам: мечи были короче копий. Один за другим падали воины, загромождая трупами дорогу, что еще больше затрудняло маневрирование.

Отряд был обречен...

Через какой-нибудь час он представлял груду тел. Ни одного человека в отряде не осталось в живых. Рабы быстро сняли с трупов воинов вооружение, смыли кровь у источника и надели его на себя.

Акса-Гуам нарядился в доспехи начальника отряда, и все двинулись в путь. У дороги остался заградительный отряд.

«Смена стражи» у завода произошла благополучно. Начальники отрядов обменялись паролями, и ночная смена, звеня бронзовым оружием, потянулась в обратный путь. К их приходу все трупы были сброшены с утеса, путь был очищен, следы сражения заметены.

Покончить с небольшим отрядом внутренней стражи завода не представляло большого труда. Громадные заводы, изготовлявшие бронзовое оружие, были в руках восставших.

На заводе оказалось семь тысяч готовых мечей и копий и пять тысяч еще не полированного, но годного к бою оружия. Рабы ликовали. Никогда еще восстание не начиналось такой удачей. Крепла вера в победу над Священным Холмом.

Приближалась заря, и надо было спешить покончить с арсеналом и до восхода солнца перебросить главные силы в горы.

Вооруженные рабы, представлявшие уже грозную военную силу, быстро двинулись к арсеналу.

Их вооружение ввело гарнизон арсенала в заблуждение.

— Кто идет? — спросил выдвинутый вперед дозор.

— По распоряжению Кетцаль-Коотля, начальника вооруженных сил Атлантиды, легионы «охраны» для подкрепления гарнизона, — ответил Акса-Гуам.

Половина рабов успела перейти мост, когда обман был обнаружен, и то лишь по недосмотру самих рабов: часть слишком ретивых рабов, не получивших вооружения, последовала за отрядом со своими кирками. Их заметили и подняли тревогу. Но было уже поздно. Мечи скрестились, потрясая тишину ночи лязгом бронзы. Воины атлантов сражались с обычной стойкостью. Рабы теснили их, воины отступали внутрь громадного арсенала, отдавая с боя каждый шаг. С треском ломались тяжелые двери складов, толпы полуголых рабов вливались туда, выходя обратно в полном боевом вооружении. Рабы побеждали.

Еще продолжались отдельные схватки в самих складах и в углах широких мощеных дворов, а вооруженные ряды рабов уже двигались быстрым маршем по горной дороге в обход Священного Холма. Короткие стычки по дороге со сторожевыми отрядами не задерживали этого стремительного продвижения.

За одну ночь безоружные, бессильные рабы превратились в грозную армию, вооруженную шестнадцатью тысячами мечей и копий.

Несмотря на все предосторожности, от Священного Холма не удалось скрыть захвата арсенала. Арсенал помещался у подножия Священного Холма. Шум битвы ясно доносился туда в тишине ночи. Но это же сражение у арсенала дало возможность главным силам рабов продвинуться далеко вперед в горы, прежде чем рабы были замечены. Во главе этих главных сил были Кривой и Адиширна. На долю Злого и Акса-Гуама выпала трудная задача с меньшими силами вести наступление на Священный Холм со стороны наиболее защищенной и принять на себя главный удар лучших легионов атлантов — кавалерии «Нептуна» и «Непобедимых».

Священный Холм уже ослепительно сверкал бронзой своих храмов и дворцов в утренних лучах солнца, когда Акса-Гуам и Злой со своими отрядами подошли к кольцевому каналу, у подножия Священного Холма. Подъемные мосты были подняты. Вся набережная на стороне Священного Холма горела, как бронзовая стена, вооружением выстроившихся в боевом порядке воинов.

Рабы приуныли, глядя на густой лес копий противника... Канал преграждал путь рабам.

Но обе враждующие стороны недолго стояли в выжидательном молчании.

В канале у берега стояло множество мелких судов. Злой махнул рукой на эти суда, и работа закипела. Рабы стягивали баркасы и фелюги к одному месту и под ударами копий, пущенных с того берега, составляли плавучие мосты. Набережная поднималась над водой на полтора человеческих роста, но это не останавливало рабов. Они двинулись по мостам и, становясь друг на друга, карабкались на берег. Копья сбрасывали их. Скоро из тел рабов на судах у берега выросло возвышение, по которому ползли, как муравьи, новые ряды рабов. Весь канал покраснел от крови. Трупы покрывали поверхность воды. Но главное было сделано: прежде чем солнце достигло зенита, рабы были на другом берегу. Многие из них впервые вступили на Священный Холм. Воины атлантов отошли на широкую площадь перед каналом, чтобы получить большую свободу маневрирования, и здесь началась длительная, упорная борьба.

У воинов атлантов было большое преимущество в том, что они стояли на холме, рабы же внизу, на узкой площадке, имея за собой канал. Подкрепление к рабам могло вливаться лишь медленно, по мере захвата площади. Груды тел затрудняли движение. Рабы стали ослабевать. Атланты усилили натиск. Наступил момент, когда прижатые к каналу ряды рабов могли быть сброшены в воду. Злой и Акса-Гуам сражались в первых рядах. Оглянувшись, Злой увидел, что рабы отступают.

«Конец!» — подумал он.

Но в этот момент среди воинов атлантов также произошло замешательство. Их задние ряды спешно отступали.

Как потом оказалось, на горном фронте положение атлантов было отчаянным. Адиширна и Кривой лавиной обрушились с гор и вплотную подошли к самому дворцу царя. Туда и было спешно вызвано подкрепление. Отряд Акса-Гуама и Злого вздохнул свободнее. Скоро рабы перешли в наступление и упорно теснили врага к вершине Священного Холма.

Но в это самое время на Священном Холме произошли события, предрешившие исход восстания.

В ту ночь, когда рабы подняли восстание, у царя Гуана-Атагуерагана был прощальный прием отъезжающих после праздника Солнца подвластных царей.

Чтобы поразить их в последний раз богатством и великолепием двора, прием происходил в Изумрудном Зале, помещавшемся в подземной части дворца. Все стены громадного зала были сплошь покрыты драгоценными камнями. Эти камни, подобранные по цветам, изображали фантастические цветы и пейзажи.

На бронзовом небе сияло топазовое солнце, хризопразовые деревья отражали свою зелень в изумрудных водах. Желтые и розовые бериллы, красные рубины венчиками цветов поднимались из хризолитовой травы.

Трон стоял у стены, сплошь выложенной одними изумрудами, разные оттенки которых составляли сложный узор. Это была в буквальном смысле изумрудная стена; она была отделена от капитальной стены коридором, в котором помещались светильники. Свет их проникал сквозь изумруды, производя необычайный световой эффект.

Царь был предупрежден уже о восстании. Церемония приема была затянута, чтобы ко времени ее окончания порядок на Священном Холме был восстановлен: приезжие цари не должны были знать о восстании. Это было тем легче сделать, что

в Изумрудный Зал не проникал никакой звук с поверхности земли.

Но восстание ворвалось и в это скрытое помещение.

Прежде чем подоспели на помощь горному фронту воины, снятые с поля сражения у канала, Адиширна и Кривой овладели дворцом. Звук мечей уже послышался в соседнем зале. И вдруг вооруженные рабы ворвались в Изумрудный Зал. Почетные караулы царей и сами цари принуждены были пустить в дело мечи.

Только Гуан-Атагуераган восседал еще на престоле с величавой неподвижностью статуи и наблюдал за битвой. Но в душе его было смятение. Дворцовая стража и цари дрались с мужеством отчаяния, но ряды их редели с каждой минутой... Смерть смотрела в глаза царя Атлантиды...

В то мгновение, когда падали последние защитники дворца, царь вдруг вспомнил о возможном спасении. Он хотел гордо встретить смерть, как подобает царю Атлантиды. Но мысль о спасении заставила его сбросить маску величия. Быстро сбежав по ступенькам трона, он вынул тяжелый бронзовый меч, крепко сжав рукоятку, усыпанную бриллиантами, и с размаху разрубил изумрудную стену. Несколько ударов образовало проход в стене. Крупные изумруды, как горох, покатились на мозаичный пол. Царь бросился в образовавшийся проход. По его пятам к проходу кинулось несколько рабов.

Вдруг один из рабов, увидев крупные изумруды, наклонился к полу, стал пригоршнями собирать их, засовывая в рот и за панцирь. Другие рабы с разбегу налетели на него и упали. Куча тел заслонила проход.

Царь бежал...

Пылающий гневом Кривой подбежал к замешкавшимся у разбитой стены рабам и стал избивать их. Адиширна потрясал мечом и призывал к порядку. Ничего не помогало. Не видя больше противника, толпы рабов рассеялись по залам дворца и за-

нялись грабежом. В кладовых нашлись громадные амфоры с вином. Вино наливали в вогнутые щиты, и, истомленные зноем и битвой, рабы жадно пили и тут же падали от опьянения...

XIII. КОНЕЦ ВОССТАНИЯ РАБОВ

Как только жрецы узнали о восстании, они собрались на Совет в одной из пирамид. Здесь они были в безопасности. Подземные ходы, соединявшие дворцы и пирамиды, были хорошо скрыты. От своих служителей жрецы знали о ходе борьбы.

Несмотря на посланный жрецами приказ военачальникам подавить восстание немедленно, сверху приходили неутешительные вести.

Исход продолжавшегося сражения был сомнителен.

В окрестностях Атлантиды были расположены громадные гарнизоны. С помощью их не представляло особого труда подавить восстание, но теперь каждый лишний час битвы причинял жрецам убытки: рабы разоряли их дворцы, и притом большинство рабов составляло «движимое имущество» жрецов. Этот живой товар неплохо расценивался на Морской Бирже.

Только к закату солнца успех правительственных войск определился окончательно. Армия Кривого и Адиширны была оттеснена в горы и рассеяна в лесах. Кривой был убит во дворце, и труп его разрублен на части воинами «Нептуна». Адиширна-Гуанч пропал без вести.

Покончив с главными силами рабов, воины атлантов двинулись на остатки армии Злого и Акса-Гуама. Рабов прижимали к каналу, они падали в канал и тонули.

Небольшая группа рабов со Злым во главе, как разъяренные львы, защищала мосты, прикрывая отступление.

Наконец, пронзенный в горло, пал Злой. Священный Холм был очищен. Оставались лишь отдельные

группы рабов, которых воины травили, как собак, загоняли во дворы и тупики и зверски убивали.

Акса-Гуам был ранен в руку и голову. Его оттеснили от отряда Злого.

Отбиваясь от наседавших воинов, он стал в углубление бронзовой стены, окружавшей дворец Верховного жреца Ацро-Шану, прислонившись спиной к узкой бронзовой калитке.

От потери крови и усталости у Акса-Гуама кружилась голова и глаза застилало туманом. Как во сне, он машинально махал мечом, отбивая удары копий.

Неожиданно калитка открылась за ним, и он едва не упал навзничь. Подозревая ловушку, он обернулся и увидел перед собой Крицну — ученика Ацро-Шану. Крицна поддержал его и, ухватив за руку, втолкнул в калитку. Сюда же бросился один из воинов. Крицна выхватил из слабеющей руки Акса-Гуама его меч и ударил воина по голове. Тот свалился. Но за ним вырос другой. Длинным копьем он пронзил грудь Крицны.

— Закрой калитку! — успел крикнуть Крицна и упал, обливаясь кровью.

Акса-Гуам захлопнул калитку и заложил тяжелый бронзовый засов.

Он склонился к Крицне. Глаза Крицны тускнели. Кровь с клокотанием выходила из раны в груди и изо рта.

— Умираю... так лучше... все ложь и обман... и жизнь обман... — хрипло говорил он с паузами. — Оставь меня... беги...

И Крицна склонил голову на землю. Легкая судорога прошла по его телу. Акса-Гуам медленно шел по саду. Он не думал о бегстве... Он ни о чем не думал. Он был слишком разбит телом и духом.

Из-за стены доносились звуки удаляющегося сражения, крики и стоны.

Но здесь было тихо и мирно, как всегда.

Пальмы горели своими веерообразными вершинами в лучах вечернего солнца. Цветы благоухали. В яркой зелени деревьев кувыркались и кричали бело-розовые и красно-зеленые попугаи, привязанные за ногу золотыми цепочками.

— Доброе утро, Ацро-Шану! — картаво и резко прокричал вслед Акса-Гуаму попугай.

Акса-Гуам спускался по желтой песчаной дорожке, усаженной по сторонам цветущими белыми лилиями и белыми туберозами. Их сильный, сладкий запах пьянил ему голову.

На ветке большого апельсинового дерева сидела ручная обезьяна и внимательно чистила большой, зрелый, сочный плод. Увидев Акса-Гуама, она сорвала еще один апельсин и с насмешливым криком запустила в него. Как оранжевый мяч, апельсин покатился по желтой дорожке.

Акса-Гуам вспомнил, что со вчерашнего дня он ничего не ел.

Он поднял апельсин и с наслаждением стал есть его сладкую, сочную, душистую мякоть. Обезьяна что-то закричала ему вслед на своем языке.

Он невольно улыбнулся, кивнул обезьяне головой. Она приветливо закивала в ответ. И странно: ему стало как-то легче на душе.

Он подошел к мраморному водоему, снял с себя тяжелые доспехи и вымылся в холодной ключевой воде. Оставшись в короткой черной тунике жреца

с вышитым на груди золотыми нитками диском солнца, он почувствовал себя легко и свободно. С удовольствием он растянулся на зеленой траве, расправляя усталые члены.

«Если бы не болели раны, было бы совсем хорошо», — подумал он.

Сладкая истома сковывала тело. Он невольно закрыл глаза и стал погружаться в дремоту.

Вдруг словно какой-то толчок разбудил его. Он быстро сел.

Ата! Что с ней?.. Как мог он так долго не думать о ней!

Ата умоляла его позволить ей сражаться вместе с ним.

— Многие наши женщины-рабыни вооружаются и идут на Священный Холм, чтобы умереть или победить... Я не могу остаться дома... Я сильна, и я хочу быть с тобой...

Но он настоял на своем. Он убедил ее остаться, уверяя, что, если она будет рядом с ним на поле сражения, опасения за ее жизнь будут отвлекать его и это скорее может погубить их и повредить восстанию.

Со слезами на глазах она простилась с ним прошлой ночью на старых шахтах...

«Что с нею?.. Не пошла ли она разыскивать меня и не убили ли ее воины атлантов?»

Одним прыжком он поднялся на ноги и быстро пошел вниз по дорожке. Перелез через стену и стал спускаться со Священного Холма.

Кратчайшая дорога вела мимо дворца его покойного отца.

Минуту Акса-Гуам колебался, но потом решительно зашагал по этой дороге. Она уже вся была очищена от рабов. От времени до времени встречались отряды воинов. О его участии в восстании знали немногие обитатели Священного Холма. В своей одежде жреческой касты он беспрепятственно шел вперед.

Подходя к дворцу отца, он невольно замедлил шаги.

Дворец одной стороной выходил на дорогу, поднимаясь своими тяжелыми колоннами над бронзовой оградой.

Вдруг Акса-Гуам остановился. У него перехватило дыхание.

В одном окне стояла его мать с растрепанными, седыми космами волос и безумными глазами. Она узнала его и, указывая на него пальцем протянутой руки, истерически захохотала.

— Вот он!.. Вот он!.. — кричала она. — Змееныш! Змееныш! Где ты прячешь голову твоего отца? Она нужна Агушатце... Он делает мумию. Разве бывают мумии без головы?.. Отдай голову отца!.. Отдай голову!..

Две рабыни подхватили ее под руки и силой оттянули от окна.

Акса-Гуам зажал уши и бросился бежать. Но крик матери стоял в его ушах:

— Отдай голову твоего отца!..

Только добежав до моста у канала, он несколько успокоился.

Бедная мать!.. Голова отца... Она на старых шахтах... Голова жреца... Акса-Гуам даже не знает, закопали ли ее в землю...

XIV. ГИБЕЛЬ АТЫ

В Черном городе еще не улеглось волнение. Толпы рабов наполняли улицы. Воины атлантов не преследовали рабов. Священный Холм очищен, а от кары рабам не убежать.

На широкой площади, где перекрещивались две дороги, какой-то раб узнал его:

— Смотрите, он! Вот он! Вот Акса-Гуам, царь рабов!

— Предатель!

— Изменник!

Толпа окружила его. В него полетели камни.

Разъяренные женщины протягивали к нему кулаки и кричали:

— Отдай мне убитого мужа!

— Ты погубил моего сына!

— Где брат мой?

Какой-то раб-фракиец подскочил к нему и сбил его ударом на кучу щебня. Потом посадил, нахлобучил ему на голову свой красный колпак и закричал:

— Коронование царя рабов!

Кольцо толпы сжималось все теснее. Град камней падал на Акса-Гуама. Окровавленный и бледный, сидел он в красном колпаке и смотрел на толпу невидящим взором.

— Что смотреть на него? — сказал раб-бербер с копьем в руках. — Разве в нем не кровь врагов наших? Отойдите!

Рабы отошли в сторону, и раб-бербер пустил копье прямо в грудь Акса-Гуама.

Но прежде чем оно вонзилось, из толпы раздался женский отчаянный крик, чье-то тело метнулось между Акса-Гуамом и летящим копьем.

Копье пронзило насквозь грудь молодой женщины.

Это была Ата.

Она повернула голову к Акса-Гуаму и успела только сказать:

— Мою жизнь... — Кровь хлынула из горла и раны, и она замолчала, тяжело хрипя.

— Ата! — крикнул Акса-Гуам. Но силы изменили ему. Он потерял сознание и свалился с кучи камней к трупу Аты.

Толпа отхлынула и затихла, взволнованная неожиданной смертью Аты.

Но тот же раб-бербер, рассерженный тем, что ему испортили меткий удар, которым он хотел похвастаться, закричал:

— Еще одну рабыню сгубил он! Смерть ему! — и бросился к Акса-Гуаму. Несколько рабов последовали за ним.

— Стой, собака! — вдруг вырос как из-под земли старик Гуамф, заслоняя собой тела Аты и Акса-Гуама.

Рабы остановились в смущении. Старика Гуамфа знали и уважали в Черном городе.

— Уйди, старик! — понижая тон, сказал раб-бербер.

— Звери вы или люди? — накинулся на него Гуамф. — Вам мало крови? Так убейте и меня, старика!

И, обратившись к рабу-берберу, Гуамф продолжал:

— Где ты был, Ширна, когда брали Священный Холм? Ни один из рабов, которые бились там, не поднимет руку на Акса-Гуама: кто бы он ни был, он бился вместе с нами и за нас отдавал жизнь, как последний из рабов. Где ты достал копье, Ширна, которым хотел убить Акса-Гуама и убил мою внучку? Поднял на дороге после сражения? Я знаю тебя и твою шайку! Когда нас давят, вы подлизываетесь к надсмотрщикам и доносите на своих. Когда мы воюем, вы подуськиваете других и выжидаете дома, кто победит, чтобы лягнуть копытом побежденного. Нам всем жилось бы легче, если бы не было таких, как ты. И ты смеешь судить побежденного?

Раб-бербер смутился и исчез в толпе.

— Слушайте, рабы! Акса-Гуам потерял отца, — продолжал старик. — Мать его лишилась рассудка. Девушка, которую он любил, лежит перед вами с копьем в груди. Ему нет дороги назад, на Священный Холм...

Не дослушав конца речи, толпа рабов вдруг отхлынула и побежала к шахтам. По дороге, со стороны Священного Холма, медленно двигался отряд конницы. Не прошло пяти минут, как площадь была пуста. Слышно было только цоканье бронзовых подков по каменным плитам дороги да бряцание оружия.

Как победители, гордые и самоуверенные, воины атлантов медленно проехали, не кинув даже взора на группу у каменной кучи: трупов валялось слишком много на дороге, а дряхлый старик не стоил внимания.

Стало совсем тихо. Только жужжал рой синих

мух, блестящих в закатных лучах, собравшийся над зияющей раной Аты.

Гуамф оттащил Акса-Гуама от дороги и скрыл за кустом труп Аты.

Акса-Гуам пришел в себя.

Гуамф ласково положил ему руку на плечо:

— Ты не сердись очень на них. — Он махнул рукой в сторону шахт. — Тяжело опять становиться в ярмо... Помнишь, как я сам рассердился на тебя, когда ты заговорил об освобождении рабов? Когда это будет и будет ли? Может быть, когда-нибудь, через тысячи лет, и взойдет наша звезда и исцелит раны наши. Но только тогда уж нас не будет, а может быть, не останется следа и от самой Атлантиды... И никто не будет знать, что и мы боролись за дело рабов и через тысячелетия посылали привет тому, кто будет счастливее нас...

— Пить... — хрипло прошептал Акса-Гуам и застонал от боли.

XV. ОБРЕЧЕННЫЕ

Заседание Верховного Совета открылось в Медном Зале царского дворца.

Стены зала были покрыты медными листами с барельефами, изображающими подвиги царей Атлантиды. Развешанное внизу по стенам бронзовое оружие атлантов, от древнейших, грубо отделанных секир до мечей и панцирей последней отделки, полированных до зеркального блеска, придавало залу вид музея. Все члены Верховного Совета были в сборе, кроме Верховного жреца Ацро-Шану.

Но царь не стал ожидать его. Сидя на высоком бронзовом троне, в полукруге кресел, занимаемых членами Совета, царь открыл заседание.

— Именем Солнца и волею нашей...

В Атлантиде произошло неслыханное событие. Восставшие рабы посягнули на мою священную жизнь. От руки презренной черни погибли все мои гости и цари. Лишь царь Ашура избежал ужасной гибели, бежав вслед за мной, и любезный брат мой,

царь Атцора, — он не был во дворце по причине недомогания.

В восстании — о великий позор! — принимал участие и один из сыновей жрецов. Отец его поплатился своею головой за сына-изменника... Главные зачинщики: Акса-Гуам-Итца — пусть гнев богов падет на его голову — и раб Адиширна-Гуанч — да разверзнется под ним земля, — до сих пор не разысканы. Кто в этом повинен, Кетцаль-Коотль?

Военачальник склонил голову.

— Они будут разысканы, трижды великий...

— Если они не будут разысканы живыми или мертвыми, прежде чем солнце трижды скроется за утесом Льва, ты не увидишь, Кетцаль, четвертого восхода солнца.

Но рабы... — и царь в гневе даже привстал с кресла, что было совершенно необычайным нарушением этикета. — Гнев мой не имеет границ. Пусть рабское племя помнит из поколения в поколение, что значит гнев царя Атлантиды. Я истреблю их всех до единого. Я подвергну их таким пыткам, от которых содрогнется сама земля. Повелеваю набрать в наших колониях новых рабов! Рабы обречены. Все до единого...

Кетцаль-Коотль тяжело вздохнул.

— Не гневайся, трижды великий... Почти все рабы покинули Черный город... Их бегство было столь поспешно, что в их квашнях остался замешанный хлеб. Они укрылись в лесах... Остались лишь старики, старухи и дети-сироты...

— И ты, старая собака, не сумел выследить дичь... Это измена. Вы все изменники и заговорщики!.. Оцепить леса!..

— Сделано!

— Обыскать все тропинки с охотничьими собаками!..

— Ищут, и многих уже поймали.

— Травить их, как диких зверей! Пусть вся Атлантида зальется их кровью!

В зале произошло движение.

На черных носилках четыре служителя храма осторожно внесли Ацро-Шану, Верховного жреца.

Поддерживаемый под руку, жрец медленно сошел с носилок, благословил царя, подошел к своему креслу и, не опускаясь в него, обратился к царю с речью:

— Трижды великий, могучий, непобедимый, богами хранимый владыка Атлантиды! Моя старая грудь разрывается от тоски, глаза источают слезы, и язык мой не повинуется мне... Но боги бессмертные повелели мне сообщить тебе о великом бедствии, которое надвигается на Атлантиду. Увы, увы... Мы все погрешили перед богами, и гнев их обрушился на нас...

Гуан-Атагуераган заметно побледнел.

— Говори скорее, в чем дело, — сказал он глухим голосом.

— Атлантида обречена... Атлантида должна погибнуть... от страшного землетрясения. Огонь пожрет ее. Боги открыли мне прошлой ночью, что гибель Атлантиды неизбежна. Бог Солнце, пылающий и грозный, явился мне в виде воина. Одежды его были как расплавленная бронза, и свет лица его ослеплял. И он сказал мне: «Спасайтесь!.. Спасайтесь, пока не поздно. Ибо не останется камня на камне и не уцелеет ни одно живое существо. Огонь истребит, океан поглотит Атлантиду. И там, где стояли высокие горы, только волны морские будут вздымать гребни свои. И сама память об Атлантиде сотрется в веках...»

Ацро-Шану говорил грозно, как пророк, и каждое слово его леденило сердце...

Царь откинулся, судорожно сжал ручку трона и прикрыл глаза. По его лицу прошла судорога.

— Ты лжешь, старик!.. Вы все лжете!.. Я не верю вам! Вы хотите запугать меня. Не за то ль, что уменьшил ваши доходы?

— Ничто не спасет Атлантиду! Страшный день гнева близится! — воскликнул Ацро-Шану.

И как бы в подтверждение этих слов вдруг прокатился сильный волнообразный подземный удар.

Со светильников сорвались языки пламени, и некоторые из них погасли. Бронзовое оружие со звоном и лязгом обрушилось на пол. Кресла и царский престол покачнулись. С оглушительным треском расселась капитальная стена. По всему мозаичному полу, от входных дверей, протянулась большая трещина. Постепенно суживаясь, она доходила до самого подножия престола.

Царь с ужасом смотрел на эту трещину, как на подползавшую змею, которая готова ужалить его.

Снаружи слышались крики и плач испуганных женщин и детей. Но в самом зале стояла гнетущая тишина. В эти немногие мгновения сознание людей должно было примириться с мыслью, которая переворачивала всю их жизнь. Это было так неожиданно, так необычайно странно и нелепо, что мозг отказывался понять... И царь смотрел как загипнотизированный на зловещую трещину и не мог произнести ни слова.

Раздался второй толчок. Зазвенело оставшееся на стенах оружие, и затрепетали хрустальные подвески на бронзовых светильниках...

Царь встал с престола и, забыв об этикете, подошел к окну, чтобы освежить голову. Ветер доносил сюда соленую свежесть океана.

Царь посмотрел вниз на огни Атлантиды, расстилавшейся у подножия Священного Холма.

— Бедная Атлантида... — прошептал он, повторяя слова Ацро-Шану.

Убитый, растерянный, обернулся он к собравшимся. Хрустнул пальцами, унизанными кольцами и перстнями, и, обводя взором жрецов, спросил:

— Что же делать теперь?..

Члены Верховного Совета поднялись со своих кресел и образовали шумную толпу. От торжественности заседания не осталось и следа. Они говорили все разом, не слушая друг друга и размахивая руками. Только Ацро-Шану сохранял полное спокойствие.

— Тише! — сказал он. — Стыдно! Вы не рабы! Если потеряем спокойствие, кто позаботится о нашем спасении?

Наступило молчание. Все были смущены.

— С Атлантидой кончено, — продолжал Верховный жрец. — Надо подумать о нашем спасении. А оно может быть только в одном — бегстве. Не теряя ни одной минуты, мы должны собираться в путь; мы должны взять с собой наше оружие, нашу армию — это первое и главнейшее, так как нужно будет заново строить свое могущество... Многие друзья отвернутся от нас и станут врагами. Нужно взять с собой наши драгоценности, наших животных, семена наших хлебных растений. Наш флот может перевезти только армию... Для жителей Священного Холма и свободных граждан должны быть построены новые огромные корабли-ковчеги. Предстоят бури и ливни, и корабли должны быть построены так, чтобы бороться с ними!.. Надо немедля браться за работу. Каждая минута дорога...

— Но кто будет строить корабли? Кто возьмет на себя всю черную работу по сборам в путь? Рабы бежали! — сказал Кунтинашар.

— Надо вернуть рабов, — ответил Ацро-Шану. — Надо объявить им помилование и поставить на работы.

— Никогда! — гневно воскликнул царь. — Помиловать бунтовщиков? Цареубийц? Никогда! Мы привлечем к работам воинов!

— У воинов будет достаточно своей работы! — осмелился возразить Кетцаль-Коотль. — И потом... Мои воины? Какие же они столяры и плотники? Воины умеют только владеть мечом! Их пришлось бы еще долго учить новому ремеслу.

— Сейчас не время для мести... — сказал Ацро-Шану. — У нас нет выбора: или помиловать рабов, или погибнуть вместе с ними.

— Лучше погибнуть, чем помиловать! — упрямо ответил царь.

— Ну что ж? Твоя воля священна. Будем готовиться к гибели, — сказал Ацро-Шану, лукаво взглянув на царя из-под нависших бровей.

— Но... я успею спастись! — смущенно произнес царь, помолчав.

— Да, ты можешь успеть. Но что будет с тобой, если при тебе не будет армии, жрецов, оружия, всяческих запасов и золота? Ты будешь как тростник, ветром колеблемый.

Царь колебался.

— Вот что... — продолжал Ацро-Шану с той же скрытой улыбкой. — Ты жаждешь мести. Она не минует рабов. Мы можем пообещать им помилование. Но ничто не помешает нам взять лишь столько рабов, сколько нам нужно для путешествия и устройства на новом месте. Остальных мы оставим, в последний момент пообещав вернуться за ними. Поверь, что гнев богов настигнет их здесь вернее, чем меч Кетцаль-Коотля. Ни один не уцелеет... А когда обживешься на новом месте и обзаведешься новыми рабами, можно будет покончить с мятежниками, вывезенными из Атлантиды. Не так ли?..

Царь нахмурился и процедил сквозь зубы:

— Согласен!.. Кетцаль-Коотль! Разошли вестников по всем лесам. Объяви им от моего имени о царской милости.

XVI. КРЫЛАТЫЙ ЗМЕЙ

Во все города и селения Атлантиды были разосланы гонцы. На площади у храмов звучали бронзовые трубы этих вестников несчастья. Глашатаи кричали перед испуганной толпой:

— Гнев богов обрек Атлантиду на гибель!.. Все население волей царя призывается на общественные работы... Мы должны спешно готовиться к бегству!..

Посейдонис походил на встревоженный муравейник. Люди бегали по улицам испуганные, бледные, как во время пожара. Общее несчастье сблизило людей и нарушило кастовые преграды. Незнакомые люди различных каст окликали друг друга:

— Слыхали?

— Да. Ужасно!.. — и разбегались в разные стороны.

Казалось, вся Атлантида потеряла голову. Люди перебирали свои вещи, отбрасывая ценное, складывая ненужное, суетились без толку, забывая о сне и еде. Некоторые впадали в странное оцепенение: сидели молча, ничего не слыша, как статуи. Женщины плакали, прижимая детей к груди.

Так длилось несколько дней, пока Священный Холм не организовал правильных работ.

Хмурые, плохо верящие в «царскую милость», возвращались рабы из лесов. Другого выхода им не оставалось. Все же часть рабов не вернулась в Черный город. Одни из них не верили в неизбежную гибель Атлантиды, другие предпочитали лучше умереть свободными, чем вернуться к рабству.

Близкая опасность, казалось, удесятеряла силы людей. Работы шли днем и ночью с короткими перерывами на сон и обед.

По горным дорогам из лесов тянулись беспрерывной лентой обозы, снабжавшие доки и верфи строительными материалами. Люди и животные падали замертво на дороге, их оттаскивали в сторону, очищали путь, и работа продолжалась с тою же лихорадочной поспешностью.

Готовые корабли нагружались оружием, домашним скарбом, животными, не только домашними, но и дикими: атланты хотели сохранить по возможности все, что напоминало бы им на новых местах их солнечную родину. Каждому свободному гражданину разрешалось взять по семи пар домашних животных и птиц и по две пары диких.

Новые верфи покрывались тысячами строящихся судов; на судах были сооружены крытые палубы на случай бурь и ливней.

При всей напряженности и лихорадочности работ скоро выяснилось, что с первыми отходящими кораблями можно будет вывезти лишь ничтожную долю накопленных тысячелетиями богатств Атлантиды. Царские и жреческие сокровища казались неисчерпаемыми. Решено было взять в первую очередь самое ценное и менее громоздкое. Если катастрофа замедлится, оставшееся имущество можно будет вывезти постепенно. Однако на это было мало надежды. Чтобы вывезти в первую очередь хотя бы часть несметных богатств правящих каст, нужно было сознательно бросить почти на верную гибель не только рабов, но и часть свободного населения Атлантиды. Однако, чтобы избежать паники и восстаний, Священный Холм заверял население, что все оно, до последнего раба, будет увезено до наступления катастрофы.

Наконец сборы царствующего дома были окончены. Все члены царской семьи собрались во дворце царя перед тем, как отправиться на корабли. Не было только Сель, находившейся еще в Соколином Гнезде. Послали за нею. Но посланный вернулся в смущении: Сель не было в Соколином Гнезде.

Ее жених, царь Ашура, был огорчен этим известием, а Гуан-Атагуераган разгневан. Он возлагал большие надежды на брак царя Ашура со своей дочерью. Теперь царь Атлантиды особенно нуждался в дружбе и помощи могучего подвластного царя! Увы! Останется ли он подвластным? Удастся ли сохранить хотя бы дружбу его?..

Царь потребовал немедленно привести для допроса няньку Сель, старуху Гу-Шур-Ца.

Она явилась пред грозные очи царя, низко кланяясь, всхлипывая и утирая слезы краем плаща.

— Где Сель? — спросил сурово царь.

— Трижды великий!.. — и Ца упала на колени. — Не гневись на рабу твою... Я не виновата... Я хранила ее как зеницу ока, но в прошлую ночь крылатый змей спустился с горы... Крылья его были как у летучей мыши, а ноги как у льва... Из ноздрей его шел дым, и огнем дышала пасть его... Сель сидела на балконе и отдыхала в ночной прохладе. Вдруг змей схватил ее в свои когти и взвился с ней на воздух... Я успела уцепиться за плащ Сель... Змей и меня приподнял на воздух... Но плащ упал с плеча Сель, а вместе с ним упала и я... Вот все, что осталось от Сель... — И Ца бросила к ногам царя голубой шелковый плащ Сель, расшитый серебряными лилиями.

Все были поражены рассказом. Но царь подозрительно посмотрел на жрецов.

— Что ты скажешь, Кунтинашар?

— Трижды великий... Я не знаю, что сказать. Бежать Сель не могла... Может быть, ее похитили...

Царь глубоко задумался. Одно несчастье преследует его за другим... Неужели боги наказывают его за ссору с жрецами?.. Гордость и страх боролись в его душе. Страх победил.

— Да будет воля богов!.. — И, обратившись к жрецам, он сказал: — Молитесь богам, чтобы не до конца преследовал нас гнев их... А я... я сделаю все, что могу... Я восстанавливаю ваши права!.. Корабли ждут нас. Но пусть продолжаются поиски Сель после нашего отъезда. Может быть, нам удастся спасти ее...

И, тяжело вздохнув, он обратился к рабам:

— Носилки!..

Последний царь Атлантиды, мерно колыхаясь на золотых носилках, спускался со Священного Холма, чтобы никогда сюда не возвращаться...

XVII. «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

Акса-Гуам поправлялся медленно. Он долго бредил восстанием.

Наконец лихорадка оставила его.

— Ну что, сынок, ожил? — ласково спросил его дедушка Гуамф.

Акса-Гуам посмотрел вокруг. Он лежал в старой шахте. Слабый свет виднелся со стороны входа.

— Три недели я тебя берег в этой мышиной норе от ваших ищеек. Первое время очень опасно было. Ну, теперь у них столько забот, что не до тебя. Адиширна был. Тайком пробрался. Зовет в лес. Говорит, хорошо у них там!..

Акса-Гуам ушел к Адиширне, как только позволили силы. Гуамф проводил его. Ночью, тайными тропами пробирались они среди гигантских стволов, поднимавшихся ввысь, как колонны храма. Когда-то в старину эти стволы и брали для колонн. Теперь они шли на постройку кораблей.

— Ну и проказник внук мой! Такую штуку выкинул, что... Да вот сам увидишь! — болтал дедушка Гуамф и смеялся беззубым ртом.

Среди стволов, у пещеры, показалось пламя костра. Когда путники подошли ближе, они увидели Адиширну, который жарил на вертеле горную серну.

— Ого-го! — закричал дедушка Гуамф.

Адиширна вскочил и схватился за меч. Но, узнав Акса-Гуама и деда, он бросился к ним навстречу.

Акса-Гуам дружески поздоровался с ним.

Вдруг, привлеченная их голосами, из пещеры вышла женщина.

Акса-Гуам взглянул на нее и отшатнулся, пораженный неожиданностью.

— Царевна!.. Сель!..

— Да, это она, — сказал Адиширна... — Моя жена!.. — прибавил он с радостным смущением.

— Но почему ты здесь, Сель?..

Все расположились около костра, и Адиширна рассказал Акса-Гуаму историю похищения Сель «крылатым драконом». Этим «драконом» был сам

Адиширна. Он решил во что бы то ни стало похитить Сель. Проникнуть через дворец ему не удалось. Тогда он рискнул на последнее средство. Достал канат, укрепил его на вершине горы, над Соколиным Гнездом, и спустился по канату к балкону Сель. Канат оказался коротким: до балкона не хватало всего каких-нибудь два локтя. Адиширна поднялся по канату, привязал конец его у ступни ноги и бросился вниз головой. Протянутые руки достали до рук Сель. Привыкшая к физическим упражнениям, сильная и ловкая, Сель сама поднялась по канату, а вслед за ней и Адиширна. Чтобы избавить няньку от царского гнева, Адиширна успел крикнуть ей о «крылатом драконе», который похитил царевну.

— Так удалось мне сорвать недоступную розу Золотых Садов, — закончил он рассказ, весело взглянув на Сель.

Акса-Гуам не понял этих слов, но Сель ласково улыбнулась Адиширне в ответ.

Дедушка Гуамф зашевелился.

— Ну, дети, мне пора... Цальна, наверно, давно уже ворчит. Навещайте старика! А когда отчалят все корабли, спускайтесь с ваших гор. Здесь хорошо, да больно холодно... Жрецы говорят, что Атлантида погибнет в огне. А я так не очень им верю! Ну, погремит, потрясет, тем дело и кончится. Мало я на своем веку этих подземных толчков пережил! Земля прочно построена. Поверьте мне, старику!.. Да хранят вас боги!..

И он скрылся во мраке леса.

Акса-Гуам поселился в соседней пещере.

Но ему не легко было смотреть на счастливую пару. При виде Адиширны и Сель его рана — потеря Аты — болела сильней.

И он старался забыться в движении, пропадая целыми днями на охоте. Адиширна и Сель с эгоизмом влюбленных были очень довольны этим увлечением Акса-Гуама охотой. Акса-Гуам обеспечивал их провизией, и они все время могли проводить вместе. Они переживали «золотой век». Поглощенные своею любовью, они не думали о катастрофе. Кругом был

простор не тронутой человеком природы. Далеко внизу, как игрушечный, виднелся великий Посейдонис; еще дальше — голубая пелена океана. Чистый горный воздух был наполнен ароматами горьких трав и хвои, близость пояса вечных снегов умеряла зной.

Особенно радостны были восходы солнца. Разноголосый хор птиц, румянец зари и разливающаяся по океану золотая река солнечных лучей приводили их в такой восторг, что они падали на колени перед восходящим светилом, воздевали руки и начинали петь гимн солнцу. Это было не религиозное обожествление солнца, но чистый восторг перед великолепием мира...

Потом приходил Акса-Гуам, уставший, часто окровавленный, и приносил на плече свежую дичь, горных коз, меха убитых зверей.

Пока аппетитно дымилось поджариваемое мясо, Акса-Гуам рассказывал о своих охотничьих приключениях...

И дни проходили незаметно.

Казалось, их «золотой век» никогда не кончится.

Но катастрофа сама напомнила о себе.

Еще накануне извержения вулкана в жизни леса стало твориться что-то неладное. Птицы срывались со своих гнезд и с беспокойными криками целыми стаями тянулись к океану. Из земли вылезали змеи и большие ящерицы; змеи с шипеньем целыми клубками скатывались вниз. Среди деревьев мелькали горные козы, лисицы и крупные звери. Блеяли козы, звери рычали и бежали все в одном направлении — вниз. Ломая деревья и громко трубя, промчался слон-отшельник. В воздухе стояла необычайная тишина и то особенное напряжение, которое испытывают нервные люди перед грозой. Но земля была неподвижна. Уже несколько дней не чувствовалось ни малейшего колебания почвы. Однако непонятное беспокойство овладело обитателями лесов *.

---

* Не только животные и птицы, но и некоторые люди инстинктивно чувствуют приближение вулканических катастроф. — *Ларисон.*

Адиширна и Сель уговаривали Акса-Гуама не идти на охоту.

— Пустяки! — ответил Акса-Гуам. — Сегодня-то и охотиться! Смотрите, козы бегут целыми стадами. Прощайте! Я скоро вернусь! — И он бодро зашагал в чащу.

Адиширна и Сель с тревогой проводили его глазами.

Акса-Гуам вышел на поляну и с изумлением остановился. Вся она была покрыта стадами бегущих коз. Он уже стал выбирать, в какую из них бросить копье, как вдруг ужасный толчок бросил его на землю. Как одна, упали и все козы, но тотчас поднялись и с жалостливым блеянием побежали вниз еще быстрее. Вслед за толчком раздался взрыв необычайной силы. Человеческое ухо не способно было уже воспринять его как звук. Акса-Гуаму показалось, что его ударили в оба уха. Он опять упал, почти потеряв сознание. Лежа на земле, он увидел, как над самым высоким горным хребтом вздымается огромный столб пара. С оглушительным грохотом жерло вулкана выбрасывает целые горы мелких и крупных камней. Пар, вода и пепел, поднимаясь все выше, распластывались над вершиной, как зонтик. Небо быстро затягивалось мглой. Над вулканом в несколько минут образовались темные тучи. Засверкала молния, загремел гром. Дождь и мелкие камни затрещали по листьям деревьев и скалам. Ухо несколько привыкло к грохоту вулкана и уловило новые звуки: отдаленный рев, быстро приближающийся.

— Откуда этот рев? — воскликнул Акса-Гуам и вдруг увидел, что столбы пара и тучи окрасились багровым отсветом...

— Огонь!.. Огонь и горячий пар растопили вековые льды и снега на вершине гор!..

Так оно и было. Через несколько минут огромные водопады уже неслись с вершин гор, увлекая в своем течении тысячепудовые камни, стволы деревьев, барахтавшихся животных.

Еще минута — и один из водопадов обрушился в долину, на высоком берегу которой находился

в это время Акса-Гуам. Путь к пещере был отрезан. Нечего было и думать перебраться через это бешеное течение... Приходилось думать лишь о собственном спасении.

Пары спускались ниже, наполняя воздух удушливым запахом серы и углекислоты... Кружилась голова... Несколько камней больно ударили по телу... Акса-Гуам поднялся, обмотал голову шкурой леопарда, которая была на нем, и бросился вниз, по горному кряжу, разделявшему два потока.

Высеченная из скал статуя Бога Солнца преграждала путь водопадам, и они растекались по обе стороны. Священный Холм не заливался водой, и туда бежал Акса-Гуам...

С величайшими усилиями ему удалось добраться до Холма.

Но здесь он увидел новые ужасы — ужасы человеческого безумия...

Сюда, на Холм, собрались брошенные, обреченные на гибель рабы. Власти больше не было. Не было ни царей, ни жрецов, ни воинов. Все были свободные, вольные, все были равны. И все были безумно богаты... Да, да!.. В Атлантиде остались еще несметные богатства. Землетрясение разрушило скрытые сокровищницы, и из храмов, пирамид, дворцов просыпались прямо на дорогу, в грязь, целые горы золота, бриллиантов, изумрудов... Безумие охватило толпу... Рабы собирали драгоценности, набирали в мешки, дрались, отнимали друг у друга, убивали... Закапывали бриллианты, хватали пригоршнями драгоценные камни, жадно прижимали их к груди или вдруг разбрасывали с безумным смехом. И самоцветные камни горели в грязи, как капли крови в багряном свете вулкана. Иные надевали роскошные, кованные золотом и усыпанные бриллиантами тяжелые облачения жрецов и праздничные одежды царей и с высокими коронами и тиарами на головах плясали безумный танец... И все это покрывалось беспрерывным грохотанием вулкана...

«Что, если кто-нибудь из них узнает меня?» — в ужасе подумал Акса-Гуам.

Но все они были слишком возбуждены, чтобы понимать что-нибудь.

Близкий к безумию, он бросился к Черному городу.

«Дедушка Гуамф, Цальна!.. Что с ними?..»

Он был уже недалеко от их дома, когда новый подземный удар потряс почву. И вдруг громадная трещина разверзлась между ним и домом дедушки Гуамфа. Из недр земли поднялся пар, насыщенный серой.

В клубах пара он увидел, как на другой стороне трещины появилась девочка Ле, сестра Адиширны. Она размахивала ручонками и что-то кричала.

Он не мог помочь ей... Ветер отнес в сторону пар, и он увидел, как большой камень, упавший с неба на голову Ле, замертво уложил кудрявую шалунью...

— Здесь больше некого спасать!.. — крикнул он с отчаянием и бросился к порту. В гавани еще стоял один из последних кораблей. Гребцы с усилием налегали на весла, но встречный ветер затруднял выход в открытый океан. Акса-Гуам бросился в волны и поплыл. Среди высоких бурных волн, освещаемых зловещим красным светом, виднелись головы рабов. Они плыли к кораблю, но немногие из них достигали цели: одних топили волны, других убивали падающие на головы камни с неба. Подплывавших совсем близко поражали с корабля метко пущенные копья. Акса-Гуам упорно плыл, стиснув зубы. Мрак сгущался, волны поднимались все выше. Гребцы бились из последних сил и медленно подавали корабль вперед. Акса-Гуама увидели. Копья замелькали вокруг него. Акса-Гуам нырнул, проплыл под водою до самого корабля и слабеющей рукой ухватился за бронзовое кольцо...

XVIII. ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ

Адиширна и Сель не пострадали от первого извержения, выбросившего массы паров, грязи и камней. Пещера укрыла их от каменного дождя, а по-

токи воды низвергались вниз бушующими водопадами по сторонам и водяной завесой с верхней скалы. В воде недостатка не было, а в пещере хранились запасы сушеных плодов и вяленого мяса, заготовленного Акса-Гуамом.

Но сам Акса-Гуам пропал бесследно. Адиширна и Сель оплакивали его гибель.

Прошло несколько дней.

Когда вода несколько спала, Адиширна и Сель вышли из своего убежища. Оглядевшись вокруг, они были поражены. Местность стала неузнаваемой. По сторонам пещеры еще бурлили потоки мутной воды. Громадные стволы лежали как трупы на поле сражения. Уцелевшие деревья, лишенные листвы, с поломанными сучьями, наводили уныние. Вода вырыла громадные выбоины и колеи, переместила скалы, нанесла кучи камней, ила и грязи, смешанной с пеплом. Среди поваленных деревьев и мусора виднелись вспухшие трупы животных и птиц.

Земля была опустошена, обезображена и пустынна. Мертвое молчание нарушалось лишь завыванием ветра.

Угрюмо и безотрадно было и небо. Солнце скрылось, и тяжелая пелена туч, пара и пепла задернула когда-то сияющий голубой полог неба.

Атлантида потеряла все свои краски и все свое великолепие... Адиширне казалось, будто он смотрит на ужасный, обезображенный труп любимого существа.

Он был потрясен, как художник и человек. Мысль о неизбежной гибели впервые вошла в его сознание, чтобы не оставлять его.

Как испуганные, брошенные дети, прижались они друг к другу и долго, с немым ужасом смотрели на опустошенный мир...

Слезы струились по щекам Сель.

Адиширна заметил их и поспешил успокоить свою подругу.

— Не печалься, Сель! Не все еще погибло! Что было бы с нами, если бы мы раньше сошли вниз? Тебя отняли бы от меня и увезли далеко, а меня

ждала неизбежная смерть. Но теперь мы подумаем о нашем спасении. Мы проберемся в порт и посмотрим, не осталось ли там какого-нибудь парусного судна. Если нет, я сколочу плот, прикреплю парус, и мы постараемся перебраться на восточный материк. Пролив невелик. И в нем много мелких островов *. Завтра с рассветом мы двинемся в путь.

— О, если бы вулкан хоть несколько дней дал нам сроку... Завтра рано утром мы отправляемся в путь...

Но вулкан не дал им отсрочки.

В ту же ночь, когда Сель мирно спала на разостланных шкурах, а Адиширна обдумывал план бегства, подземные силы вдруг опять заработали. Извержение паров было только началом **.

Сильный подземный толчок вдруг потряс пещеру. Большой камень оторвался от верхнего свода и ударил в плечо спящей Сель. Она вскрикнула от боли и проснулась. Адиширна подбежал к ней и быстро вынес из пещеры.

При свете костра Адиширна с ужасом увидел, что плечо раздроблено. Он готов был сейчас же нести на руках свою драгоценную ношу, но это было невозможно: вверху была отвесная стена, а внизу два бурных потока, обтекавших скалу, сливаясь, замыкали выход. Нечего было и думать перейти этот бурный поток с катящимися в нем камнями во тьме ночи с живой ношей на руках...

Адиширна положил Сель на землю.

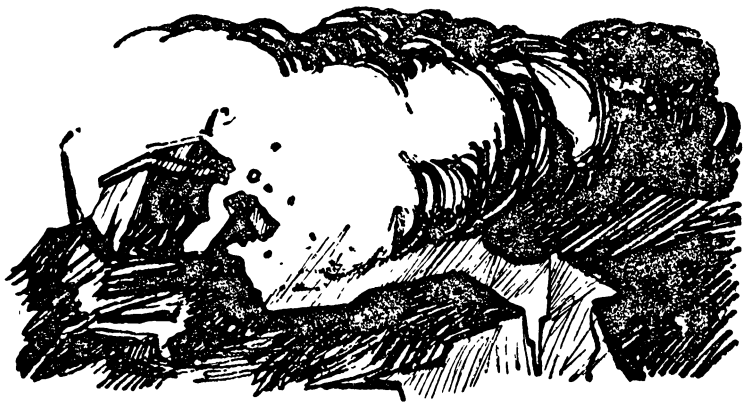
Оглушающий рев ветра, бушевание бури, громы-

---

* Восточный материк — Африка, отделявшаяся от Атлантиды проливом. Когда-то они составляли одно целое. О мелких островах, лежащих между Атлантидой и Африканским материком, упоминается и у Платона. Верность этого упоминания нашла полное подтверждение, как и многое другое, рассказанное Платоном об Атлантиде. — *Ларисон.*

** Извержения вулканов чаще всего начинаются выбрасыванием паров; иногда этим дело и кончается, но обычно вслед за этим следует извержение расплавленных масс лавы. — *Ларисон.*

хание камней, увлекаемых бурным потоком, удары грома, шум ливня, тьма... И вдруг, покрывая все звуки, из самых недр земли раздалось глухое рокотанье. Оно росло, приближалось, сотрясало почву. Дрожавшая земля начала подниматься, опускаться, качаться



из стороны в сторону. Подземный рев вырывающихся чудовищ огня все возрастал и вдруг превратился в оглушительный взрыв сверхъестественной силы. Вся верхушка конуса вулкана взлетела за облака. Обломки скал взлетели в воздух, освещенные снизу все усиливающимся заревом расплавленной лавы, которая поднималась вверх по жерлу вулкана. Тучи стали багровыми, как будто они налились кровью. На темном фоне гор, сбоку усеченной вершины вулкана, вдруг появилось пятно ослепительной яркости. Это расплавленная лава переплеснулась через край вулканического жерла. Скоро донеслось ее горячее дыхание. Воздух накалялся и все более насыщался серой и углекислотой. Становилось трудно дышать. Громадные камни, выброшенные на воздух, падали обратно в жерло. Прорывающиеся из недр земли, сжатые жерлом пары вновь выбрасывали их. Это создавало необычайный шум, лязг и грохот, словно работала какая-то чудовищная кузница. Мел-

кие камни долетали до Адиширны и Сель и с сухим треском падали вокруг них. Адиширна был так поражен, что сидел неподвижно, устремив безумный взор на все увеличивающуюся ослепительную полосу у вершины вулкана.

Расплавленная лава, как солнечное ожерелье, опоясала уже всю вершину вулкана. Ожерелье ширилось, от него стали отделяться такие же ослепительно-яркие «подвески»-потоки и стекать вниз по вековым пластам ледников. Лед плавился, превращался в пары, багровые в зареве вулканического огня. Новые бурные потоки воды устремились вниз.

Когда Адиширне казалось, что все уже потеряно, он с радостью заметил, что потоки лавы, охлаждаемые воздухом, почвой и водой, затвердевают, спускаясь ниже, медленно тускнеют и, наконец, покрываются темноватой корой. По этой коре еще вспыхивают некоторое время, как искры потухающего костра, прорывающиеся струи расплавленной лавы. Постепенно гаснут и они. Но новые потоки лавы вдруг переплескиваются через край жерла и с необычайной быстротой катятся по гладкой и горячей коре уже застывшей лавы. Только достигнув ее края и расплываясь по холодной неровной почве, эти по-

токи замедляют движение и так же медленно застывают. С каждым новым потоком лава спускалась все ниже, и пласт ее становился все толще.

От удушливого воздуха и тяжелой раны Сель потеряла сознание.

Адиширна держал ее на руках, как ребенка, пытался привести в чувство и машинально повторял:

— Только бы дождаться утра!

Он не знал, что утро давно настало, что день склонился уже за полдень, но небо и земля были погружены в тот же полумрак, освещаемый багровым светом вулкана.

Над вершиной вулкана кружились вихри пара и туч. В свете огня они казались пламенными. Молнии, как змеи, перевивали этот хаос. Удары грома заглушались непрерывным грохотанием вулкана.

Ждать больше было нельзя. Уже довольно крупные камни падали все чаще вокруг них. Несколько камней ушибло Адиширну и Сель. Она дышала все тяжелее. Озаренное багровым светом, ее лицо, искаженное застывшей гримасой страдания, казалось лицом мертвеца.

Сам Адиширна дышал с трудом, часто вдыхая отравленный воздух широко открытым ртом. Он ощущал, как струи горячего ливня смешиваются на его теле с выступавшим холодным потом. Голова кружилась, в ушах шумело, стучало в висках...

Он с трудом поднялся, взял на руки безжизненное тело Сель и вдруг в изнеможении опустился на землю... Ноги дрожали от слабости и волнения. Почва колебалась, уходила из-под ног или вдруг вырастала, подламывая ноги в коленях. Он чувствовал, что близок к потере сознания. Усилием воли он поборол слабость. Завернув голову Сель и свою звериными шкурами, он отправился в путь, чувствуя в слабеющих руках как будто все увеличивающуюся тяжесть тела Сель. Он падал вместе с Сель, слушал ее дыхание и вновь шел среди стонущего, искалеченного леса, спотыкаясь о камни, стволы и трупы животных, пока бурный поток не преградил ему путь. Адиширна остановился в нерешительности. Вода

клокотала, огромные камни, увлекаемые потоком, гремели по острым выступам русла. Обернулся назад, как будто ища спасения. Но потоки лавы спустились еще ниже. Они уже почти достигли их покинутой пещеры... Надо было решаться.

Адиширна искал переправы. Собрав силы, он стал переходить поток вброд. Но бурное течение сразу сбило его с ног, и он погрузился вместе с Сель в воду. В тот же миг он был прибит к берегу, больно ударившись боком о скалу. С трудом вышел он на берег и положил Сель. Вода несколько освежила его. Сель подавала слабые признаки жизни.

Отдохнув, он пустился в дальнейший путь. Здесь было уже меньше падающих камней, деревья сохранили часть листвы, и она задерживала проникновение удушливых газов. Дышать стало легче, и Адиширна ускорил шаги. Но идти было трудно, почва колебалась по-прежнему. Приходилось обходить трещины и образовавшиеся складки горной породы. Наконец он спустился на Священный Холм.

Здесь уже не было того безумного возбуждения, которое наблюдал Акса-Гуам. Большинство рабов укрылось в подземельях. На улицах встречались сошедшие с ума. Их было много. Они хохотали, прыгали и размахивали руками или отчаянно рыдали и рвали на себе волосы. Иные сидели на земле, неподвижные, безучастные ко всему, как статуи...

Новый подземный удар потряс землю. С вершины вулкана поднялся столб дыма и огня, вознесся выше туч, раскинулся над кратером, как распущенный зонт, и вдруг стал быстро спускаться на землю.

При первом же порыве ветра, принесшем клубы едкого дыма, Адиширна почувствовал присутствие в воздухе отравленных паров. Он задыхался. Бежать в порт было поздно... Адиширна оглянулся кругом и увидел, что он находился у дворца Ацро-Шану, Верховного жреца, хранителя Высших Тайн. Ворота в стене, ограждавшей сад, были открыты. Он бросился в сад, вбежал во дворец и по знакомым коридорам спустился в подземное помещение.

Здесь воздух был чище. Но все стены дали тре-

щины. Он вбежал в библиотеку и остановился в изумлении. Потолок комнаты обвалился, и в образовавшийся пролет было видно багровое небо. На полу валялось несколько трупов рабов, служивших у Ацро-Шану, придавленных обрушившейся частью потолка. У одного из столов стоял светильник. Груди бронзовых пластинок лежали на столе.

У стола сидел сам Ацро-Шану в своей черной жреческой одежде. Спокойный, как всегда, он старательно писал стилосом на бронзовой пластинке.

— Ты здесь?!. — в изумлении воскликнул Адиширна.

Ацро-Шану поднял голову и посмотрел на Адиширну. Насмешливый огонек сверкнул в его живых черных глазах.

— А! «Крылатый дракон» слетел с гор и принес похищенную голубку?..

Адиширна опустил Сель на пол и начал приводить ее в чувство.

— Оставь ее! — строго сказал Ацро-Шану. — Забвение — ценный дар природы. Не лишай ее этого дара. Иди сюда!

Адиширна повиновался. Укрыв Сель, он подошел к жрецу.

— Ты не уехал? — спросил он жреца.

— Я умру с Атлантидой, — спокойно ответил Ацро-Шану и с улыбкой прибавил: — И потом надо же кому-нибудь вести летопись. Без записи событий этих последних дней Атлантиды ее история не будет полна.

— Но какой смысл, если Атлантида погибнет?..— с недоумением спросил Адиширна.

— Погибают народы, живет человечество, — ответил Ацро-Шану *. — Расскажи мне, что происхо-

---

* Ацро-Шану, очевидно, обладал большим историческим кругозором; он писал для истории, для «нас», которые будут жить много тысячелетий спустя; и он не ошибся: мы нашли эти записи, и они дали чрезвычайно ценный материал, который я использовал и для настоящей повести. Научная ценность «бронзовой библиотеки» Атлантиды известна всему ученому миру. — *Ларисон.*

дило с тобой и что ты видел, — я запишу. Все мои рабы погибли, и круг моих наблюдений ограничен.

Было что-то властное в словах Ацро-Шану.

Адиширна, как в полусне, начал рассказывать. Ацро-Шану старательно записывал, иногда задавал вопросы.

Пол, стены и мебель дрожали, бронзовые пластинки позванивали и передвигались на столе, качало стул, на котором сидел Ацро-Шану. Струи ливня заносились в пролет обрушившегося потолка и лужами растекались по полу, смешиваясь с лужами крови убитых рабов, а Ацро-Шану писал, спокойный и бодрый, как всегда.

Удушливые газы начали постепенно проникать и сюда. У Адиширны кружилась голова.

Он смотрел на каменные плиты, пытаясь в затуманенном сознании восстановить какое-то событие, и никак не мог понять: кажется ли это ему, или в самом деле каменные плиты пола отходят друг от друга, между ними образуется трещина, она все растет. И вдруг он ясно осознал, что это не сон и не бред: громадная трещина прошла по полу, превратилась в зияющую щель и отделила его от Сель. Сель, лежащая на другой стороне образовавшейся трещины, вдруг вместе с полом отплыла куда-то от него. Толстые стены шатались, с треском рвались, разваливались, все качалось и рушилось. Ацро-Шану вместе со своими таблицами и стилосом в руке куда-то внезапно провалился...

Адиширна бросился к трещине в полу и протянул к Сель руки, но что-то ударило его в плечо и свалило с ног. Он упал на пол и увидел, как пропасть между ним и Сель со все ускоряющейся быстротой увеличивалась, превращалась в бездну, которая быстро заполнилась огнем. Стены далеко отошли друг от друга, открывая вдруг вид на вулкан и океан. Пол высоко поднялся, и Адиширна, уже теряя сознание, увидел последнее: как пропасть разодрала на две части весь материк через горный хребет от берега до берега океана. Открывшаяся бездна была полна

огня. Океан устремился в эту огненную бездну. Вода превратилась в пар и рвала материк еще больше, освобождая новые огненные массы... Безумная борьба стихий... Все это длилось, быть может, несколько мгновений...

Адиширна стремительно полетел вверх вместе со всем Священным Холмом, достигая косматых туч, и потом так же стремительно упал вниз и погрузился в бездны океана с Посейдонисом, со всеми храмами, пирамидами, маяком, горною цепью, людьми и животными.

Конец!

В одну ночь Атлантиды не стало.

На том месте, где стоял цветущий Остров Блаженных, заклокотала в бешеном водовороте гигантская воронка, превосходящая размерами величайшие материки.

Огонь и пары прорывались через нее и вырастали в огненно-водяные конусы.

Постепенно затихла эта борьба воды и огня, пока над погибшей Атлантидой не успокоилась гладь океана, усеянная всплывшими стволами деревьев, трупами людей и животных.

XIX. КОРАБЛЬ МЕРТВЕЦОВ

Большой корабль, расшатанный, без мачт, без весел, увлекаемый стремительным течением, плыл по бурному океану под темным, свинцовым небом, с которого падал зловещий, сумрачный свет.

Казалось, небо, отягченное косматыми громадами туч, обрушилось на океан. А океан в бешеном порыве заплескивал вершины громадных водяных гор за облака. Ураган с ливнем, волны и тучи неслись в дикой пляске, обнимаясь, смешиваясь в безумном хаосе стихий.

Рев ветра и грохот разъяренных волн потрясали полуразбитый корабль, и он трещал, скрипел и дрожал предсмертной дрожью раненого животного. Ураган обгонял тучи и волны, волны обгоняли корабль,

и все вместе они неслись с бешеной скоростью, будто низвергаясь с поверхности земли в мировую бездну. От времени до времени огненные снопы разрывали темные тучи, громовой раскат заглушал рев бури. На мгновение молния освещала водяную вершину, в которую она зарывалась с чудовищным шипением, окутывая паром место падения.

При вспышке молний во мраке пяти палуб были видны сидящие один за другим рабы, прикованные цепями.

Все они были мертвы.

В трупном оцепенении они еще держали скрюченными пальцами обломки тяжелых весел. В остекленевших глазах застыл последний ужас смерти. Ветер трепал уцелевшие тряпки на их полуобнаженных телах.

Все они разделили участь поработившего их «Государства Солнца». В пучине океана и огне вулканов погибла великая Атлантида, вслед за нею погибли и ее рабы... Погибли и спасавшиеся бегством жрецы.

Только в одном человеке сохранилась еще жизнь.

Суровый старик с длинной седой бородой, живой еще под саваном воды, струившейся по его черной длинной одежде, стоял на носу корабля, со взгля-

дом темным и ледяным, в котором чувствовалось дыхание бездны, и крепко сжимал руками треножник, поддерживающий медный диск. Жрец пытливо всматривался во мрак, ища берега сохранившегося еще мира, где корабль мог бы пристать.

В короткие мгновения, когда сквозь тучи проглядывало небо, атлант по звездам пытался определить направление. Огромные волны вздымались на пути и сдерживали быстроту движения корабля.

Корабль входил в одну из многочисленных флотилий, отплывших от берегов обреченной Атлантиды, когда ее гибель стала очевидной.

Один из многих... Что сталось с остальными кораблями?..

Первой отплыла из Атлантиды флотилия с царствующим домом и семьями жрецов. Жрец сопровождал эту флотилию.

Она пересекла африканский пролив и высадилась на берег.

В это время Атлантида уже вся дрожала от потрясавших ее подземных ударов, а в ее столице — великом Посейдонисе многие здания дали трещины. Сгущался мрак, шел беспрерывный ливень. Изредка еще проглядывавшее солнце было красно и тускло: разгневанный лик божества. Жрец вспомнил печальный караван, который потянулся в глубь Африки. Караван этот напоминал собой погребальное шествие. Да так оно и было: умирало «Государство Солнца», гибли великие Острова Блаженных, погибала высокая цивилизация...

Бесконечной лентой потянулся караван через кустарники и леса Западной Африки, откуда атланты набирали себе рабов. Все дальше и дальше двигалось это мрачное шествие, до стран тольтеков, майа и Карли... Тянулись дни более мрачные, чем ночь. Рыдали женщины, кричали дети, стонали рабы, подгоняемые плетьми, ревели ослы и верблюды. Тяжелые бронзовые колесницы тонули в грязи. Красный свет факелов вырывал из тьмы то золотую статую бога, мерно покачивающуюся на руках жрецов, то громадную, лоснящуюся от дождя тушу священ-

ного слона, то блестящие бронзовые копья и мечи, то испуганное лицо матери с ребенком на руках...

На мгновение свет упал на золотые носилки. Из них выглянуло лицо того, кто так недавно владел миром: последнего царя Атлантиды, Гуана-Атагуерагана.

«Власть атлантов должна быть незыблемой, как сама земля», — вспомнил жрец любимую фразу царя. И вот он, бледный, измученный владыка мира, еще более жалкий, беспомощный и ничтожный от желания сохранить маску величия и гордости...

Вой урагана и свист смерча сливали все звуки в один долгий, непрекращающийся однообразный вопль умирающей земли...

Доставив на африканский материк этих первых беглецов, жрец вернулся в Атлантиду руководить отплытием остальных флотилий.

Мрак спустился над Атлантидой еще больше. Почва лихорадочно дрожала. Все чаще следовали короткие толчки, один сильнее другого. Посейдонис освещался факелами. Одна из вершин вулкана курилась, и над ней стояло зловещее багровое зарево. Многие здания уже обрушились.

Жрец прошел на Священный Холм, к храму Посейдониса. Сюда доносились шум толпы, рыдания народа, покинутого и обреченного на смерть или изгнание. Этот шум заглушался громыханием вулкана, который тяжело дышал и будто собирался с силами.

Каста жрецов отплыла с последней флотилией. В Атлантиде остались только покинутые рабы. Остались еще некоторые граждане, слишком привязанные к своей солнечной родине и не верившие в близкую гибель Атлантиды.

Вершина вулкана была вся в огне, когда на последней флотилии стали поднимать бронзовые якоря. Подземные удары чувствовались даже на воде, и корабли вздрагивали.

Наконец корабли отчалили, оставляя навсегда цветущую Атлантиду. Аромат ее цветов смешивал-

ся теперь с удушливым запахом вулканической серы. Вся гора, у подошвы которой стоял храм Посейдониса, была теперь освещена, но не благостным, радостным светом Бога Солнца, а страшным, кровавым подземным огнем.

Оставшиеся на берегу рабы протягивали руки к отплывающим кораблям, падали на колени, умоляя взять их. Многие бросались вплавь, доплывали до кораблей, цепляясь за весла, и мешали грести. Тогда меткие стрелы с бронзовыми наконечниками и копья, пущенные с палуб, убивали их. Женщины с берега протягивали детей или грозили кулаками и бросали вслед отходящим кораблям камни. Некоторые из них сходили с ума и с безумным смехом кидали детей в море...

Корабли вышли из бухты; ветер сразу натянул паруса на треугольных мачтах и понес беглецов во мрак, по безбрежному океану, в неизвестное будущее. И вот он один... Быть может, единственный уцелевший из всех отплывших с последней флотилией...

Куда понесет его течение? Увидит ли он когда-нибудь солнце?..

День ото дня воздух становился холоднее. Тучи все еще покрывали небо, но цвет их приобретал серый оттенок. Таким же серым был океан.

День уже можно было отличить от ночи. Днем сумрачный, серый полусвет освещал корабль, синие, застывшие лица мертвых, их тусклые глаза.

Холод пронизывал ледяным дыханием тело жреца, привыкшее к теплу вечного лета. Но с наступлением холода уменьшился трупный запах от людей и животных, погибших на корабле.

Окоченевшими от холода руками жрец натянул на себя меховую одежду, которая хранилась среди запасов корабля.

Жрец заметил, что течение движется в косом направлении, то замедляясь, то вновь овладевая

кораблем. Корабль вошел в область подводных рифов.

Наконец изгнанник увидел берег земли.

Безотрадные, угрюмые, дикие скалы, покрытые снегом, высились над серым океаном...

Медленно падали с серого неба крупные хлопья снега...

Так вот она, новая земля, где придется ему окончить свои странствования!..

Быстрое течение принесло корабль к берегу и выбросило на отмель прибрежных скал.

Последний атлант сошел на землю *.

Суровый старик поднялся на бугор и осмотрел чуждый, враждебный мир.

Кругом было мертво и пустынно. Только неизвестные птицы с резким криком летали над волнами океана.

Наступила ночь. Странник укрылся в пещере, зажег священный огонь, поставил треножник с диском солнца, протянул к согревающему свету закоченевшие руки и слабым надтреснутым голосом запел гимн Солнцу...

Он долго сидел в эту ночь. И пляшущее пламя костра освещало его скорбное, задумчивое лицо... Наконец, истомленный усталостью, он уснул, завернувшись в меховой плащ, грезя о солнце Атлантиды.

Наутро он стал устраиваться на новом месте. Перетащил с кораблей бронзовые инструменты и оружие. При помощи корабельных досок соорудил дверь в пещеру. Сложил в ней запасы продовольствия и шкатулки, в которых хранились священные книги и семена.

Каждое утро он поднимался задолго до восхода солнца, шел на берег моря и ждал восхода солнца.

Небо по-прежнему было затянуто серой пеленой. Но он верил: солнце вернется — воскреснет сияющий бог.

---

* Следы атлантов найдены на северном берегу французской Бретани. — *Ларисон.*

И оно вернулось после одной ясной, морозной ночи.

Северный ветер, поднявшийся с вечера, снял с неба серую пелену, открыв темно-синее небо, на котором сверкали неизвестные созвездия.

Утро пришло такое же ясное и морозное. На востоке небо окрасилось розовым светом утренней зари.

И вдруг из-за горизонта поднялось солнце...

Оно казалось изможденным пережитой борьбой с силами мрака.

Но его бог был с ним после долгой, бесконечной печальной разлуки.

На одно мгновение солнце будто остановилось над самым морем, по обе стороны его диска тянулись края горизонта. А прямо от солнца, по морю, прошла к берегу, на котором стоял жрец, золотая полоса, как золотой мост от солнца к человеку.

В этот момент диск солнца, линия горизонта и золотая полоса на поверхности океана составляли фигуру, удивительно напоминающую священный символ атлантов, который можно найти везде: у Полярного круга и у тропиков, в Южной Америке и в глубинах Средней и Восточной Азии.

Суровый, седой жрец, взволнованный и растроганный, упал на колени, протянул руки к восходящему солнцу и запел гимн солнцу.

Голос его окреп. Простая, но красивая и торжественная мелодия зазвучала над пустынными берегами, будя эхо в прибрежных скалах...

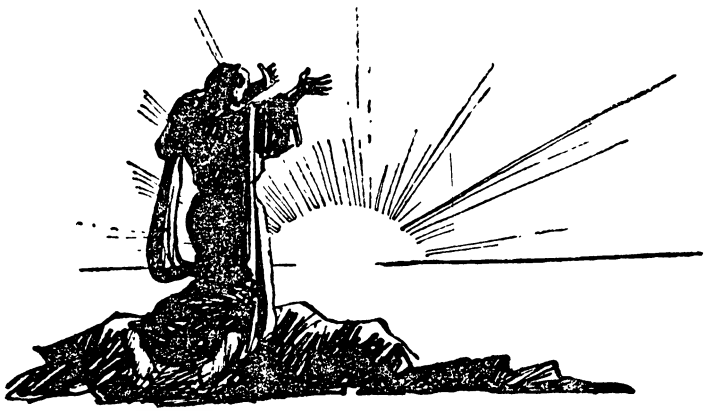
Он пел о могуществе трижды священного бога, который побеждает ужасы мрака, дарует людям радостный свет и тепло, придает земле многообразие красок, наливает соком плоды и исцеляет болезни.

Он пел о солнце, которое играет бриллиантами в каплях росы, румянит облака и расплавляет в золото струи воды.

Он пел о солнце, которое превращается в горячую кровь человека, и в сладкий сок винограда, и в золотое зерно.

Он пел о солнце, которое есть радость и жизнь.

Он пел и не видел, как, привлеченные его пением, из-за утесов показывались белолицые люди в звериных шкурах, с голубыми глазами и русыми волосами. На кожаных ремнях у них висели каменные топоры.



Они с недоумением смотрели на диковинного старика в длинной черной одежде, поющего на незнакомом языке.

Откуда он взялся?.. Что ему здесь нужно?.. Какую опасность таит он в себе?..

XX. ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

Суровый климат оказался губительным для старого атланта. Вскоре после высадки на берег он заболел. Вспомнив о том, что в полуразрушенном, выброшенном на берег корабле хранились запасы лекарств, жрец, преодолевая слабость, поднялся на его палубу.

И вдруг ему показалось, что он бредит.

У одной из мачт, греясь в бледных лучах северного солнца, сидел человек. Лицо его было изможденo

и носило следы болезни. Но все в нем обличало жителя Атлантиды: удлиненные череп и нос, черные волосы, цвет кожи золотисто-бронзового оттенка, одежда...

Жрец подошел ближе. Неизвестный оглянулся, и оба они одновременно воскликнули:

— Шитца!

— Акса-Гуам!

Они стояли в нерешительности: жрец Шитца и Акса-Гуам, примкнувший к восстанию рабов против Священного Холма, обреченный на смерть царем и жрецами...

И они дружески протянули друг другу руки в знак приветствия.

В эту ночь былые враги долго сидели у костра и рассказывали о пережитом.

В ту ужасную ночь, когда произошло первое извержение вулкана, Акса-Гуам вплавь достиг последнего отплывавшего корабля и уцепился за бронзовое кольцо. Под покровом ночи, по канату ему удалось проникнуть через полуоткрытый люк в трюм корабля, где он и скрывался во все время путешествия. От недостатка свежей пищи у него сделалась какая-то неизвестная в Атлантиде болезнь: опухли ноги, зубы шатались, десны кровоточили *. Воздух был отравлен трупным запахом. Если бы не близость люка, через который проникал свежий воздух, он задохнулся бы. Он перенес необычайные мученья и уже почти не мог двигаться от слабости и боли в опухших ногах, когда корабль прибило к берегу.

Свежий воздух и солнце медленно возвращали ему силы.

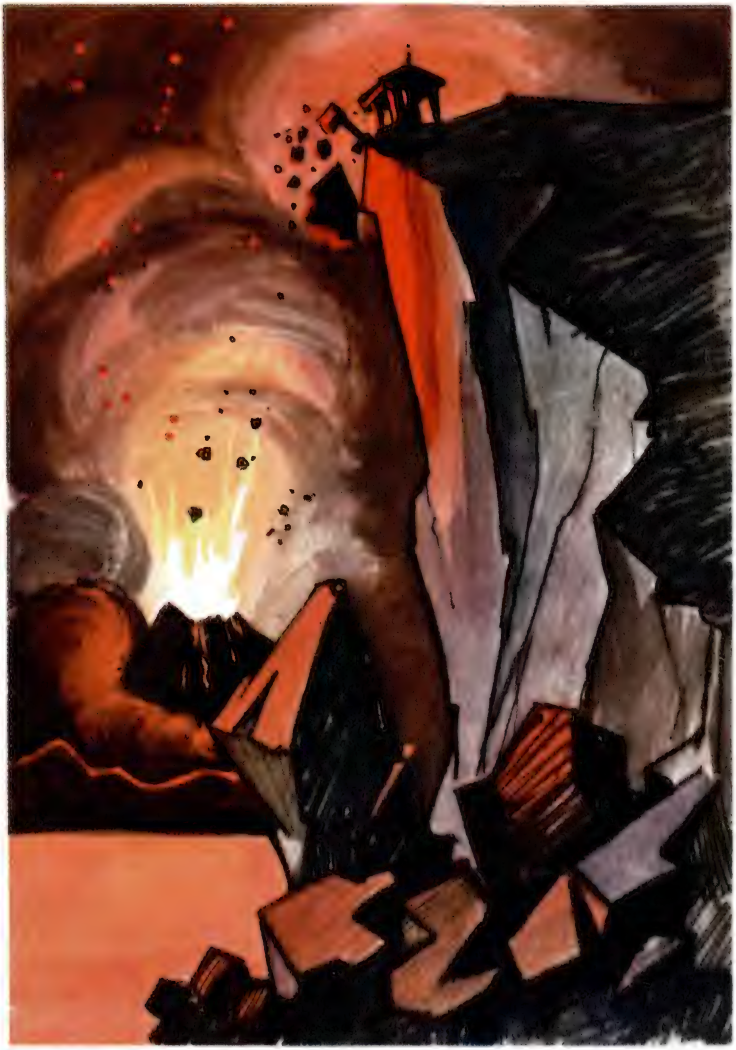
Шитца, в свою очередь, рассказал ему о своих странствованиях, вплоть до встречи с ним.

— Здесь живут белокурые люди в одеждах из звериных шкур. Это дикари, которые делают грубые топоры и ножи из отесанных камней **. Они не

---

* Нет сомнения, что это была цинга. — *Ларисон.*

** В то время как Атлантиде было уже известно изготовление бронзы, Европа переживала еще каменный век. — *Ларисон.*



умеют обрабатывать землю и питаются сырым мясом убитых животных. Даже добывание огня неизвестно им. Они едва не убили меня. Но вид разведенного мною костра привел их в священный трепет, а наше блестящее бронзовое оружие — в необычайный восторг. Теперь они почти боготворят меня. Язык их груб и беден. Он напоминает скорее язык животных, чем людей: рассерженные, они ворчат по-звериному, а нападая на зверя или врага — рычат, ревут и лают, как он. Но они любопытны и переимчивы. Они понимают ласку, и тогда становятся доверчивыми, как дети... Кто знает, может быть, когда-нибудь и они станут такими же людьми, как атланты!..

Шитца устал и закрыл глаза. Он тяжело дышал. Лихорадочный огонь пожирал его и зажег румянец на старом, изможденном лице.

— Я скоро умру... Как хорошо, что я встретил тебя!.. Ты закроешь мне глаза и похоронишь по нашему обычаю. Проходит все... народы умирают, как человек, и гибнут целые государства... Быть может, ты последний человек из Атлантиды. Что сталось с другими?.. Умрешь и ты, и память об Атлантиде изгладится в грядущих тысячелетиях... Скоро восход... Вынеси меня на берег...

Акса-Гуам вынес жреца и положил лицом к востоку.

Шитца не мог уже говорить. Он смог только улыбнуться первым лучам солнца и умер.

Акса-Гуам остался один — быть может, один во всем мире, последний человек из Атлантиды.

Он познакомился с обитателями этих унылых мест и скоро завоевал своими знаниями их глубокое уважение.

Когда настала весна, он научил их обрабатывать землю и засевать вспаханные мотыгами поля. Он научил их добывать огонь посредством трения сухих кусков дерева или высекая искру из кремня в сухие листья и мох. Многим ремеслам и знаниям научились они от него. Одни из них стали оседлыми земледельцами, другие продолжали заниматься охотой

и войнами. А в долгие зимние вечера он рассказывал им чудесные истории о Золотом веке, когда люди жили счастливые, среди вечно цветущих садов и деревьев, которые дают плоды несколько раз в год, — жили, не зная забот и нужды... Говорил о богатстве и великолепии Острова Блаженных, о Золотых Садах с золотыми яблоками, о героических битвах и об ужасной гибели целого народа и страны, о страшных ливнях, сопровождавших эту гибель, о спасении на кораблях немногих из них, о своем плавании, которое длилось сорок дней и сорок ночей, и о своем спасении...

Люди слушали эти рассказы с захватывающим любопытством детей, передавали друг другу, прибавляли и украшали эти повествования от себя, берегли, как священное предание.

Продавец воздуха

Текст печатается по изданию:

Александр Беляев,

Избранные научно-фантастические произведения в 3 томах.

М., «Молодая гвардия», 1957, т. 2.

I. ОКАЯННЫЙ КРАЙ

«ОКАЯННЫЙ край!» — так писатель В. Г. Короленко назвал Туруханский край. Но название это вполне приложимо и к Якутии. Печальная тощая растительность: в местах, защищенных от ветра, — хилые кедры, тополь да корявые березки; дальше к северу — как будто скрюченный болезнью кустарник, ползучая береза, стелющаяся по земле ольха, вереск; еще дальше — болота и мхи. Когда глядишь на эти хилые, пришибленные деревья и кустарники, бессильно льнущие к земле, кажется, будто несчастные растения хотят уйти в глубину, скрыться от леденящих ветров, не видеть этого «окаянного края», куда закинула их злая судьба.

И если бы их воля, они вытащили бы из мерзлой земли свои корявые корни и поползли бы туда, на юг, где благодетельное солнце, тепло и ласковый ветер... Но деревья принуждены умирать там, где они родились; все, что они могут сделать, — это пригнуться ниже под ударами ветра судьбы и ждать своей участи.

Не таков человек: он сам выбирает свой путь и свою участь, оставляет солнце, тепло и уют и идет, влекомый стремлением к борьбе, в неведомые, негостеприимные страны, чтобы победить природу или сложить свои кости рядом с хилой, корявой березой на холодной земле...

Эти несколько мрачные мысли невольно приходили мне в голову, когда я пробирался со своим проводником и помощником, якутом Николой, вдоль берега реки Яны. База нашей экспедиции находилась в «столице» Якутии Верхоянске — маленьком городке с населением, которое могло бы вместиться в одном московском доме средней величины.

По внешности Верхоянск остался тем же, чем он был много лет назад: несколько десятков деревянных домов, большею частью без кровель, и столько же юрт, разбросанных без всякого порядка по обоим берегам Яны, в низменной болотистой местности, усеянной большими озерами. Почти перед каждым домом имеется «собственное» озеро, но вода в нем мутная, пить ее нельзя, и жители принуждены запасаться льдом на круглый год. Только вывески советских правительственных учреждений, магазинов Якторга и кооператива напоминают при первом ознакомлении с городом о современности.

Все мои сложные и дорогие инструменты: барографы Ришара, микробарографы, анемометры и барометры * — я оставил в Верхоянске. Со мною были только небольшой барометр, термометр и довольно примитивный флюгер, доставляющий нема-

* Барограф — самопишущий барометр, прибор, записывающий последовательные изменения в давлении атмосферы. Анемометр (ветромер) — прибор для измерения скорости и направления ветра.

лое удовольствие Николе. Для него это была такая же занятная игрушка, как детская ветряная мельница.

Наша экспедиция, во главе которой я стоял, была организована для изучения метеорологических условий полюса холода, находящегося в окрестностях Верхоянска, главным же образом для выяснения причин изменения в направлениях ветров.

Дело в том, что с некоторого времени метеорологами было установлено странное явление: пассаты и муссоны * начали изменять свое обычное направление. В экваториальной зоне ветры, дующие обычно от востока и к экватору, начали отклоняться на север, и чем далее к северу, тем это отклонение замечалось сильнее. Синоптические карты ** обнаружили, что в области Верхоянска образовался какой-то центр, куда и направляются ветры, как лучи, собираемые в огромный фокус. Это повлекло за собою (правда, еще малозаметное) изменение средней температуры: на экваторе она несколько понизилась, на севере повысилась. Такое явление вполне понятно, если иметь в виду, что холодные ветры с Южного полюса начали направляться к экватору, а экваториальные теплые — на север. Замечались и другие странные явления, пока обнаруженные лишь точными физическими инструментами да некоторыми инженерами, наблюдавшими за работой пневматических машин. Эти наблюдения говорили о том, что атмосферное давление несколько понижено. О том же говорили и наблюдения над ослаблением силы звука, в особенности на высотах (летчики жаловались на перебои мотора уже на высоте двух тысяч метров).

Люди и животные, по-видимому, еще ничего опасного и вредного в этих метеорологических изменениях не чувствовали и не замечали, но ученые, бодрствовавшие за своими инструментами, были

---

* Пассаты и муссоны — ветры постоянного направления.

** Синоптические карты — карты, на которых отмечается (несколько раз в сутки) состояние погоды в различных местностях в определенное время.

обеспокоены и, еще не волнуя общественного мнения, изыскивали меры к выяснению причин всех этих странных явлений. На мою долю выпала честь принять участие в этой работе.

И пока в Верхоянске заведующий хозяйственной частью экспедиции заканчивал последние приготовления и покупал лошадей и собак, я решил отправиться налегке, чтобы точнее определить направление нашего пути. В этих широтах ветер дул с запада на восток сильно и равномерно, так что даже с моими несложными инструментами можно было довольно точно ориентироваться. Наш путь лежал к отрогу Верхоянского хребта.

Мой спутник и проводник Никола был типичным якутом: у него были длинные тонкие руки, маленькие кривые ноги, медлительные и тяжеловатые движения. Его идеалом было ничего не делать, много есть и жиреть. Но, несмотря на этот «идеал», он был отличный, исполнительный работник и неутомимый ходок. Природа наградила его большой жизнерадостностью: без нее Никола едва ли выжил бы в «окаянном краю». Впрочем, для него этот край совсем не был окаянным: Якутия была самым лучшим местом на земном шаре, и Никола не променял бы свои мхи и корявые березы на роскошные пальмы юга.

Он или курил деревянную трубочку, или мурлыкал песни о солнце, не заходящем на небе, о реке, о камне, о пролетевшей птице, о всем, что видит. А его черные глаза с немного скошенными веками видели многое, ускользавшее от моего внимания, несмотря на то, что Никола, как я убедился, не различал некоторых цветов: слишком бедны были краски его родины, и он видел мир почти таким же серым, как мы его видим в кино.

— Сильно хоросо лето, — говорил он, сплевывая желтую от табака слюну. — Сильно тепло.

Он был прав: для Якутии стояло необычайно теплое лето. Даже ночью (при незаходящем солнце) температура не опускалась ниже нуля, а днем поднималась до 30° С, иногда и выше.

Мы переправились через реку и начали взбираться на горный склон, поросший тальником, лиственницей и кустарниковой березой. Несмотря на очень теплую погоду, нам от времени до времени случалось переходить наледи, или «тарыны», — целые островки еще не растаявшего льда. Огромные трещины — работа лютого холода — покрывали землю густою сетью, похожею на сеть морщин, украшавших лицо Николы.

Стояла «красная ночь»: багровое солнце медленно катилось на севере, окрашивая в красный цвет вершины холмов, покрытые снегом.

Мы благополучно перебрались через горный ручей, и я уже начал осматриваться кругом, выбирая стоянку для ночлега, как вдруг Никола остановился, вынул трубку, сплюнул и спокойно сказал:

— Крисит.

— Кто кричит?

— Селовек крисит.

Я прислушался. Ни единого звука не долетало до меня.

— Я не слышу, — сказал я.

— Далесе крисит! — И Никола махнул рукой в сторону. — Беда с ним, однако.

— Если беда, так пойдем на помощь. Может быть, на охотника напал зверь...

— Как хоцес. Пойдем. Не надо ходить на зверя, когда стрелить не умеесь. Стрелить не умеесь — ворона обидит, — нравоучительно говорил Никола, быстро взбираясь на гору.

Я едва поспевал за ним.

Мы прошли не менее километра, когда, наконец, и я услыхал заглушенный крик человека. Острота слуха Николы была изумительна! Крик прекратился, и вдруг я услышал два глухих выстрела.

— Сильно дурак. Снасяла крисит, а потом стрелит. Надо снасяла стрелить, — продолжал ворчать Никола.

Мы взобрались на вершину и увидали заболоченную горную поляну. В каменистый берег упиралась топь, поросшая мхом. В нескольких метрах от бере-

га я увидал человеческую фигуру, наполовину засосанную тиной.

Человек также, по-видимому, увидал нас и начал размахивать руками. Прыгая с камня на камень, мы поспешили ему на помощь. Я протянул утопавшему конец ружейного ствола, человек уцепился за ствол правой рукой — в левой он держал какой-то предмет, который казался мне похожим на вымазанный в грязи цилиндрический бидон для керосина.

— Бросай кусын! — крикнул Никола человеку.

Но утопавший, по-видимому, ни за что не хотел расстаться с бидоном. Он кряхтел, раскачивался, напрягал правую руку, но продолжал держать в левой свой сосуд.

— Бросай на берег! — крикнул я.

Этого совета человек послушался. Он размахнулся, бросил бидон на берег, ухватился обеими руками за ствол ружья и начал вылезать из тины.

Не без труда удалось нам извлечь на берег неизвестного человека. Вид его поразил меня. Его довольно полное бритое лицо было совершенно европейского типа. На нем был измазанный грязью, но хороший костюм альпийского туриста, на голове — серое кепи.

Выйдя на берег, он прежде всего схватил бидон, которым, по-видимому, очень дорожил, потом протянул мне руку и сказал на ломаном русском языке:

— Очень благодарю вас. В этих местах я не надеялся на помощь. Ви услыхали мой выстрелы?

— Да, выстрелы, и вот он, Никола, еще раньше услыхал ваш крик.

Неизвестный одобрительно кивнул головой в сторону Николы.

— Револьвер пропал, но это пустяк, — продолжал неизвестный. — Хорош якут. Ви удивлены? Я чшлен экспедиции изучений Арктики Английски королевски географически общества. Ви тоже наушный работник?

— Да, я от Академии наук СССР... Не хотите ли посушить вашу одежду? — спросил я, продолжая внимательно осматривать его.

То, что я принял за бидон, оказалось чем-то иным, но я не знал, что это такое. Цилиндр, отсвечивавший сквозь грязь ртутью, заканчивался вверху узким горлышком и, судя по натяжению руки, державшей его, был довольно тяжелым.

— Осушиться? Нет, благодарю вас. Мне не надо. Благодарю вас.

Кивнув головой, он неожиданно повернулся и начал быстро подниматься вверх по склону.

Я с недоумением смотрел ему вслед. Человек, только что спасенный от смерти, мог бы проявить больше внимания к нам. И откуда он появился здесь? Мне не приходилось слышать об экспедиции, отправленной сюда из Англии. И этот странный бидон...

— Сильно дурак. Ливольвел бросил, кусын спасал, — высказал Никола свое мнение о неизвестном.

Потом он задумался, неодобрительно мотнул головой и начал собирать сучья для костра. Мы сами вымокли, спасая англичанина.

— Эй! Эй! — вдруг услышал я голос неизвестного.

Он стоял на большом поросшем мхом камне и махал рукою.

— Услуга за услугу! — крикнул англичанин. — Не ходите туда, — он протянул руку по направлению ветра, — там смерть! — И, кивнув головой, он спрыгнул с камня и скрылся.

«Что за странное предупреждение! — думал я. — Не ходить в ту сторону, куда дует ветер?» Но именно туда мне и нужно было идти. Я должен был исследовать тот «фокус», куда направлялись ветры со всех сторон земного шара.

II. «МЕРТВЫЙ КАЮК»

Как только мы остановились, туча комаров облепила нас. Но, очевидно, это был пустяк по сравнению с тем, что здесь обычно бывает летом.

— Однако, сильно мало комаров, — сказал Никола. — Ветром сдувает.

— Куда уж больше! — проворчал я.

— Надо сильно больше. Солнце не видно, гор не видно. Вот сколько комара надо, — ответил Никола, разжигая костер и устанавливая походный чайник на треножнике из сучьев.

Пока вода вскипела, Никола раскурил трубку, растянулся на земле и погрузился в думы. Против обыкновения он не пел и не говорил. Молчание продолжалось довольно долго. Потом Никола, выпустив густую струю дыма, сказал:

— Однако, плохо. Сильно плохо.

Никола, видимо, был чем-то озабочен.

— Что плохо, Никола? — спросил я его.

— Этот человек... Сильно нехоросо. Пусть бы он тонул... Три раза лето и три раза зима — я видел такой человек.

— Ты знаешь его? — с удивлением спросил я Николу.

— Не его. Похож на него. Там!.. — и Никола показал рукой на север.

— Не говори загадками, Никола, — нетерпеливо сказал я. — В чем дело?

И Никола рассказал мне на своем бедном словами, но богатом образами и меткими выражениями языке удивительную историю.

Это было три года назад. Никола со своим отцом и братом рыбачили в Селлахской губе *. Был конец лета. Ветер дул еще с берега, но ледяные глыбы, все в большем количестве появлявшиеся в Северном Полярном море, говорили о близком наступлении зимы. Никола советовал вернуться скорее домой, но лов был хороший, и отец Николы, старый опытный рыбак, не торопился. Он уверял, что вместе с морозами подует северный ветер, который быстро принесет их к берегу.

Однако умиравшее лето не хотело уступить зиме без боя. Южный ветер все усиливался и перешел в шторм. Рыбаков относило к острову Макара. Небольшой парус сорвало, рулевое весло сломалось о ледяную глыбу. Седые волны трепали маленький каюк, как щепку. Но привыкшие к опасностям своего промысла, рыбаки не теряли присутствия духа. Льдины им давали пресную воду, а рыбы было в изобилии. Им приходилось страдать только от холода, но недаром они выросли в самом холодном месте земного шара. Их организм стойко сопротивлялся. Полузамерзшие, оледенелые, они подбадривали друг друга шутками.

На третий день их странствования случилось несчастье: их каюк попал между ледяными глыбами, которые смяли его, как яичную скорлупу. Рыбаки едва успели выбраться на льдину и продолжали на ней путешествие.

Предсказание отца Николы, хоть и с опозданием, исполнилось: береговой ветер утих, и скоро потянуло ровным ледяным дыханием с севера. Льдина направилась к берегу, но до него было далеко. А го-

* Селлахская губа — залив Северного Полярного моря восточнее устья Яны (Якутия). Название губа получила от речки Селлах, одной из многих тундровых речек, впадающих в губу. На реке Селлах и в заливе богатые рыбные промыслы.

лод начинал не на шутку беспокоить потерпевших крушение. Рыба погибла вместе с каюком. Ловить руками было не так-то легко. Рыбаки начали слабеть от голода. Море, взбаламученное переменой ветра, кипело. Ледяные брызги окатывали путников с ног до головы. Иногда волны перекатывались через них.

— Сильно плохо было, помирать надо, — пояснил мне Никола.

Однажды ночью — хотя солнце в это время уже заходило за горизонт, но ночи были очень светлые — рыбаки увидали «сильно большой каюк», который шел прямо на них, сверкая огнями.

Это был пароход, но такой огромный, какого Никола никогда не видал в своей жизни. Рыбаки закричали и замахали руками. Пароход приближался, но людей на нем не было видно. Однако, судя по тому, что он направлялся прямо к льдине, рыбаки решили, что их заметили на пароходе. «Почему только он не кричит?» — думал Никола. Чем ближе подходил пароход, тем он казался больше. «Мне надо было смотреть вот так», — объяснил Никола, поднимая лицо к небу.

Радость рыбаков скоро сменилась ужасом. Нос огромного парохода уже был в нескольких метрах от них, а на палубе его не было видно ни одного человека... Еще минута — и киль парохода врезался в льдину и разбил ее пополам. Раздался страшный треск, ледяная вода залила Николу, — он почувствовал, что льдина ушла из-под его ног. Когда Никола вынырнул, отца и брата не было. Они оказались на той половине льдины, которая пошла мимо лейого борта, а Никола оказался справа от парохода... С тех пор Никола никогда больше не видал ни отца, ни брата и не знает, что с ними.

Никола барахтался в воде, а железная стена пароходного корпуса проплывала мимо него. Сомнения не было: команда парохода не заметила их... Никола был обречен на гибель, если сам не позаботится о себе. Давлением воды Николу относило от парохода, но он был хороший пловец и, делая невероятные усилия, держался вблизи. Мимо Николы

проплывали освещенные иллюминаторы. Никола кричал, но никто не показывался в иллюминаторе.

Вдруг Никола увидел конец троса, спущенного с палубы. Рискуя вырвать руки из плеч, Никола бросился к нему, но волной Николу отнесло в сторону, и он проплыл мимо троса, когда тот находился всего на расстоянии полуметра от руки. Никола приходил в отчаяние. Но ему не суждено было умереть. Скоро он увидел болтающийся над самой водой трап, спущенный с палубы. Вскочив на обломок льдины, Никола подпрыгнул, протянув руки к трапу. Льдина перевернулась под ним, но Никола уже держался за трап. Он был спасен. Быстро поднялся Никола по трапу и взошел на палубу корабля, ожидая встретить удивленные лица матросов.

Но удивляться пришлось не матросам, а самому Николе: палуба была пуста. Ни одного человека! Мертвый корабль! Только снизу глухо доносился гул мощной машины...

Никола никогда не слыхал легенды о Летучем Голландце, но бедного якута обуял такой ужас, как если бы он попал на этот легендарный корабль.

Ужас был так велик, что в первую минуту Никола подумал, не прыгнуть ли за борт. Но, посмотрев на бушующий океан, он одумался.

«Может быть, люди боятся холода и находятся в каютах», — решил он и начал осмотр парохода, пробираясь по трапам и коридорам осторожно, как вор. Каюты были пусты, не исключая капитанской; рубка, кубрик и камбуз также.

Никола переходил от ужаса к недоумению. Если все здесь умерли, то должны были остаться хоть трупы тех, кто пережил других. Если все бежали с корабля, то он не может идти. А если он идет, то машинист, кочегары и рулевой должны быть на месте.

Никола сошел в котельную, но и там никого не было. В машинном отделении также никого. Как будто пароход шел, управляемый невидимой рукой мертвеца. Никола почувствовал, что у него поднимаются от ужаса волосы. Не помня себя от страха, он взо-

шел на палубу и пробрался к штурвалу. Никого! Гонимый ужасом, Никола побежал на нос корабля. И здесь он впервые увидел человека, стоявшего на самом носу с опущенной головой.

— Эй! Это я!.. Кто ты?.. — крикнул Никола хриплым голосом.

Человек стоял неподвижно. Это было страшно, как все на пароходе, но Никола чувствовал такую потребность видеть возле себя хоть одно живое существо, что, пересилив страх, подошел к человеку, стоявшему на носу, и заглянул ему в лицо. Это был мертвец! Никола только теперь увидел, что мертвец был привязан тонким линем к фальшборту...

По описанию Николы этот мертвец был очень похож на англичанина, которого мы вытащили из болота: такой же бритый и так же одетый. Теперь мне было понятно мрачное настроение Николы: встреча с нашим англичанином напомнила Николе о самом трагическом происшествии в его жизни.

— Ну и что же было дальше, когда ты увидел мертвеца?

— Я завыл, как волк, — ответил Никола.

И он продолжал свой рассказ. Страшней «мертвого парохода» Никола не встречал ничего во всю свою жизнь. Но на пароходе было по крайней мере тепло и сухо. Голод превозмог ужас, и Никола отправился на поиски съестного. Он нашел несколько бочек пресной воды, но с провиантом дело обстояло хуже. Николе удалось разыскать только мешок сухарей, завалившийся за пустые ящики. Однако для невзыскательного якута и это было хорошей находкой.

«Мертвецы, значит, пьют воду, но мало едят», — решил Никола и не без страха засунул первый сухарь в рот. Он боялся, что из-за его спины вдруг протянется мертвая рука и мертвец крикнет: «Отдай мои сухари!»

Но мертвецы оказались покладистым народом и не помешали Николе съесть сразу десяток сухарей и запить их двумя ковшами воды.

Когда Никола поел и обсушился, то почувствовал

себя совсем неплохо. Он выбрал себе удобную каюту и, на всякий случай похвалив мертвецов за их доброту, улегся, не раздеваясь, на мягкую койку. Последней его мыслью была та, что пароход, очевидно, прислан специально для него каким-то духом-покровителем. Жалко, что погибли брат и отец, но одному судьба жить, а другому умереть!..

Никола крепко уснул и проспал очень долго. Его разбудили скрежет, треск и покачивания парохода. Открыв глаза, Никола долго не мог понять, что с ним и где он. Вспомнив, что он находится на «мертвом каюке», он вскочил. С каюком, по-видимому, творилось что-то неладное: как будто ожили мертвецы и пляшут, гремя костями. Николе опять стало страшно. Он поднялся на палубу. Резкий, сильный ледяной ветер едва не сбил его с ног. Пароход качало. Никола посмотрел вперед и обмер от ужаса. С громом и скрежетом вокруг судна плясали, сталкивались и ломались большие ледяные глыбы. Но не это испугало Николу. Подхваченный сильным течением, пароход бешено летел между двумя отвесными скалами в узком проливе и направлялся прямо на такую же отвесную каменную стену. Мертвецы играли плохую шутку, и судно, пожалуй, было подослано Николе не духом-покровителем...

Никола подбежал к мертвецу, привязанному на носу парохода, и, схватив его плечо, начал так трясти, что мог бы вытрясти из него жизнь, если бы кто-то другой не сделал этого еще раньше.

— Ты сто делаесь?! Не видись? — закричал Никола. — Верти назад!

Мертвец упал туловищем вперед, кепи его свалилось за борт. Но он не послушал Николы, и пароход продолжал нестись к скале. Никола бросился к штурвалу, но скоро понял, что рулем тут не поможешь, пролив был слишком узок. С последней надеждой Никола вбежал на капитанскую рубку и крикнул в слуховую трубку приказ в машинное отделение:

— Садни ход! — как это делал капитан парохода на Лене.

Но дух машиниста не хотел повиноваться. Машина гудела...

— Сильно дураки! — выбранил Никола своих воображаемых спутников.

Он привык к быстроте решений. Видя тщетность своих усилий предотвратить катастрофу, он сделал все, что можно было успеть, для спасения себя: быстро слетел вниз, принес мешок с сухарями, бросил в шлюпку и взобрался в нее сам, ожидая событий. И они наступили очень скоро. Пароход ударился о скалу с такой силой, что Никола вместе со шлюпкой сразу оказался лежащим на палубе. Страшный треск столкновения был заглушен еще более ужасным ревом взорвавшихся котлов, и пароход начал тонуть. Он лег на правый борт, так что волны покатились по палубе. Никола воспользовался этим и стащил шлюпку в воду.

Водовороты завертели шлюпку, льдины мешали грести. А пароход при своем погружении мог увлечь за собою и его. Это был очень опасный момент. Но Никола, поглядывая на пароход, понемногу выбивался на простор и, наконец, попал в течение, огибавшее скалу. Его шлюпка быстро понеслась вдоль каменного отвеса скалы и завернула за угол, прежде чем закружился страшный всасывающий водоворот на месте погружения парохода.

Никола был спасен. Через два дня он на шлюпке добрался до острова Макара, а оттуда уже прямо по льду — зима наступила — до берега...

Никола замолчал, окончив рассказ о своей одиссее, и начал в задумчивости оструг ивать палку охотничьим ножом, имевшим рукоять из мамонтовой кости, сделанной в виде длинной оленьей головы с вытянутой шеей. Никола был большой мастер резать по кости.

Я также задумался... История с «мертвым каюком» была так необычна, что казалась вымыслом. Но я знал Николу: он мог приукрасить события, но не был лжецом. Неожиданная мысль пришла мне в голову.

— Как назывался тот пароход? — спросил я Николу.

В ответ он только неопределенно чмокнул губами и отрицательно покачал головой.

— Ты видал надписи на спасательных кругах? Не вспомнишь ли ты хоть первую букву? На что она похожа?

Никола подумал и сказал:

— На эти козлы для чайника. — И он нацарапал на ладони концом ножа фигуру, довольно близко напоминающую букву *А*.

Неужели мое предположение верно?..

Я вспомнил, что три года назад из Англии была отправлена экспедиция, снаряженная крупным капиталистом мистером Бэйли, на ледоколе «Арктик». Экспедиция была прекрасно оборудована всем необходимым и предполагала пройти вдоль всего берега Сибири, вплоть до Аляски. На борту парохода находилось несколько крупнейших ученых.

Однако экспедиция эта закончилась трагически. Последние передачи по радио были получены с ледокола, когда он находился недалеко от мыса Борхая. Затем несколько дней «Арктик» не подавал о себе вестей, потом появились тревожные «SOS», и с тех пор всякие вести прекратились. Только на другой год рыбачьими судами были обнаружены на одном из небольших голых островов две разбитые шлюпки ледокола, а к устью Лены был прибит волнами спасательный круг «Арктика». Это, по-видимому, все, что осталось от ледокола. Отважных мореплавателей почтили должным образом, записали их имена в длинный список жертв науки, вычеркнули «Арктик» из списка судов. Этим дело и окончилось.

И вот теперь, в «окаянном краю», из уст якута мне пришлось выслушать историю, которая проливала некоторый свет на судьбу ледокола и вместе с тем окутывала эту судьбу еще большей тайной. Куда девались его пассажиры? Каким образом пароход без команды оказался идущим на всех парах в океане? И как он мог идти? Машины не могли действовать без управления. Или должен был взорваться котел, или, что вернее, котлы должны были остыть без топки и пароход остановиться.

И кто этот англичанин, спасенный нами из болота? Он сам назвал себя членом английской арктической экспедиции. Но он совсем не выглядел человеком, потерпевшим крушение несколько лет назад и долго прожившим в одном из самых глухих углов земного шара. Наконец, что значит его предупреждение? Почему смерть угрожает мне, если я пойду туда, куда дует ветер? В этом предупреждении тоже скрывается какая-то тайна. Но он не запугает меня! «Идти по ветру» — задача нашей экспедиции.

Как бы то ни было, мне необходимо быть осторожным. Благоразумие подсказывало, что мне следует вернуться в Верхоянск и идти на исследование со всей экспедицией. И если бы я послушался этого голоса благоразумия, многое вышло бы иначе. Однако мое любопытство и неспокойный дух исследователя неудержимо влекли меня вперед. Обманывая собственную осторожность, я уверял себя, что пойду вперед еще несколько километров, чтобы посмотреть, какая опасность может подстерегать меня.

— Чай готов, — сказал Никола, снимая с огня кипевший чайник.

III. «НОЗДРЯ» АЙ-ТОЙОНА

Утомленные путешествием, мы крепко уснули, укутав головы от комаров. Когда Никола разбудил меня, незаходящее солнце передвинулось на восток. Было утро. Ветер, несколько утихавший ночью, начал опять свою работу. Он дул равномерно, без порывов, все более усиливаясь.

— Идем туда, — сказал я, указывая Николе направление по ветру.

Перед нами поднималась горная гряда.

— Опять туда? — спросил Никола, видимо несколько встревоженный. — Надо назад. Дальше я не пойду.

Этот ответ удивил меня. Никола, бесстрашный и исполнительный Никола отказывался продолжать со

мною путь! Может быть, его напугали слова англичанина?

— Почему ты не пойдешь туда? — спросил я его.

— Один мой товарищ и еще один товарищ шли, и они не вернулись, — ответил Никола, нахмурясь. — Оттуда никто не возвращается. Там ноздря Ай-Тойона.

Я уже знал, что Ай-Тойон — «священный старик» — верховное божество якутов. Но мне никогда не приходилось слышать о ноздре Ай-Тойона.

— Неужели ты еще веришь бабьим сказкам о тойонах и ёрах? И как ты можешь бояться, если я иду с тобою?

— Я знаю, ты сильно большой человек. Большевик ты. Но оттуда никто не возвращался.

Никола не льстил мне, называя меня «сильно большим человеком» — большевиком. (Для него все городские жители, приехавшие из больших городов России, были большевиками.) Его похвала была искренна. Якторг освободил его, как и других якутов, от эксплуатации прасолов, покупавших за бесценок пушнину и спаивавших якутов водкой; его дети учились в школе, а жена была вылечена от болезни, насланной злым духом — ёром. Все это была «агитация фактами», понятными Николе. Там, где является сомнение в могуществе богов, колеблется и вера в них. И мне казалось, что Никола уже терял эту живую веру в богов и относился к ним как к поэтическому вымыслу, обобщающему те или иные явления, — так, как мы иногда говорим о «фортуне», о «карающей Немезиде», забывая о религиозном происхождении этих слов и передавая ими только известные понятия. Боги Николы явно подгнивали, но не умерли еще совершенно в его сознании. Они оживали тогда, когда он встречался с каким-нибудь непонятным и страшным явлением. Так было с ним на пароходе мертвецов, так, очевидно, было с ним и теперь. Страх заглушал голос разума и пробуждал первобытные верования в злых духов...

— Что же это такое, ноздря Ай-Тойона?

— Обыкновенная ноздря. Ай-Тойон дышит. А там, — Никола показал на гору, — его ноздря.

— Но почему же он дышит только в себя? Видишь, ветер дует все время в одну сторону? — спросил я Николу.

— Ай-Тойон сильно большой. Тысячу лет, однако, он может брать воздух в себя и тысячу лет выпускать...

Очевидно, я присутствовал при рождении новой легенды.

— Глупости все это! Идем со мной, Никола, и ты сам убедишься, что нет никакой ноздри Тойона.

Но Никола не двигался с места и отрицательно качал головой.

— Идешь?

— Сильно боюсь. Однако, и ты не ходи! — сказал он.

Я колебался. Идти одному было рискованно. Слова англичанина были брошены неспроста. Меня действительно могли ожидать непредвиденные опасности. Но во мне вдруг заговорило самолюбие. Мой отказ Никола мог понять так, будто и я поверил в эту глупую ноздрю.

— Если ты отказываешься, я иду один! — решительно сказал я и направился вверх по склону горы.

Ветер дул мне в спину, облегчая путь.

— Не ходи! — закричал мне Никола. — Не ходи!

Я, не оглядываясь, продолжал путь.

Скалы поднимались все выше и круче. Скоро я начал уставать и пошел медленнее. Перед крутым подъемом я остановился, чтобы перевести дух, и вдруг услышал за спиною чье-то сопенье. Я оглянулся. Передо мной стоял Никола. Он улыбался своим широким ртом, скаля кривые зубы.

— Однако, ты пошел, и я пошел, — сказал он, видя мое недоумение.

— Молодец, Никола! — радостно сказал я.

Мне приходилось кричать. Ветер выл и свистал так, что мы с трудом слышали друг друга.

— Ты не боишься, Никола?

— Сильно боюсь, однако. Пойдем!

Мы начали карабкаться по скалам. Скоро ветер сорвал мой походный флюгер, висевший у меня за спиною. Никола бросился было за ним, но я остановил его. Ветер дул с таким постоянством, что флюгера не нужно было. Никола же рисковал сорваться в пропасть, гонимый этим сумасшедшим ветром.

— Иди сюда! Держись за меня! Пойдем вместе! — крикнул я якуту.

Мы уцепились друг за друга и, помогая один другому, продолжали путь. Нам приходилось сильно откидываться назад, и все же мы не всегда могли удержаться на ногах. Мы падали на землю и с трудом поднимались. Ветер, как тяжелые мешки с песком, давил нам на спину. Мы обливались по́том и выбивались из сил. Я уже начал сожалеть о своем опрометчивом поступке, но возвращаться не хотелось. Мы были недалеко от вершины, и я дал себе слово только заглянуть, что делается по ту сторону каменной гряды, и вернуться назад, не искушая больше судьбы. Это небольшое расстояние до вершины горы нам пришлось ползти по земле. Ветер, казалось, готов был раздавить нас, как слизней. Он был плотный и тяжелый. Можно было подумать, что мы находимся на большой глубине океана и сотни тонн воды давят нас своею тяжестью. Нам приходилось закрывать рот и нос, чтобы задерживать воздух, который душил нас; выдыхали же мы с большим трудом, как это бывает с больными астмой.

Я знал, что на самом гребне горы ветер будет свирепствовать еще больше. Чтобы нас не снесло в какую-нибудь пропасть, я принял меры предосторожности, высмотрел расщелину меж скал и направил наш путь туда, чтобы можно было двигаться, укрываясь за гранитными выступами.

Мы благополучно проползли по узкой расщелине, загибавшейся на середине углом, и, наконец, подползли к самому гребню. Я наклонил голову и посмотрел вниз. Открывшееся зрелище изумило меня.

Я увидал огромный отлогий кратер, подобный лунному. Но что меня особенно удивило — скат

этого огромного кратера был как будто отшлифован. Ни камня, ни выступа. Совершенно гладкая, пологая воронка, а глубоко внизу, в центре ее, виднелась круглая дыра чудовищного, как мне показалось, диаметра. Неужели шлифованная воронка и геометрически правильная дыра на дне кратера естественного происхождения? Трудно было допустить это.

Крепко уцепившись за острый выступ скалы, Никола махнул рукой, что-то показывая мне, и крикнул, но я не расслышал, что он сказал, и посмотрел по направлению его руки. Я увидел в воздухе дерево, которое неслось вдоль окружности кратера, описывая огромный круг, как будто его кружил смерч. Мы стали наблюдать за деревом. Оно продолжало описывать правильные круги, вернее — двигаться по спирали: каждый круг становился уже и проходил ниже предыдущего, причем движение дерева все ускорялось. Это был какой-то воздушный Мальштрем!..* Вот дерево сделало еще несколько кругов и скрылось в черном колодце на дне кратера.

Я стоял перед новой загадкой. Было очевидно, что ветер направлялся куда-то под землю. Это было непонятно и бессмысленно, как «ноздря» Ай-Тойона.

«Но где же другая «ноздря», из которой воздух должен выходить обратно?..»

Мои размышления были прерваны новым явлением. Огромный камень, весом с добрую тонну, сорвался вдруг с вершины скалы. Но он не полетел вниз, как было бы естественно. Он пролетел в воздухе по спирали почти две трети окружности кратера, прежде чем достиг дна и скрылся в круглом колодце.

«Какова же должна быть сила ветра!» — подумал я и невольно вздрогнул, вообразив себя на месте камня.

Мы стояли перед совершенно исключительным, загадочным явлением природы, и хотя я не верил в

* Мальштрем (Мальстром, Москёстром) — бурное морское течение у Лофотенских островов (близ северо-западных берегов Норвегии), опасное водоворотом, яростно бушующим во время северо-западных бурь.

божественную «ноздрю», все же я уже с бóльшим уважением вспомнил мифотворчество Николы: в его вымысле была доля правды; мы открыли какую-то чудовищную «ноздрю» в коре земного шара, втягивающую воздух с поверхности земли.

«Это сообщение произведет в научном мире сенсацию!» — мелькнула тщеславная мысль. Однако теперь не время и не место предаваться таким мыслям. Надо подумать о том, как выбраться из этого воздушного водоворота. С величайшими предосторожностями освободив одну руку, я тронул Николу за плечо и кивнул ему головой, приглашая вернуться.

«Но почему не засоряется эта дыра?» — подумал я... И в этот самый момент произошло нечто такое, что сразу вымело все мысли из моей головы.

Никола слишком поспешно и неосторожно отнял обе руки, и вдруг его тело под давлением плотных масс воздуха начало быстро соскальзывать с площадки, на которой мы лежали. Я едва успел ухватить Николу за ноги, но с ужасом почувствовал, что и мое тело движется к краю обрыва. Я начал цепляться носками сапог за выбоины, чтобы задержать наше продвижение, но все было напрасно: мы медленно, неуклонно продвигались к краю пропасти. Тело Николы уже наполовину висело в воздухе. Ветер сдул мешок, висевший на его спине. Мешок еще держался на ремнях и висел горизонтально впереди головы Николы. Еще мгновение — и уже все тело Николы висело над пропастью. Вдруг я почувствовал, что Никола дергает меня ногами, как бы желая освободить их. Я не мог понять этого поступка. Никола с трудом повернул ко мне голову и крикнул:

— Брось!

Он был верный товарищ и настоящий мужчина. Видя неизбежную гибель, он хотел по крайней мере спасти меня. Я не мог принять этой жертвы и продолжал крепко держать его ноги. Тело Николы вытянулось в струну. Мешок с провизией, чайником и инструментами оторвался и помчался влево, вдоль края гигантской воронки. В ту же секунду Никола так сильно дернул ногами, что я невольно выпустил

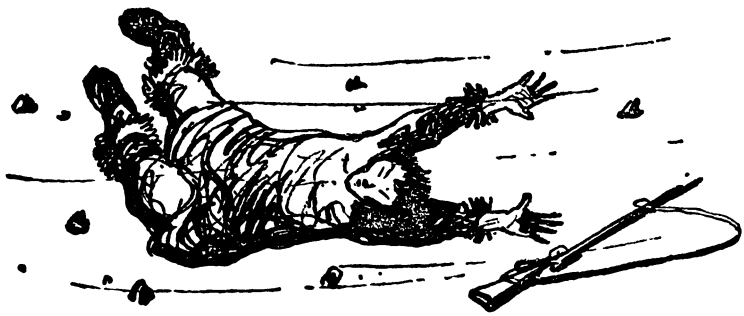
их. И Никола с бешеной скоростью помчался вслед за мешком, как бы догоняя его. Еще мгновение — и мое тело последовало за Николой...

Ужасные, незабываемые минуты! Первое ощущение, которое я вслед за тем испытал, было то, что

ветер будто утих: теперь мы летели в его потоке. Вместе с тем я чувствовал необычайное уплотнение окружающей меня среды, как будто я находился на большой глубине океана. С большим трудом мог я отвести в сторону руку, желая ухватиться за край кратера. Я летел всего в каком-нибудь метре от скал. Но дышать мне было как будто немного легче.

Повернув голову, я посмотрел на Николу, летевшего впереди меня. Он, видимо, также пытался зацепиться за стену кратера. Несмотря на свое неуклюжее тело, он изгибался дугою, как червяк, протягивая свои длинные руки и раскидывая ноги. На одно мгновение ему удалось коснуться ногой каменной стены. Но это не остановило, а только несколько задержало его полет. Его тело перевернулось и немного приблизилось к моему. Он опять вытянулся пластом, а я протянул руки вперед, желая ухватить его. Но если бы даже всего один сантиметр отделял нас, я не в силах был бы достать его, так как расстояние между нами оставалось неизменным. Мы были бессильны предпринять что-либо.

Мешок уже сделал полный круг и летел теперь немного ниже места нашего падения. Вслед за мешком это место пролетел Никола, а потом и я. Вблизи стена кратера не казалась уже так отшлифованной, как издали. В ней кое-где виднелись трещины,



выбоины, выступы скал. Но зацепиться за них было немыслимо. Если бы даже это и удалось, рука была бы оторвана бешеным потоком, как мушиная ножка. Приходилось подчиниться своей участи и ждать, что будет.

Вероятно, Никола одновременно со мной заглянул вниз, чтобы посмотреть, что нас ожидает. Там виднелась черная круглая дыра, все увеличивавшаяся по мере того, как мы приближались к ней воздушной винтовой дорогой, летя все суживающимися кругами все скорее и скорее...

У меня начало мутиться сознание. Круги становились все меньше, мы опускались все глубже... Наш смертный час настал. Я не сомневался в том, что гибель неизбежна. Я должен был упасть в бездну и разбиться насмерть о каменное дно. Когда мы летели уже над самым колодцем, я нашел еще силу заглянуть вниз, и — быть может, это был бред — мне показалось, что я вижу свет огромных электрических ламп и решетку внизу. Эта решетка вдруг завертелась, свет померк, я потерял сознание...

IV. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Когда сознание начало возвращаться ко мне, я прежде всего почувствовал свое тело: оно ныло и болело. Еще не открывая глаз, я ощутил чье-то прикосновение. С трудом разомкнув веки, я увидел перед собой моего верного спутника и друга Николу. Но я не узнал его сразу. Вместо обычной меховой одежды из оленьей шкуры на нем был надет серый больничный халат.

Я лежал на чисто застланной кровати, покрытой серым пушистым одеялом, в небольшой комнате без окон, освещенной электрической лампой, спускавшейся с потолка.

— Приехали! — сказал Никола, приветствуя меня своей неизменной улыбкой.

— В ноздрю Ай-Тойона? — попробовал я пошутить. — Вот видишь, Никола, никакой ноздри нет.

— А ты ее видел? Может быть, она как раз такая, — и Никола обвел рукою комнату.

— С электрическим освещением?!

Наш разговор был прерван. Дверь открылась, и в комнату вошла молодая девушка в белом халате — сестра милосердия, как решил я. Я уже не сомневался, что нахожусь в больнице. Но долго ли я был без памяти, как избежал смерти и как попал в эту больницу, я себе не уяснял.

Сестра обратилась ко мне с вопросом на неизвестном мне языке. Я жестами дал понять, что не понимаю, и в то же время рассматривал девушку. Она была молодая, краснощекая и очень здоровая. Русый локон выбивался из-под белой косынки. Она улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами, и повторила вопрос на английском языке. Этот язык мне был более знаком -- я читал по-английски, но говорить не умел. И я опять развел руками. Тогда девушка в третий раз повторила свой вопрос по-немецки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Благодарю вас, хорошо, — ответил я, хотя, признаться, чувствовал себя далеко не хорошо.

— У вас что-нибудь болит?

— Что у меня не болит! Я как будто прошел через мельничные жернова, — ответил я.

— Могло быть хуже, — сказала девушка, добродушно улыбаясь.

— Где я нахожусь, не будете ли вы так добры объяснить мне? — спросил я.

— Вы это скоро узнаете. В состоянии ли вы подняться с кровати?

Я сделал попытку приподняться и закусил губу от боли.

— Лежите, я сейчас принесу вам завтрак. — И она ушла, беззвучно ступая мягкими туфлями.

Никола чувствовал себя лучше. Правда, он потирал себе то бок, то спину, однако уже был на ногах. Расхаживая по небольшой комнате, он кряхтел и придерживал правое колено.

— Трубка пропал, табак пропал, курить хочется, — сказал он.

Вновь открылась дверь, и вошла сестра, на этот раз с человеком лет тридцати, бритым, одетым в шерстяную фуфайку и в сары — сапоги из конской кожи. Это напомнило мне, что я нахожусь в приполярных странах. Человек нес с собой такую же, какая была надета на нем, одежду для меня и Николы, а сестра принесла на подносе завтрак: яичницу, тартинки и чашки дымящегося какао.

— Кушайте, — сказала она приветливо, — а когда почувствуете себя в силах подняться, наденьте костюм и позвоните в этот вот звонок.

Она кивнула головой человеку в фуфайке и вышла с ним из комнаты. Я принялся за яичницу, поставленную на столик возле моей кровати. Несмотря на перенесенные волнения, мы с Николой позавтракали с аппетитом. Какао доставило Николе еще не испытанное им наслаждение. Он даже закрыл глаза и причмокивал, втягивая большими глотками горячий напиток.

Однако в этой больнице, очевидно, залеживаться долго не полагалось. Покончив с завтраком, я с трудом поднялся и осмотрел свое тело, вымытое кем-

то и одетое в чистое белье. По всему телу виднелись многочисленные кровоподтеки, но кости были целы. Правое плечо вспухло и сильно болело. Похоже было на то, что кость в плечевом суставе вывихнута и вправлена. Да, могло быть и хуже...

Мы с Николой переоделись, помогая друг другу, и я нажал кнопку звонка, находившуюся у двери. Скоро к нам в комнату вошел человек в фуфайке и знаком предложил нам следовать за ним.

Мы вышли из комнаты и отправились по длинному загибающемуся коридору, освещенному электрическими лампочками. По обеим сторонам в стенах мы видели двери с крупными номерами: 32, 33, 34... и против них: 12, 13, 14... Как в отеле или наркомате.

Мы шли довольно долго, все время заворачивая. Откуда-то доносился ровный непрерывный гул. Где-то работали огромные машины. Нет, это скорее похоже на завод!

Наш провожатый неожиданно остановился у двери № 1 и постучал. Мы вошли в большой кабинет с прекрасной мебелью, устланный коврами. Я обратил внимание на то, что и в этом кабинете не ока-

залось окон. Стены были заставлены шкафами с книгами и увешаны техническими чертежами. В углу стоял несгораемый шкаф, а возле большой шведской конторки — вращающаяся этажерка с папками. У конторки, освещаемой лампой под зеленым

абажуром, сидел бритый человек и что-то писал. На столе затрещал телефон. Сидящий за столом взял трубку.

— Алло! — и он отдал краткое приказание на неизвестном мне языке.

Потом он откинулся на спинку вращающегося кресла и повернулся к нам лицом. На нем был серый пиджак и вместо жилета серая шерстяная фуфайка с острым вырезом на груди, из которого выглядывал отложной воротничок и клетчатый галстук. Можно было подумать, что мы находимся в кабинете директора фабрики. Окончив осмотр костюма, я перевел глаза на лицо иностранца и невольно вскрикнул от удивления. Перед нами был англичанин, которого мы вытащили из болота.

Он также, по-видимому, был удивлен этой встречей.

— А, старые знакомцы! — сказал он. — Садитесь.

Мы сели возле стола. Минуту англичанин смотрел на нас, как бы раздумывая, потом неодобрительно покачал головой и, постучав по столу чертежным угольником, сказал:

— А вы все-таки не послушались моего совета.

— И пока живы, — заметил я, стараясь держаться непринужденно.

— Пока! — многозначительно ответил англичанин. — Это чистая случайность, что вы не разбились, как яичная скорлупа...

Он побарабанил пальцами по столу и вдруг быстро повернулся вместе с сиденьем кресла и углубился в бумаги, как бы забыв о нас. Наступила довольно томительная пауза. Потом он так же резко опять повернулся лицом к нам.

— Те, кто идет по ветру, не возвращаются! — отчеканил он, повторяя слова Николы, сказанные мне. — Или они умирают прежде, или... теперь... Но вы спасли мне жизнь. Я в долгу перед вами, и я не хочу вашей смерти. Но... — англичанин поднял палец вверх. Потом опять повернулся вполоборота, что-то быстро написал на листке бумаги и спросил: — Как вас зовут и кто вы?

— Клименко, Георгий Петрович. А его зовут Никола.

Англичанин тщательно записывал мои ответы, как судебный следователь. Он спросил меня о возрасте, должности, образовании, цели путешествия (это последнее интересовало его больше всего). Я не считал нужным скрывать что-либо от него.

— А можно узнать, с кем я имею честь говорить? — спросил я, чтобы несколько уравнять наше положение.

Англичанин как-то фыркнул и бросил:

— Можно. Вы имеете честь говорить с мистером Бэйли...

— Мистер Бэйли? — удивленно переспросил я. — Тот самый, который снарядил экспедицию на «Арктике»? Значит, вы не погибли?

— Для всех, кто там, против ветра, я погиб. Но для вас, как видите... Вот что, мистер... Калименко...

— Клименко, — поправил я.

Но мистеру Бэйли не давалась моя фамилия, и он повторил ее на свой лад:

— Вы, мистер Калименко, не уйдете отсюда. Вы тоже погибли для всех, кто живет против ветра. Вы метеоролог, это хорошо. Вы мне будете полезен. Нужно сделать, чтобы вас не искали ваши... товарищи.

— Это невозможно. Как только обнаружится, что я пропал без вести, на поиски будет снаряжена экспедиция.

— О, вы очень любите разыскивать пропавших людей! — с иронией сказал Бэйли. — Своих и чужих: Нобиле, Кулик, Горский...

Это удивило меня. По-видимому, Бэйли знал все, что делается «против ветра», то есть во всем мире. Очевидно, он имел радиостанцию.

— Да, мы не привыкли оставлять без помощи человека, нуждающегося в ней, — ответил я с некоторой горячностью.

— Очень хорошо, — с той же иронией ответил Бэйли. — Но мы устроим так, что вам не нужна будет никакая помощь. Не беспокойтесь. Я уже сказал, что пощажу вашу жизнь. Но можно будет взять вашу одежду, в которой вы путешествовали, разорвать, окровавить ее и бросить на пути тех, кто будет искать вас. Вас разорвали звери. Кончено! Экспедиция вернется назад. Я не хочу, чтобы сюда кто-нибудь приходил... Вы можете идти, — закончил Бэйли, неожиданно обращаясь к Николе.

И когда Никола вышел из комнаты, мистер Бэйли поднялся, прошелся по кабинету и сказал:

— Мне еще надо с вами поговорить.

— Мне также, — ответил я, все еще пытаясь «уравнивать положения», если только можно уравнять положения пленника, каким я был, и человека, в руках которого находилась моя жизнь.

И, не давая говорить Бэйли, я быстро продолжал:

— Вы говорите о том, что не желаете, чтобы кто-нибудь узнал о вашем существовании и нашел дорогу сюда. Это невозможно. Допустим, что вам уда-

стся инсценировать мою гибель. Но научные исследования не будут приостановлены. Я еще не знаю, что вы здесь делаете, но для меня уже вполне ясно, что это по вашей вине изменилось направление ветров, а следовательно, изменился и климат. Пока население еще не очень обеспокоено, но ученые всего мира уже давно с тревогой следят за необычайными явлениями, происходящими в атмосфере. Рано или поздно все почувствуют понижение атмосферного давления. На смену нашей экспедиции пойдут «по ветру» другие, и ветер неизбежно приведет их сюда.

— Я это знаю, — ответил Бэйли, с нетерпением выслушав меня. — Рано или поздно это должно случиться. Они придут сюда, и... тем хуже для них! А вы... вас я однажды уже предупреждал, но вы не послушались меня. Вот вам еще одно предупреждение: не пытайтесь убежать отсюда. Это может вам стоить жизни. Больше я не пощажу вас. Скажите это и вашему якуту. Поняли? Я предоставлю вам некоторую свободу, если вы дадите мне слово... Впрочем, можете не давать: вы сами увидите, что бежать отсюда немыслимо. У вас здесь будет много работы. Теперь идите, мистер Калименко. Уильям покажет вам вашу комнату.

Бэйли позвонил. Вошел слуга.

— Уильям, проводите мистера Калименко в комнату номер шестьдесят шесть. До свиданья.

— Разрешите Николе поселиться в одной комнате со мной? — сказал я.

Мистер Бэйли подумал.

— Пожалуй, можно, — сказал он. — Но помните: никаких заговоров. До свиданья.

Я откланялся, и мы с Уильямом отправились по длинному дугообразному коридору, затем спустились этажом ниже и углубились в настоящий лабиринт. Меня удивило то, что на всем пути мы не встретили ни одного человека. Я спросил моего проводника, где же люди, но он ничего не ответил. Быть может, он не знал ни русского, ни немецкого языка, а вернее — не хотел говорить.

V. С НЕБА НА ЛЕКЦИЮ

Я вошел в мою «камеру заключения». Комната имела около тридцати квадратных метров, высота же едва ли достигала четырех метров. Стены были покрыты фанерой. Одна лампочка на потолке, другая на письменном столе. Две узкие кровати у стен и несколько простых стульев.

После роскошного кабинета мистера Бэйли эта комната показалась мне более чем скромной. Но... «могло быть и хуже», — вспомнил я слова сестры милосердия и потому не очень опечалился. Уильям ушел, и скоро мое внимание было привлечено большим чертежом, закрывавшим половину стены.

На синей чертежной бумаге я увидел профиль подземного городка мистера Бэйли, изображенного в разрезе, и отдельно планы каждого этажа. На чертежах не имелось пояснительных надписей, но все же они давали общее представление о всем сооружении. Центр городка занимала огромная труба, в которую мы упали. Вокруг этой трубы шли пронумерованные помещения. Городок имел пять этажей ниже уровня земли и три этажа в стенах кратера. Ниже восьмого этажа виднелись две пещеры, по-видимому естественного происхождения.

Вправо от центральной трубы, вдоль пятого (считая сверху вниз) этажа шла боковая труба, и оканчивалась она далеко за пределами комнат, выходя наружу. Эта труба больше всего заинтересовала меня. Первою моей мыслью было, что эта труба предназначена для отвода воздуха, входящего сверху. Однако если бы через эту боковую трубу выходило столько же воздуха, сколько входило, то на поверхности должно было бы существовать второе воздушное течение — и убыли воздуха не замечалось бы, тогда как тщательно составленные нами синоптические карты показывали, что воздушные течения со всех концов земного шара направляются к одному месту, не встречая никакого обратного течения.

Если же ветер всасывается в подземный городок и никуда оттуда не выходит, то — черт возьми! — давлением воздуха весь городок должен был бы давно взорваться, как котел, переполненный паром...

Дверь открылась, и в комнату вошел Никола. Он тщательно закрыл за собой дверь и, почесав голову, вздохнул. Я ожидал, что он будет укорять меня за пренебрежение к его советам, но он заговорил об ином: Никола сообщил мне, что в одном из коридоров он встретил «двух Иванов» — двух якутов, пропавших год назад в «ноздре» Ай-Тойона.

— Ты еще веришь в ноздрю? — спросил я его.

— Лучше было бы нам попасть в ноздрю Ай-Тойона, чем этого ёра, — ответил озабоченно Никола.

Он успел перекинуться несколькими словами со здешними якутами и узнал, что они работают в какой-то большой трубе по уборке и отвалке мусора, приносимого ветром из центральной трубы. Я посмотрел на план. Так вот для чего существует боковая труба!..

«Два Ивана» жаловались Николе, что их держат, как рабов, никуда не пускают, «но кормят сильно хорошо».

В комнату постучались. Вошел Уильям и пригласил нас на своем непонятном языке, подкрепляя слова жестом следовать за ним.

Мы повиновались. В коридоре у двери стоял якут «Иван-старший». Уильям поручил ему Николу, а со мной двинулся дальше. Мы пересекли коридор, сели в кабину лифта № 50, поднялись этажом выше и остановились у двери № 13. Уильям без стука отворил дверь, и я следом за ним вошел в большую комнату. Здесь, видимо, была лаборатория. На столе в идеальном порядке были расставлены сложные аппараты с компрессорами, медными трубами, змеевиками и холодильниками. Целыми рядами были расставлены стаканы, чаши, сосуды. Их посеребренная поверхность блестела при ярком свете двух дуговых ламп.

Вид этой ослепительной посуды был таков, как будто богатый наследник вынул из сундуков дедовское серебро, чтобы полюбоваться своими сокрови-

щами. Но я уже знал, что такие сосуды (с посеребренными стенками для отражения теплоты) употребляют при опытах с жидким воздухом.

Жидкий воздух!.. Ведь его плотность в 800 раз больше атмосферного. Не представляет ли городок Бэйли фабрику для превращения атмосферного воздуха в жидкий?

Занятый своими мыслями, я сперва не заметил человеческую фигуру, склоненную над одним из столов. Это была женщина в белом халате. Она подняла голову, и я узнал сестру милосердия. Она также узнала меня и улыбнулась, видя недоумение, отразившееся на моем лице.

— Пожалуйста, пройдите в кабинет, отец ждет вас, — сказала она, протягивая руку по направлению ко второй двери.

Я постучал и вошел в комнату. Она была почти такой же величины, как первая, но здесь не было инструментов. Зато все стены были уставлены полками с книгами, а на большом письменном столе лежали груды листов, исписанных химическими формулами.

При моем появлении из-за стола поднялся очень высокий, пожилой, но еще моложавый на вид человек с русыми волосами, серыми глазами и румяными щеками. Его добродушная улыбка очень напоминала улыбку девушки. Он крепко пожал мою руку и сказал:

— Мистер Бэйли и Элеонора уже говорили мне о вас. Мы нуждаемся в таких людях, как вы. К сожалению, вы не химик, но все же ваша специальность довольно близко соприкасается с моею... Вы, так же как и я, «питаетесь воздухом», — улыбнулся он.

Он говорил так просто, как будто я пришел к ним по своей воле и предлагал им свои знания и труд.

— Моя фамилия Энгельбрект. — сказал он. — Садитесь, прошу вас.

— Энгельбрект! — с удивлением воскликнул я, продолжая стоять. — Вы Сванте Энгельбрект, ги-

бель которого на «Арктике» оплакивалась всем культурным миром?

— Слухи о моей смерти были значительно преувеличены, — повторил знаменитый шведский ученый остроту Марка Твена. — Да, я живой Сванте Энгельбрект.

— Но почему... Что заставило вас скрываться?

Энгельбрект нахмурился.

— Садитесь, прошу вас, — сказал он. — Я служу у мистера Бэйли главным инженером. Мы изготовляем жидкий воздух, водород и гелий, добываем из воздуха азот, кислород...

— И что же вы делаете с ними? — не удержался я от вопроса.

— Это уже дело предпринимателя мистера Бэйли. Очевидно, он продает...

— Но как?.. Я как будто не слыхал о концессии...

— Финансовая сторона дела мало интересует меня, — несколько торопливо прервал меня Энгельбрект. — Об этом вы можете узнать у мистера Бэйли. Я работаю по контракту и, кроме своих лабораторий, ни во что не вмешиваюсь. Мистер Бэйли — человек с исключительно широкой инициативой и большим деловым размахом. Он не скупится на расходы, чтобы обеспечить мне спокойную научную работу. Когда вы ознакомитесь с ней, то увидите, что нами сделаны ценнейшие научные открытия, еще не известные миру. Мистер Бэйли пускает их в оборот, это его дело. В его финансовые затеи я не вмешиваюсь, — еще раз, видимо торопясь сообщить все необходимое, повторил ученый. — Я испытываю единственный недостаток: в лаборантах. Мне даже нет времени самому делать опыты. Я их провожу только здесь, — и Энгельбрект показал на листы бумаги, испещренные формулами. — Мне помогает дочь, Элеонора.

— Сестра милосердия?

Энгельбрект улыбнулся.

— Она у нас и сестра милосердия, и ученый-лаборант, и хозяйка моего маленького хозяйства, — сказал он с теплотой в голосе. — Она молодец.

И я надеюсь, что вы поможете ей работать в лаборатории. Она введет вас в курс дела. Если вы не справитесь с каким-нибудь заданием, обращайтесь ко мне, я вам всегда помогу, если это понадобится... Итак, за дело! — закончил Энгельбрект, протягивая мне руку. — Не теряйте времени.

Я откланялся и вышел в лабораторию.

— Сговорились? — спросила Элеонора.

Я развел руками с видом покорности судьбе.

— Садитесь и давайте работать, — просто сказала она мне, подвигая ближе к себе свободный табурет.

Я уселся с видом прилежного ученика. Она приступила к настоящему экзамену.

— Способ добывания жидкого воздуха?.. Гм... гм... Он состоит в том... — начал я свои ответы, разглядывая волосы Элеоноры, выбивающиеся из-под белой косынки, — в том, что охлаждением, получаемым от расширения самого воздуха, пользуются для его охлаждения. Воздух сжимают постепенно до двухсот атмосфер, а потом давление падает сразу до двадцати, и температура вследствие происходящего расширения понижается до тридцати градусов ниже нуля. Так проделывают несколько раз, пока температура не достигнет ста восьмидесяти градусов ниже нуля. Тогда при давлении в двадцать атмосфер воздух может уже перейти в жидкое состояние...

«Какие у нее красивые волосы...» — это, конечно, не вслух.

Элеонора поймала мой взгляд, прежде чем я успел опустить веки, поправила выбившийся локон, едва заметно улыбнулась и сказала с важностью, так не шедшей к ней:

— Поверхностно и не совсем точно, однако для начала сойдет. Вы знаете этот аппарат?

— Аппарат Линде для сгущения воздуха, — ответил я, радуясь, как школьник, своему знанию.

Элеонора кивнула.

— Да, но это детская игрушка. Вы увидите сложные машины, которые сконструировал мой отец...

Экзамен продолжался.

— Однако вам еще надо приобрести много теоретических знаний. Добывание жидкого воздуха...

И она, не отрываясь от работы, начала свою первую лекцию. Я сосредоточивал все свое внимание, но мысли мои все время отвлекались. В данную минуту мне было гораздо интереснее знать, каким образом она и ее отец оказались в этом подземном городке, почему погиб «Арктик», кто был тот мертвец, которого видел Никола на носу корабля, какое употребление делает Бэйли из жидкого воздуха, какие отношения между ним и Энгельбректами... Тысячи вопросов теснились в моей голове, но я не решался задать их моей учительнице.

— ...Жидкий воздух представляет легко подвижную прозрачную жидкость бледно-голубого цвета с температурой минус сто девяносто три градуса Цельсия при нормальном атмосферном давлении, — продолжала Элеонора. — Полученный из аппарата воздух бывает мутным вследствие примеси замерзшей углекислоты, которая в незначительном количестве содержится в воздухе. После профильтрования через бумажный фильтр воздух становится прозрачным...

«Бедная девушка! Невесело, должно быть, ей в такой дыре. Неужели она с отцом добровольно решилась на эту ссылку?» — думал я.

— ...При испарении жидкого воздуха сначала выделяется кипящий азот, точки кипения которого минус сто девяносто четыре градуса Цельсия, потом аргон... Что выделяется при испарении жидкого воздуха? — вдруг переспросила она, уловив мой рассеянный взгляд.

— Аргон, — ответил я машинально, поймав последнее звуковое впечатление ее грудного голоса.

Элеонора нахмурилась.

— Вы невнимательно слушаете меня, — сказала она с упреком.

— Простите, но ведь я всего только несколько часов назад свалился с неба. Согласитесь, что неожиданно попасть после такого необычайного воздушного путешествия на лекцию о жидком воздухе...

На лице строгой учительницы появилась улыбка. И вдруг, не выдержав, она расхохоталась с детской веселостью.

— Пожалуй, вы правы, вам надо отдохнуть и прийти в себя.

Я очень обрадовался этой «перемене» и поспешил спросить ее:

— Но скажите, каким образом я остался в живых?

— Вас случайно заметили, когда вы летели. Вентиляторы были остановлены, и вы довольно мягко упали на первую решетку. Труба имеет целый ряд сит для задерживания мусора. Все это станет вам понятным, когда вы осмотрите устройство. Завтра воскресенье, и я покажу вам.

— Еще один вопрос...

Но Элеонора уже сосредоточенно работала.

— Идите и отдыхайте, — сказала она с мягкой повелительностью.

Лицо мое, вероятно, выразило огорчение, потому что, взглянув на меня, девушка поспешила прибавить с ее обычной добродушной улыбкой:

— Мы с вами еще сегодня увидимся в библиотеке после шести. Второй этаж, номер сорок один. — И, кивнув мне, она вновь углубилась в работу.

Я ушел к себе...

VI. ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОДОК

На второй день моего пребывания в «плену» я уже довольно хорошо ознакомился с городком. Элеонора охотно давала мне объяснения.

Первый верхний этаж был отведен под жилые комнаты для администрации городка. Здесь находился высший технический персонал, квартира мистера Бэйли, квартиры Энгельбректов, инженеров и... офицеров.

— Офицеров? — с удивлением переспросил я.

Элеонора смутилась. Она, видимо, открыла боль-

ше, чем следует, и теперь не знала, как исправить свою ошибку.

— Такой большой городок не может оставаться без охраны, — ответила она. — Мы имеем нечто вроде милиции или сторожевой охраны. Во главе стоит несколько начальствующих лиц, которых мы и называем офицерами... Вы только никому не говорите о том, что я сообщила вам. Мистер Бэйли просил меня ничего не говорить вам о нашей охране, а я проболталась... Чисто по-женски! — сказала она, негодуя на себя.

Я уверил девушку в том, что буду нем как рыба.

— А каково количество вашей милиции? — спросил я.

Но Элеонора стала уверять, что она больше ничего не знает о вооруженных силах.

— Счет этажей идет у нас сверху, — продолжала она знакомить меня с устройством необычного городка. — Во втором этаже, в двух внешних его кольцах, помещаются служащие средней квалификации.

Я также помещался во втором этаже и потому спросил с шутливой обидой:

— Вроде меня?

— Да, вроде вас, — ответила Элеонора, — но только они знают несколько больше, чем вы. А вдоль всего внутреннего кольца расположены библиотеки и лаборатории. Третий этаж отведен для рабочих. В этом же этаже помещаются склады для провизии, кухни, столовые, бани, клубы, кино...

— Даже кино!

— И кино и театр. Что же в этом удивительного? Если бы у нас не было развлечений, то, пожалуй, многие умерли бы от скуки.

— Не проще ли разбежаться от скуки?

Элеонора как будто не слышала моего вопроса.

— Четвертый этаж, или первый под уровнем земли, занят машинами, перерабатывающими жидкий воздух в азот в виде аммиака, азотной кислоты и цианамида — вещества, очень важного для промышленности и сельского хозяйства. — Она говорила без-

остановочно, точно боясь, что я опять прерву ее. — У нас добывается азотной кислоты более миллиона тонн в год, и мы все время расширяем производство. Кроме того, мы добываем кислород. В одном из секторов четвертого этажа производится сортировка материала, который попадает извне через главную трубу. На уровне четвертого этажа в трубе устроена целая система сит, начиная с таких, сквозь решетку которых может пролезть человек, и кончая столь густыми, что они не пропускают даже пыли.

— Меня с Николой, значит, тоже «отсортировали» в сортировочной?

— Да. В трубу попадают иногда самые неожиданные предметы и существа. Больше всего втягивает труба обломков деревьев. Иногда ветер приносит и вырванные с корнем огромные кедры, ели, сосны, пихты, лиственницы. Весь этот материал идет на топливо. Весною и осенью во время перелета в трубу втягивается несметное количество птиц. Часть их мы замораживаем, делая годовые запасы, а часть, охладив жидким воздухом, превращаем в хрупкий камень, который затем измельчается в порошок и хранится в кладовых, а может быть, и экспортируется. Нередко в трубу попадают мелкие четвероногие хищники, попадают и более крупные: енотовые собаки, песцы, а были случаи, когда к нам пожаловали в гости, совершив воздушное путешествие, белый медведь и даже тигр! В пятом этаже проходит труба, по которой пневматически выбрасываются все уже негодные отбросы, поступающие в нее из четвертого этажа. Во всех подземных этажах — от четвертого до восьмого — происходит превращение атмосферного воздуха, поступающего из центральной трубы, в жидкий воздух. В каждом из этих этажей имеются склады для хранения жидкого воздуха. Особенно много таких складов в шестом этаже. Наибольший интерес представляют седьмой и восьмой этажи. В седьмом этаже при помощи жидкого воздуха мы добываем жидкий водород, имеющий температуру всего двадцать градусов выше абсолют-

ного нуля*. А при помощи жидкого водорода мы превращаем в жидкое состояние гелий. Это самое трудное и сложное производство. Весь восьмой этаж отведен под жидкий гелий — очень ценный продукт. Мы имеем его уже несколько сот тысяч литров.

— Но куда же идет вся эта гигантская продукция?!

— Мы не интересуемся коммерческими операциями мистера Бэйли, — ответила Элеонора, повторяя слова, уже слышанные мною от ее отца.

Мне хотелось задать ей еще несколько вопросов: где помещается машинное отделение, что находится в подземных пещерах? Но прозвонил электрический звонок, созывающий на завтрак, и мне ничего больше не пришлось узнать.

Это было в воскресенье, когда я совершал с Элеонорой прогулку по «проспекту» первого этажа — длинному, идущему по кругу коридору. Бесконечное хождение по кругу наводило тоску. Глядя на номера дверей по сторонам, можно было подумать, что находишься в огромной тюрьме. Это впечатление усиливалось тем, что коридор был совершенно пуст. Как будто «заключенным» не разрешалось выходить на прогулку.

Я только позже узнал, что жители городка, в особенности обитатели привилегированного первого этажа, имели возможность совершать прогулки по окрестным горам и лесам. И, конечно, среди них не находилось ни одного человека, который не предпочел бы эти прогулки на свежем воздухе бесконечному кружению по «тюремному» коридору.

Когда звонок прозвонил, двери комнат стали открываться, из них начали выходить, и коридор ожил. Я с большим интересом присматривался к обитателям городка. Среди них совершенно не встречалось женщин. Это был поистине мужской городок, и

---

* Абсолютный нуль — температура, при которой давление газов (упругость) равно нулю, что соответствует по Цельсию −273°; существование более низкой температуры невозможно.

Элеонора, очевидно, составляла такое же исключение, каким бывала в старину дочь капитана на каперском корабле. Затем все они были молоды. Самому старшему из них, наверно, было не больше тридцати пяти лет.

Я напрасно искал среди них людей в военной форме. «Офицеров» не было, все были одеты в штатские костюмы. Но выправка, особая четкость движений обличали в некоторых из них военных. Во всяком случае, можно было безошибочно сказать, что почти все они прошли военную школу.

Я был новичок и чужой среди них. Но, как хорошо воспитанные люди, они не задерживали на мне любопытных взоров. Любезно поздоровавшись с моей спутницей, они мельком взглядывали на меня и шли дальше, весело разговаривая, увы, на неизвестном мне языке.

Для жителей первого этажа имелась отдельная столовая в первом этаже. Мне очень хотелось проникнуть туда, чтобы иметь возможность ближе познакомиться с местной «аристократией». Но мистер Бэйли принял меры к тому, чтобы я не сталкивался с обитателями городка. Так, меня задерживали в лаборатории после занятий до тех пор, пока рабочие не разойдутся по своим комнатам; на занятия же я должен был являться позже, после того как все рабочие уже прошли на работу. Кроме того, мне был закрыт доступ в общественные столовые. Обед подавали в мою комнату, а завтракал я в лаборатории вместе с Элеонорой. По воскресеньям же, как это было и сегодня, завтрак приносили в мою комнату.

Я простился с Элеонорой и спустился на лифте во второй этаж.

Мне так хотелось увидеть рабочих городка, что я решился на некоторое нарушение установленных для меня правил: не заходя к себе в комнату, я спустился на лифте в третий этаж и пошел по коридору навстречу толпе, направляющейся в общественную столовую. Эта толпа поразила меня. Я знал, что имею дело с настоящими рабочими городка, и все же рабочих, того типа человеческой по-

роды, который создан классовым обществом, я не увидел.

Эта толпа рабочих по внешнему виду ничем не отличалась от толпы верхнего этажа. Те же почти изысканные, прекрасные костюмы, те же изящные манеры, то же пропорциональное сложение, хорошо тренированные, здоровые, более ловкие, чем сильные, тела, лица интеллигентов. И только если всматриваться очень внимательно, между обитателями первого и третьего этажей можно было уловить некоторую разницу, — даже не разницу, а оттенок, какой существует, например, в одном и том же классе общества, но в смежных кругах этого класса, как «средне-высший» круг капиталистов или родовой аристократии разнится от высшего круга.

И здесь, как и в первом этаже, не встречались ни женщины, ни старики. Толпа состояла только из мужской молодежи.

Все эти особенности поразили и заинтересовали меня. Но оставаться дольше, чтобы продолжать свои наблюдения, я не мог. Я поспешил к себе на второй этаж. В моей комнате я застал Уильяма, который подозрительно посмотрел на меня. Я объяснил ему, что по рассеянности опустился ниже своего этажа.

Я принялся за завтрак, исподлобья наблюдая за Уильямом. Он, конечно, приставлен шпионить за мной. Но сейчас не это интересовало меня. Я наблюдал его лицо и сравнивал его с теми, которые видел в коридорах. Он был несколько старше тех, но у него также было выхоленное лицо. Такое лицо могло быть у директора крупного торгового предприятия. И вот этот «директор конторы» подает мне завтрак, как лакей!

Странный городок, странная фабрика мистера Бэйли...

VII. НЕУДАЧНЫЙ ПОБЕГ

Работа в лаборатории шла своим чередом. Через несколько дней я даже удостоился похвалы Элеоноры.

— Из вас выйдет толк, — заметила она.

В другое время и при других обстоятельствах эта похвала доставила бы мне большое удовольствие. Но я отнюдь не собирался делать здесь карьеру и окончить свою жизнь в качестве безропотного служащего мистера Бэйли. Мысль о побеге не оставляла меня. Возвращаясь после работы в свою спартанскую обитель, я поджидал Николу, который приходил несколько позже меня, и мы шепотом начинали наши совещания.

Никола был откомандирован к другим якутам работать в трубе, по которой при помощи воздушного напора выбрасывался мусор и все отбросы городка в огромную пропасть, лежавшую с внешней стороны кратера. Никола, который уже успел познакомиться с китайцами поварами и как-то объясниться с ними, сообщил мне и о кое-каких хозяйственных особенностях нашего городка.

Здесь ничего не пропадало. О запасах дичи, попадавшей в трубу, я уже знал. Свежее мясо добывалось охотой. Обитатели городка охотились, вооруженные ружьями, действующими сжатым воздухом. Был еще один довольно любопытный вид охоты: на крупного зверя шли с бомбами, наполненными жидким воздухом, заключенным в теплонепроницаемые оболочки.

Достаточно было повернуть «запал», чтобы в бомбе начала энергично развиваться теплота. Жидкий воздух расширялся, превращался в газообразный, и брошенная бомба разрывала зверя с такой силой, как будто она была начинена динамитом.

Никола объяснил мне только эффект такого рода оружия, но мне уже нетрудно было понять внутреннее устройство. Однако жидкий воздух был не единственным источником энергии, которым пользовались в городке. Когда рыли новые шахты, употребляли какое-то иное взрывчатое вещество. Неизвестным источником энергии приводились в движение и все сверхмощные машины этого своеобразного завода. Когда я обратился за разъяснениями к Элеоноре, она ответила:

— Это не по моей части.

«На этом заводе, — подумал я, — слишком много производственных тайн... Мало того, что Бэйли лишил меня свободы и сделал своим рабом, он, может быть, заставляет меня работать в интересах английских капиталистов... Что, если весь этот жидкий воздух превратится в их руках в страшное орудие против нас? Нет, надо скорее бежать, чтобы предупредить правительство об опасности через ближайший же совет или ячейку».

Я по нескольку раз заставлял Николу объяснять мне подробнейшим образом устройство отводной трубы — план давал слишком схематичное представление. И Никола объяснял мне. Труба имеет не менее двух километров. Когда-то она, очевидно, выходила на самый край обрыва с внешней стороны кратера, но сваливаемый мусор постепенно удлинял площадку перед трубой, и теперь эта площадка протянулась вперед на полкилометра. По ней проведены рельсы для вагонеток, на которых и подвозят отбросы к краю пропасти. Скат на месте свалки довольно крутой. Стены пропасти еще круче, но, по мнению Николы, выбраться из нее все же можно. Это единственный путь к бегству.

Я еще раз подошел к плану и внимательно осмотрел чертеж трубы. Неожиданно мое внимание было обращено на какие-то знаки: там, где на плане труба кончается, едва виднелись нацарапанные ногтем или спичкой изображения стрел, направленных к устью трубы, а над стрелами стояли восклицательные знаки.

Что означали эти знаки? Кто сделал их? Не предупреждал ли меня мой предшественник, живший в этой комнате, — такой же заключенный, как и я, — не идти этим путем, где меня ждала какая-то опасность?.. Стрелки могли означать направление ветра. Но ветер дул из трубы, вынося мусор. Наружный воздух втягивался только центральной трубой кратера. Во время уборки мусора и ночью, когда люди спали, в боковой выводной трубе ветер вообще не дул, как сказал мне Никола. Как бы то ни бы-

ло, для нас не было другого пути, а медлить, когда я должен был предупредить власти о нависшей угрозе, не было оснований.

Не откладывая задуманного плана в долгий ящик, мы решили с Николой двинуться в путь в ближайшую же ночь, как только все уснут.

«Дежурят ли ночью сторожа?» — думал я. Скрыться от них будет довольно трудно, так как огни в коридорах не гасились круглые сутки, — это я уже знал. Кроме того, рискованно было пускаться в путь в наших довольно легких домашних костюмах. Начиналась осень, и ночами, несмотря на потепление климата, могли быть заморозки. Зима же в этих широтах наступает очень быстро. Вопрос о провианте меньше беспокоил меня. Хотя мы были безоружными, но со мной был Никола, который мастерски мог изготовить лук и стрелы и даже связать силки из собственных волос. Он знал тысячи способов ловли птиц, зверей и рыб, и с ним голодная смерть не угрожала.

Мы тихо сидели в своей комнате, прислушиваясь к отдаленным звукам. Где-то глубоко под землей гудели моторы, а над нами завывал ветер в трубе. Скоро замолкло и это завывание: ночью лаборатории не работали...

Полночь. Я кивнул Николе головой, и мы тронулись в путь. Никола шел впереди. Мы благополучно прошли весь коридор, никого не встретив, спустились в пятый этаж, взошли на небольшую лесенку и оказались в маленькой комнатушке — не больше кабины лифта, — из которой дверь выходила во внутренность боковой трубы. В кабине оказался дремлющий сторож. Я отшатнулся назад, но в это время Никола вдруг тихо и быстро заговорил на якутском языке. В стороже он узнал якута — Ивана-старшего. Никола, видимо, в чем-то горячо убеждал Ивана, а тот отрицательно качал головой, вздыхал и чесал свою реденькую бородку.

— Не хочет пустить, — объяснил мне Никола. — Сильно боится и нам не велит. Смерти боится.

Повернувшись к Ивану, Никола вновь начал

убеждать его пропустить нас. Иван, видимо, начинал колебаться. Потом он махнул рукой, открыл дверь, ведущую в трубу, и первый перешагнул порог.

— Он пойдет с нами вместе пропадать, — пояснил Никола.

Труба была большая, как железнодорожный тоннель. Когда дверь за нами закрылась, мы погрузились в полную темноту. Как ни тихо мы шли, шаги наши гулко отдавались в трубе, выложенной железными листами. В конце труба делала небольшой отлогий поворот, завернув за который я вдруг увидел бледный свет месяца... Этот свет взволновал меня как символ свободы. Еще несколько шагов — и мы выйдем из нашей тюрьмы! Я уже чувствовал запах прелых листьев и мха.

Отверстие все расширялось. Месяц осветил стены трубы. Там, где она кончалась, я увидел железные полосы, пересекавшие трубу в виде небольшого мостика. Никола уже занес ногу на этот мостик, но я дернул его за рукав и остановил. Я подумал, что этот мостик мог быть сделан для автоматической сигнализации. Мостик был неширок, однако через него было трудно перепрыгнуть. Я задумался, как обойти препятствие. Никола не понимал меня и торопил идти скорее. Я объяснил ему мои опасения.

Мы начали совещаться. Никола предложил такой план: он и я должны поднять, раскачать и перебросить через мостик Ивана, как самого малого и легкого из нас, затем Иван принесет досок или обломков деревьев, и мы соорудим «мост над мостом» — так, чтобы можно было перейти по деревянному настилу, не задевая железных полос. Но Иван не соглашался на маленькое воздушное путешествие — он боялся разбиться.

— Я и так пробегу, — ответил он. — Боком, боком...

И, прежде чем мы успели возразить, Иван отошел назад, разогнался и побежал по наклонной стенке трубы, сбоку мостика... Несколько шагов он сделал благополучно, но у самого края поскользнулся на гладком сыром откосе и во весь рост грохнулся

на железный мостик... Если мостик был соединен с сигнализацией, то она заработала вовсю!

Нам больше ничего не оставалось, как, не обращая внимания на мостик, бежать вслед за Иваном. В два прыжка я выскочил из трубы, Никола последовал за мной. Мы бросились бежать по шпалам, обегая стоявшие вагонетки. В две-три минуты мы пробежали не менее половины площади, отделявшей нас от кручи. Падение в мягкий мусор не страшило меня.

Я бежал со всей быстротой, на которую был способен; кривоногий Никола не отставал от меня, но Иван, уже давно не тренировавшийся в беге, остался позади. Я приостановился, чтобы обождать его, но Никола, обгоняя меня, крикнул:

— Догонит! Беги!.. — и помчался вперед.

Я вновь побежал, нагоняя Николу. Конец площадки уже виднелся перед нами. На другом конце пропасти вздымались угрюмые скалы, освещенные месяцем.

Вдруг я услышал позади себя какой-то звук. Звук, все усиливаясь, перешел в мощное равномерное гудение. В то же время я почувствовал, что подул встречный ветер. Я бежал равномерным шагом, и этот ветер не зависел от быстроты моего бега. «Быть может, заработал центральный вентилятор?» — подумал я, но было еще слишком рано. Работа начиналась в шесть утра, а сейчас не более часа ночи.

Звук поднялся еще на несколько тонов, а встречный ветер стал таким сильным, что я принужден был нагнуться вперед. Бег мой все более замедлялся. Я задыхался. Воздух становился все плотнее. Я понял все: сзади нас был пущен вентилятор. Я не знал, что выводная труба могла не только выдувать, но и вбирать в себя воздух...

«Так вот что означали стрелки и восклицательные знаки на плане!» — мелькнула мысль. И в ту же минуту ветер от вентилятора завыл, как разъяренное чудовище, увидевшее, что добыча ускользает из его пасти.

Ветер перешел в ураган. Я наклонил голову впе-

ред и старался протолкнуться в этой невидимой воздушной «тесноте», которая давила все сильнее. Но я не мог сделать больше ни одного движения вперед. Никола упал на землю и пополз на четвереньках. Я последовал его примеру. Но и это не спасло. Мы делали невероятные усилия, цепляясь за землю руками и ногами, но ветер срывал нас и неудержимо тянул назад.

Наши легкие были наполнены воздухом, как шары, готовые лопнуть. Голова кружилась, в висках стучало. Мы изнемогали, но еще не сдавались. Наши руки и ноги были окровавлены. Только бы дотащиться до края площадки... Но мы уже не видели его. Ветер повернул мне голову назад, и среди тучи пыли я увидел Ивана. Его тело, подобно перекати-полю, вертелось, прыгало и неслось к устью трубы.

Что-то мягкое ударило мне в голову, но я не мог повернуть ее, чтобы посмотреть, и лишь догадался,

что это было тело Николы. От удушья я начал терять сознание. Борьба была напрасна. Мои мускулы ослабели, руки бессильно отдались воздушному течению. Меня понесло обратно в трубу. Я окончательно потерял сознание.

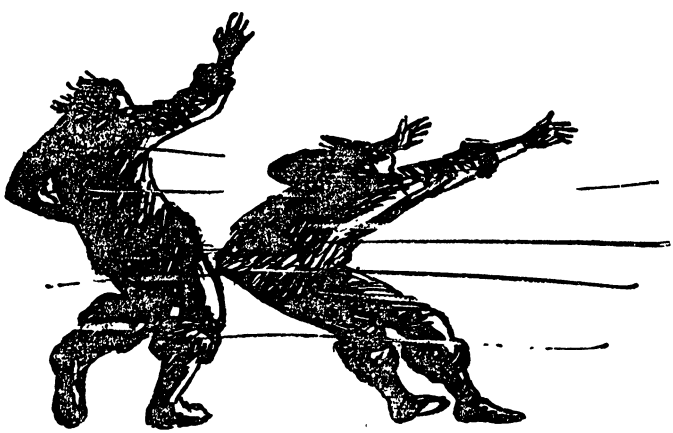
VIII. «МИСТЕР ФАТУМ»

Очнулся я лежащим в той же трубе, недалеко от входной двери. Рядом со мною лежали Никола и Иван. На этот раз я почти совершенно не пострадал. Вероятно, действие вентилятора было приостановлено, как только мы влетели в трубу, и сжавшийся воздух сдержал наш полет. Я потряс за плечо Николу, он вздохнул и сказал, как в бреду:

— Сильно, сильно дуло.

Скоро заворочался и Иван.

Мы вошли в двери. Тут Иван, качая головой, распростился с нами и остался стоять на своем посту, а мы отправились в нашу комнату. Весь подземный городок спал по-прежнему. Мы дошли до комнаты, никого не встретив. С отчаянием бросился я на кровать, не раздеваясь, так как ежеминутно ожидал, что в комнату войдут и арестуют нас за побег.



Однако часы шли за часами, а нас никто не тревожил. Мы были в отсутствии не более двух часов.

«Неужели никто не заметил нашей попытки к побегу? Вентилятор мог действовать автоматически, а к гуденью обитатели подземного городка так при-

выкли, что, вероятно, не замечают его», — приходили в голову успокоительные мысли. Незаметно для себя я уснул.

Звонок разбудил нас в обычное время — в шесть часов. Никола уходил раньше меня, и, лежа с закрытыми глазами, я слышал, как он, одеваясь, сопел и мурлыкал песню. Я завидовал его безмятежности. Потом я снова уснул до второго звонка — в семь часов тридцать минут. Я наскоро выпил стакан кофе с сухарями и отправился в лабораторию.

— Вы сегодня бледны, — сказала Элеонора, посмотрев на меня.

— Не выспался, — ответил я.

— Что же вам мешало?

— Мысли. Я не могу примириться с моим невольным заточением и никогда не примирюсь с ним.

Лицо Элеоноры нахмурилось. Я по-своему истолковал перемену в ее лице. Быть может, я нравлюсь ей и она огорчена тем, что свободу я предпочитаю ее обществу? Но у нее, видимо, было другое на уме.

— Надо уметь подчиняться неизбежному, — грустно сказала она, как будто и сама находилась в таком же положении, как и я. Это удивило и заинтересовало меня.

— Неизбежному? Какой-то мистер Бэйли, коммерсант с довольно подозрительными операциями, иностранец, самовольно обосновавшийся на нашей территории, совсем не похож на фатум*, которому надо подчиняться. И если вы такая фаталистка... — начал я с некоторым раздражением.

— Я не фаталистка, — ответила она. — Не надо быть фаталистом, чтобы понимать такой простой факт, что обстоятельства иногда сильнее нас.

— Значит, мы слабее обстоятельств, — не унимался я, чувствуя, что задел больной для Элеоноры вопрос.

— Ах, вы не понимаете! — ответила она и углубилась в работу.

---

* Фатум — у древних римлян — воля богов (особенно — Юпитера); судьба, неотвратимый рок.

Но я не хотел пропускать случая. Девушка была, видимо, в таком настроении, что могла при некоторой настойчивости с моей стороны сказать мне то, что не сказала бы в другое время.

— Так объясните мне! — ответил я. — Из ваших слов я понял пока одно: что вы здесь такой же пленник, как и я.

— Вы ошибаетесь, — ответила девушка. — Только сегодня утром отец убеждал меня уехать отсюда, и... мистер Бэйли не возражает против этого...

— И тем не менее вы не уезжаете. Значит, что-то удерживает вас. Значит, вы пленница, если не мистера Бэйли, то тех настроений, которые не позволяют вам уехать отсюда. Позвольте, я, кажется, догадываюсь! Вы сказали, что ваш отец убеждал вас уехать. Вместе с ним или же без него?

Элеонора смутилась.

— Без него, — тихо ответила она.

— Теперь дело наполовину ясно. Вы не хотите уехать без него, а он не может или не хочет уехать. Вернее, что его не отпускает «мистер Фатум».

Элеонора улыбнулась одними глазами и промолчала.

— Вы как-то рассказывали мне, — продолжал я, воодушевившись, — что ваш род очень знаменит в Швеции, хотя знаменит и не в том смысле, как это можно было предположить по вашей звучной фамилии. Вашим предком, говорили вы, был рудокоп Энгельбрект, руководивший в пятнадцатом веке народным восстанием против короля Эрика Померанского*. Почтенный предок!.. Неужели же Энгельбректы в продолжение пятисот лет растеряли все духовные черты славного рудокопа и способны только склонять головы перед поработителями?

Удар был слишком силен. Я не ожидал, что за-

---

* Энгельбрект (Энгельбрехтсон) — одержал верх над Эриком, королем Дании, Швеции и Норвегии (низложен в 1436 году), и выдвигался крестьянами-далекарлийцами на место правителя, но дворянству удалось провести своего кандидата. Через несколько лет аристократы убили Энгельбректа.

дену самое больное место Элеоноры. Она не раз рассказывала мне про своего предка-революционера, которым, видимо, гордилась. И теперь это невыгодное для потомков сравнение с предком взволновало и возмутило ее. Элеонора вдруг поднялась, выпрямилась и откинула голову. Щеки ее побледнели, брови нахмурились. В глазах сверкнули огоньки, которых я раньше не видал. Она гневно посмотрела на меня и сказала прерывающимся голосом:

— Вы... вы... — у нее перехватило дыхание. — Вы ничего не понимаете, — докончила она тихо и вдруг, закрыв лицо руками, заплакала.

Я совершенно растерялся. У меня в мыслях не было обидеть девушку. Я хотел только вызвать ее на откровенность. Гнев ее огорчил меня.

— Простите, — сказал я таким жалобным голосом, что камень должен был бы расчувствоваться (а сердце Элеоноры не было камнем).

Плечи ее перестали вздрагивать, она быстро овладела собой.

— Ну, простите, пожалуйста, я не хотел обидеть вас...

Элеонора отняла от лица руки и заставила себя улыбнуться.

— Забудем это... нервы расшалились... Осторожнее! -- вдруг вскрикнула она, заметив, что я бросил кусок железа на стол, где стоял кубик твердого спирта, похожий на стекло (мы только что заморозили чистый спирт в жидком воздухе). — Разве вы не знаете, что твердый спирт не горит, а взрывается от удара?!

— «Эфир замерзает в кристаллическую массу... — продолжал я шутя, подражая ее менторскому тону, — каучуковая трубка от действия жидкого воздуха становится твердой и хрупкой и может быть превращена в куски и в порошок; живые цветы приобретают вид фарфоровых изделий, и фетровую шляпу можно разбить на куски, как фарфор».

— Вы забыли сказать об упругости металлов под действием жидкого воздуха, — уже непринужденно улыбаясь, сказала Элеонора.

Я продолжал в том же тоне.

— «...Свинец приобретает почти двойное сопротивление разрыву... — ответил я. — Упругость и временное сопротивление разрыву для большинства металлов возрастают...»

— Ну, довольно, — прервала она меня. — Давайте работать.

Она взяла бокал с посеребренными стеклянными стенками, посмотрела в небесного цвета жидкость и, заметив на поверхности какую-то соринку, вдруг опустила палец в сосуд с жидким воздухом.

— Что вы делаете? — крикнул я, в свою очередь испуганный. — Вы обожжете себе палец!

Я только недавно присутствовал при ее «показательном опыте», когда чайник, наполненный жидким воздухом и поставленный на кусок льда, «закипал» холодными парами потому, что для жидкого воздуха даже лед являлся раскаленным телом по сравнению с низкой температурой самого жидкого воздуха. И эта низкая температура должна обжигать тело сильнее, чем раскаленный металл.

Но, к моему удивлению, Элеонора не вскрикнула, вынула палец из сосуда, встряхнула и показала мне. Палец был невредим.

— Жидкий воздух, прилегающий к поверхности пальца, сильно испаряется, так как температура его гораздо ниже температуры пальца. Вследствие этого образуется как бы оболочка из паров жидкого воздуха, — вы видели? — которая и предохраняет на мгновение палец от ожога. Но не думайте повторять опыта, — сказала она, заметив, что я протянул палец к сосуду. — Это надо делать умело, очень быстро и не касаясь стенок сосуда.

Мы углубились в работу. Элеонора, казалось, забыла о нашей размолвке, но я не мог этого позабыть. Бедная Нора! — так уже осмеливался я называть ее в мыслях. Она, значит, была несчастной жертвой Бэйли! Это открытие увеличивало уже существующую симпатию к девушке. Вместе с тем память моя вписала в личный счет мистера Бэйли еще одно преступление.

И незаметно для себя я начал думать о том, чтобы бежать уже вместе с Элеонорой.

В лаборатории было тихо. Мы сосредоточенно работали. Вдруг я вздрогнул от выстрела.

— Опять вы слишком плотно закрыли пробкой сосуд! — сделала мне выговор Нора.

Да, это была моя вина. Жидкий воздух в комнатной температуре лаборатории быстро испаряется и давлением паров выбивает пробки.

— Сильно закроешь — взрывается, слабо закроешь — испаряется слишком быстро, — шутливо проворчал я.

— Трудная работа?.. Зато вы не можете пожаловаться на вредность нашего производства, — ответила Нора. — Воздуха у нас более чем достаточно.

— Не от этого ли у вас такие румяные щеки?

Нора бросила на меня — в первый раз — лукавый женский взгляд, который чрезвычайно обрадовал меня: значит, она не сердится!

Двери лаборатории открылись, появился Уильям и сказал что-то по-английски. Нора перевела.

— Мистер Бэйли просит мистера Клименко к себе. Пожалуйте на расправу, — добавила она, улыбаясь.

«Неужели уже все знают о нашем побеге?» — подумал я. Это взволновало меня, но спокойная улыбка Норы несколько ободрила. Увы, я не знал, что мистер Бэйли всех, кроме отца Норы, приглашал к себе только «на расправу». В подземном городке он был высшим, безапелляционным судьей.

С тяжелым сердцем я отправился к мистеру Бэйли.

— Желаю вам отделаться легко! — крикнула мне Нора вдогонку.

IX. «ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОМИЛОВАНИЕ»

В кабинете уже находились Никола и Иван под конвоем двух джентльменов, вооруженных автоматическими пистолетами, действующими сжатым воз-

духом. Мистер Бэйли стоял у своего письменного стола.

— Подойдите! — сурово сказал он мне, не приглашая сесть.

Я подошел к столу. Мистер Бэйли уселся. Я не хотел стоять перед ним и тоже сел. Бэйли сверкнул глазами. Брови его зашевелились.

— Вы пытались бежать? — спросил он меня, хотя в голосе его слышалось больше утверждения, чем вопроса.

— Мы хотели прогуляться, — слегка улыбаясь, ответил я.

— Не лгите и не отпирайтесь! Вы пытались бежать. О последствиях я предупреждал вас.

Мистер Бэйли отдал какой-то приказ одному из вооруженных людей. Тот подошел ко мне и пригласил следовать за собой.

Суд продолжался менее минуты — оставалось, очевидно, привести в исполнение приговор. Я поднялся и последовал за конвоиром. Двое других повели Николу и Ивана. На повороте Ивана и Николу увели в сторону, а я отправился дальше. Мы спустились вниз, прошли по коридору. Конвоир остановился у железной узкой двери, открыл ее и довольно бесцеремонно втолкнул меня в маленькую камеру со сплошными железными гладкими стенами и небольшой электрической лампой на потолке. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Я остался один.

«Карцер... Это еще не так плохо. Я дешево отделался», — подумал я, осматривая свою тюрьму. Здесь было сухо и чисто, но холодно. На стене висел термометр Цельсия. Такие термометры висели в каждой комнате и даже в коридорах подземного городка, — здесь очень внимательно следили за температурой. Термометр показывал всего шесть градусов тепла.

После бессонной ночи и волнений я чувствовал себя слабым и разбитым. Мне хотелось спать. Ноги мои едва держали меня. Но в комнате не было даже стула. Я опустился на холодный каменный пол и

начал дремать. Однако я скоро проснулся от холода. По моему телу пробежала дрожь. Я поднялся и посмотрел на термометр. Он показывал два градуса ниже нуля. «Что бы это значило? — подумал я. — Недосмотр истопника или умысел?»

Чтобы согреться, я начал ходить по камере, но она была так мала, что я мог сделать только два шага вперед и два назад. Я начал прыгать и махать руками. Я устал еще больше, но мне удалось восстановить кровообращение. Однако довольно было мне присесть, как холод с новой силой охватил мое тело. Зубы выбивали мелкую дробь. Взглянув опять на термометр, я увидел, что он уже показывал одиннадцать ниже нуля.

Я почувствовал, как холод проникает мне внутрь, леденит спину и сжимает сердце. Но это ощущение я испытывал уже не только от низкой температуры. Страшная мысль овладела мною: мистер Бэйли решил меня заморозить! Поддаваясь инстинкту, я подбежал к двери и начал стучать.

— Отоприте!.. Отоприте!.. — кричал я в исступлении. Но никто не отзывался. Я до крови разбил руки. Наконец опустился на пол...

«Обстоятельства бывают сильнее нас. Не надо быть фаталистом, чтобы понять это...» — вспомнил я слова Элеоноры. Но я все же боролся, я пытался бежать, я умираю в борьбе за свободу! А она... Впрочем, быть может, и она боролась. Мне вспомнился рассказ Николы о трупе, привязанном на носу ледокола. Так расправляется мистер Бэйли со своими врагами. Быть может, Элеонора и права — борьба с Бэйли безнадежна...

Как холодно!.. Руки и ноги невыносимо болят. Я растираю пальцы, но они деревенеют, не сгибаются... С трудом поднимаюсь и смотрю на термометр. Двадцать ниже нуля... Борьба окончена! Я должен примириться со своей судьбой.

Я уселся на пол и погрузился в забытье. В конце концов смерть от замерзания не так уж страшна. И, пожалуй, она легче, чем смерть на электрическом стуле. Скоро я не буду чувствовать боли и усну...

...Какой-то шорох у двери. Или мне чудится? Я пытаюсь подняться, но холод сковывает мое тело. Все тихо. Шорох мне почудился.

В камере как будто потеплело. Но это обман чувств. Организм отдает тепло в воздух, разность температуры тела и окружающего воздуха уменьшается, и поэтому является кажущееся ощущение тепла. Это испытывают все замерзающие. Значит, конец...

Время шло, но сознание больше не покидало меня, а ощущение тепла все увеличивалось. Странно! Я никогда не замерзал, но был уверен, что замерзающие должны чувствовать себя как-то иначе. Чтобы проверить свои сомнения, я попробовал шевелить пальцами и, к своему удивлению, убедился, что они шевелятся свободно, хотя незадолго перед этим я не мог согнуть их. Я посмотрел на термометр.

Пять выше нуля!

Температура повышается! Я спасен, и мои страхи были напрасными. Очевидно, мистер Бэйли хотел только напугать меня.

Через несколько минут температура в камере поднялась до двенадцати градусов — обычная температура в жилых помещениях подземного городка. Я поднялся и начал разминать свои члены. Пальцы опухли и покраснели. Но я чувствовал, как кровь горячо и сильно согревает их. Благодаря тому, что

температура поднималась так же равномерно, как и понижалась, я избег отмораживания.

Однако что же будет со мной дальше? Долго ли меня будут держать в одиночном заключении?..

И как бы в ответ на этот вопрос за дверью опять раздался шорох, и я услышал звук поворачиваемого ключа. Дверь отворилась, вошел Уильям и жестом пригласил меня следовать за ним.

Я уже не сомневался, что останусь в живых, и бодро вышел из камеры. Уильям вновь провел меня в кабинет мистера Бэйли.

На этот раз Бэйли пригласил меня сесть, а сам, поднявшись из-за стола, начал ходить по кабинету.

— Мистер Калименко, — сказал он. — Вы вполне заслужили смертный приговор, и если остались в живых, то можете благодарить за это мисс Энгельбрект...

Я с удивлением посмотрел на Бэйли.

— Вы приговорены были мною к смерти. Я выбрал для вас наиболее легкий способ перейти в небытие. Мною уже был отдан приказ привести приговор в исполнение... Но у нас чувствуется недостаток в квалифицированных работниках. Мисс Элеонора не справляется... Вы были ее помощником, и, прежде чем окончить заботы о вашем деле, я решил спросить ее, оказываете ли вы существенную помощь в ее работе. Она не знала о том, что угрожает вам... Я просто попросил ее дать отзыв. Она сказала, что вы отличный работник и незаменимый помощник. Она не соглашалась, чтобы я... перевел вас на другую должность. И я принужден был... отменить решение. Вы помилованы! — закончил он очень торжественно, ожидая, вероятно, выражения благодарности с моей стороны.

Но я промолчал и только кивнул головой. Мистер Бэйли криво усмехнулся.

— Мисс Энгельбрект очень горячо... даже слишком горячо доказывала вашу полезность. Она не знает о вашем побеге. Вы ничего не говорили ей?

— Ничего не говорил, — ответил я.

— Неблагодарный! И вы хотели бежать... от нее!

— Бежать из неволи, из плена, — поправил я мистера Бэйли.

— Но она — ее присутствие, ее общество не удерживало вас?

— Я прошу не вмешиваться в мои личные чувства и отношения, мистер Бэйли, — сказал я сухо. — Вам, конечно, нет до них никакого дела.

— Вы так полагаете? — спросил он. — Нет, мистер Калименко, мне есть очень большое дело!

Я понял мысль мистера Бэйли. Он, видимо, хотел узнать, не влюбились ли мы друг в друга, я и Элеонора. Эта любовь скрасила бы жизнь Элеоноры, а меня привязала бы к подземному городку лучше цепей. Я был настолько возмущен этими расчетами, что моему зарождающемуся чувству к Элеоноре грозила большая опасность. Бэйли был плохим психологом. Он, очевидно, не знал, что ничто так не губит любовь, как принуждение. А он даже не старался скрывать того, что готов сыграть роль свата, чтобы превратить узы Гименея в цепи, приковывающие меня к его «фабрике».

— Вы помните, — продолжал Бэйли, — я потребовал от вас слова не убегать отсюда, но не настаивал на том, чтобы вы дали это слово. Я не верю в человеческую честность и в особенности не верю... не волнуйтесь! — не верю в слово человека, данное при таких обстоятельствах, в которых находитесь вы. Как говорит ваша русская пословица: «Как волка ни кушай, то есть ни корми, он все смотрит в лес». И я решил: пусть лучше вы сами испытаете на практике, что убежать отсюда нельзя. Тогда вы успокоитесь и будете работать. И вы сделали эту практику... Теперь вы наш... И я думаю, что у нас вам не будет очень скучно, если у вас не... деревяшка вместо сердца.

Я поднялся со стула с таким зловещим видом, что мистер Бэйли немного отошел от меня и сухо рассмеялся.

— Ну, не сердитесь, — сказал он более миролюбиво. — Я же не сказал ничего обидного ни для вас, ни для мисс Элеоноры. Она прекрасная девуш-

ка и сделала бы честь любому мужчине. Идемте со мной. Теперь я могу показать вам многое, что вы еще не видали. Это вам будет полезно знать.

X. ПОДЗЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мистер Бэйли открыл потайную дверь и прошел в соседнюю комнату. Я последовал за ним.

— Кстати, — сказал мистер Бэйли, — если интересуетесь, можете прочитать последнее радио. Вашу гибель уже оплакивают. Вы утонули вместе с Николой в Лене. От вас остался только мешок с инструментами. Все сделано очень чисто, мистер «покойник».

Говоря это, Бэйли подошел к большому шкафу и открыл его. В шкафу висело несколько водолазных, как подумал я, костюмов. Мистер Бэйли исправил мою ошибку:

— Это не водолазные костюмы. Это костюмы, в которых можно было бы гулять в межзвездных пространствах, где царит абсолютный холод в двести семьдесят три градуса. Костюмы сделаны из материала совершенно нетеплопроводного, и при них резервуары с кислородом.

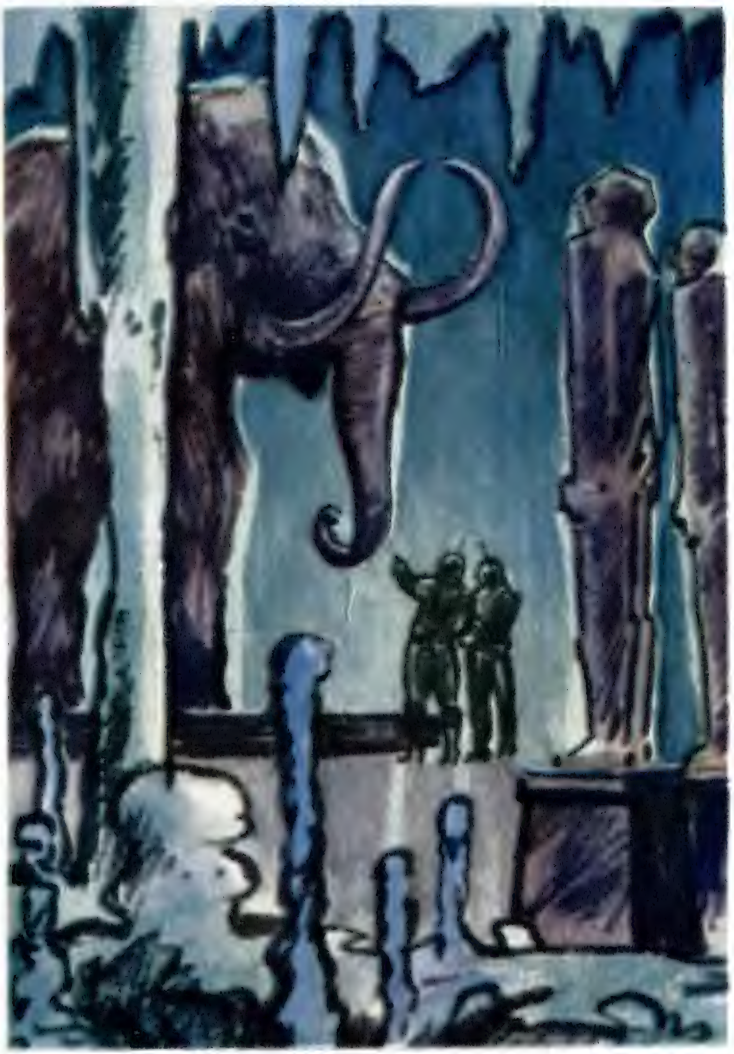
— А это для чего? — спросил я, показывая на металлическое острие с шариком наверху, приделанное к колпаку скафандра.

— Это антенна. Костюмы снабжены радиотелефонами с собственными маленькими радиостанциями. При помощи радио мы с вами сможем разговаривать. Одевайтесь!

Я снял с вешалки костюм. Он оказался легче, чем водолазные костюмы. Мистер Бэйли помог мне одеться и тщательно застегнул костюм особыми кнопками.

— Ну вот, мы и готовы, — сказал он. Я прекрасно слышал его, хотя наши головы были заключены в толстые шлемы. — Удобно, не правда ли? Для водолазов это было бы незаменимо.

— Но вы, конечно, не сделали это изобретение



достоянием общества, — заметил я несколько желчно.

— Общества! — презрительно ответил он. — Что может дать мне общество? Мне некогда заниматься такими мелочами.

Мистер Бэйли подошел к стене, повернул рычаг, и посреди пола открылся люк. Я заглянул вниз и увидел лесенку, которая вела к площадке, окруженной легкой железной оградой.

— Сходите, — предложил Бэйли.

Я спустился на площадку, Бэйли последовал за мной, повернул рычажок на решетке, и мы начали плавно опускаться вниз. Наш спуск продолжался довольно долго. Когда лифт остановился, Бэйли открыл дверцы, и мы вышли. Прямо перед нами была низкая железная дверь. Бэйли открыл ее, и мы попали в небольшую комнату, очень узкую. Бэйли открыл вторую дверь; я не мог определить, из чего она была сделана, — она была черная и гладкая, как эбонит.

— Она сделана из состава, не пропускающего тепла, — пояснил Бэйли.

Опять такая же маленькая комнатка, и опять дверь. Таким образом мы прошли пять комнат и открыли пять дверей.

— В каждой камере температура приблизительно на пятьдесят градусов ниже, чем в предыдущей, — продолжал пояснения Бэйли. — Сейчас мы войдем в помещение, где стоит температура, близкая к холоду мирового пространства.

Мистер Бэйли открыл шестую дверь, и я увидел изумительное зрелище!..

Перед нами был огромный подземный грот. Десятки ламп освещали большое озеро, вода которого отличалась необычайно красивым голубым цветом. Казалось, как будто в эту подземную пещеру упал кусок голубого неба.

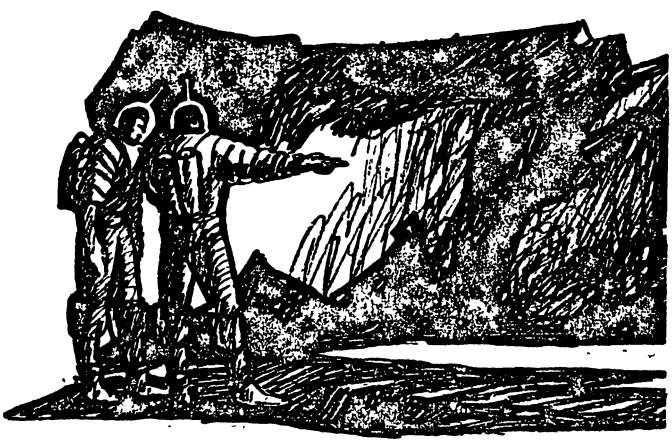
— Жидкий воздух, — сказал Бэйли.

Я был поражен. До сих пор мне приходилось видеть жидкий воздух только в небольших сосудах нашей лаборатории. Я никогда бы не мог вообразить,

что можно сгустить и хранить такое огромное количество жидкого воздуха.

Вместе с тем я почувствовал, что мой костюм как будто сжимается, и не мог понять почему.

— Здесь большое давление. Нас сдавило бы в лепешку, если бы не особая упругость ткани наших костюмов. С помощью мистера Энгельбректа я добился того, что жидкий воздух почти не испаряется. Обратите внимание на свод. Он весь выложен теплонепроницаемым материалом. В этой пещере даже лампы особенные: из светящихся бактерий! Это абсолютно холодный свет... Да, этого голубого озера было бы достаточно, чтобы оживить Луну, — дать ей атмосферу, если бы только Луна могла удержать этот подарок. У меня здесь несколько таких озер. Но всего этого мало, слишком мало. Плотность жидкого воздуха только в восемьсот раз больше плотности атмосферного. Нужны были бы целые океаны, чтобы сгустить весь атмосферный воз-



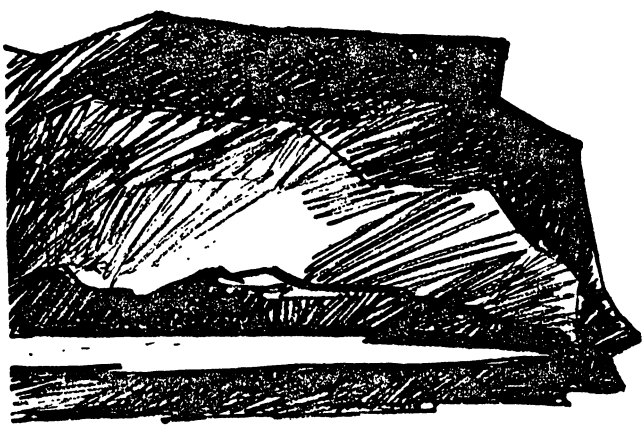
дух в жидкость. Считайте сами: площадь земного шара равняется примерно пятистам десяти миллионам квадратных километров. Значит, слой воздуха только на расстоянии одного километра от поверхности Земли равен по объему по крайней мере по-

лумиллиарду кубических километров. А более или менее однородный по плотности воздух тянется на восемь километров вверх. Это уже составит массу более пяти триллионов килограммов, или одну миллионную часть массы земного шара... Сколько еще не использованного сырья!

— Сырья? — невольно вырвалось у меня.

Бэйли невозмутимо продолжал:

— Подсчитать совершенно точно запасы воздушного сырья, конечно, очень трудно. Мировое межпланетное пространство переходит в нашу земную атмосферу постепенно через зону разреженных газов. Точные определения химического состава воздуха сделаны на высоте девяти километров. Шары с самопишущими приборами поднимаются немного выше тридцати семи с половиной километров. Пролетающие метеориты загораются на высоте ста пятидесяти — двухсот километров. Значит, и на этой высоте есть еще достаточно плотный воздух. Ниссе-



лю удалось подметить зажигание метеоров даже на высоте семисот восьмидесяти километров. Наконец, о высоте атмосферы говорят и огни северного сияния. Человек давно любовался этой небесной иллюминацией, но только сравнительно недавно мы узна-

ли, что спектр этих необычайно красивых огней состоит главным образом из линий благородных газов и особенно гелия. Линии кислорода, азота, неона и гелия сверкают в северном сиянии еще на высоте восьмисот километров. Возможно, что электрические силы вихрями отрывают и поднимают к высоким слоям атмосферы атомы ее газов. Но как бы то ни было, эти атомы существуют даже на такой огромной высоте. Но это еще не все. Не думайте, что атмосфера находится только над поверхностью Земли. Американский ученый Клерк высчитал, что только до глубины в шестнадцать километров, доступной для наблюдения, газообразные вещества по весу составляют три сотых ко всей массе вещества. Так что общий запас воздушного сырья...

— Но не думаете же вы лишить земной шар всей его атмосферы? — с удивлением воскликнул я.

— А почему бы нет? — ответил мистер Бэйли. — Пойдемте дальше, и вы убедитесь, что это вполне возможно. Сванте Энгельбрект — гениальный человек. Он стоит тех денег, которые я плачу ему.

«Неужели в деньгах все дело?! — подумал я. — Быть может, отец Норы корыстный человек. Получая много денег, он зарыл себя в этой кротовой норе вместе с дочерью и не желает возвратиться на родину; дочь изнывает от скуки, но не желает покинуть отца... Не в этом ли и заключается драма Норы?»

— Земной шар без атмосферы — это была бы катастрофа! — сказал я.

— О да, — иронически ответил Бэйли. — Люди станут задыхаться, растения погибнут вместе с людьми, ледяной холод спустится на Землю со звездных высот... Жизнь прекратится, и земной шар станет таким же мертвым телом, как оледенелая Луна... И это будет, будет, черт возьми! — закричал Бэйли.

В эту минуту мне казалось, что я имею дело с помешанным.

— Вы хотите погубить человечество? — спросил я.

— Мне просто нет никакого дела до человечества. Оно само идет к гибели. В конце концов наша планета не вечна. Она обречена на гибель не мною. А произойдет это раньше или позже — не все ли равно.

— Далеко не все равно. Человечество еще может жить миллионы лет. Наш земной шар еще очень молод. Он гораздо моложе Марса.

— Вы можете поручиться, что человечество проживет еще миллионы лет? Довольно налететь какой-нибудь шальной комете, и ваш земной шар скоропостижно скончается.

— Вероятность этого ничтожна.

— С вашей близорукой точки зрения земного червя. Астрономы говорят иное. Огромные вспышки наблюдаются ими во всех углах мировой бездны. И если брать космические масштабы, то в одной только нашей, так называемой галактической системе, в маленьком переулочке вселенной, именуемом Млечным Путем, столкновения происходят, вероятно, не реже, чем столкновения автомобилей на улицах большого города.

— Да, но для нас, червей Земли, интервалы между этими катастрофами равны миллионам лет... И с какой целью вы хотите погубить человечество?

— Я уже сказал вам, что мне нет дела до человечества. Я не хочу губить, но не желаю и отказываться от своих целей ради спасения человечества.

— Каких целей?

Мистер Бэйли не ответил.

Мы шли вдоль изумительного голубого озера. Едва заметный пар поднимался над ним. Несмотря на все предосторожности, жидкий воздух все же немного испарялся. Действие теплоты земного шара и солнца сказывалось даже сквозь все изоляционные преграды.

В стене грота виднелась черная дверь.

— Войдем сюда, — сказал мистер Бэйли.

Он открыл дверь, мы спустились по отлогому коридору и вошли в другую пещеру. Она была гораздо меньше. Здесь не было голубого озера. Это был ка-

кой-то склад. Вернее, целый городок, где вместо домов стояли огромные шкафы из того же черного глянцевого материала. «Улицы» были расположены с прямолинейностью плана американских городов. Бэйли открыл дверцы одного из шкафов и, выдвинув при помощи механизма ящик, показал содержимое: там лежали блестящие шарики величиною с грецкий орех. Я с интересом ждал объяснений.

— Вам должно быть известно, — начал Бэйли, — что один литр воды при обыкновенной температуре поглощает до семисот литров газа аммиака, а при нуле градусов количество поглощаемого аммиака увеличивается до тысячи сорока литров, причем объем воды почти не увеличивается.

Я кивнул головой и ответил:

— Газ размещается в промежутках между частицами воды.

— Вот именно. Промежутки между молекулами газа по отношению к величине самих молекул громадны. Расположение молекул может быть уподоблено расположению планет в солнечной системе — они отстоят друг от друга на громадных, сравнительно с их размерами, расстояниях. Если вы читали Фламмариона, то помните, что он говорит о кометах. Комету, состоящую из разреженных газов и занимающую пространство в сотни тысяч кубических километров, можно было бы вместить в наперсток, уплотнив эти газы... Так вот, такие «наперстки» перед вами. Хитроумному Энгельбректу удалось превратить жидкий воздух в чрезвычайно плотное тело. В одном этом ящике заключено воздуха больше, чем в огромном озере из жидкого воздуха. Попробуйте взять один из этих шариков!

Я протянул руку и попытался вынуть шарик, но не мог этого сделать.

— Они все сплавлены вместе, — ответил я.

Бэйли рассмеялся.

— Сколько весит один кубический метр обыкновенного комнатного воздуха? — спросил он меня.

— Около килограмма.

— Килограмм с четвертью. А в этом шарике за-

ключен один кубический километр воздуха. Не всякая лошадь свезет воз, нагруженный одним таким шариком.

Я был поражен, и мое изумление доставило мистеру Бэйли большое удовольствие.

— Да, — повторил он, — Энгельбрект стоит тех денег, которые я плачу ему. Теперь вы поверите, что переработать все воздушное сырье не такая уж невозможная вещь. Представляю, какой поднимется в мире переполох, когда люди начнут задыхаться!

И, протянув руку к сверкающим шарикам, мистер Бэйли сказал с пафосом:

— Отсюда я могу править миром!

Меня поразило, что он, сам того не зная, почти буквально повторил слова пушкинского «Скупого рыцаря».

— «Что не подвластно мне?» — продекламировал я вслух.

И продолжал:

...Как некий демон,
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся
чертоги...
. . . . . .
...Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
сего сознанья...

— Это вы хорошо сказали, — ответил Бэйли, внимательно выслушав меня. — Я не знал, что вы поэт.

— Это не я сказал, а Пушкин.

— Все равно. Хорошо сказано. Пушкин? Помню. Он подражал нашему Байрону и нашему Вальтеру Скотту. Но конец нехорош. Мне мало одного сознанья власти. Я капиталист, коммерсант. Мертвый капитал — это не капитал. Я должен торговать, и я торгую... Торговец воздухом!.. Ха-ха-ха! Кто бы мог думать?

— С кем же вы торгуете? — спросил я.

— А с кем я должен торговать? — с неожидан-

ным раздражением воскликнул мистер Бэйли. — Не с вашими ли наркомторгами?

— Значит, с заграницей? Не скажу, чтобы эта торговля была законной. Вы обосновались на нашей, советской территории...

— И перерабатываю ваш прекрасный русский воздух, и нарушаю монополию внешней торговли, и так далее, и так далее. Я буду торговать с Англией, Германией, Францией, наживу капитал, а вы отберете его у меня? Я поеду в Англию, а вы там сделаете революцию и доберетесь до меня и моих капиталов? — говорил мистер Бэйли со все возрастающим раздражением. — Нет, довольно! Вы испортили весь мир. Нет на земном шаре угла, где бы не угрожала красная опасность. Я мог бы скрутить вас теперь в бараний рог. Вы еще не знаете о всех моих ресурсах. Но это мне надоело. Я хочу торговать спокойно и уверенно.

— Тогда вам лучше было бы перебраться на Луну, — с иронией сказал я.

— И очень просто! Здесь нет ничего смешного. Луна слишком мала, чтобы удержать атмосферу, но я могу устроить подлунные жилища. В воздухе недостатка не будет. А для межпланетного путешествия у меня есть кое-какие возможности получше пороховой ракеты.

— Вы это серьезно? — спросил я, с недоумением глядя на него.

— Совершенно серьезно.

— И там вы откроете контору по продаже воздуха? Но вы сказали, что уже ведете торговлю?

— Да, веду, и очень успешно.

— С кем, можно ли узнать?

— С Марсом, — ответил он. — Да, с жителями планеты Марс. Это очень выгодный рынок для сбыта воздуха. Вы знаете, что на Марсе барометр стоит в двенадцать раз ниже, чем у нас. У бедных марсиан не хватает воздуха. И они очень хорошо платят за этот товар.

«Сумасшедший! — подумал я. — Этого еще недоставало!»

— Что же, они прилетают к вам, или вы отправляете туда своего комиссионера?

— Зачем? Я бросаю на Марс из особой пушки вот эти снаряды. Там они взрываются и превращаются в воздух. А марсиане таким же образом транспортируют мне взамен свой продукт иль.

— Иль? Что это такое?

— Радиоактивный элемент, обладающий огромной энергией. Этой энергией приводятся в движение все мои машины, на этой энергии работает пушка, посылающая снаряды на Марс. Иль может дать энергию и для ракеты, в которой я полечу на Луну.

— Но почему же марсиане не прилетели на Землю за воздухом? Марс более старая планета, и марсиане должны были обогнать нас в технике.

— Они и обогнали. Но у марсиан очень слабый организм. Уже шестьсот лет назад они делали опыты межпланетных путешествий. Но они неизменно гибли, не будучи в состоянии перенести условий путешествия. Во время полета тела невесомы. Такое состояние вредно влияло на кровообращение и все жизненные функции. И смелые путешественники неизменно умирали — одни в пути, другие вскоре после возвращения на Марс. Они назвали эту болезнь «левитацион» — так можно перевести на наш язык их слово.

— Как же вы все это узнали и как установили с ними сношения?

Мистер Бэйли нахмурился.

— Довольно того, что я сказал вам. Если вы не верите, я покажу вам иль. Да, впрочем, вы сами однажды были свидетелем того, как я едва не погиб в болоте при получении марсианской посылки.

Но я не мог поверить Бэйли — так все это было необычно — и продолжал возражать:

— Однако такая посылка, пролетая через воздушную оболочку Земли, должна была накалиться и превратиться в пар, как осколок болида.

— Вы же сами признали, что техника марсиан должна далеко уйти вперед по сравнению с человеческой. Их снаряды снабжены регуляторами движе-

ния. Управляются они по радио марсианскими инженерами.

Я хотел задать мистеру Бэйли еще несколько вопросов, но он закрыл шкаф и сказал мне:

— Пойдемте дальше. Я вам покажу еще одно интересное и поучительное для вас зрелище.

Бэйли привел меня к узкой двери, через которую мы вышли в слабо освещенный коридор.

— Еще один вопрос, — сказал я, — почему вы устроили ваш завод в Якутии?

— Потому, что это место удобно для моего производства. Здесь полюс холода.

— Однако в центре Гренландии не теплее, там даже летом температура не поднимается выше тридцати градусов мороза.

— Это удобство кажущееся. Когда мои вентиляторы заработали бы, с юга потянули бы теплые воздушные течения и значительно подняли бы температуру Гренландии. Да в конце концов теперь для меня температура окружающего воздуха не так важна. Мне это было важно вначале. Теперь у меня дело поставлено так, что я мог бы иметь холод мирового пространства даже на экваторе, конечно в моем подземном городке. Притом в Гренландии торчат американские метеорологи, изучающие «родину циклонов». Мне же необходимо было забраться в такой укромный уголок, где мне никто не помешает, пока я не поставлю производство. Теперь мне не страшны люди, но я страшен для них. Горе тем, кто пойдет по ветру!.. Кстати, я не сообщил вам еще одной новости. Вас больше не ищут, но ваша экспедиция скоро тронется в путь, как только приедет ваш заместитель. Могу вас уверить, что экспедиция погибнет вся, до одного человека! Наступает зима. Я подниму такую бурю, что участники экспедиции умрут, прежде чем сделают половину пути от Верхоянска до меня.

— Правительство вышлет вторую экспедицию будущим летом. Вас не оставят в покое, — сказал я.

— Тем хуже для них, — ответил Бэйли и открыл дверь.

Мы вошли в огромную круглую полуосвещенную пещеру. Мистер Бэйли повернул выключатель, и пещера ярко осветилась. Я увидел изумительное зрелище.

С потолка спускались сталактиты, а с земли тянулись вверх сталагмиты самых причудливых форм. На потолке сверкали призмы горного хрусталя. Витые колонны, как в буддийском храме, странные наплывы на стенах и «занавески» по углам придавали пещере фантастический вид.

Прямо передо мной посреди пещеры стоял огромный мамонт. Его хобот был вытянут вперед, как будто этот колосс собирался затрубить призыв к бою. Огромные ноги — толще моего туловища — были широко расставлены, голова пригнута. Вся колоссальная туша мамонта блестела, как будто она была покрыта стеклом. Вокруг мамонта расположились более мелкие представители животного мира: медведи бурые и белые, волки, лисы, соболя, горностаи... Целый ледяной зверинец!

На уступах скал сидели блестящие птицы — полярная сова, гуси, утки, вороны. А вдоль стен расположились... «двуногие» представители приполярных и полярных стран: якуты, самоеды, вогулы, чукчи — все в национальных костюмах, вооруженные самодельными стрелами, луками, капканами. Одни из них стояли в позе охотника, другие — с упряжкой собак или оленей, иные держали в руке рыбачий гарпун или весло. Здесь же лежали домашняя утварь и промысловые орудия.

Это был целый музей, необычайно богатый и разнообразный. Все экспонаты были покрыты прозрачным веществом, блестевшим, как стекло, и позволявшим хорошо видеть малейшие подробности.

— Поразительно! — сказал я.

Мистер Бэйли самодовольно усмехнулся.

— Ваши ученые только собираются устраивать ледяной музей, а я уже устроил его. Вы знаете, что вечная мерзлота сохраняет трупы в полной неприкосновенности. Вот этот мамонт, которого мы выкопали, пролежал в мерзлоте не одну тысячу лет,

а мясо его так свежо, что можно было бы зажарить и есть. Наши собаки очень охотно ели — как бы это сказать по-русски — мамонтятину.

— Но ведь здесь не только ископаемые животные, здесь имеются медведи, лисы... И потом эти люди?..

— Да, я собирал и живые экземпляры.

— *Живых людей?!*

— А почему бы нет? Какая разница? Рано или поздно каждого из этих людей задрал бы медведь или они просто умерли бы естественной смертью и бесследно погибли бы, как погибают звери. А участь попавших в мой музей прекрасна. Они сохраняются при помощи холода не хуже египетских мумий. Они обессмертили себя.

— Для кого? Кто видит их?

— Вы, я, не все ли равно? Я не собираюсь делать из моего музея учебно-вспомогательное учреждение и завещать его кому бы то ни было. Это моя прихоть, мое развлечение. Не все же одни дела! Надо чем-нибудь развлекаться.

— И для этого вы... убивали людей?

— Не я первый сказал, что охота на людей — самый увлекательный вид охоты... Впрочем, не думайте, что я стал бы заниматься охотой специально за «двуногими зверями». Вот еще! Здесь только те, кто имел неосторожность бродить вблизи моего городка. О нем никто не должен был знать. И тот, кто «шел по ветру», не возвращался назад...

— Но это еще не все, — продолжал он, помолчав. — Я покажу вам еще одно отделение моего музея. Идемте!

Мы прошли в смежную пещеру. Она была значительно меньше. В глубине пещеры вдоль стен стояли статуи людей, блестевшие, как стекло.

Мы подошли ближе.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал мистер Бэйли, указывая на статуи. — Такова судьба тех, кто пытается бежать отсюда. Вот видите этот пьедестал? Он был предназначен для вас.

Мистер Бэйли включил большую лампу. Яркий свет осветил статуи. Я присмотрелся к ним ближе и содрогнулся. Это были трупы людей, покрытые жидким стеклом или каким-то иным прозрачным составом.

— Я замораживаю людей, затем их обливают водой, которая моментально превращается в лед. Так они могут простоять до второго пришествия... Очень поучительное зрелище, не правда ли? Я показываю эти мумии всем провинившимся в первый раз, и действие бывает очень благотворное: у виновных пропадает всякая охота нарушать установленные мною законы... А работники мне, конечно, нужны, особенно квалифицированные...

Я насчитал одиннадцать трупов. Пять из них принадлежали якутам, три, по-видимому, иностранцам, остальные были похожи на сибирских охотников. Тонкий слой льда позволял хорошо видеть. На трупах были костюмы, в которых их застала смерть. У большинства трупов лица казались спокойными, только у одного якута осталась на лице страшная улыбка.

— Как вам нравится мой «пантеон»? * — спросил Бэйли.

— Отвратительное зрелище, — ответил я. — Нужно быть уверенным в полной безнаказанности, чтобы хранить эти улики преступлений.

— А вы еще не потеряли веру в возмездие? — иронически спросил Бэйли. — Да, с этой иллюзией, говорят, легче живется. Однако нам пора возвращаться.

XI. ПЛЕННИКИ ПОДЗЕМНОГО ГОРОДКА

Из нашего путешествия я вернулся совершенно разбитым и подавленным. А Бэйли еще не все показал мне! Я не видел машин, не видел смертонос-

---

* Пантеон — древнегреческий храм всех богов; отсюда это название перешло к зданиям, посвященным памяти знаменитых людей (например, Пантеон в Париже с гробницами Вольтера, Гюго, Руссо и других).

ных орудий, действия иля. Но и того, что я видел, было совершенно достаточно, чтобы лишить человека покоя. Бэйли оказался сильнее и страшнее, чем я мог думать. Борьба с ним должна быть чрезвычайно трудной. А его безумные действия угрожали всему человечеству.

Он сам оставался для меня загадкой. Его «коммерческая» деятельность не могла преследовать только выгоду. В самом деле, на что мог использовать несметное богатство один человек, поставивший себя вне общества, больше того, обрекающий все человечество, всю жизнь на Земле на ужасную гибель? Это мог сделать только маньяк. Быть может, Бэйли вобрал в себя все отчаяние капиталистов, обреченных историей, и, как Самсон, решил погибнуть вместе со своими врагами? Нет. Дикая мысль! Люди его класса не торопятся сами погибать, если они здоровы.

Я вошел в лабораторию. При виде меня Нора весело кивнула головой, причем ее румяное лицо чуть-чуть вспыхнуло. Она склонила голову над пробиркой.

— Мисс Энгельбрект, — довольно торжественно сказал я, — позвольте поблагодарить вас...

— За хороший отзыв? Какие пустяки! Вы стоите этого. Когда вы не очень задумываетесь, вы отличный работник... Не забивайте только слишком туго пробок в сосудах с жидким воздухом и не...

— Это совсем не пустяки! — горячо прервал я ее. — Вы спасли мне жизнь!

Нора посмотрела на меня с удивлением и даже испугом.

— Это вы не шутите?

— Нет, конечно. Мне угрожала смерть за попытку побега.

— Смерть! Я не думала, что дело так серьезно, иначе бы я еще более... Но кто же угрожал вам смертью? Неужели...

— Разумеется, мистер Бэйли. О, он не щадит тех, кто не повинуется его воле! Приходилось ли вам видеть его страшный «пантеон»?

Нора отрицательно покачала головой и спросила, что это значит. Я рассказал ей о своем путешествии в обществе Бэйли по подземному городку и обо всем, что узнал от «торговца воздухом».

К моему удивлению, Нора выслушала меня с большим интересом. Очевидно, многое из того, что я сказал ей, она слышала впервые. По мере того как я говорил, лицо ее все более хмурилось. Удивление сменялось недоверием, недоверие — возмущением.

Закончив свой рассказ, я поднял бокал с жидким воздухом и сказал:

— Вот в этом сосуде мы изготовляем смертный напиток для человечества. Моя жизнь пощажена только для того, чтобы я содействовал гибели других, гибели нашей прекрасной Земли со всеми живыми существами, живущими на ней. И я не знаю, радоваться ли мне моему спасению, или... не выпить ли мне самому этот бокал?..

Зазвонивший телефон прервал мою патетическую речь. Нора быстро подошла к телефону.

— Алло... Да... Мистер Клименко, вас просит к телефону мистер Бэйли.

Я подошел к телефону.

— Да, это я... Нет... Слушаю!

— Вы чем-то смущены? — спросила Нора, когда я отошел от телефона.

— Дело в том, что мистер Бэйли опоздал. Оказывается, он забыл меня предупредить, что я не должен говорить вам о том, что видел и слышал.

— И что же вы ответили?

— Я ответил, что еще ничего не говорил, и обещал не говорить.

Нора вздохнула с облегчением.

Потом она взяла бокал с жидким воздухом, который я перед тем держал в руке, в задумчивости посмотрела на голубую жидкость и вдруг бросила бокал на пол. Стекло разбилось. Жидкий воздух разлился и под влиянием теплоты пола начал шипеть и быстро испаряться. Через минуту на полу валялись одни осколки стакана.

«Великолепно! — подумал я. — Теперь у меня есть союзник!»

Нора испытующе посмотрела мне в глаза.

— Вы все мне рассказали?

— Все, — ответил я, но сразу же невольно смутился: я вспомнил о видах мистера Бэйли на мой брак с Норой. Я не хотел говорить об этом девушке. Но она заметила мое смущение.

— Вы что-то скрываете. Вы не все сказали!

— Но это пустяки, не относящиеся к делу.

— Не лгите. Пустяки не заставили бы вас смутиться.

Я был в большом затруднении и решил перейти от обороны к нападению.

— А вы сами разве все говорите мне? Помните наш разговор, когда я неосторожной фразой обидел вас?.. Простите, что я вспоминаю об этом. Тогда вы сказали мне: «Вы ничего не знаете». Почему же вы сами тогда не объяснили мне всего, чего я не знаю?

На этот раз была смущена Нора.

— Есть вещи, о которых трудно говорить...

— Этими словами вы оправдываете и мое молчание.

— Нет, не оправдываю. Вы не дали окончить мою мысль. Есть вещи, о которых трудно говорить. Но бывают обстоятельства, когда нельзя больше молчать. Приходится говорить обо всем, как бы трудно это ни было.

— И вы мне скажете?

— Да, если и вы не скроете от меня ничего.

Я попался в собственные сети. Торг совершился, и мне оставалось только выдать свою тайну. Все же я постарался сгладить цинизм Бэйли.

— Бэйли сказал... что у меня деревяшка вместо сердца, если я решился бежать, пожертвовав ради свободы обществом такой девушки, как вы.

Нора сначала улыбнулась: это звучало как комплимент. Но она была умна и скоро разобралась в том, что скрывается под таким комплиментом. Брови ее нахмурились.

— Я должна быть благодарна мистеру Бэйли за

его высокую оценку, — сказала она. — К сожалению, мистер Бэйли ко всему подходит с коммерческой точки зрения. Было время, когда он сам претендовал на «мое общество»... И даже тогда мне казалось, что им руководит не сердце, а расчет... Он видел, что я скучаю, что меня тянет к людям. Отец очень нагружен работой. Он очень любит меня, но... науку, кажется, любит еще больше, — с некоторой горечью и ревнивым чувством сказала Нора. — Моя тоска мешала общей работе. И мистер Бэйли... Вы понимаете?.. Он сделал мне предложение.

— И вы? — спросил я, задерживая дыхание.

— Ну. конечно, решительно отказала ему, — ответила Нора.

Я не мог сдержать вздох облегчения.

— Я не знала тогда о его делах и мало интересовалась ими. Но он мне просто не нравился. Он долго не терял надежды прельстить меня своими миллионами, наконец оставил меня в покое, когда я решительно заявила, что уеду, если он будет надоедать мне своими предложениями. Это напугало его, и он дал слово «забыть меня»... И вот теперь мистер Бэйли, очевидно, создал новый вариант прежнего плана, да при этом он хочет убить сразу двух зайцев. Проще говоря, он хотел бы поженить нас с вами. Не так ли?..

Я покраснел. Нора рассмеялась. Этот смех обрадовал меня. Значит, на этот раз планы мистера Бэйли не были ей так неприятны! Но Нора сразу же охладила меня. Или это была только женская хитрость? Лукаво посмотрев на меня, она с деловым видом заметила:

— Но я не думаю, конечно, выходить замуж за вас, мистер Клименко.

— А за кого же? — уныло спросил я. — Простите, сорвалось... Такие вопросы не задают... Однако сегодня мы ничего не делаем! — решил я переменить разговор.

— Да, вы правы, — ответила она и, подняв второй бокал с жидким воздухом, вылила жидкость на стол.

Это произошло так быстро, что я не успел снять руку со стола. Часть жидкого воздуха плеснула мне на пальцы; воздух зашипел испаряясь. Я почувствовал ожог.

— Боже! Что я наделала! — вскрикнула девушка. — Простите меня.

Она бросилась к аптечному шкафчику, вынула мазь против ожога, вату и бинт.

В ее лице было столько искреннего огорчения, она так заботливо ухаживала за мной, что я был вполне вознагражден.

Дверь из кабинета отца Норы открылась, и на пороге появился он сам.

— Ну что же, Нора, готово? — спросил Энгельбрект.

— Мы не успели окончить, — ответила Нора. — Мистер Клименко ожег себе руку.

— Ничего серьезного? — спросил ученый.

— Пустяки, — поспешил сказать я.

— Надо быть осторожным, — поучительно проговорил он. — Так я жду!

Дверь закрылась.

Рука была перевязана, и мы уселись за стол. Нора вздохнула.

— Я решила больше не работать, — сказала она, — но отец требует. Ему это нужно...

— А ваш отец знает обо всем, что касается мистера Бэйли? — спросил я.

— Это я сама хотела бы теперь знать. Я хочу поговорить с отцом и спросить его обо всем... Когда мы собирались в эту несчастную экспедицию, отец сказал мне, что мы направляемся исследовать Великий Северный путь. Мы высадились недалеко от устья реки Яны. Тогда нам говорили, что летчики, бывшие на нашем ледоколе, сообщили, что дальнейший путь на восток затерт льдами. Предстояла зимовка. С парохода был снят весь груз. Его было очень много, гораздо больше, чем надо для зимовки. Я видела груды больших ящиков. Но что в них было — не знаю. Мы расположились на зимовку. Часть экипажа находилась еще на ледоколе. Там же оста-

лись два профессора, участвовавшие в нашей экспедиции. Один радиоинженер, а другой астроном...

— А зачем был нужен астроном в полярной экспедиции?

— Не знаю. Эти два профессора еще во время плавания в чем-то не поладили с мистером Бэйли. Они держались особняком и иногда тихо совещались в укромных уголках. Однажды утром, когда я вышла из своей палатки, чтобы принять участие в работах по разгрузке, я увидела, что парохода уже нет. Мне сказали, что ночью его унесло ветром в океан вместе с двумя профессорами. Труп астронома нашли потом выброшенным морем на берег, а радиоинженер так и погиб вместе с пароходом. Я была очень удивлена. В ту ночь не было бури. Я обратилась с вопросом к мистеру Бэйли, но он, смеясь, — он мог смеяться! — ответил мне, что я очень крепко спала и поэтому не слыхала бури. «Но море совершенно спокойно», — сказала я, указывая на океан. «В это время года не бывает больших волн, — ответил мистер Бэйли. — Плавучие льды уменьшают волнение. А ветер был сильный, сорвал ледокол с якорей и унес его в океан».

Элеонора замолчала, делая запись в тетради и следя за колбой, стоявшей на весах. Потом опять начала говорить:

— Еще одна странность: с парохода были выгружены на берег два аэроплана большой грузоподъемности. Для зимней стоянки они были не нужны. Их выгрузили, как я потом узнала, для переброски всего нашего багажа в глубь страны. Аэропланы переносили куда-то ящик за ящиком. Отец объяснил мне, что мистер Бэйли изменил план. Так как пароход погиб, то он решил заняться геологическими исследованиями на материке. Переброска, несмотря на зиму, продолжалась. Часть груза была отправлена на автомобилях, поставленных на лыжи. Вся эта работа заняла несколько месяцев и стоила нескольких человеческих жизней. Мы заменяли погибших матросов якутами, которые иногда случайно наталкивались на нашу стоянку. Вообще же место

было очень безлюдное, и мы работали без помехи и далеко от любопытных глаз. Наконец мы с отцом прилетели на место новой стоянки. Это была совершенно пустынная горная страна. В мерзлой земле, как кроты, рылись буровые машины. Я мало понимаю в машинах. Но даже меня поражала их мощность. Если бы вы видели, как работали эти изумительные машины!.. От времени до времени сюда доставляли на аэропланах новые машины и материалы. Очевидно, мистер Бэйли имел связь с внешним миром. Подземный городок строился со сказочной быстротой.

Все это было не похоже на геологические разведки. Но мистер Бэйли объяснил мне, что он напал на урановую руду и будет добывать радий. Кроме того, он решил заняться добыванием азота из воздуха и изготовлением жидкого воздуха. В конце концов, чем занимается мистер Бэйли, меня не интересовало. Я рано начала помогать моему отцу в его научных работах и уже не раз кочевала с ним из города в город. Меня не пугали эти переезды. Но в такой дыре мне еще никогда не приходилось жить. У отца были прекрасные предложения от солидных фирм. И я спросила его, что побудило его принять предложение мистера Бэйли. Отец ответил, что мистер Бэйли за один год работы предложил ему сто тысяч фунтов стерлингов. Целое состояние! «Я хочу обеспечить твое будущее», — сказал мне отец. Прошел год, но отец продолжал работать у мистера Бэйли. Как-то я спросила отца, не пора ли нам возвратиться на родину. Отец несколько смутился и ответил, что сейчас он очень занят (в то время он делал опыты с превращением кислорода в водород, действуя электрическим током) и не хочет прерывать работы. «Здесь прекрасные лаборатории и такая тишина, какой не найти во всем мире. Хорошо работается», — точно оправдывался он. Я была несколько разочарована. Тогда отец сказал, что если я хочу, то могу ехать одна и жить пока у тетки... Моя мать умерла, когда я была совсем маленькой... Я не хотела покидать отца и осталась в подземном городке.

— Что же все-таки заставило отца остаться? Большая оплата?

— Не думайте, что мой отец корыстолюбив, — поспешно ответила Нора. — Никто не откажется от больших денег, если они сами идут в руки. Но ради одних денег он не остался бы.

— Но почему он смутился, когда вы задали ему вопрос о том, скоро ли вы уедете отсюда?

— Не знаю. Быть может, потому, что науку он предпочел моим интересам. Так по крайней мере думала я тогда. Но теперь, после того что я услышала от вас, мне приходит мысль, что мой отец... не совсем добровольно остался у мистера Бэйли. Или же... Но я не хочу об этом думать... Я должна все выяснить. Я поговорю с отцом.

— И если окажется, что мистер Бэйли держит вашего отца в плену?

Лицо Норы сделалось суровым и решительным.

— Тогда... Тогда я буду бороться, и вы поможете мне!

Я протянул ей мою здоровую руку. Нора пожала ее.

— Нора, ну что же твоя работа? — услышали мы опять голос Энгельбректа.

— Через пять минут будет готова, — ответила она, принимаясь за склянки.

— И знаете что, — сказал я, когда дверь в кабинет отца Норы закрылась. — Перестаньте бить посуду и разливать жидкий воздух. Это ребячество. Будем до времени работать, как мы работали раньше. Нельзя возбуждать ни у кого ни малейшего подозрения.

Нора молча кивнула головой и углубилась в работу.

В этот день я ночевал один в своей комнате. Николы не было. Очевидно, Бэйли решил разъединить нас. Это для меня было большим ударом. Я уже привык и даже привязался к якуту. Кроме того, он был нужен для выполнения моих планов. Рано или поздно борьба между мною и Бэйли должна была принять открытые формы. Я ни на минуту не остав-

лял мысли о побеге или по крайней мере о том, чтобы предупредить наше правительство о грозящей опасности.

На третий день вечером Никола явился. Он был по обыкновению весел и детски беспечен. Суровая природа закалила его, и он привык легко переносить невзгоды судьбы.

— Никола! — радостно встретил я его.

— Здравствуй, товарищ! — ответил он. И, усевшись на полу на скрещенных ногах, запел, покачивая головой: — Никола сидел на хлеб и вода, это не беда. Никола немного ел, много пел.

— Никола, да ты даже в рифму умеешь сочинять! — удивился я.

— Не знаю, — ответил он. — Мои дети в школе учатся, песни знают. Я слыхал.

— Ну, а с Иваном что?

— Жив Иван. Со мной сидел. На работы пошел.

Бэйли, очевидно, решил, что мои «пособники» не заслуживают большого наказания. Вернее же, он берег их как рабочую силу.

— Плохи наши дела, Никола, — сказал я. — Больше не будешь убегать со мной?

— Сильно ветер мешал. Ничего. Если ты побежишь, и я с тобой.

XII. НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Бэйли, вероятно, полагал, что урок, данный им мне, и зрелище его ужасного «пантеона» окончательно выбили из моей головы мысль о побеге и примирили меня с положением. Во всяком случае, после нашего с ним путешествия мне была предоставлена бóльшая свобода. Я получил доступ в те части городка, вход в которые раньше мне был запрещен. Только в машинное отделение и в арсенал, где хранились орудия, мне не удавалось проникнуть. Зато я смог завязать новое полезное знакомство — с радистом.

Это был довольно пожилой шотландец, сносно

говоривший по-немецки. Когда-то он работал в Германии на заводе, изготовлявшем радиоаппаратуру. Мистер Люк вопреки общему представлению об англичанах был очень разговорчив, и это было мне на руку. Притом он оказался завзятым шахматистом, а так как я был игроком первой категории, то он поставил целью своей жизни обыграть меня, хотя играл значительно слабее.

Шахматы очень сблизили нас. Вечерами, когда Люк сдавал дежурство, он неизменно являлся ко мне со своими литыми чугунными шахматами в виде статуэток, изображавших английского короля и королеву, офицеров, похожих на Дон-Кихота, и пешек, напоминавших средневековых ландскнехтов.

Люк скоро входил в азарт, и его пешки при передвижении так громко стучали по деревянной доске, как будто по мосту шли настоящие ландскнехты. При этом он беспрерывно говорил:

— Пехота, вперед!.. Вы так? А мы вот так!

Я умышленно задумывался над его ходом и в это время задавал ему какой-нибудь вопрос, систематически выведывая от него все, что мне нужно и интересно было знать. Таким способом я узнал, что мистер Люк — старый холостяк, совершенно одинокий; на родину его не тянет, и живет он у Бэйли, по-видимому, по своей охоте, прельстившись хорошим жалованьем и неограниченной возможностью поглощать джин, до которого Люк был большой охотник.

— Где много джина, там и родина, — говорил Люк. — Но я пью умело. На работе я всегда трезв, как вода.

Я учел это новое обстоятельство, и в моей комнате появлялась перед приходом Люка бутылка джина, которую мне беспрепятственно выдавал буфетчик. Бэйли по своим коммерческим соображениям считал нужным удовлетворять по мере возможности желания своих вольных и невольных работников, чтобы заглушать в них тоску по свободе и не вызывать недовольства.

Для достижения своих целей я решил даже пожертвовать престижем игрока первой категории.

От времени до времени я проигрывал последнюю партию Люку. Когда джин и упоение победой окончательно развязывали ему язык, я приступал к своим главным вопросам.

Признаюсь, это была не совсем честная по отношению к Люку игра. Но разве Бэйли поступал со мною честно? Я решил, что в борьбе с ним все средства хороши. Это была военная разведка применительно к условиям и обстоятельствам. Мои задачи были поважнее, чем этика приятельских отношений.

— Ну, что сегодня говорит радио, мистер Люк? — спрашивал я, позевывая.

И мистер Люк начинал мне рассказывать о новостях. Так я узнал, что вместо меня во главе экспедиции был поставлен мой друг, молодой ученый Ширяев. Несмотря на то, что уже началась зима, экспедиция выступила в путь. Однако поднявшиеся бураны и ветер, достигавший силы десяти баллов, заставили экспедицию вернуться в Верхоянск. После доклада экспедиции о положении дела из центра был получен приказ отложить экспедицию до весны и заняться пока на месте метеорологическими наблюдениями.

Эта весть и обрадовала и опечалила меня. Ширяев был осторожнее меня — он не хотел жертвовать жизнью своих спутников и своей и потому избежал участи, уготованной ему Бэйли. Я радовался за моего друга. Но до весны мне уже не приходилось ждать помощи со стороны. Впрочем, это тоже к лучшему, — успокаивал я себя. — Бэйли погубит всех, кто неосторожно приблизится к его подземным владениям. На борьбу с ним должны быть брошены мощные силы государства...

Но для успеха необходимо предупредить правительство, чтобы оно отнеслось к задаче со всей серьезностью. Быть может, за зиму мне удастся так или иначе установить связь с внешним миром.

Я вооружился терпением, продолжая вместе с тем свою «шпионскую» работу.

С Люком мы все более сближались. И однажды в минуту откровенности он мне приоткрыл тайну

«Арктика». Люк был один из немногих, посвященных в эту тайну, хотя Бэйли не сообщил и Люку всей правды о своих целях. По словам Люка, «Арктик» с разведенными парами был направлен в открытый океан, на север, для того чтобы инсценировать кораблекрушение. Бэйли и не думал продвигаться далее на восток. Он просто хотел «пособрать в вашем СССР кое-какие полезные ископаемые без возни со всякими концескомами».

— О, он очень хитрый, мистер Бэйли! — почти с восхищением сказал Люк. — Коммерсант! Что же вы хотите? У вас богатства лежат даром, как собака на траве, а он сделал из них деньги. Хорошо вас провел мистер Бэйли! — и Люк захохотал. — Машинист развел пары, штурман укрепил колесо штурвала и — фьють! Когда «Арктик» пошел на всех парах, остававшиеся на ледоколе соскочили в моторную лодку и вернулись на берег, а пароход один продолжал путь. Ловко?

— На пароходе никого не осталось? — спросил я Люка.

— Никого, — ответил он.

Я боялся возбудить подозрение мистера Люка и потому не спросил его о судьбе двух исчезнувших профессоров. После некоторых колебаний я, однако, решился задать осторожный вопрос:

— И все сошло благополучно, без аварий и без потерь?

— Несколько человек погибли при перевозке с берега сюда, да еще на берегу мы потеряли двух профессоров. Говорят, они отправились на охоту и не возвратились.

— Но вы искали их?

— Как будто да. Тогда было не до этого. У всех было работы по горло. Зима надвигалась.

Или Люк не хотел мне сказать всего, или же он многого сам не знал. Во всяком случае, на него рассчитывать было нельзя. К советской власти он, видимо, относился враждебно. Это был типичный служака. Его идеалы сводились к тому, чтобы получать хорошее жалованье, пить джин да собрать день-

ги, купить, вернувшись на родину, домик и жить, ничего не делая, на ренту.

Однажды я сказал ему, что очень интересуюсь радио, но, к сожалению, не имел возможности ближе познакомиться с этим замечательным изобретением.

— Это очень просто, — ответил Люк. — Приходите ко мне на станцию, лучше во время ночного дежурства, и я вам покажу.

Я воспользовался этим предложением и зачастил к мистеру Люку.

С каким волнением услышал я после перерыва в несколько месяцев знакомый голос диктора «Коминтерна»! Радиогазета!... Последние новости...

«...Теперь послушаем, товарищи, какую зиму предсказывают наши метеорологи. Мы можем обрадовать дачников-«зимников»: им не придется мерзнуть в своих сквозных дачках. Ученые обещают, что зима в этом году будет очень теплой, гораздо теплее даже, чем была в прошлом году...»

«Еще бы! — подумал я. — Вентиляторы мистера Бэйли создают свой воздушный Гольфстрим. Теплые воздушные течения идут в северное полушарие от экватора и поднимают температуру».

«...Но зато на юге Африки, в Южной Америке и в Австралии наблюдается значительное понижение температуры...» — продолжал диктор.

«Задышали ледяные пустыни Южного полюса!» — мысленно ответил я диктору... О, если бы я мог отсюда, через тысячи километров, крикнуть ему, что нечего радоваться теплой зиме, что огромное несчастье надвигается на человечество!

«...Теперь послушаем музыку. Оркестр студии исполнит «Менуэт» Боккерини».

Легкий, изящный менуэт зазвучал. Но от этой музыки мне стало еще тяжелее. Там жизнь идет своим чередом. Люди работают, развлекаются, живут, как всегда, не зная, какая беда нависла над ними.

Я снял с ушей радиотелефон. Люк сидел, углубившись в прием, переводя точки и тире Морзе на буквы. Он быстро записывал телеграмму.

Каждое утро эти телеграммы подавались мистеру Бэйли.

Наконец он оторвался от работы и, не снимая наушников, спросил меня:

— Интересно?

— Да. Но я принимал и у себя дома на радиоприемник. Мне интересно знать, как это делается и как производится не только прием, но и передача. У вас имеется передающая радиостанция?

Быть может, я сам был слишком подозрительным и осторожным, но мне показалось, что в лице Люка появилась какая-то настороженность.

— Вы хотите передать привет родным и знакомым? — спросил он меня с улыбкой. — Да, передающая радиостанция у нас есть, но мы не пользуемся ею. Мы не хотим обнаруживать нашего местопребывания.

В тот момент я поверил Люку. Но скоро выяснилось, что он сказал неправду. Однажды я зашел на радиостанцию позже обыкновенного и застал его за передачей.

— Вы решили открыть свое местопребывание? — сказал я с простодушной улыбкой. — Что, застал вас на месте преступления?

Мистер Люк нахмурился, но потом заставил себя рассмеяться.

— Уж не шпионите ли вы за мною? — сказал он шутливо. Но от этой шутки у меня заныло сердце.

— Какие глупости! — отвечал я. — Зачем мне шпионить? — И уже с хорошо разыгранной обидой в голосе я сказал: — Если я помешал, то могу уйти.

— Оставайтесь, — ответил Люк. — Тогда я вас не обманул: наша большая передающая станция молчит. Но эта... Этакой станции нет во всем мире, кроме одного места, где принимается моя передача. Эта станция работает на таких коротких волнах, что обычные станции не могут принимать ее. Таким образом тайна передачи сохраняется... Коммерческие тайны! — пояснил он. — Но только вот что, мистер Клименко: я вам очень много доверил, потому что вы мой друг. Но вам лучше не говорить о том, что

вы видели меня за передачей. И не заходите в это время ко мне... Это служебная тайна.

Я успокоил Люка и вернулся к себе. Последнее открытие убедило меня в том, что Бэйли имеет со-

юзников во внешнем мире. Это делало его еще более опасным. А Люк, по-видимому, начинает относиться ко мне с недоверием. Если бы не боязнь потерять шахматного партнера, он, пожалуй, закрыл бы мне вовсе доступ на радиостанцию. И теперь мне надо держать себя с удвоенной осторожностью.

XIII. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

— Мы дышим в лаборатории самым чистым, насыщенным кислородом воздухом. И все же мне чего-то не хватает, — призналась Нора. — Каких-то «воздушных витаминов». Быть может, нам не хватает этих запахов земли, запахов хвои, не хватает созерцания неба, хотя бы этого северного неба... Истинное наслаждение дыханием я испытываю только здесь, наверху.

Мы стояли на балконе небольшой площадки в расщелине кратера с его внешней стороны.

На внешнем склоне горы было несколько таких балконов. Они соединялись покатыми тоннелями с тремя верхними этажами. Каждый тоннель был снабжен лифтом. Эти площадки с балконами могли служить для сторожевых наблюдений. Но ураганный ветер, всасывающий в кратер всех приближающихся к горе, делал совершенно излишним постоянное наблюдение. И привилегированные обитатели верхних этажей пользовались балконами только для того, чтобы подышать «настоящим» воздухом и посмотреть на небо.

Нора облюбовала себе один балкон и с милостивого разрешения Бэйли получила его в единоличное пользование. Она хранила у себя ключ от входа в тоннель, ведущий на балкон (второй ключ от этой двери был у самого Бэйли). Дверь эта находилась недалеко от ее комнаты, и Нора могла подниматься на балкон во всякое время. Она подолгу бывала здесь и любила «беседовать со звездами». Это было совершенно уединенное место, так как выступы скал закрывали балкон и с соседних площадок не видно было, что на нем делается.

Площадка круто обрывалась. Горы кругом были занесены снегом. На темном небе сверкали звезды. Ветра не было.

— «Воздушные витамины»... Это вы хорошо сказали, — ответил я. — Я не чувствую запахов земли, все уже занесено снегом. Но хвоей пахнет. И еще чем-то, как будто далеким дымком.

— А где дым, там жилье, люди...

— Которые также наслаждаются «воздушными витаминами». И всего этого их хочет лишить мистер Бэйли!

— Смотрите!

Я посмотрел на север. От горизонта поднимался бледный световой столб. Все выше, выше, до зенита. Из молочного столб превратился в бледно-голубой, потом в светло-зеленый. Верхушка столба начала розоветь, и вдруг от нее, как ветви от ствола

дерева, потянулись во все стороны широкие отростки. А от горизонта поднималась завеса, переливающаяся необыкновенно нежными и прозрачными оттенками всех цветов радуги. Полярная ночь чаровала. На небе разыгрывалась безмолвная симфония красок. И цвета переливались, как звуки оркестра, то вдруг разгораясь в мощном аккорде, то нежно замирая в пианиссимо едва уловимых оттенков.

— Как прекрасен мир! — с некоторой грустью в голосе сказала Нора.

Я взял ее руку в меховой перчатке. Нора как будто не заметила этого и продолжала стоять неподвижно, глядя на расстилающуюся перед нами панораму горных цепей и долин. Белый снег отражал небесные огни и непрестанно менял окраску, то голубея, то розовея. Это была красота, которая покоряет на всю жизнь. Безлюдье... Пустыня... Перекличка прекрасных, но глухонемых огней... Мы как будто были заброшены в совершенно иной, фантастический мир. А там, за горными цепями, на юго-западе и юго-востоке копошился людской муравейник.

— Мисс Энгельбрект, вы говорили с вашим отцом? — прервал я молчание.

Нора точно вернулась на землю из надзвездных высот.

— Да, говорила, — ответила она, опустив голову.

— И чем же кончился ваш разговор?

Нора устало подняла голову.

— Чем кончился наш разговор?.. — переспросила она, как бы не расслышав. — Отец поцеловал меня в лоб, как это делал, когда я еще девочкой уходила вечером спать, и сказал: «Спи спокойно, моя дочурка». И я ушла в свою комнату. Отец! Милый отец, с которым я никогда не разлучалась ни на один день, как будто ушел от меня, стал далеким, непонятным и даже... страшным... Я уже не могу относиться к нему с прежним доверием.

Мы опять замолчали. А небесный гимн северного сияния все разрастался, ширился, как могучий световой орган, холодный, беззвучный, прекрасный, чуждый всему, что волновало нас...

* * *

Потянулись скучные однообразные дни. Мы с Норой по-прежнему занимались в лаборатории, но девушка работала уже без прежнего энтузиазма. Раньше Норе доставляло огромную радость заслужить одобрение отца. Теперь всю работу она проделывала механически, как подневольный слуга, работающий за кусок хлеба. Она глубоко страдала. Побледнел ее прекрасный румянец, запали глаза, она заметно похудела. У нее появилась рассеянность. Посуда летела из ее рук, она нередко ошибалась. Профессора Энгельбректа я видел только изредка, но и в нем была заметна перемена. Он как-то осунулся, постарел, лицо его потемнело.

По вечерам, после работы, Нора и я выходили иногда на нашу площадку полюбоваться северным сиянием, подышать «воздушными витаминами», а главное, побеседовать. Нора была одинока в своем горе, и я был единственный человек, в обществе которого она могла найти моральную поддержку.

Уже несколько дней ветер не бушевал над кратером. Было необычайно тихо.

— Мистер Бэйли, очевидно, решил дать передохнуть воздуху, — как-то пошутил я.

— Да, но этому нечего радоваться, — ответила Нора. — Мы переходим на новый способ сгущения воздуха. Зимой воздух приносил целые тучи снежной пыли. Это затрудняло работу. Снег, удаленный из вентилятора, требовал слишком много места и труда для уборки. Вы видите эту гору? Это искусственная гора. Она не успевает стаивать за лето. Еще через год здесь был бы целый Монблан. Отец призвал на помощь все силы химии и электричества и нашел новые способы поглощения и разложения воздуха. Увы, процессы переработки воздуха пойдут теперь еще быстрее. И скоро земля начнет задыхаться, как в припадке астмы.

— Нора, бежим отсюда! — вдруг сказал я.

Девушка посмотрела на меня.

— Возьмемся за руки и прыгнем с этой площадки? — шутливо спросила она.

Это уже было похоже на кокетство. Не давая мне ответить, Нора в том же тоне продолжала, глядя вниз:

— Пожалуй, мы и не разбились бы. Мы скатились бы вниз и упали бы в мягкий снег. Потом пошли бы вон туда...

Я внимательно смотрел на путь, указываемый Норой. А ведь в самом деле этим путем можно бежать! Здесь нет трубы. Извилистое ущелье может защитить от ветров, если их поднимет «бог ветров» Бэйли.

— Не шутите, Нора, это прекрасный путь для побега, — высказал я вслух мою мысль. — Немножко высоко... Если вы не решаетесь, я бегу один.

Что-то вроде испуга мелькнуло в глазах Норы.

— И оставите меня одну? Нет, я не пущу вас...

— По приказу его величества мистера Бэйли?

— Я не пущу вас, — продолжала Нора. — Вас могут поймать, как и в первый раз, и тогда вам уже не поможет никакое заступничество. Притом вы не приспособлены для такого путешествия. Ваша жертва будет напрасна. Отважиться на такое путешествие имеет право только человек, рожденный в этой мертвой пустыне, — какой-нибудь якут, как ваш Никола... В самом деле, почему бы вам не снарядить его? Он прекрасно справится с задачей. И скоро на наши головы полетят снаряды. И мы «умрем, как герои», — сказала она с горькой иронией.

— Наши войска будут предупреждены, и, может быть, нам удастся избегнуть этой почетной смерти. Вероятно, осажденный мистер Бэйли сдастся, когда убедится, что борьба безнадежна, — постарался я смягчить мрачные перспективы. — Ваше предложение неплохое. Я готов идти на риск, но вы правы: Никола лучше справится с этой задачей.

— А Никола согласится?

— Никола! Вы не знаете его. Это золотой человек. Он столько раз смотрел смерти в глаза, что наш проект нисколько не испугает и не удивит его.

У меня стало легче на душе, Нора тоже повеселела. Круг безысходности как будто разомкнулся. Теперь у нас был определенный план. Мы всячески обдумывали его, и это отвлекало Нору от мрачных мыслей.

Встретившись с Николой в нашей комнате, я подозвал его и тихо шепнул:

— Никола, я нашел, откуда можно бежать. Можешь ли ты пробраться в Верхоянск? Я дам тебе теплую одежду, револьвер и мешок с сухарями и вяленым мясом.

— А ты? — спросил тоже тихо Никола.

— Нам нельзя вдвоем. Нас могут поймать. Но если не дойдешь ты, тогда отправлюсь я. Впрочем, если ты не хочешь идти один...

— Засем не хоцесь? Мне тут скуцьно. А засем в Верхоянск?

— Ты передашь письмо. Идешь?

— Ну да, — ответил Никола.

— Но только ты подумай хорошенько, Никола, я не принуждаю тебя. Ведь если тебя поймают, то на этот раз ты не отделаешься так легко. Тебя могут убить.

— Медведь бьет и селовек бьет, — формулировал Никола свой фатализм. — А когда идти, сейсяс?

— Нет, подождем немного. Надо все обдумать и приготовить. Притом скоро начнет выглядывать солнце. Зима на исходе.

— Не надо солнца. Я все вижу. Сильно хосю сейсяс.

С большим трудом мне удалось отговорить Николу от немедленного путешествия. Мы начали готовить Николу к побегу. Теплую доху и сапоги я решил отдать свои. Никола мог «украсть» их у меня. Револьвер мне удалось достать у Норы. Оставалось припасти пищу. Это было труднее всего. Приходилось за обедом незаметно класть в карман кусочки хлеба и сухарей. Никола тоже экономил, но я не позволял ему уменьшать свои порции: он должен был набираться сил.

И Нора откладывала запасы. У нее вдруг появил-

ся «волчий аппетит». Скоро сумка, хранимая под моей подушкой, значительно наполнилась. Еще несколько дней, и Никола мог двинуться в путь.

Надо было, однако, позаботиться и о том, чтобы на меня не пало подозрение. Если Никола не доберется до Верхоянска и погибнет, то отправлюсь я. Мне необходимо было беречь себя на этот случай.

XIV. «ШУТИКИ» МИСТЕРА КЛИМЕНКО

По моему совету Никола за несколько дней до побега начал говорить в кругу товарищей по работе о том, что ему очень наскучило пребывание в подземном городке и что он решил бежать.

— Товарищ Клименко ничего не знает. Если бы он знал, мне попало бы от него, — говорил Никола.

Все отговаривали Николу, пугали страшною карой, но Никола стоял на своем: зверь бьет, человек бьет — все равно. Он не может больше.

Была опасность, что кто-нибудь из посвященных в тайну Николы донесет Бэйли о предстоящем побеге. Но на этот риск пришлось идти. На всякий случай Никола наводил на ложный след. Он говорил, что хочет повторить свою первую попытку: бежать из выводной трубы. Если бы Бэйли и донесли о планах Николы, Бэйли мог быть совершенно спокоен, зная, что эта попытка заранее обречена на неудачу. Таким образом, все как будто было подготовлено.

Наконец настал день, вернее ночь, побега. Я условился с Николой, что он уже в походном снаряжении придет на площадку, когда все уснут.

В условленный час я и Нора стояли на площадке. Ночь была довольно темная. Только бледные полосы, как далекий луч слабого прожектора, бороздили иногда небо.

Время шло, а Никола не являлся. Я уже начал беспокоиться, когда дверь на площадку отворилась и Никола вошел.

— Почему ты так запоздал? — спросил я.

Никола широко улыбнулся.

— Я хитрый, — ответил он. — Я был на работе в трубе и поджидал, когда все уйдут. Потом я посол спина вперед, стоб видели мой такой след.

Недаром Никола был завзятым следопытом. Он знал, как звери путают следы, сбивая охотника, и он решил воспользоваться этой звериной мудростью, прибавив к ней человеческую хитрость. Идя задом, он проложил свежий след на остатках снега и мусора в трубе, так что при расследовании могло показаться, как будто он прошел по трубе к выходу.

— Ну, желаю успеха! — сказал я с волнением, передавая ему письмо.

— Нисего, — ответил он. И, посмотрев вниз, сказал: — Однако, высоко. Нисего. Внизу мягко. Прощай, товарищ! — он пожал мою руку и кивнул Норе: — Прощай, девушка.

Потом он смело перешагнул через железную ограду балкончика, повисшего над бездной, спустился на руках до края и, провисев в воздухе секунду, разжал пальцы.

Я нагнулся вниз, жадно разглядывая полумрак. Тело Николы, все уменьшаясь, летело вниз. Ему нужно было пролететь не менее сорока метров, прежде чем достигнуть снежного откоса.

Вот его ноги коснулись снега, и все тело нырнуло в снежную массу, точно он сделал прыжок в воду. Я напрягал зрение, но ничего не видел. Никола исчез в снежном сугробе. Быть может, он разбился, потерял сознание?.. Волнистые зелено-розоватые полотна северного сияния заколыхались на небе, осветив снег неверным дрожащим светом. Я разглядел дыру, пробитую в снегу телом Николы, но его попрежнему не было видно.

— Смотрите, смотрите, вот что-то шевелится внизу... — с волнением сказала Нора.

— Где? Я ничего не вижу. Это вам мерещится.

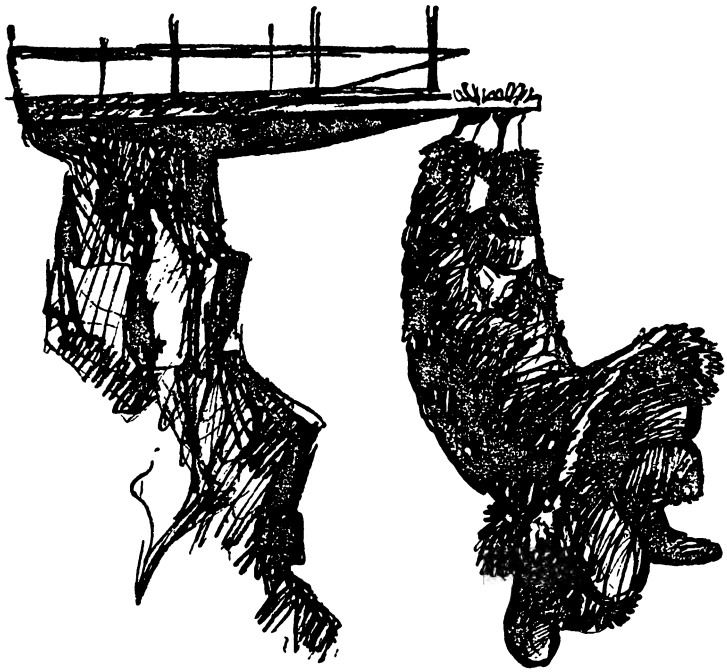
От вспышек сияния тени двигались, то сгущаясь, то бледнея.

— Да не там! Ниже, гораздо ниже!

Я посмотрел ниже места падения и увидел на

расстоянии добрых двух десятков метров от него что-то очень маленькое, копошащееся в снегу.

— Это рука! — воскликнула Нора, которая видела лучше меня.



Я напрягал зрение и, наконец, убедился в том, что из-под снега виднеется действительно рука Николы. Силою падения он пробил рыхлый, еще не слежавшийся верхний пласт снега, пулею пронзил его на несколько десятков метров и теперь прорывал дыру, чтобы вылезти наружу. Вот показалась его вторая рука, лохматая шапка. Вот он вылез наполовину. Наклонившись вниз, он, наконец, выбрался совсем и обернулся к нам лицом, взмахнув руками в рукавицах.

Я едва удержал готовый вырваться крик приветствия.

Никола еще раз махнул нам рукою, лег на бок и покатился вниз по пологому склону. Так докатился он до самого дна ущелья, превратившись в едва заметную точку. Затем, барахтаясь и увязая в снегу, он пополз к выходу из ущелья. У него не было лыж — мы не могли достать их, — но он этим не смущался. «Сделаю», — говорил он мне.

Да, Никола не пропадет! Он был приспособлен к суровой жизни «окаянного края», так же как звери, на которых он охотился. Только бы он не попался в руки Бэйли, а с природой и четвероногими врагами он справится.

Свет погас. Мы потеряли из виду Николу, но еще долго смотрели в темную бездну.

— Пора идти. Нам нельзя долго оставаться здесь, — сказала Нора.

— Да, идем, — ответил я, отрываясь, наконец, от бездны. — Завтра — день расплаты. Мистер Бэйли, вероятно, призовет меня на допрос... Нора, я хочу обратиться к вам с просьбой. Нет ли у вас второго револьвера?

— Зачем он вам?

— Если Бэйли признает меня виновным в побеге Николы, я... всажу в мистера Бэйли пулю.

Нора задумалась.

— Не знаю... У меня нет другого револьвера. Может быть, у отца. Если я сумею достать, то завтра принесу вам. Приходите пораньше в лабораторию.

Я с благодарностью пожал ее руку. Да, Нора имела характер. Она не побоялась стать соучастницей побега, не боится помочь и в замышляемом мною убийстве.

Я плохо спал. Около двух часов ночи, когда я только что задремал, в дверь громко постучались. Поспешно одеваясь, я спросил, кто стучит.

Я услышал голос Уильяма. «Так! Бэйли все уже известно, и он зовет меня на допрос», — решил я и открыл дверь. Вошел Уильям в сопровождении двух вооруженных людей. Я невольно обратил внимание на их лица — энергичные и породистые. Два «джентльмена» подошли ко мне и тщательно обыска-

ли. В этот момент я порадовался, что не успел получить от Норы револьвер. Затем Уильям и молодые люди тщательно и со знанием своего дела обыскали всю мою комнату. К счастью, в ней не было ничего компрометирующего меня. Покончив с обыском, «джентльмены» повели меня в кабинет Бэйли.

Он встретил меня бурею негодования.

— Это опять ваши шутики! — закричал он, грозно потрясая кулаками. — Вы не можете примириться с тем, что я торгую с Марсом и нарушаю ваш внешторг? О да, мистер Бэйли преступник! Его надо судить Верховным Судом! Скажите, пожалуйста! Мистер Бэйли лишит воздуха русских рабочих, и воздух будут выдавать только по карточкам, в кооперативах, членам профсоюза? Ха-ха-ха! Не так ли? Английские интриги империалистов? О, я знаю, что вы думаете. А я думаю, что вам придется занять ваше место в пантеоне. Пьедестал давно ждет вас.

Я уже был готов к этому нападению и потому хорошо играл свою роль. Выждав, когда Бэйли замолчал, я со спокойным видом, но с «искренним» удивлением спросил его:

— В чем дело, мистер Бэйли? Я не понимаю вас. Мне кажется, я не заслужил упреков. Я усердно работаю в лаборатории и ни в чем не провинился.

— Ложь! Вы все прекрасно знаете. Где Никола?

— Не знаю. Сегодня он не ночевал со мною. Я думал, что он на работе или в чем-нибудь провинился и его отправили в карцер.

— Ложь! Ложь! — закричал Бэйли. — Это ваши шутики! Позвать рабочих, которые были с Николой!

Рабочие явились. Якуты подтвердили, что Никола уже несколько дней назад говорил о побеге, стосковавшись по свободной жизни. Никола говорил, что боится говорить Клименко об этом, что Клименко рассердится. Только они не верили, что он серьезно думает бежать, поэтому и не донесли.

Эти показания несколько охладили гнев Бэйли. Моя непричастность к делу устанавливалась целым рядом свидетельских показаний.

— Я не верю вам и не верю им, — сказал Бэйли. — Одна шайка! Вы покрываете друг друга.

И вдруг, изобразив беспристрастного судью, он неожиданно для меня закончил:

— Но я не могу судить вас без улик. Расследование будет продолжаться. А пока вы остаетесь в подозрении. Идите.

Я вернулся к себе, радуясь, что все обошлось так благополучно. Только бы им не пришло в голову осмотреть долину. Но хитрость Николы с обратными следами должна направить розыски на ложный путь.

Утром, когда я пришел в лабораторию, Нора шепнула:

— Я не нашла револьвера.

— Тем лучше, — ответил я. — Мистера Бэйли не так-то легко убить. Я уже был на допросе.

И я рассказал Норе о ночных событиях. Она выслушала мое сообщение с большим вниманием.

— Только бы не нашли следов в долине, — закончил я свой рассказ.

— Не беспокойтесь, — ответила она. — Рано утром я была на площадке. Снежный буран скрыл следы. Боюсь только, как бы этот буран не скрыл навсегда самого Николу...

— Никола не пропадет, — успокоил я ее. — Он отлежится. И будет спать в снегу, как в колыбели.

В этот же день вечером ко мне пришел мистер Люк со свертком под мышкой.

— Что это у вас? Новые шахматы? — спросил я его.

— Здесь шахматы и еще кое-что, — ответил он, раскрывая сверток. — Вот это радиоприемник. Я сам сделал его для вас. Мистер Бэйли распорядился, чтобы вы больше не ходили ко мне на радиостанцию. А я знаю, что вы очень любите слушать ваш «Коминтерн». И я решил вам сделать маленький подарок. Вам будет не так скучно.

Я готов был расцеловать Люка за его «маленький подарок». Люк не подозревал, какую огромную услугу оказывал он мне. В награду за это в тот вечер мистер Люк два раза дал мне мат.

Затем он собственноручно установил радиоприемник, испытал его и сказал:

— Слушайте вашу Москву.

Пожелав мне спокойной ночи, он ушел, а я с жадностью начал слушать.

XV. МИР ЗАДЫХАЕТСЯ...

Недели шли за неделями. Я продолжал оставаться на подозрении у мистера Бэйли, но он не трогал меня. По-видимому, он начал убеждаться в моей невиновности. Понемногу я перестал беспокоиться за себя. Зато радиовести очень огорчали меня. Недостаток воздуха ощущался все сильнее. Уменьшение атмосферного давления замечали уже не только ученые, но и рядовые граждане.

Прежде всего разреженность воздуха почувствовали жители горных местностей, и многие из них вынуждены были спускаться в долины. А в долинах недостаток воздуха сказался на больных. Астматики начали умирать во время припадков; туберкулезные задыхались, усиленно дышали, ускоряя этим процесс и вызывая кровоизлияния.

Машины, работа которых была рассчитана на обычное атмосферное давление, отказывались служить. Аэропланные моторы давали перебои даже на незначительной высоте. Поршни и насосы машин капризничали. Все это расстраивало производство и транспорт.

В довершение несчастий наступили сильные холода, сопровождаемые бурями, причем бури эти носили странный характер. Смерчевые вихри носились, как вестники смерти. Как будто чья-то злая рука спешила лишить Землю ее атмосферы, сворачивала воздушные струи в «жгуты» и бросала их за облака. А оттуда, с надзвездных высот, спускались на Землю ледяные потоки холода. Земля остывала. Лишенная значительного слоя своей толстой атмосферной шубы, Земля начала усиленно отдавать мировому пространству свое внутреннее тепло.

Катастрофа наступала скорее, чем можно было ожидать, судя по огромным запасам воздушного «сырья».

Я спросил у Норы, чем объясняет ее отец наступление всех этих грозных явлений. Нора ответила, что для ее отца и мистера Бэйли все это явилось, по-видимому, некоторой неожиданностью.

— Отец даже хотел с вами посоветоваться, — сказала Нора. — Ведь это больше относится к вашей специальности.

И я удостоился чести быть приглашенным к Энгельбректу. На совещании присутствовал и Бэйли. Он нисколько не был огорчен происходящим в мире, скорее наоборот: продавец воздуха находился в приятном возбуждении, как игрок, уверенный в своих картах.

Совещание наше длилось довольно долго. Мы делали различные подсчеты и пришли к выводу, что воздух, переработанный в подземном городке, составляет еще слишком небольшую часть атмосферы, и убыль его из общей массы окружающего Землю воздуха не могла непосредственно вызвать столь катастрофических явлений.

— Но в чем же дело? — спросил Бэйли, поглядывая на меня и Энгельбректа.

Наконец-то я мог уравнять наше положение! Мистер Бэйли нуждается в моем мнении! Я напустил на себя самый глубокомысленный вид и высказал свое мнение:

— Вентиляторы мистера Бэйли изменили обычные направления ветра, вследствие чего на земном шаре изменилось и «натяжение» атмосферной оболочки: воздух уплотнился там, где обычные воздушные течения совпали с искусственно созданным направлением, и разредился в местах, где раньше существовали противоположные воздушные течения. Вследствие этого увеличилась разница между максимумом и минимумом атмосферного давления. Циклоническая деятельность усилилась. Сталкивающиеся циклоны стали увлекать воздушные вихри вверх, выше области их обычного влияния. Таким образом,

нарушилась обычная циркуляция воздуха не только по горизонтали, но и по вертикали...

Я видел, что Бэйли и Энгельбрект слушали мое объяснение с напряженным вниманием.

— Возможно, что эта картина и не совсем точно соответствует действительности, — закончил я, — но в основном, я думаю, мое предположение верно. Основная же моя мысль заключается в том, что вентиляторы мистера Бэйли, нарушив обычную циркуляцию воздуха, явились толчком к тому, чтобы в игре приняли участие стихийные силы... Вы, мистер Бэйли, похожи на доктора Фауста, который вызвал «духа Земли», но не мог с ним справиться.

Сравнение с Фаустом было принято Бэйли благосклонно. Он усмехнулся и сказал:

— Фауст был совершенно непрактичным человеком. Пусть «Духи Воздуха» играют на свободе. Все дело в том, чтобы использовать эту игру наиболее выгодным для себя способом.

На этом наше заседание закончилось.

А радио приносило все новые вести. Перед лицом ужасной катастрофы борьба за существование обострилась. Если не выжить, то пережить других должны были сильнейшие. А сильнейшими в мире капитализма были, конечно, капиталисты.

Снабдил ли их сам Бэйли «воздушными консервами», начали ли богачи самостоятельно добывать жидкий воздух, чтобы не умереть от воздушного голода, как бы то ни было, но в руках капиталистов оказалась эта новая, самая дорогая валюта. Жидкий воздух победоносно выступил на рынок, заставив пасть перед собою ниц все другие ценности. Жидкий воздух продавался в особой упаковке, гарантирующей от взрыва и испарения.

На новую валюту богачи начали скупать продукты питания и всевозможнейшие консервы. Охлажденная Земля, по-видимому, не могла больше рождать плодов и злаков. Сельское хозяйство и животноводство должны были погибнуть. Больше всех мог прожить тот, кто собрал наибольшие запасы питания, воды, воздуха и тепла. Надземное строитель-

ство прекращалось. Кое-где люди начали уже зарываться в землю, как кроты. Там было теплее: внизу, в герметически закрытых квартирах, можно было свободно дышать, постепенно используя запасы жидкого воздуха.

Удивительно, до чего быстро развертывались события там, вдали от нашего городка!..

Вся эта лихорадка эгоистических мер самоспасения протекала на глазах рабочих, которые во многих местах начали уже волноваться. Ссылаясь на то, что ветер со всех концов земного шара тянул в ледяные пустыни Сибири, буржуазная, а за нею и соглашательская печать убеждали, что ужасная катастрофа, постигшая мир, была делом московских коммунистов, которые решили таким путем «поставить на колени» мир.

Безумие охватило весь мир. Европа и Америка лихорадочно вооружались для войны с «извергами человечества».

А капиталисты продолжали свою политику. Рабочие отказывались получать деньги, все более обесценивавшиеся, и требовали «воздушной платы». Капиталисты вынуждены были пойти на эту уступку, однако они установили чрезвычайно низкую норму: жидкий воздух отпускался в особых «термических» баллонах с таким расчетом, чтобы рабочие не могли делать запасов. Так как воздуха во многих местах (особенно в Западной Европе, Африке и Америке) уже не хватало, то рабочим ничего больше не оставалось, как работать за право дышать. В продаже появились маски, подобные противогазовым, и в этих масках появлялось все больше людей в общественных местах. Но так как маски не были снабжены радиостанциями, как скафандры нашего подземного городка, то люди могли изъясняться только жестами.

«Это и к лучшему, — откровенно говорили фашисты, — меньше будет агитации». Впрочем, люди состоятельных слоев обзавелись портативными радиотелефонами. Ими же была снабжена полиция.

Но агитаторы все же умудрялись вести пропаган-

ду при помощи листовок. Классовая борьба резко обострилась и как-то сразу обнажилась. Напряжение дошло до крайних пределов. В разных местах вспыхивали «воздушные бунты»; толпа нападала на склады жидкого воздуха и громила их. На улицах уже пролилась кровь.

Я не спал ночи напролет, слушая радио. Было от чего прийти в отчаяние. Даже мистер Люк потерял свою обычную беспечность. Он по привычке заходил ко мне после дежурства, но без шахмат.

— Скверные дела, — начал он ворчать. — Что толку в деньгах, которые скопил я у мистера Бэйли? Деньги ничего не стоят. Положим, за баллон, даже за бутылку жидкого воздуха я могу купить хорошенький домик. Но зачем теперь мне этот домик? Земля задыхается...

— Кто же в этом виноват? — раздраженно спросил я.

— Паникеры и спекулянты, — ответил он.

— А паника из-за чего?

— Из-за глупости. Хватило бы на наш век воздуха. Мистер Бэйли всего не сожрал бы.

Нет, Люка не привлечешь на свою сторону. Даже перед лицом мирового несчастья он остался все тем же: домик и собственное благополучие у него попрежнему были на первом плане. Люк начал действовать мне на нервы. Я делал вид, что у меня болит голова или много работы, и старался скорее отделаться от него, чтобы засесть за свой радиоприемник.

Нервы мои совсем расшатались. Работа валилась из рук. Нора также чувствовала себя плохо. От ее прекрасного румянца не осталось и следа. Бледная, похудевшая, сидела она, устремив глаза в одну точку.

— Все гибнет, — тихо шептала она. — Мы дышим здесь чистым, насыщенным кислородом воздухом, а там — там гибнут люди, задыхаются дети... И никто из них не знает о причине...

Пришел день, когда я решился ответить ей, как должен был, может быть, ответить давно.

— Они узнают, — сказал я. — Никола погиб, это очевидно. Сегодня ночью я отправлюсь в путь... Мистер Бэйли занят своими американскими «конкурентами» и новой перестройкой, надзор ослаблен, и, я думаю, мне удастся бежать...

Нора повернула ко мне лицо и, как сомнамбула, беззвучно сказала:

— Вы тоже погибнете, как Никола. — И в ее лице было выражение безнадежности, почти равнодушия.

— Пускай погибну. Лучше смерть, чем это ужасное бездействие в то время, когда тысячи людей близки к гибели.

— Да, лучше смерть, чем это... — так же беззвучно проговорила Нора.

В этот день она рассталась со мной без обычной улыбки. С каждым днем ее улыбка бледнела, делалась все более печальной и теперь, наконец, угасла, как и ее румянец.

— Прощайте, — сказал я, протягивая ей руку.

— Прощайте, — ответила она.

— Вы... придете провожать меня? На площадку?

— Приду, — ответила она. — Куда? На площадку? Ах да, да... — и она опять поникла головой.

XVI. ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

Я оставил девушку и тихо вышел из лаборатории.

Вернувшись в свою комнату, я устало опустился на стул. Я чувствовал себя опустошенным. Обрывки мыслей проносились в голове. Никола погиб. Мир гибнет. Гибнет Нора... она скоро сойдет с ума...

Машинально, по привычке, я надел наушники радио.

Говорил «Коминтерн»... Нет музыки, нет веселых песен... Беспрерывная информация о Земле, которая задыхается. У нас, правда, не так, как за рубежом... Нет звериной борьбы за последний глоток воздуха. Правительство делает все, чтобы уменьшить панику и спасти население. Но что можно сделать!..

Положение разбросанного по деревням крестьянства особенно тяжелое. Неужели гибель?..

Я уже хотел положить трубку, как вдруг услышал весть, от которой у меня захватило дыхание.

«...Больше бодрости, товарищи! Правительством сегодня получено чрезвычайно важное сообщение, которое в корне может изменить положение...»

И, повысив голос, диктор отчетливо сказал:

«Алло! Алло! Ноздря Ай-Тойона! Есть! — Потом своим обыкновенным голосом диктор добавил: — Вам, товарищи, непонятно это обращение, но скоро вы все узнаете о ноздре Ай-Тойона и вздохнете — в буквальном смысле слова — вздохнете с облегчением».

Первый вздохнул с облегчением я.

«Ноздря Ай-Тойона. Есть!» Это были условные слова, которые я просил мне сообщить по радио в том случае, если Николе удастся передать письмо моему заместителю Ширяеву. А Ширяев должен был передать мой доклад в Москву. Итак, Никола жив, и правительство знает все о подземном городке мистера Бэйли!

Я быстро оделся и побежал на площадку. Норы еще не было. Небо пело огнями. И мне казалось, что эта песнь была уже не такая холодная, чуждая Земле. Мне самому захотелось петь, кричать. И я вдруг запел, впервые за долгое время моего заключения:

За благом вслед идут печали,
Печаль же ра-адости залог...

— Вы с ума сошли! — услыхал я за собою голос Норы. — Вас могут услышать. Петь на морозе?! Вы простудите горло.

— Да, я с ума сошел! Пусть услышат. Пусть простужу горло. Никола жив! «Ноздря Ай-Тойона! Есть!»...

— Что с вами, Георгий? — впервые назвала меня Нора по имени.

Я вдруг схватил ее, поднял на воздух и закружил по площадке.

— Сумасшедший! Пустите меня и расскажите, в чем дело.

— Ух, слушайте! Все прекрасно. Я получил весть по радио. Никола жив! Он отнес мое письмо по назначению. Мы должны ждать скорого наступления событий. Плененный воздух скоро будет освобожден. И мы с вами скоро взлетим на воздух! Но это ничего. Постараемся бежать в последнюю минуту, когда над нами зареют бомбовозы. О, это будет великолепный день!

— Георгий, неужели это правда? — воскликнула она, и румянец вновь показался на ее щеках.

Ее радость была не меньше моей. Однако скоро сияющее лицо девушки омрачилось. Я уже мог безошибочно читать все оттенки выражения этого лица. Она опять думала об отце. Его поведение все еще оставалось для нее мрачной загадкой. Потом мысли Норы приняли другое направление.

— Вам пока не надо отправляться в опасное путешествие, — сказала она. — Это хорошо. Но вообще радоваться нам еще преждевременно. Мистера Бэйли не так-то легко победить. Он будет защищаться до последней крайности. Он страшный противник.

— Пустяки! — крикнул я. — Не может один человек устоять против сил всего государства, против мира.

— Как знать? — ответила Нора. — Вы не можете вообразить, какими страшными орудиями разрушения обладает мистер Бэйли.

— Но по крайней мере это будет борьба, а не безропотное подыхание. И потом... у мистера Бэйли есть «внутренние враги». Правда, их немного, но они могут быть опаснее вражеских армий.

— Этих внутренних врагов только двое: вы и я, — сказала Нора. — Но вы правы. Они могут сделать много. О, если бы и мой отец!.. — Она опустила голову.

Потом вдруг выпрямилась и решительно сказала:

— Настанет минута, и я поставлю отцу прямой вопрос: друг он или враг...

Ледяной ветер вдруг потянул снизу. Из кратера послышалось гудение.

— Вентилятор опять заработал, — сказала Нора. — Мистер Бэйли спешит переработать остатки воздушного сырья. Холодно... Идем...

В этот вечер я простился с Норой, унося с собою воспоминание о ее улыбке, как будто я увидел солнце после долгой зимы.

И опять я уселся за радиоприемник.

«Коминтерн» передавал последнее правительственное сообщение.

Начальнику экспедиции Ширяеву удалось установить центр направления ветров. Правительство снаряжает новую экспедицию для полного выяснения причин необычайного поглощения воздуха на такой-то широте и сто тридцать пятом градусе восточной долготы.

Я улыбнулся, выслушав это сообщение. Я знал, что Ширяев никуда не двигался из Верхоянска. Честь открытия «точки поглощения воздуха» была приписана ему по моему совету, чтобы отвести от меня подозрение мистера Бэйли, которому, конечно, будет передана эта важная радиотелефонограмма. Я представлял, как взбесится мистер Бэйли, узнав, что местоположение его подземного городка уже открыто. Это должно показаться ему тем более правдоподобным, что его мощные вентиляторы некоторое время бездействовали, и работники экспедиции могли довольно близко подойти к кратеру без риска быть втянутыми воздушным потоком.

Как обычно, наше правительство действовало быстро и решительно. К сожалению, я ничего не мог сообщить Реввоенсовету о вооруженных силах мистера Бэйли: это для меня оставалось тайной. Мне удалось только узнать, что население городка не превышает пятисот человек. Меня сначала удивляло такое небольшое количество рабочих и служащих. Но у мистера Бэйли все было механизировано и рационализировано до последней возможности.

Пятьсот человек против целой армии — ничтожная горсточка! Но какие машины истребления пу-

стят в ход эти люди? Я мог только предупредить наших бойцов, что борьба предстоит трудная и надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Так или иначе, развязки ждать недолго. Карты сданы, игра начата...

* * *

Мистер Бэйли приказом объявил городок на военном положении. «Гарнизон» подготовлялся к осаде. На гребне кратера появились сторожевые вышки с установленными на них радиоушами, улавливавшими звуки. В склонах с внешней стороны кратера открылись люки, о существовании которых я не знал, и иллюминаторы с толстыми стеклами. Грозные дула пушек выглядывали из отверстий люков. Как будто облегчая путь врагу, гигантские вентиляторы опять бездействовали.

Приближалась весна. Стояла тихая, безветренная погода. Солнце после зимней спячки начало выглядывать из-за горизонта, освещая снежные вершины гор багровым светом.

Настали дни напряженного ожидания. Но в городке не чувствовалось особого оживления. Он казался таким же безлюдным и мертвым, как всегда. Работы в лабораториях не прекращались. Но, по-видимому, лаборатории и мастерские работали теперь «на оборону». Беспрерывно сновали подъемники, доставляя снаряды на скрытые батареи. Машины заменяли целые армии людей.

Я и Нора по-прежнему занимались в нашей лаборатории, превращая длинные столбцы формул профессора Энгельбректа в новые способы обработки и переработки нашего воздушного «сырья». Мы проделывали ряд опытов, не зная их конечного синтеза, их результатов и целей. Это очень заботило Нору. Быть может, мы способствовали изготовлению новых способов истребления человечества? На вопросы Норы отец не отвечал ничего определенного.

Вечерами мы с Норой выходили на нашу площадку и наблюдали пустынное небо. Летучих вест-

ников не было (я был убежден, что новая экспедиция появится на крыльях). Главные Воздушные Силы СССР находились далеко от нас, и я высчитывал, как скоро они могут быть сюда переброшены. По моим расчетам, должно было пройти еще несколько дней, прежде чем аэропланы зареют над нашими головами, неся нам смерть, но человечеству освобождение...

— Смотрите, как будто у орудий появились люди, — сказала в один из этих томительных вечеров Нора.

Я посмотрел на темные люки и увидел движущиеся тени. Очевидно, радиоуши уловили приближение аэропланов, и защитники городка готовились к воздушной атаке.

Мы с волнением ожидали, что будет дальше. Кругом все было тихо. Солнце зашло за горизонт, и только ущербленная луна тускло освещала дикий пейзаж, расстилавшийся у наших ног. Было холодно, но мы не уходили.

Прошло не менее часа. И вдруг яркий свет ослепил нас. Десяток огромных прожекторов вспыхнул кольцом вокруг кратера, далеко освещая окрестности. Из полярной ночи мы как будто перенеслись в сияющий тропический полдень. Когда глаза привыкли к свету, мы увидели на горизонте несколько серебристых стрекоз. В то же время уши наши уловили едва заметный рокот моторов.

— Летят, — в волнении сказала Нора.

— Да! — тихо ответил я, следя за тем, как далеко на западе маленькие стрекозы превращались в ласточек, ласточки в соколов... Все ближе, ближе... Раз, два, три, четыре... пять, шесть... семь, восемь, девять, десять... Целая стая, расположенная журавлиным строем!

— А вот еще там, смотрите! — воскликнула Нора.

С юга приближалась такая же эскадрилья.

— И с севера!..

Рокот моторов уже наполнял собою воздух, отдавался в долинах, возвращался эхом. Западная эскад-

рилья продолжала лететь по прямому направлению на кратер, а северная и южная медленно загибали на восток, так, чтобы пройти над городком, сбрасывая бомбы, следом за первой эскадрильей...

— Скоро от нас ничего не останется! — сказала Нора.

Я вспомнил о нашем плане побега, но продолжал стоять и смотреть как прикованный.

Аэропланы уже настолько приблизились, что при ярком свете прожекторов я мог различить красные звезды на нижней стороне крыльев.

— Странно, — сказала Нора. — У мистера Бэйли должны быть дальнобойные пушки. Аэропланы уже на расстоянии выстрела, почему же городок молчит?

— Вам хочется скорее видеть подстреленными этих птиц? — шутя спросил я.

— Я скорее хочу видеть развязку... так же как и вы.

Да, это была правда. Я сам был во власти нервного нетерпения — узнать неотвратимое, увидеть скорее силу оружия мистера Бэйли. И ждать нам пришлось недолго. Люди на батареях засуетились, затем я заметил движения, сопутствующие выстрелам из орудий. Но я не услышал никакого звука.

— Это пневматические пушки, и стреляют они воздушными бомбами, — пояснила Нора.

— Воздушные бомбы? Что это? — спросил я, напрягая зрение, чтобы не пропустить момента, когда снаряды настигнут аэропланы.

Но действие воздушных бомб оказалось иное.

— Смотрите не вверх, а вниз, — сказала Нора.

Я посмотрел вниз и увидел, как по белой поверхности снега вздымается снежная пыль.

— И только-то!.. — Я готов был улыбнуться.

Но что это?.. Снег как будто закипел в месте падения бомб. Поднялись огромные клубы пара, и вдруг со страшным ревом, свистом, шумом от земли поднялись смерчи. Снежный витой столб взлетел, казалось, до самого неба, начал быстро расширяться, расти, в то же время распыляясь и превращаясь в бешеную снежную пургу. Бэйли поднял снежную

бурю! Я посмотрел на аэропланы. Белая пелена приближалась к ним с необычайной скоростью. Вот головной аэроплан вдруг встал на дыбы, завертелся и полетел назад, как кусок бумаги, гонимый самумом.

Второй, третий... Не прошло нескольких секунд,

как вся воздушная стая закружилась в воздухе, подобно осенним листьям, сорванным с дерева ураганом.

Серая мгла затянула небо.

Когда она постепенно рассеялась, небо было так же пустынно, как всегда. Месяц зацепился острым краем за пик скалы, будто он боялся разделить судьбу аэропланов, и уныло смотрел на мертвые склоны...

Я стоял пораженный, тяжело дыша. Меня била лихорадка. Нора прислонилась к стене и, бледная, смотрела расширенными глазами туда, где за несколько минут перед тем гордо реяли стальные птицы. Потом она тяжело вздохнула. В ее словах была знакомая безнадежность:

— Трудно бороться с мистером Бэйли... Вот результат...

— Это не конец, это начало! — сказал я, но,

признаюсь, в эту минуту сомнение в успехе вползало в мои мысли. — Посмотрим, что будет дальше.

— Дальше нечего смотреть, — ответила Нора. — Нужно быть безумным, чтобы решиться на вторичную атаку.

Нора оказалась права: атака не возобновлялась. Надо было время, чтобы оправиться от удара и учесть опыт первого сражения.

Но мы продолжали стоять, глядя на запад...

XVII. «ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ВЗРЫВ»

На другой же день после первого наступления самолетов Красной Армии атака возобновилась. Мы с Норой сидели в лаборатории, когда услышали тревожный сигнал. Взглянув друг на друга, мы по молчаливому согласию разом бросили наши пробирки, быстро оделись и поднялись на балкон.

Было двенадцать часов дня. Серая пелена облаков покрывала небо. Высоко над нами слабо гудел один аэроплан. Но его не было видно. Я понял тактику наших летчиков: забрать большую высоту и ле-

теть под прикрытием ниже лежащих облаков. Наше командование, очевидно, решило не бросать больших сил, а действовать одиночными налетами. Это была вполне разумная тактика в данных условиях. Но, увы, и она не достигла цели.

Мистер Бэйли был поистине повелителем бурь. Прежде чем аэроплан достиг зенита, пришли в действие гигантские вентиляторы, пустившие в небо мощный столб воздуха. Этот воздушный таран пробил дыру в облаках, которые быстро рассеялись. Выглянуло голубое небо... А аэроплан? Мы так и не видели его. Среди рева поднявшейся бури я уловил несколько захлебывающихся перебойных звуков мотора, как прерывающийся предсмертный клекот раненого орла. Ветер отбросил самолет вместе с тучами далеко в сторону...

В тот же день я узнал по радио результаты первых боев. Если только число жертв не было скрыто «по стратегическим соображениям», что утверждал Бэйли, — потери нашего воздушного флота были не так велики, как я боялся: три летчика были убиты, шесть ранены, два аэроплана разбиты. Большинству же воздушных машин удалось выровняться, но их отнесло на несколько сот верст. Несмотря на эти потери, дух наступающих не был сломлен. Правительство объявило, что не прекратит борьбы, пока враг не будет уничтожен.

— Посмотрим, кто кого уничтожит! — высокомерно говорил Бэйли. — Они еще не кушали всех моих гостинцев.

В течение нескольких следующих дней воздушные атаки продолжались, но с тем же результатом. Усилители звуков задолго предупреждали о появлении самолетов, несмотря на применение глушителей, почти уничтожавших шум моторов. Всякий раз аэропланы отбрасывало далеко назад. «Ноздря Ай-Тойона» уже сделалась известной всему миру. Она усиленно выпускала воздух и теперь совсем не втягивала его в себя (чтобы вместе с аэропланом не втянуть и бомбы, которые могли бы разорваться в вентиляторе)

Наконец наши летчики, по-видимому, убедились в невозможности атаковать город с воздуха. Воздушные атаки прекратились.

— Поумнели, — сказал Бэйли. — Жалко только воздуха, столько пришлось выпустить его. Но война не бывает без потерь; я опять вберу мой воздух к себе. Они еще придут ко мне, на коленях приползут! И будут вымаливать маленький глоточек!..

Опять потянулись дни тревожного ожидания. Сторожевые стояли на своих наблюдательных вышках, напоминая о войне, но в городке жизнь шла своим чередом.

Через несколько недель это затишье было нарушено звуками далекой канонады. Похоже было на артиллерийскую стрельбу, но разрывов я не слышал. Это случилось ночью перед утром. Я быстро оделся и вышел в коридор. Там я неожиданно столкнулся с Бэйли.

— Ваши товарищи не унимаются, — сказал он злобно. — Они подвезли дальнобойные пушки и хотят разгромить городок. Глупцы! Они не понимают, что этим только ускорят смерть всего мира. Теперь нет нужды скрывать вашего присутствия у меня. Идемте со мной на радиостанцию, вы мне нужны.

— Отправьте радиотелеграмму, — сказал Бэйли Люку, когда мы вошли к нему.

Люк сел к передатчику. Бэйли начал диктовать:

— «Командующему армией. Прекратите немедленно бомбардировку. Если хоть один снаряд попадет в подземный городок мистера Бэйли, то произойдет мировая катастрофа. В городке находятся огромные запасы жидкого водорода. При истечении водорода и воспламенении его произойдет соединение водорода с жидким воздухом, и это соединение, несмотря на весьма низкую температуру жидкого воздуха, произведет гремучий газ с колоссальным жаром пламени вследствие сильной концентрации кислорода в жидком воздухе. Развившаяся теплота в одно мгновение превратит весь жидкий воздух в газообразный. Произойдет взрыв небывалой силы. Поднявшийся ураган сметет с лица земли города и

селения. Разразится неслыханная в истории человечества катастрофа. Калименко».

— Вы хотите, чтобы эта радиотелеграмма шла от меня? — удивленно спросил я.

— Да, от вас. А вы сами разве не хотите предупредить страшную катастрофу? Вам они скорее поверят, чем мне. Я не лгу. Вы сами видели жидкий водород, озера жидкого воздуха и груды воздушных шариков. Наконец, если не верите мне, можете спросить у профессора Энгельбректа.

«Неужели Энгельбрект на стороне Бэйли?» — мелькнула у меня мысль.

— Я не могу послать такой радиотелеграммы, — отвечал я.

— Почему?

— Потому что я верю только тому, что видел глазами. Действие воздушных шариков мне неизвестно.

— Ах, вот как! Вы не верите мне? Ну хорошо, я предоставлю вам случай убедиться. Это мне будет стоить недешево, но вашим товарищам обойдется еще дороже.

И, обратившись к Люку, он добавил:

— А телеграмму вы все-таки пошлите от имени Калименко. Обойдемся и без его согласия!

— Но я протестую!

— Сколько хотите... Идемте отсюда.

Я стоял не двигаясь.

— Хотите, чтобы я арестовал вас?

Я был в его руках. Арест ничему не помог бы, а я еще могу причинить Бэйли вред, если останусь на свободе. Пришлось повиноваться.

Телеграмма была отправлена и принята. Некоторое время пушки молчали: вероятно, командование сносилось с Москвой. Но на другой день пушки вновь загремели. Один снаряд взорвался у подошвы кратера. Бэйли решил, что рисковать больше нельзя, и отдал распоряжение «дать наглядный урок». Снова была отправлена радиотелеграмма, предупреждавшая на этот раз, что мистер Бэйли «разрядит» одну мил-

лионную часть запасов своего воздушного оружия, чтобы убедить врага и весь мир, какое действие должен произвести взрыв всего городка.

На западный склон кратера выкатили несколько бочек, наполненных безобидными на вид блестящими шариками. Все люки были плотно закрыты. Бэйли пригласил меня и Нору наблюдать за действием взрыва из небольшого оконца, проделанного в скале, недалеко от ее вершины. В оконце было вделано стекло толщиною в пять сантиметров.

— Ну, полюбуйтесь сами, — сказал он, — как действуют мои шарики.

— Пока они спокойно лежат, несмотря на то, что в воздухе температура всего двенадцать градусов ниже нуля, а атмосферное давление даже ниже обычного.

— А вы хотите, чтобы шарики взорвались моментально? Тогда нам не удалось бы их вынести наружу. Энгельбректом изобретен состав, замедляющий испаряемость и взрыв. Подождите немного...

— Но если так, почему же этим предохранительным составом вы не осумкуете все шарики?

— Никакой состав не поможет против жара, развиваемого взрывом артиллерийского снаряда. Вот смотрите, начинается!..

Действительно, я увидел, что шарики, лежавшие сверху, начали как будто куриться. Вскоре бочки покрылись облаком пара. Это облако вырастало с необычайной быстротой, затягивая все пространство перед нашими глазами.

— Это еще не взрыв, — сказал Бэйли. — Это только испарение предохранительной оболочки. А вот... — Но он не успел договорить.

Что-то треснуло, ухнуло, и я потерял сознание.

...Когда я открыл глаза, то увидел над собой небо, на котором тучи вертелись и рвались, как в бешеном водовороте. От внешней стены нашего помещения не осталось и следа. Весь верх также снесло, причем порыв урагана был так велик, что на нас,

к нашему счастью, не упало ни одного камня, — они были унесены, как солома. Рядом со мной лежала Нора, а у задней стены — Бэйли с разбитой головой. Под ним расползалась лужа крови.

Я посмотрел на горную долину и не узнал ее. От леса не осталось и следа. Деревья были вырваны с корнем и унесены неведомо куда. Горные пики и даже целые вершины сорваны. Прямо передо мною между горами открылась новая долина, за которой виднелась безбрежная снежная пустыня... Там еще бушевал ветер, но вокруг нас было относительно тихо.

Я попытался сесть. Все мое тело болело и ныло гораздо сильнее, чем в тот день, когда меня втянул вентилятор. Я еще раз посмотрел на Бэйли. Рот его был полуоткрыт, глаза остекленели. Он был мертв. Тем лучше!.. Он сам приготовил себе смерть.

Я наклонился над Норой и начал приводить ее в чувство. Она была невредима, но лежала в глубоком обмороке. Мне пришлось немало повозиться с ней. Искусственное дыхание не возвращало ее к жизни. Я был на грани отчаяния, когда вспомнил

о способе восстанавливать биение сердца частым постукиванием кулака в области сердца. Это помогло. Пульс усилился, и Нора, наконец, открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Благодарю вас, сносно. Где мистер Бэйли?

— Убит, — ответил я, не скрывая своей радости.

Но в этот момент я услышал за собою хрип. Вслед за этим Бэйли глухо проговорил:

— Черт возьми!.. Я, кажется, перестарался.

Он задвигал руками по полу.

— Я не могу поднять головы, — так же глухо продолжал он. — Помогите мне.

Я подполз к Бэйли и усадил его, прислонив к стенке. Голова его свесилась набок.

— Давление пятьдесят тысяч атмосфер... Главная волна должна была идти в сторону нагрева... Нагреватель был поставлен на запад. А между тем такая контузия... — бормотал Бэйли, разбираясь в своей ошибке. Потом он застонал и закрыл глаза.

Одна мысль вдруг молнией пронеслась в моем мозгу. Мистер Бэйли был в моих руках! Если я его... Никто не узнает!.. Я поднял большой осколок камня и уже занес над головой Бэйли. Нора внезапно схватила мою руку и отвела в сторону.

— Как вам не стыдно... убивать раненого, больного, беззащитного человека? — шептала она.

Я смутился. Камень выпал из моей руки.

— Но разве вы сами...

— А? Что?.. О чем вы шепчетесь? — спросил мистер Бэйли, приоткрыв правый глаз.

— Вас нужно отнести в комнату, я сейчас позову людей, — сказала Нора, потирая свои щеки, побелевшие от холода. — Мистер Клименко, позовите кого-нибудь на помощь.

Я колебался. Но в этот момент сквозь разломанную дверь пролез Уильям. Одежда его была порвана, лицо в синяках и ссадинах. Видимо, ему также досталось от взрыва. Следом за ним явились двое слуг. Они взяли Бэйли на руки и, с большим трудом просунув его тело в развороченную дверь, унесли.

Нора смотрела на картину разрушения.

— Какой ужас! — сказала она.

— Вы скоро раскаетесь в вашем милосердии.

— Может быть, но иначе я не могла, — ответила девушка. — Это было сильнее меня.

XVIII. БЭЙЛИ СНИМАЕТ МАСКУ

Норе пришлось ухаживать за раненым Бэйли. Положение его было довольно серьезно. Его мучили головные боли. Временами он бредил. Первые ночи Нора не отходила от него.

— Ну как? — при каждой встрече спрашивал я Нору с тайной надеждой, что Бэйли не выживет.

— Все в том же положении, — отвечала Нора и, видя мое разочарование, смущенно говорила: — Вы, вероятно, упрекаете меня в слабоволии, но это сильнее меня, я уже говорила вам. Я не могу...

— А как его настроение?

— Сегодня утром мистер Бэйли пришел в себя и сказал: «Я набил себе порядочную шишку, но у моих врагов шишка будет, наверное, побольше».

Бэйли был прав. «Показательный взрыв» произвел огромные опустошения. На тысячи километров к западу, куда была направлена главная сила взрыва, страна представляла печальное зрелище. Как будто гигантская бритва прошлась по земному шару, сбрив начисто вековые леса, селения, города... Реки вышли из берегов, и наводнения доканчивали дело бури. Кто не погиб от ветра, тот нашел смерть в волнах. Трупы людей и животных были раскиданы повсюду, целые дома заносило на вершину гор или в озера, иногда за сотни километров.

Полоса между шестидесятыми и семидесятыми

градусами северной широты особенно пострадала. По счастью, для наиболее густо населенных мест Европейской части СССР и Западной Европы очаг воздушного взрыва находился далеко. Уральский горный хребет также несколько задержал ураган. Уфа, Свердловск, Пермь и другие города, лежащие недалеко от Уральского хребта, пострадали меньше Поволжья; на Урале ветер сделал как бы огромный прыжок и обрушился всей массой на Самару, Нижний Новгород, Вологду и дальше — Москву, Ригу, Варшаву. Польша, Германия, север Франции и Англия имели такой вид, как будто здесь произошло сильнейшее землетрясение. Далее вихрь пронесся по Атлантическому океану, потопив там множество судов, перекинулся на восточные берега Северной Америки и, произведя в Канаде и Соединенных Штатах огромные разрушения, помчался через Тихий океан к берегам Японии, обогнув таким образом весь земной шар. Пролетев пустынями Азии, ветер сделал полный круг. В одну бурную ночь наша гора тряслась, как в лихорадке, под напором восточного ветра. Так, все более замедляясь, вихрь четыре раза обошел вокруг земного шара. Его периодические порывы продолжали ощущаться еще долгое время.

Урок был дан хороший! Весь мир содрогнулся от ужаса.

Сказка о преступлении большевиков, готовившихся удушить мир, рассеялась. Имя Бэйли было у всех на устах, после того как он сам дал радиотелеграмму «Всем! Всем! Всем!», призывавшую признать его власть и сложить оружие. В наиболее пострадавших государствах царила паника. Печать требовала перемирия, предлагая сейчас же начать с мистером Бэйли переговоры о соглашении.

И только Советский Союз объявил, что не сложит оружия до тех пор, пока враг не будет побежден. Это решение вызвало взрыв возмущения в печати Германии, Англии, Франции и Соединенных Штатов. Если СССР упирается, то европейские державы и Америка могут заключить мир с мистером

Бэйли и через голову СССР. Если же СССР будет противиться этому, то «против него вооружится весь мир».

И действительно, скоро от имени правительств Германии, Франции, Англии и Соединенных Штатов

Америки мистеру Бэйли была прислана радиотелеграмма, предлагающая ему изложить условия мира.

Бэйли не заставил себя долго ждать. Он ультимативно выставил три пункта:

1. Повсеместное установление диктатуры крупного капитала.

2. Физическое истребление коммунистов.

3. Монополия продажи воздуха остается за мистером Бэйли, как гарантия, обеспечивающая незыблемость устанавливаемой им политической системы.

Наконец-то Бэйли открыл свое настоящее лицо. Я до сих пор сомневаюсь, действительно ли он занимался «внешторгом» с Марсом. Но «земные» его цели стали мне вполне понятны, когда я узнал об ультиматуме. Бэйли преследовал социально-политические задачи: он хотел на вечные времена закрепостить рабочий класс, предоставляя ему возможность работать за право дышать, дышать в буквальном смысле слова!

Буржуазные правительства нашли условия мистера Бэйли более чем приемлемыми для себя. Но в ра-

бочих массах этот ультиматум вызвал живейший протест. Однако с рабочими капиталисты надеялись быстро расправиться. «Кто против нас, тот останется без воздуха», — лаконически отвечали защитники соглашения с Бэйли.

Мир стоял перед новым ужаснейшим кровопролитием. Впрочем, реакционная печать (уже через два дня после ультиматума) цинично заявляла, что на этот раз революция, если рабочие захотят поднять ее, будет «совершенно бескровной», намекая на то, что классовый враг попросту будет удушен.

Я сообщил эти новости Норе. Она выслушала их молча, только губы ее дрогнули.

— Так дальше продолжаться не может, — сказала она, помолчав. — Я должна сегодня же переговорить с отцом. Приходите в полночь на нашу площадку. Я расскажу вам все, что узнаю от него.

Вечером ко мне зашел мистер Люк. Он был необычайно мрачен. Вопреки обыкновению он не предложил мне играть в шахматы. Угрюмо бродя по комнате, он выкрикивал от времени до времени крепчайшие проклятия.

— Вы не в духе, мистер Люк? — спросил я его.

— Будешь не в духе, — буркнул он. — Пусть дьяволы разорвут требуху мистера Бэйли и всех ваших «товарищей»!

— В чем дело, мистер Люк?

Люк расставил широко ноги, скрестив руки на груди, и трагическим тоном ответил:

— Дело в том, что в городке нет больше ни капли джина!

— Как? — воскликнул я с удивлением. — Неужели запасы городка истощаются?

— Истощились! — мрачно огрызнулся Люк. — Нет джина, а скоро нечего будет и есть, кроме мороженого мяса. — Он помолчал и, махнув рукой, продолжал: — Эх, ну что скрывать! Вы все равно не уйдете из этой мышеловки. Нам доставлялись запасы со стороны, на аэропланах. Мистер Бэйли все время поддерживал связь с внешним миром. При всем его богатстве ему одному не удалось бы соорудить и

поддерживать такое предприятие. Мистер Бэйли не один. У него много союзников. И они все время поддерживали его, пополняли наши запасы... Но теперь мы в блокаде. Ваши летчики — и бури их не берут! — установили такой кордон, что ворона не пролетит, а не то что аэроплан. Мы отправили нашим союзникам в Англию уже три отчаянные телеграммы и получаем все тот же ответ: «Нет возможности. Потерпите, скоро будет заключен мир». Потерпите! — сердито закончил Люк. — Им хорошо там терпеть. А каково мне тут!..

То, что сказал мистер Люк, было для меня откровением. В одном отношении Бэйли оказался сильнее, чем я думал раньше. Он не был, оказывается, борцом-одиночкой, он стоял во главе заговора капиталистов! Быть может, силы всего международного капитала поддерживали Бэйли. «Продавец воздуха» — это только ловкий маневр, чтобы среди рабочих и населения не возбудить гнева против всех капиталистов. Дело было поставлено так, как будто один маньяк или злодей завладел воздухом, а капиталисты лишь принуждены принять его условия!

С другой стороны, положение самого Бэйли и его городка, как я узнал от Люка, было почти катастрофическим. А если капитулирует городок, то и весь заговор сорвется. Этого не знали рабочие, не знало и правительство СССР. Недаром иностранные государства так спешат заключить мир с мистером Бэйли. Наступают решительные дни. Теперь все средства хороши... И если Нора не имеет сил прикончить мистера Бэйли, то это сделаю я!

Новости, сообщенные мне Люком, были так важны, что я решил вознаградить его и вытащил из-под кровати припасенную мною за неделю до этого бутылку джина.

Мистер Люк, увидев заветную бутылку, издал рычащий звук и набросился на нее, как зверь на добычу. Он начал пить прямо из бутылки и оторвался не раньше, чем высосал половину. Потом он вытер губы, любовно закупорил бутылку, опустил в карман и, поблагодарив меня, ушел.

XIX. РАЗВЯЗАННЫЕ РУКИ

Я посмотрел на часы. Было без десяти минут двенадцать — время идти на площадку.

Норы еще не было. На небе расцветали лилово-зеленые букеты, сновали веселые желтые и голубые полосы. У горизонта плясали какие-то бледно-оранжевые занавески. Сегодня на небе была праздничная иллюминация. Спектры кислорода и неона танцевали кадриль со спектрами азота и гелия.

За мною тихо скрипнула дверь. Я обернулся. Нора!

Она была бледна, как труп замерзающего. Ни слова не говоря, девушка подошла ко мне, положила руки на мои плечи, приблизила лицо и вдруг крепко поцеловала. От неожиданной ласки у меня захватило дыхание.

— Нора! — тихо воскликнул я.

Она быстро отошла от меня и сказала:

— Теперь все будет хорошо. Мне нужно сходить вниз, к озеру жидкого воздуха. Отец послал меня туда, — выразительно добавила она, — и мистер Бэйли. Идемте со мной.

— Нора! Нора! Но что сказал отец? И что все это значит? Почему вы так бледны?

Все, что я хотел сказать Норе, вылетело у меня из головы. Поведение девушки было настолько необычно, и она говорила так повелительно, что я последовал за нею, как автомат. Она шла очень быстро. Несколько раз я окликал ее и пытался заговорить, но девушка только ускоряла шаги.

Мы вошли в комнату, где хранилась одежда для путешествия в пещерах абсолютного холода.

— Помогите мне скорее одеться, — сказала Нора, — и не спрашивайте ни о чем. Вы скоро все узнаете.

Я принужден был покориться. Быстро надев «водолазные» костюмы, мы спустились на лифте, в молчании миновали ряд дверей и вошли в подземную пещеру. Голубое озеро жидкого воздуха чуть дымилось. Холодный свет ламп ярко освещал путь.

Мы шли берегом озера. Нора начала замедлять шаги и несколько раз споткнулась, как будто ноги не держали ее. Я взял ее под руку, но она освободила свою руку и сказала мне:

— Пройдемте вперед.

— Зачем?

— Так надо.

Я покорно сделал несколько шагов вперед — и вдруг услышал слабый крик. Я быстро оглянулся и вздрогнул от ужаса.

— Что вы делаете?! — закричал я.

Но было уже поздно.

Нора раскрыла свой изоляционный костюм, обнажив грудь и голову...

Холод в двести семьдесят три градуса ниже нуля должен был убить ее моментально. Я подбежал к девушке и трясущимися руками пытался натянуть ей на голову скафандр и закрыть одежду на груди. Тело Норы в одно мгновение покрылось пушистым инеем и затвердело, как сталь... Даже ее глаза, остававшиеся открытыми, покрылись пленкой инея, а с губ, открытых улыбкой, упал ледяной комочек — последнее дыхание Норы. Часть инея отделилась от ее тела и хлопьями снега осыпалась на пол.

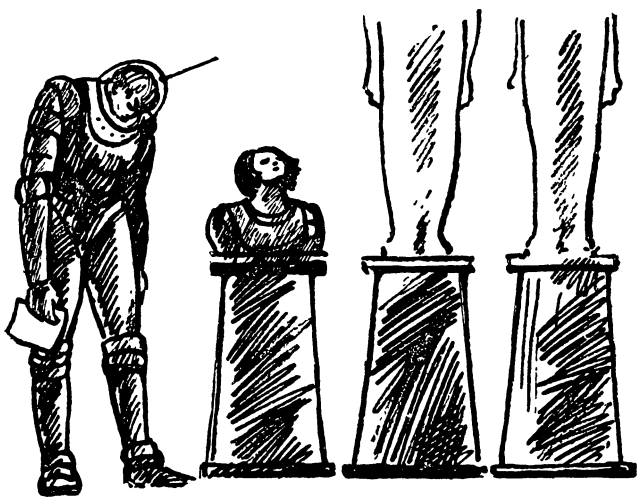
— Нора! Нора... Что ты наделала!.. — кричал я, обезумев.

Я стоял перед снежной статуей девушки, не зная, что делать. И вдруг я заметил у ее ног четырехугольный запушенный инеем предмет. Я поднял его, стер иней и увидел, что это письмо.

Взглянув еще раз на Нору, я увидел, что иней спустился ниже, запушив всю ее фигуру. Я решил перенести ее в «пантеон» и поставить на пьедестал, уготованный мистером Бэйли для меня. Мне казалось, что это будет лучший способ похорон бедной девушки. Я обнял рукой ее закоченевший стан и попытался поднять труп. Но ноги девушки не отрывались, припаянные льдом, образовавшимся от испарившейся внутренней теплоты ее тела. Я сделал усилие и вдруг почувствовал, что тело Норы треснуло и разломилось на несколько кусков. Вздрогнув,

я отпустил руку, и верхняя половина тела упала на сторону, сдерживаемая только одеждой. Несколько кусков замороженного тела, как осколки разбитого изваяния, выпали из распахнувшейся одежды. Нора, живая горячая Нора в одно мгновение превратилась в хрупкую, нежнее фарфора, статую!..

Я глубоко был огорчен и потрясен этим превращением. Оторвав, наконец, ноги девушки от земли, я взвалил на плечи фарфоровые останки, отнес их в «пантеон» и положил на пьедестал. Увы, я смог восстановить там только бюстовый памятник Норе... Осторожно очистив ее лицо от инея и посмотрев в последний раз на губы, которые так недавно целовали меня, я вышел из мрачной пещеры, поднялся,



поспешил к себе, осторожно согрел и высушил письмо и начал читать его.

Нора писала:

«Милый друг!

Простите, что я заставила вас пережить неприятные минуты. Но я боялась, что без вас не совершу того, что надо было совершить. Ваше присутствие поддерживало меня.

Я говорила с отцом. Я принудила его сознаться во всем. И теперь я знаю, что заставляло его работать с мистером Бэйли.

Мистер Бэйли обманул отца. Он завлек отца в этот городок, обещая отпустить через год. Но когда год прошел, Бэйли объявил отцу, что не отпустит его. Если же отец не послушается Бэйли, то мы не выйдем живыми отсюда — ни он, ни я. Отец очень любит меня. Он не мог рисковать моей жизнью и остался у мистера Бэйли. Но отцу тяжело было признаться, что он находится в плену. И потому он уверял меня, что его задерживает работа.

Таким образом, я связывала отца. И из-за меня отец принужден был принимать участие в этом ужасном деле.

Когда-то вы бросили мне упрек в том, что я не похожа на моего предка-революционера, рудокопа Энгельбректа. Да, я должна признаться, что не имею его силы воли и его неукротимой энергии. Века и поколения потомков, очевидно, распылили его железный характер. Я не решилась убить мистера Бэйли. И долго не могла решиться задать отцу роковой вопрос о его соучастии в преступлении. Но все же я хочу умереть, как достойная правнучка рудокопа Энгельбректа. Это все, что я могу сделать. Теперь отец свободен. Мне тяжело писать ему. Но передайте ему мои слова: «Отец, твои руки больше не связаны. Поступи так, как поступил бы на твоем месте рудокоп Энгельбрект».

Прощайте. *Нора*».

Я несколько раз прочитал письмо. Бедная Нора! Она поторопилась. Если бы я успел сказать ей о том, что узнал от Люка, то, может быть, она была бы жива... И... она любила меня. Но теперь со всем этим кончено. Однако не все в письме Норы было для меня ясно. Быть может, ее отец объяснит мне.

Было уже утро. Я пошел к профессору Энгельбректу.

Он сидел в кабинете, погруженный в формулы. Увидев меня, профессор поднял голову от бумаг и спокойно спросил:

— Вы не видели моей дочери?

— С вашей дочерью... с мисс Элеонорой случилось большое несчастье, — сказал я.

Энгельбрект побледнел.

— Что такое? Говорите!

Я молча положил на стол письмо Норы. Руки профессора заметно дрожали, но он старался овладеть собой. Прочитав письмо, он посмотрел на меня и глухо спросил:

— Что с ней?

Я рассказал о том, что произошло в пещере абсолютного холода. Я уже был почти спокоен.

Энгельбрект опустил голову и закрыл лицо руками. Так он просидел несколько минут. Я не нарушал молчания. Когда он отнял руки и поднял голову, я не узнал его лица — так оно изменилось и постарело.

Энгельбрект с трудом поднялся, пошатнулся и опять сел.

— Я убил ее...

Потом он вдруг с силой ударил по столу кулаком, и глаза его засверкали гневом.

— Бэйли убил ее!

Казалось, в Энгельбректе пробуждалась душа его предка.

— Идемте со мной к этому бандиту! — крикнул он.

— Один вопрос, профессор, — сказал я.

— Говорите, но скорее...

— Мисс Элеонора пишет, что, по вашим словам, Бэйли угрожал убить вас и ее, если вы решитесь уехать от него. Между тем мисс Элеонора говорила, что он не задерживал ее.

— Это была игра мистера Бэйли, игра на психологии. Он знал, что Нора не уедет без меня. Я же принужден был поддерживать в моей дочери иллюзию того, что она вольна уехать. Если бы она узнала о своей неволе, то положение всех нас осложнилось бы еще больше. Она почувствовала бы себя несчастной.

— Ну, а если бы она все-таки решилась уехать?

— Мистер Бэйли не выпустил бы ее.

— Но почему же вы... не убили Бэйли?

— Я не раз думал об этом. Но убийство мистера Бэйли не изменило бы положения. Мистер Бэйли только одно из звеньев преступной цепи. Вы знаете, из кого состоит все население городка, за исключением нескольких якутов чернорабочих? Из сыновей банкиров и тузов! И они не выпустили бы меня, если бы я убил Бэйли. Они убили бы меня и Нору. Они могли убить меня, а ее оставить в живых... Что было бы с ней? Бедная девочка, она была права: она связывала мне руки. Но если бы я знал, что Нора так поступит... Впрочем, теперь об этом поздно говорить. Да, мистер Бэйли шутить не любит. Со мной поступили бы точно так же, как с моими коллегами-профессорами, погибшими в Арктике. Их убили за то, что они не хотели повиноваться мистеру Бэйли.

Профессор начал шарить в ящике письменного стола.

— Черт возьми, куда девался мой револьвер?

Я хотел сказать, что еще Нора искала его и не могла найти, но промолчал.

— Ну, обойдемся. Идемте, мистер Клименко.

— Что вы намерены делать? — спросил я.

— Поговорить по душам с мистером Бэйли...

Наш приход к Бэйли был не совсем удачным. Он уже сидел в кресле, а вокруг него сгруппировались его приближенные. Их было не менее десяти человек.

Увидя это зрелище, Энгельбрект нахмурился, но отступать было поздно.

— А, уважаемый профессор, как кстати! — сказал Бэйли. — Я только что хотел послать за вами. У нас тут маленький военный совет. Вот только голова моя еще плохо работает...

Бэйли замолчал и начал перебирать на лежавшем перед ним блюде блестящий бисер. Этот бисер был последним изобретением Энгельбректа — спрессованный воздух, заключенный в особые оболочки. В них воздух не испарялся в обыкновенной температуре

и мог безопасно перевозиться. Только быстрое повышение температуры могло вызвать взрыв. Бэйли усиленно готовился к экспорту воздуха, считая вопрос о мире на предложенных им условиях предрешенным.

— Да, голова... — продолжал мистер Бэйли. — Непорядки в голове. Говоришь — и вдруг понесешь чепуху. Но это пройдет. Присядьте, сэр... — Меня Бэйли не пригласил сесть, он только покосился на меня, но не попросил удалиться.

— Я отказываюсь работать. Можете больше не считать меня в числе ваших служащих, — сказал Энгельбрект, продолжая стоять.

— От-ка-зываетесь?! — спросил Бэйли, и лицо его потемнело. — Что это значит, сэр?

— Это значит то, что̀ я сказал.

— Здесь все значит только то, что я сказал, — ответил Бэйли уже гневно. — Вы забываетесь, мистер Энгельбрект. Если вы сейчас же...

— Довольно! — вдруг закричал Энгельбрект. — Я не хочу больше оставаться в этой бандитской шайке!

— Это бунт. Вы знаете, что угрожает вам?

— Мерзавец! — вдруг проревел Энгельбрект. — Ты убил мою дочь, ты ужасом наполнил землю, ты... ты... — И вдруг, подняв руки, Энгельбрект бросился на Бэйли и начал душить его.

От Энгельбректа этого никто не ожидал. Несколько мгновений клевреты Бэйли сидели как окаменелые, потом вдруг всей гурьбой набросились на профессора. Я поспешил ему на помощь. Поднялась невообразимая свалка. Энгельбрект был необычайно сильным человеком. Мои кулаки также работали исправно. Но врагов было больше. Они одолевали нас. Бэйли бежал за письменный стол и забаррикадировался стульями, управляя оттуда сражением.

От волнения он вновь начал бредить и исступленно выкрикивал:

— Долой! На Марс! На Луну... Конец мира! Сто тысяч фунтов стерлингов за грамм!

А Энгельбрект разбрасывал врагов, рвался к Бэйли и хрипел:

— Убью... растерзаю!

Силы наши истощались. Я крикнул Энгельбректу:

— Назад! Отступайте, или мы погибли...

Энгельбрект пришел немного в себя. Оглянувшись, он увидел, что положение безнадежно. Трое врагов валялись на полу, но остальные, вооружившись стульями, готовы были броситься в новую атаку.

В руках двоих уже сверкали дула автоматических револьверов.

Мы с Энгельбректом, бешено защищаясь, отступили к двери и побежали по коридору, преследуемые по пятам врагами. Завернув за угол, вскочили на площадку лифта, спустились этажом ниже. Еще несколько мгновений — и мы очутились недалеко от выводной трубы. Вход в нее оказался закрытым.

— Скорей! Сюда! — крикнул Энгельбрект, хорошо знавший расположение городка.

XX. ОБРЕЧЕННЫЕ

Мы вбежали в пещеру, смежную с трубой, и поспешили закрыть дверь.

Это было еще не оконченное отделкой помещение, в котором предполагалось хранить запасы сгущенного воздуха. Холодильники еще не были установлены, и в пещере была сносная температура. Временно здесь хранились запасные вагонетки и инструменты. Пещера не освещалась.

— Подвозите вагонетки! — скомандовал Энгельбрект, загораживая вход.

Мы подкатили к железной двери вагонетки, навалили на них кирки, лопаты, все, что оказалось под рукой и что могли нащупать в кромешной тьме. Вход был забаррикадирован.

— Так, — сказал профессор, окончив работу. — Здесь мы можем продержаться.

Шаги наших преследователей глухо доносились из-за двери.

Скоро мы услышали удары в дверь. Мы молчали. Через некоторое время удары прекратились, и все затихло. Убедились ли наши враги в невозможности открыть дверь или изменили план атаки, мы не знали, но рады были этой передышке. Мы едва стояли на ногах от усталости.

Энгельбрект лег в вагонетку и потянулся.

— Глупо вышло, — сказал он. — Выдержки не хватило. Такой уж у меня характер. Терпишь долго, а потом прорвется.

Он замолчал.

— Вы считаете меня соучастником преступлений мистера Бэйли? — заговорил он потом.

— Но ведь вы не могли... — поспешил я его успокоить.

— Нет, я мог. Я мог предупредить катастрофу, спасти людей, пожертвовав жизнью своей и жизнью дочери. Нелегко принести такую жертву. Но лучше погибнуть двум, чем тысячам, не правда ли?

— Зачем заниматься самобичеванием? — пожал я плечами.

— Это не самобичевание. Ваше мнение обо мне для меня не безразлично. Дочь не написала последнего письма мне, но написала вам. Она любила вас, разве я не видел...

Я промолчал. Энгельбрект, этот большой сильный человек, тяжело мучился и не мог уже таить своего горя.

— Но не подумайте обо мне слишком плохо, — сказал он. — Если я и виновен перед человечеством, то и наказан за то тяжко. Я ночи не спал в поисках выхода. Я искал способ пустить фабрику мистера Бэйли «на воздух», но так, чтобы это не вызвало катастрофы. Последнее время вы с Норой как раз работали над этим. Ваша совесть может быть спокойна: вы работали не на Бэйли, а против него. И опыты были очень удачны. Они подходили к концу. И если бы Нора не поспешила... Бедная девочка!.. Но я долго не мог разрешить задачу. Бывали дни, когда я при-

ходил в отчаяние. И тогда я решал: сегодня должно все кончиться. Я убью Нору, потом Бэйли, а затем себя... Но когда Нора входила ко мне, сияющая свежестью и молодостью... Ах!.. — Энгельбрект тяжело вздохнул. — У меня не поднималась рука. Потом у Норы появилось недоверие ко мне. Разве я не видел этого страшного вопроса в ее глазах? Не преступник ли ее отец, человек, которого она так любила и в честности которого никогда не сомневалась?

Энгельбрект вдруг поднялся и сделал шаг ко мне:

— Умерла моя девочка. Мне очень трудно... Но, знаете, какая гигантская тяжесть спала с моей души! Кончилось «раздвоение личности»... Мы с вами обречены. Не о себе я теперь думаю. Я сожалею только об одном, что мне не удалось удушить бандита... Нас, вероятно, хотят уморить голодом. К счастью, они не могут нас заморозить. Впрочем, не все ли равно? Разве Нора не заморозила себя...

Смерть девушки сильно поразила и меня. Я любил ее и лишился в тот момент, когда узнал, что и она любит меня. Но на моей душе не было того тяжкого груза, который давил Энгельбректа. Притом я был молод, и мое настроение не могло быть так безнадежно, как у Энгельбректа. Мне хотелось жить.

— Скажите, а отсюда никак нельзя выйти на волю? — спросил я Энгельбректа.

Профессор был слишком погружен в свои мрачные думы, и мой вопрос не сразу дошел до его сознания.

— Выйти на волю? — наконец переспросил он. — Да, это нелегко. Вот эта стена выходит наружу.

— Так за чем дело стало? — сказал я. — У нас есть кирки. Правда, здесь совершенно темно, но мы можем работать впотьмах.

— Можем, — безучастно ответил Энгельбрект. — Но прежде чем мы пробьем скалу, мы сдохнем с голоду. Напрасный труд. Ложитесь, как я, и ждите спокойно смерти.

Но в мои расчеты вовсе не входило спокойно

ожидать смерти. Отдохнув, я поднялся, ощупью разыскал кирку и подошел к стене.

Звенящие удары послышались во тьме.

— Не здесь, возьмите левее, — донесся голос Энгельбректа. — Там стена тоньше.

Я перешел на несколько шагов влево и приступил к работе.

Утомившись, я присел отдохнуть и услышал кряхтенье Энгельбректа и лязг железа — профессор спрыгнул с вагонетки.

— Я слишком устал, устал душою, чтобы долбить скалу ради спасения своей жизни. Но вы молоды и еще найдете свое счастье. Я должен помочь вам ради Норы...

Загремело железо — это Энгельбрект выбирал кирку.

— Разве так рубят скалы? — услышал я голос профессора уже вблизи себя. — Посторонитесь. Вот как это делал старый рудокоп Энгельбрект.

И я услышал мощные ровные удары.

Мы проработали несколько часов. Я уже бросил в полном изнеможении свою кирку, а удары «старого рудокопа Энгельбректа» еще долго раздавались в обширной пещере. Эхо гулко отдавало эти удары.

— На сегодня довольно, — сказал, наконец, Энгельбрект.

Он отбросил кирку. Но прежде чем лечь спать, мы оттащили от двери вагонетки и уставили их на рельсы в ряд через всю пещеру, так что первая вагонетка упиралась в дверь, а последняя в противоположную стену.

— Так. Если теперь еще навалить на вагонетки инструменты и насыпать камней, то сам черт не откроет двери.

Наконец, совершенно утомленные, мы улеглись и крепко уснули.

Я проснулся от холода. Хотелось есть. Из темноты послышался продолжительный зевок Энгельбректа.

— Проснулись? — спросил я.

— Давно не сплю. Есть хочется, но ничего не

поделаешь, придется приниматься за работу, не позавтракав.

И он взялся за кирку. Вначале удары были неуверенные и неравномерные. Потом Энгельбрект втянулся и работал со вчерашней энергией. Я также взялся за кирку.

Голод давал себя чувствовать, обессиливая нас. Перерывы для отдыха мы делали все чаще и чаще. Время тянулось бесконечно долго. Казалось, скалы сегодня стали крепче, чем были вчера. Наконец я бросил кирку в бессильном отчаянии и мешком свалился на груду камней. Энгельбрект работал еще некоторое время, потом замолкли и его удары.

— Плохие дела, — сказал он мрачно. — Так мы долго не протянем, а углубились едва на одну треть. Мы работали неэкономно. Надо рубить шахту поменьше и бить по очереди.

Так прошел еще один день, если только мы не ошибались во времени. Мы вновь постарались уснуть, лежа в одной вагонетке, чтобы согревать друг друга. Холод ощущался все сильнее и мучительнее. Мне не спалось. Желудок сжимался в голодных спазмах. Ноги холодели, голова горела, все тело ныло. Мрачные мысли, как ни боролся я с ними, не давали покоя. Я терял надежду выбраться отсюда. Мне хотелось поговорить с Энгельбректом, но он лежал тихо и, быть может, спал. Мне жалко было будить его...

Потеряв всякую надежду уснуть, я поднялся, добрался во тьме до дыры, которую мы пробивали в стене, и начал измерять пройденное нами расстояние. Камни покатились из-под ног и загремели.

— Кто там? — услышал я голос Энгельбректа.

— Это я. Вы не спите?

— Нет, — ответил профессор. — Думы проклятые одолевают... И холодно... Давайте погреемся.

Энгельбрект поднялся и взял кирку.

— Черт, тяжелая какая стала! — выбранился он.

Послышались удары киркой, потом вдруг наступило молчание, и я услышал тяжелый вздох.

— Не могу, — сказал Энгельбрект. — Руки не

держат кирки... Но я заставлю их держать! — И он вдруг начал молотить с необычайной силой, так что из-под кирки посыпались искры.

Это была последняя вспышка энергии. Кирка отлетела в сторону, и Энгельбрект растянулся на груде камней.

— Отдохните, я заменю вас, — сказал я, принимаясь за работу.

Но у меня дело пошло еще хуже. Мне казалось, что я размахивался изо всей силы, а кирка только царапала скалу, отбивая мелкие осколки. При таком темпе работы мы и в десять дней не пробьем скалы! Голодная смерть должна наступить гораздо скорее...

Мне кажется, что я уснул или впал в забытье с киркою в руке. Я не знаю, как долго продолжалось это. Быть может, так пролежал я целые сутки, а может быть, всего несколько минут. И я не могу с уверенностью сказать, во сне или наяву я принимался несколько раз за работу, бил с ожесточением отчаяния и вновь падал на землю. От времени до времени я чувствовал невыносимые приступы голода. Но постепенно это ощущение притуплялось. Я начинал впадать в оцепенение. Время стало, и я не знал, сколько дней прошло с тех пор, как мы заперли себя в этой мышеловке. Я все больше погружался в темную пропасть забытья. Иногда мелькала мысль о смерти, но и она уже не волновала меня.

Тупое безразличие засасывало меня, как тина. Но критическое чувство еще не совсем погасло. Помню, я с некоторым интересом наблюдал за теми процессами умирания, которые происходили во мне. В этом «умирании» наблюдался определенный ритм. Периоды коматозного * состояния сменялись некоторыми просветлениями чувств и сознания, как будто последние запасы жизненных сил собирали остатки «горючего», чтобы еще и еще раз осветить сознание... Ибо только сознание могло найти выход и спасти умирающий организм. И организм отда-

* Кома — болезненная, предсмертная сонливость.

вал последние соки, последний трепет клеток моему мозгу — последней надежде на спасение...

В один из таких светлых промежутков я услышал очень слабые, отдаленные удары кирки.

«Вероятно, заработал Энгельбрект. Неужели у умирающих с голоду так ослабевает слух? — подумал я. — Или это бред?»

— Это вы стучите, профессор? — спросил я Энгельбректа.

— Я о том же самом хотел спросить вас, — ответил он слабым голосом, который, однако, я слышал совершенно отчетливо и ясно.

— Я не глохну, и это не галлюцинация, — размышлял я вслух. — Что же могут означать эти удары? Кто производит их? Откуда они?..

— Я уже несколько минут или часов думаю об этом, — ответил Энгельбрект. — Мне казалось, что это вы работаете, но я начал глохнуть. Звуки несутся из проделанного нами отверстия, я лежу около него. — Помолчав немного, он продолжал: — Очевидно, мистеру Бэйли не терпится прикончить нас, и он отдал распоряжение пробить стену. Он большой законник и, вероятно, хочет судить нас по всей форме, чтобы потом заморозить и поставить в «пантеон».

Мы замолчали прислушиваясь. А звуки все усиливались, приближались. Потом внезапно прекратились. Их заменил новый звук — скрежет вращающегося сверла.

— Бурава пустили в ход, — спокойно сказал Энгельбрект. — Этак они скоро доберутся до нас...

Новая опасность как будто вернула нам силы. Не скажу, что я боялся смерти, — я уже находился в ее преддверии, но эти новые звуки нарушили однообразие нашей жизни и ритм нашего постепенного умирания. Сознание окончательно вернулось к нам.

— Что же мы будем делать? — спросил я.

— Встретим врага и умрем в борьбе, как подобает мужчинам, — ответил Энгельбрект.

Я иронически улыбнулся, не опасаясь того, что Энгельбрект увидит мою улыбку.

— Вы в силах поднять руку? — спросил я.

— Мне хватит сил, чтобы опустить камень на голову первого, кто просунет ее сюда, — сказал он. — Ползите ко мне.

Мы подползли к краю проделанной нами маленькой шахты и улеглись по обеим ее сторонам, положив возле себя камни с острыми краями. Однообраз-

ный скрежет бурава усыплял меня, но я всячески боролся с сонливостью. Когда же звуки послышались совсем близко от нас, прошел и сон. Я насторожился, как кошка, готовая изловить мышь.

— Еще несколько минут, и они будут здесь, — шепнул Энгельбрект.

И в эту минуту я понял, что давало нам новые силы: ненависть к нашим врагам!

Бурав взвизгнул, стена затрещала, мелкие камни посыпались в нашу сторону. Визги и скрежет сменились жужжаньем. Дыра и еще дыра в тонкой стене, отделявшей нас от врагов... Удары кирки. Дыра увеличилась настолько, что в нее мог пролезть человек. Так решил я, потому что работа сверла и кирок прекратилась и в темноте послышалось шуршание, которое мог производить человек, пролезающий в отверстие. Напрягая ослабевшие мышцы, мы с про-

фессором подняли камни. Я прислушивался к каждому шороху. Ближе, ближе... Совсем близко...

«Можно!» — подумал я и размахнулся. Но камень вдруг выпал из моих рук, когда я неожиданно услышал знакомый шепот...

XXI. «ЛОПНУЛ КУПЕЦ»

— Сильно темно...

— Никола! — закричал я.

— О! Товарисц Клименко! — ответил он.

И я почувствовал, как мохнатая рукавица жмет ту руку, которая едва не разбила ему голову.

— Как ты попал сюда?

— Сильно крисис! — сказал Никола и, обернувшись назад, обратился к кому-то стоявшему за отверстием: — Влезайте, товарисси. Тут свои. А мы, — продолжал он, обращаясь к профессору, — присли тебя спасать, купца Бели убивать.

— Да кто «мы»?

— Красный Армия присол: о!

— Но почему вы решили пробивать и сверлить стену именно этой шахты? Ты знал, что я нахожусь здесь?

— Нисего не знал. Только ты сам говорил, серез эту новую шахту хоросо пройти в город, — ответил Никола.

Ничего подобного я не мог припомнить. И только много времени спустя, вспоминая то время, когда мы обдумывали с Николой ночами план побега, я вспомнил, что действительно указывал на эту шахту как на самый удобный путь проникновения в подземный городок. Я не ожидал, что Никола окажется столь сообразительным и памятливым. Случай неожиданно загнал нас в эту же шахту, и здесь произошла счастливая встреча.

Никола поспешил рассказать мне, «как это было».

Наше командование не переставало строить планы взятия подземного городка. Когда налет аэропланов оказался безуспешным, а бомбардировка не-

возможной, за дело взялись саперы. Решено было провести подкоп. Задача облегчалась тем, что весь кратер был засыпан глубоким снегом. В нем нетрудно было проделать траншеи и подойти к самой скале. Саперы употребили более трех недель на эту работу сперва «тихой сапой» *, а потом подземной галереей. Выбор был сделан удачно. В этой пещере Никола сам работал не раз. Он знал, что здесь никто не живет и ночью, когда нет рабочих, можно войти незамеченным.

Пока Никола рассказывал, в пещеру через отверстие влезали один за другим красноармейцы.

— Тут никто не увидит, можно зажечь огонь, — сказал Никола, и в его руках сверкнул электрический фонарик.

— Сильно хороса стука! — сказал он. — Чик — и готово. Ай-ай-ай! — продолжал он, осветив мое лицо. — Сильно похудел. Давно не ку́сал. А это товарисц? Ку́сайте скорей! — и Никола, развернув походный мешок, начал угощать меня и Энгельбректа.

Насытившись, я рассказал Николе и командиру отряда о всех происшествиях. Мы начали обсуждать план дальнейших действий. Было уже утро, и командир решил, что нам лучше подождать до следующей ночи, чтобы напасть врасплох.

Мы старались соблюдать тишину, чтобы не привлечь внимания врага. Разложили небольшой костер. Никола согрел чай и усиленно кормил нас. День прошел незаметно в разговорах и в обсуждении плана дальнейших действий. В шесть вечера начальник поставил несколько часовых, отдал приказ ложиться спать, чтобы отдохнуть перед «делом». Насытившись и согревшись у огня, я крепко уснул, и, когда Никола разбудил меня ночью, я был свеж и бодр. Правда, еще чувствовалась некоторая слабость в но-

* «Тихая сапа» — военно-инженерная работа, заключающаяся в том, что траншеи роются путем выкидки земли перед собою головным сапером, который таким образом медленно и скрытно продвигается вперед. Следующие за ним углубляют и расширяют проделываемый им ход.

гах, но это не остановило меня. Я хотел принять участие в нападении.

Мы осторожно отвалили вагонетки и освободили выход. Только бы дверь не была заперта!.. Красноармеец потянул дверь — она подалась. Я и Энгельбрект были настолько не опасны для «армии» Бэйли, что запирать нас снаружи не сочли нужным: и по ту и по эту сторону двери нас ожидала смерть.

Начальник отряда отдал распоряжение, и красноармейцы с ружьями наперевес двинулись по коридору. Он был пуст. Только у лифта мы встретили первого часового. Он дремал и, разбуженный нашим приближением, пытался поднять тревогу, но начальник направил на него дуло револьвера.

— Стой, братишка! — по-русски, но достаточно выразительно сказал он.

Часовой сдался. Мы поднялись на лифте в первый этаж. Когда последний красноармеец был уже наверху, мелькнула чья-то тень и скрылась за поворотом коридора. Через несколько минут в городке будет поднята тревога! Мы ускорили шаг и почти подбежали к кабинету Бэйли.

Дверь была открыта. Я распахнул ее и ворвался в кабинет.

Бэйли еще не спал. Он сидел в кресле и перебирал рукой лежавший на блюде «воздушный» бисер. Голова его была обвязана платком.

Увидев меня впереди вооруженного отряда красноармейцев, Бэйли широко раскрыл глаза. Нижняя челюсть его отвисла. Он откинулся на спинку и смотрел на нас с нескрываемым ужасом.

— Гражданин Бэйли? — спросил начальник отряда.

— Это он, — сказал я.

Краском сделал шаг к Бэйли.

— Вы арестованы.

Лицо Бэйли перекосилось. Глаза его еще больше расширились и запылали огнем безумия. У него вновь начался один из припадков, которыми он страдал в последнее время после ранения.

— А-а-а-а-а-а!!! — дико закричал он. — Больше-

вики! А-а!! И здесь? Всюду?! Нет спасения!.. Вы хотите лишить меня воздуха?

Он запустил скрюченные пальцы в свои сокровища — «воздушный» бисер — и вдруг схватил несколько бисеринок, с трудом поднял их, положил в рот и проглотил.

Энгельбрект первый понял, что должно последовать за этим. Он схватил Бэйли за шиворот и потащил к выходу.

— Что вы хотите с ним делать? — спросил краском, не понимая еще угрожавшей всем опасности.

Бэйли, продолжая бредить, отбивался от Энгельбректа.

— Скорей наверх!... Помогите мне, он стал вдвое тяжелее! — отчаянно кричал Энгельбрект.

Я, Никола и два красноармейца подхватили Бэйли, потащили по коридору, бросили в лифт и поднялись вместе с ним на площадку, где не раз я беседовал с Норой и любовался северным сиянием, дыша «воздушными витаминами».

Бэйли продолжал кричать и пытался вырваться от нас.

Вдруг я заметил, что изо рта Бэйли вылетел клуб белого холодного пара. Тело его начало быстро рас-

пухать, в особенности грудь. Внутренняя теплота желудка расплавила оболочки бисеринок. Воздух начал испаряться, и с Бэйли происходило то же, что происходит с глубоководной рыбой, вытащенной на поверхность океана: внутреннее давление превосходило давление атмосферного воздуха и распирало тело. Еще мгновение и...

Но Энгельбрект не стал ожидать этого мгновения. Он схватил мистера Бэйли и перебросил его тело через перила.

Уже в воздухе тело Бэйли неимоверно распухло, а изо рта валил пар, как из открытого паровозного клапана. Прежде чем Бэйли долетел до снежного откоса, раздался взрыв. «Воздушные» бисеринки взорвались. Среди белого воздуха я увидел руки и ноги Бэйли, оторвавшиеся от тела и летящие в разные стороны. В несколько мгновений белое облако превратилось в воздух, которым с силой отбросило нас к стене. Но я удержался на ногах и посмотрел вниз. До снега долетела только голова Бэйли. Все его тело было разорвано на мельчайшие части и унесено неведомо куда.

Несколько минут мы стояли неподвижно, пораженные этой необычайной смертью. Первым нарушил молчание Никола.

— Лопнул купец, — сказал он.

Да, «лопнул купец», лопнуло и все его воздушное предприятие!

* * *

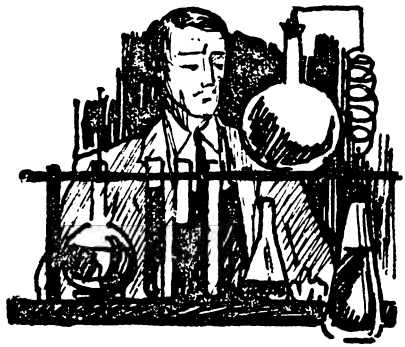
Красноармейцы быстро справились с гарнизоном подземного городка. Его радиостанция оповещала мир о победе.

А в это время Энгельбрект медленно и осторожно поднимал температуру в подземных пещерах, вместе с тем уменьшая и атмосферное давление. Все отверстия, трубы и люки были открыты. Белый холодный пар вылетал из них, превращаясь в живительный воздух. Жизнь возвращалась к земле.

«Ноздря» Ай-Тойона «выдыхала» воздух.

КОГДА ПОГАСНЕТ СВЕТ

Сценарий художественного научно-фантастического фильма. Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Искусство кино» № 9—10, 1960 г.



КРАН еще темен, но уже слышатся все усиливающиеся странные звуки «счетоводной симфонии»: сухое щелканье счетов, скрежет арифмометров, стук комптометров и пишущих машинок. Едва заметно вплетается музыкальная мелодия — лейтмотив «счетоводной симфонии».

На экране «появляется» контора «Грей и К°».

Узкая комната, тесно уставленная столами, за которыми работают счетоводы на счетах и арифмометрах, машинистки на пишущих машинках с огромными каретками, испещренными цифрами, комптометристы, стоя или сидя на высоких табуретках.

Вечер. Под потолком зажженные лампы. Оглушительный шум: щелканье, треск, скрежет.

В конце длинной комнаты, за стеклянной перегородкой на возвышении сидит, как статуя божества, олимпийски величественный главный бухгалтер. Он строго смотрит на служащих, всегда готовый обрушить на провинившихся смертных громы и молнии.

Конец рабочего дня. Всеобщая одурь.

Счетовод Джон Паркер, молодой человек, не лишенный приятности, небольшого роста, худощавый, нервный, надрывается над арифмометром.

Слева от него — миловидная машинистка-брюнетка. Справа — вторая машинистка, еще более миловидная, блондинка.

За нею — быкообразный детина с рыжими волосами, вертящий ручку арифмометра с такой свирепостью и ожесточением, словно он ломает кому-то кости.

Он единственный, который еще сохранил некоторую бодрость. У остальных донельзя усталые лица, вялые движения.

И больше всех устал Джон Паркер. Он с трудом поворачивает ручку арифмометра. Делает паузы, ошалело уставясь в пространство невидящими глазами.

Сердитый взгляд главного бухгалтера все чаще останавливается на нем, но Паркер не замечает.

Теперь, во время паузы, он смотрит на свою соседку слева. Но машинистка погружена в работу.

Паркер поворачивает голову к миловидной соседке справа. Устало улыбается ей. Но блондинка презрительно отворачивается от него и делает глазки быкообразному комптометристу.

Тот ухмыляется, подмигивает ей и еще с большим ожесточением накручивает ручку.

Паркер тяжело вздыхает. Вяло, словно при последнем издыхании, набирает цифры непослушным пальцем и поворачивает ручку арифмометра.

Цепенеет. Глаза заволакиваются.

Контора вдруг качается, как каюта корабля при сильной волне. Заволакивается туманом.

В тумане огромные цифры арифмометра. Цифры прыгают, валятся набок, падают, разлетаются.

Среди цифр улыбающиеся лица машинисток и еще каких-то девушек... Молодая мать с ребенком... Детские лица.

В «счетоводную симфонию» вплетается «симфония любви» со своим лейтмотивом...

Покрывая шум машин, раздается громоподобный голос главного бухгалтера.

Главбух. Господин Паркер! Чем вы заняты? Зеваете? Ворон считаете?

Видение исчезает. Паркер вздрагивает, как под ударом бича. Виновато, с остервенением работает из последних сил.

Машинистки бросают на него презрительные улыбки. Комптометрист ухмыляется.

После окрика начальника темп работы во всей конторе ускоряется. «Счетоводная симфония» достигает своего апогея, переходя в кошмарную какофонию.

Резкий звонок внезапно обрывает весь этот шум и грохот.

Служащие с облегчением вздыхают. Быстро накрывают машины чехлами. Убирают бумаги в ящики столов.

Один Паркер некоторое время в полном обалдении еще вертит ручку арифмометра, возбуждая насмешки сослуживцев.

Счетоводы говорят вполголоса — начальство еще не ушло.

Комптометрист покровительственно хлопает по плечу Паркера, отчего тот едва не валится на бок.

Комптометрист. Баста, Паркер!

Паркер. А? Что? Да-да... Благодарю вас.

Паркер мотает уставшей головой, приводит в порядок стол.

Комптометрист *(блондинке)*. Нам, кажется, по пути? Позвольте проводить?

Машинистка-блондинка *(многозначительно)*. Да, нам, кажется, по пути.

Они уходят, тихо разговаривая и смеясь. На прощанье комптометрист бросает на Паркера победоносный взгляд.

Длинный, с прилизанными волосами молодой человек, одетый с претензией на шик, оживленно болтая, уходит с другой машинисткой-брюнеткой.

Счетовод. Детям опасно ходить одним. В большом городе они могут потеряться. Я провожу вас.

Уходят.

Паркер, вяло убирая стол, провожает парочки завистливым взором. Оглядывается. В конторе осталась только очень некрасивая и уже немолодая девушка-счетовод. Она улыбается ему и говорит.

Девушка-счетовод. А нам с вами по пути, господин Паркер?

Паркер. Да, кажется... Нет, госпожа Кук... Пока еще нет...

Он направляется к выходу.

Проходя мимо застекленного кабинета главбуха, явно робеет.

Главбух. Господин Паркер!

Паркер со страхом останавливается. Молча кланяется. Пытается улыбнуться, но улыбка не получается.

Главбух. Должен предупредить вас, господин Паркер, что, если вы впредь будете так работать, нам придется расстаться. Контора не богадельня.

Паркер. Я... простите... приложу все усилия...

Главбух уже погрузился в книги.

Паркер идет к двери. Возле самой двери его качнуло, и он ухватился за притолоку. Уходит.

Едва не сбив с ног выходящего Паркера, в контору вбегает молодой человек в шикарном костюме, с двумя вечными перьями, торчащими из кармана пиджака. В манере держаться смесь юркости и апломба. На лице — казенная жизнерадостнейшая улыбка, долженствующая показывать его житейское преуспеяние. Он стремительно направляется к главбуху.

При виде его на лице главбуха появляется такая же улыбка, обязательная при деловых разговорах.

За стеклянной перегородкой.

Журналист Битл. Добрый день, господин Трайн.

Главбух. Добрый вечер, господин Битл. Сделано?

Битл *(вынимает из кармана газету и кладет перед главбухом)*. Все в порядке. Только что из машины. Вот объявление «Грей и К°»... Моя статья..

Главбух. Отлично. А рекламный рассказ о подтяжках «Идеал»?

Битл *(вынимает из кармана рукопись)*. Прошу.

Главбух *(вынимает из бумажника пачку денег, спокойно отсчитывает и передает Битлу)*. Это вам лично. На расходы.

Битл *(прячет деньги с быстротой фокусника)*. К вашим услугам...

Главбух. Слушайте!

Битл вооружается блокнотом и вечным пером.

Главбух. Первое. Ваша газета должна повести кампанию против нашего конкурента...

Слова все тише. Экран меркнет.

Улица. Дом. Над входной дверью вывеска «Грей и К°. Подтяжки «Идеал».

Из двери конторы на улицу выходит Паркер. Он еще пошатывается от усталости.

В шум уличного движения вплетается «счетоводная симфония». Паркер встряхивает головой.

Бредет по тротуару.

Останавливается возле большой витрины.

В витрине выставлены дамские блузки, белье, «живой манекен» — красивая девушка в модном платье. Она позирует.

Паркер проталкивается через толпу и жадно смотрит на витрину.

В толпе женщины, одинокие и под руку с мужчинами. Голоса.

Женщина *(мужчине)*. Очаровательное платье! Последняя модель...

Мужчина *(с тоскливым видом)*. М-м-м... да... Идем же, Мици! *(Тянет ее от витрины, она не двигается.)*

Женщина. И совсем недорого.

Мужчина. Да... М-м-м... но... идем же, наконец!

Женщина. Милый! Ты ведь обещал! Ну зайдем, только посмотрим! *(Тащит его в магазин.)*

Паркер тоскливо наблюдает за ними. Парочка входит в магазин. Из магазина выходят мужчины и женщины, нагруженные пакетами. Их лица оживленны, радостны.

Паркер вздыхает и бредет дальше.

Витрина книжного магазина. Мимо.

Витрина автомобилей. Короткая остановка. Вздох. Мимо. Магазин под вывеской: «Все для молодоженов».

Большие витрины: мебели, хозяйственных принадлежностей, детских кроваток, детской мебели, игрушек.

Паркер оживает, впивается глазами в витрину. Вынимает записную книжку и что-то записывает.

Бредет дальше, оглядывается, возвращается, снова глядит как зачарованный, наконец смотрит на ручные часы, с силой отрывается от витрины, быстро шагает.

Заглядывается на всех молодых хорошеньких женщин.

Вечереет. Вспыхивают огни.

Паркер проходит через городской сад.

На площадке ярко освещенная карусель. Длинное здание в плакатах и афишах, на которых изображены «знаменитые женщины и красавицы всех времен и народов», великаны, карлики, бородатые женщины, уроды.

Вдоль всего здания, наверху, надпись из светящихся букв: «Паноптикум Сантано».

У входа огромный негр в красном фраке с блестящими пуговицами с блюдце величиной зазывает публику.

Возле паноптикума толпа. Резкие звуки джаза сливаются с оркестрами танцевальных площадок и шарманками карусели. В глубине пары танцующих.

Паркер смотрит на них, оборачивается и спешит в темную аллею.

На скамье в кустах, защищающих от света фонарей, парочка. Молодой парень целует девушку.

Паркер видит, вздыхает, на минуту останавливается, идет дальше, снова останавливается...

Его лицо крупным планом. Глаза закрыты. Блаженная улыбка. Чмокает губами. Но тотчас лицо мрачнеет. Встряхнул головой, открыл глаза и зашагал еще быстрее.

Комната Паркера. У окна небольшой стол и стул. В углу — газовая плита, табуретка. Над плитой полка, на ней кофейник, кружка, сковородка. Рядом с плитой водопроводный кран.

В другом углу комнаты дамский туалетный столик с тремя зеркалами. На столике флаконы, пудреницы, вазочки для цветов, суповая миска, тарелка. Под столиком большая ваза, прикрытая газетой. На стене висит чепчик. Скрученный коврик прислонен к столику. Рядом картины в рамах, лампа с шелковым абажуром, прикрытые газетой. Дамские зонтики, летний и черный. Большая клетка для попугая без птицы.

В комнате темно. Входит Паркер и зажигает свет — лампочку под потолком, спускающуюся над столом.

Паркер осматривает комнату. Он в лирическом настроении.

Обходит комнату. Берет то одну, то другую вещь, вазочку, флакон. Нюхает духи сквозь закрытую пробку. Мечтательно улыбается. Напевает.

Слабо звучит мотив «симфонии любви».

При этом перед Паркером мелькают сцены — лица красивых машинисток, девушек, которых он встретил на улице, целующаяся в парке парочка...

Тряхнул головой. Подходит к полке, достает кофейник, наливает воду из крана. Замечтался.

Снова перед ним возникает хоровод девушек.

Вода переливается через верх кофейника, брызжет на пол. Образуется лужа.

Паркер приходит в себя. Вытирает пол носо-

вым платком. Зажигает газ и ставит кофейник на газовую плиту.

Подходит к столу и начинает записывать что-то на бумаге и подсчитывать.

Крупным планом запись:

Двухспальная кровать — 250 (магазин «Все для молодоженов»);

Буфет — 200.

Обеденный стол и 6 стульев — 175.

Комбине — шелковое, цвета морской воды, размер?

Стук в дверь. Паркер испуганно вскакивает и осматривает комнату. Спешно засовывает дамские зонты за зеркало.

Стук. Голос госпожи Грин: «Господин Паркер! Вы дома?»

Паркер схватывает с гвоздя чепчик, мнет в руках, прячет в карман так, что из кармана торчат концы лент. Открывает дверь.

Входит владелица гостиницы госпожа Грин, некрасивая женщина лет сорока пяти, строгая и чопорная. В руке держит листок бумаги.

Неодобрительно осматривает комнату, еще не высохшее пятно от лужи на полу, склад вещей в углу. Брезгливо морщится.

Грин. Простите, господин Паркер, я не помешала?

Паркер. Нисколько, нисколько, пожалуйста.

Грин замечает концы лент, незасунутые в карман. Ядовитая усмешка.

Паркер поворачивается к ней боком и в смущении засовывает концы лент в карман.

Грин. Сегодня пятнадцатое, господин Паркер.

Паркер. Да, да, пожалуйста! Прошу вас!

Вынимает деньги, подает Грин, берет у нее расписку и кладет в карман. Пауза.

Грин. Вы, кажется, скоро покидаете мой «Приют для холостяков»?

Многозначительно окидывает комнату взглядом.

Грин. Собираетесь обзавестись семьей? Вы знаете, что я не сдаю комнат семейным?

Паркер. Да, да, но я не так...

Грин. Это ваше дело. Я считала нужным предупредить вас. Никаких женщин. С ними возня. И никаких детей. Я не переношу детского крика. У меня мигрень. Женитесь, если вам нравится это, но не здесь. *(Уходя.)* Всякий по-своему с ума сходит. *(Ушла.)*

Паркер вздыхает с облегчением. Вынимает чепчик, улыбается, бережно расправляет и, поискав место, кладет в вазу.

Садится за свои расчеты.

Снова стук в дверь.

Паркер. Войдите!

Входит Майкл Грот — старый человек атлетического сложения, бывший боксер. У него повреждена переносица и разорвано левое ухо. Одет как рабочий. Силен, но кроток, как ребенок. Способен только на короткую вспышку. Не блещет умом и знает это.

В руках у Майкла трость, к которой прикреплена хитроумная петля.

Майкл. Добрый вечер, старина!

Паркер. Здравствуйте, Майкл.

Майкл, неуклюже ступая своими слоновьими ногами, подходит к столу, за которым сидит Паркер, громко хлопает ладонью по столу и при этом кладет кредитку.

Майкл. Должок. Спасибо. Выручили.

Паркер. Разбогатели?

Майкл. Ого! *(Потряхивает тростью с петлей.)* Открыл золотую жилу! А вы все считаете? *(Шумно вздохнув.)* Если бы от этого можно было разбогатеть!

Паркер. Но и без счета не разбогатеешь, Майкл Грот.

Майкл. А что говорит счет?

Паркер. А счет говорит, что семейное счастье мне еще не по карману, Майкл. Не считая того, что я уже приобрел для семейного гнездышка *(показывает на вещи)*, мне надо еще много, очень много. А квартира? Расходы на жену и детей?

По моим заработкам я смогу жениться только через шестнадцать лет. Вот что говорит счет.

Майкл *(свистит)*. Через шестнадцать лет?

Паркер. Да, через шестнадцать, когда пройдет молодость, пройдут лучшие годы. Семья — это деньги. Счастье — это деньги. Деньги, деньги, деньги!

Майкл *(в тон)*. Деньги, деньги, деньги. *(Снова шумно вздыхает, переступает с ноги на ногу, не зная, что сказать.)* А... с невестой как?

Паркер. Хороших девушек много, но сам боюсь влюбиться. Влюбишься, а жениться нельзя. Что тогда?

Майкл. Ну, это не то... не так делается... Когда по-настоящему влюбитесь, ни на что не посмотрите. Когда я влюбился... давно это было... ни у меня, ни у нее ничего, кроме здоровых рук, не было. Правда, и время тогда было другое.

Лицо Паркера крупным планом. Оно печально, затем мечтательно. Пока говорит Майкл, перед Паркером проносится картина с музыкальным сопровождением «симфонии любви».

Уютно обставленная комната. Жена с ребенком на руках. Паркер в удобном кресле. Возле него девочка. Он ласкает ее головку. На ковре мальчик играет в кубики...

Видение исчезает.

Паркер *(мечтательно и грустно)*. Счастье, счастье!

Майкл *(вздыхая)*. Деньги, деньги! *(Тихо и грустно напевает.)*

С неба звездочка упа-а-ла,
Звезд на небе стало ма-а-ло...

(Взмахивает тростью.) Нет, черт возьми! Это же никуда не годится! Молодой человек хочет жениться и не может! Деньги! Если нет денег, для такого дела надо раздобыть!

Паркер. Но где? Я так устал от работы в конторе, что о каком-нибудь дополнительном зара-

ботке и думать не приходится. *(Короткое звучание «счетоводной симфонии».)* Конторский шум преследует меня до утра.

Майкл. Джон Паркер! Слушайте меня! Я говорил вам, что нашел золотую жилу. Я поделюсь с вами!

Паркер *(заинтересованный)*. Спасибо, Майкл! Какая же это золотая жила?

Майкл. Собак ловить!

Паркер. Собак ловить?

Майкл. Да, собак. Бродячих, отставших, приставших, ну... и прочих. Собак на всех хватит!

Паркер. Что же с ними делать?

Майкл. Ого! Читали в газетах? «Пропала собачка левретка. Кличка Дэзи. Нашедшему будет выдано вознаграждение». Много таких объявлений. И за иную собачонку какая-нибудь сумасшедшая барынька сотню отвалит. А не удастся вернуть хозяину — собачье мясо на сосиски покупают, шкуру — скорняки. Самое подходящее для вас дело, Паркер! Вечером, после работы в конторе, вроде прогулки на свежем воздухе.

Паркер. Но я не умею ловить собак.

Майкл. Дело не хитрое. Первое — колбаса. *(Вынимает из кармана кусок колбасы.)* Как почует собака этот дух, ни одна не устоит, всякого хозяина оставит. А потом... я вот этакую петлю придумал. На тросточке. Видите? Иду с тросточкой. Вижу собаку. Приманиваю. *(Игра.)* Потом вот так. *(Показывает.)* Хлоп! И готово. И деньги в кармане. Потом на поводок *(вынимает из другого кармана поводок)* — и пошли! Я вас в один вечер обучу. Согласны?

Паркер. Право, не знаю. Еще попадешься.

Майкл. Для начала можете отставших, в самом деле затерявшихся ловить. «Пристала собака!» И ничего, кроме благодарности. Ручаюсь, что на пять лет, если не на десять, свадьбу приблизите! Идемте со мной, я вам все покажу и расскажу.

Паркер *(нерешительно)*. Идемте, пожалуй...

Длинный коридор «Приюта для холостяков».

Паркер и Майкл Грот идут. Лицо Паркера взволновано. Тихо звучит мелодия «счетоводной симфонии», переплетаясь с «симфонией любви».

Комната Майкла. Кровать, стол, табуретка. Над столом боксерские перчатки под усохшим лавровым венком. На стенах старые афиши и плакаты с портретами Майкла Грота, когда он был боксером.

Под столом — привязанные к ножкам стола две собаки.

Майкл. Вот моя вчерашняя добыча. Поджидаю объявлений в газете.

Паркер. Как же госпожа Грин позволяет...

Майкл. Она собак любит, представьте себе. Которые воют, тех в сарае держу. *(Быстро надевает на голову кепку.)* Вот я и готов. Поехали! *(Паркер выходит без шляпы.)*

Улица. Паркер и Майкл удаляются.

Другая улица. Паркер один в толпе на тротуаре. В руке Паркера трость с петлей.

Он очень волнуется.

Видит даму с собачкой. Вынимает колбасу. Приближается к собачке. Опускает вниз руку с колбасой.

В это время дама поворачивается к Паркеру. Она очень красивая. Бросает на него ласкающий взгляд.

Паркер смущенно прячет колбасу в карман, уходит, замешкавшись в толпе.

Плотный господин с собакой. Паркер ловчится поймать собаку, но она оказывается на поводке. Почуяв запах колбасы, задерживается. Господин тянет ее, кричит: «Цезарь!», и оборачивается.

В господине Паркер узнает главного бухгалтера конторы «Грей и К°».

Паркер панически ныряет в толпу.

Уголок сада. Паркер сидит на скамейке, опустив голову. Чертит палкой на песке. Проходят парочки.

Звучит «симфония любви».

Бредет старуха. За ней ковыляет дряхлая болонка.

Паркер бросает болонке кусок колбасы. Болонка останавливается. Нюхает, но не может есть — у нее намордник. Паркер хватает собачку. Та визжит.

Старуха оглядывается, кричит.

Старуха. Кадо! Кадошка! Ах! Боже мой! Что вы делаете с моей собачкой?

Паркер *(с собакой на руках, растерявшись)*. Простите... Я очень люблю собак...

Старуха. Но вы так грубо схватили ее! Вы хотели ее украсть! Держите его!

Собирается толпа.

Паркер, бросив собаку, бежит.

Крики из толпы:

— Держи! Держи вора!

Паркер убегает. Его преследует все увеличивающаяся толпа. Свистки полицейских. Они также присоединяются к погоне.

Паркер бежит, наталкивается на встречных прохожих. Выбегает на улицу, внося беспорядок в движение автомобилей.

Свистки, гудки, крики.

Обегая остановившийся автомобиль, Паркер заворачивает за угол. Видит парикмахерскую и влетает в нее.

Через некоторое время появляется толпа. Бежит мимо парикмахерской.

Парикмахерская. Все кресла заняты.

Окончив брить и стричь, парикмахер снимает полотенце с клиента и встряхивает. Клиент поднимается с кресла.

Влетает запыхавшийся Паркер. Вырывает из рук парикмахера полотенце, наматывает на шею и садится в кресло.

Парикмахер. Позвольте... Это полотенце было в употреблении.... Я дам...

Паркер *(задыхаясь)*. Ничего... сойдет... спешу... на поезд... По... побрейте меня...

Парикмахер. Но... вы гладко выбриты...

Паркер. Я бреюсь два раза в день... Пожалуйста, поскорей! *(В нетерпении хватает кисточку и намыливает все лицо.)*

В парикмахерскую вбегают полицейские и двое из толпы, бегло осматривают помещение и выбегают.

Паркер видит их отражение в зеркале, облегченно вздыхает.

В широкое окно видно, как мимо парикмахерской пробегает толпа.

Парикмахер *(окончив бритье)*. Готово.

Паркер *(не поднимаясь с кресла и опасливо поглядывая на окно)*. Теперь... пожалуйста, вымойте мне голову.

Парикмахер моет. Вымыл.

Паркер. Теперь... постригите меня.

Парикмахер. После мойки?

Паркер. Потом можно будет еще помыть. Спешу *(поперхнулся)*, то есть я так привык...*(Смотрит в окно.)*

Парикмахер, наконец, снимает с Паркера простыню.

Паркер идет к выходу. Все еще опасливо поглядывает на окно.

Перед ним возникает, как белое видение, сказочно-прекрасная девушка в белом халате. У нее золотистые волосы и лучистый взгляд. Она приветливо улыбается ему.

Паркер как зачарованный смотрит на нее, забыв обо всем.

Лицо Паркера крупным планом. Мимическая игра: удивление, восхищение, восторг...

Мэг Моррис *(улыбается все шире, видя восхищение Паркера)*. Не хотите ли сделать маникюр?

Паркер *(не понимает, не слышит. После паузы)*. Как?

Мэг *(громче, как глухому)*. Не хотите ли сделать маникюр?

Паркер. Ах да, да! Маникюр! Я никогда не делаю маникюр. Пожалуйста, прошу вас! *(Протя-*

гивает ей пальцы с таким видом, словно готов отдать их на отсечение.) С величайшим удовольствием!

Паркер и Мэг садятся друг против друга за маленький столик с расположенными на нем инструментами и принадлежностями для маникюра.

Мэг *(ловко приступает к работе. Громко говорит)*. Вы очень запустили свои ногти.

Паркер. Да, да... простите! Этого больше никогда не будет. Но почему вы так громко говорите?

Мэг. Потому что вы не ответили на мой вопрос и я думала, что вы глухой.

Паркер. Нет, нет, я не глухой. Я только немножко... *(Горячо.)* Я готов делать маникюр... по пятьдесят раз в день, если только вы станете заботиться о моих ногтях.

Парикмахерская преображается. Лязганье ножниц превращается в щелканье соловьев, халаты парикмахеров — в кусты цветущей белой сирени. Матовая лампа под потолком — в луну. Паркер и Мэг окружают кусты белой сирени. Мощно звучит «симфония любви».

Паркер *(мечтательно)*. Как хорошо пахнут эти цветы сирени!

Мэг. В нашей парикмахерской всегда употребляют одеколон «Сирень».

При этих словах видение исчезает.

Мэг *(орудуя блестящими инструментами)*. Вы, по-видимому, очень стремительный человек. Когда вы вбежали, я даже испугалась. Можно было подумать, что вас преследовала стая собак.

Паркер. Собак? Да, были и собаки. За мной гнались. Я подвергался большой опасности.

Мэг. Что же или кто был причиной этого?

Паркер. Вы!

Мэг *(на мгновение прекращает работу)*. Я?

Паркер. Да, вы, хотя я еще не знал вас, когда бежал по улице. Дело в том, что за мной гнались из-за собаки, которая пристала ко мне... или я к ней... из-за вас... ради вас!

Мэг *(смеется)*. Собака пристала из-за меня, вы пристали к собаке ради меня, хотя меня еще не знали... Ничего не понимаю! Вы говорите загадками. Если можно, объясните мне.

Паркер. Объяснить? Это не так легко. Я мечтал о вас, еще не зная вас. Ваш образ смутно снился мне во сне. Я хотел и боялся встретиться с вами, прежде чем...

Мэг. Простите, я, кажется, обрезала вам палец. Сами виноваты! Говорите несуразное. Сейчас смажу йодом.

Паркер. Ничего, ничего! Пожалуйста, режьте! Режьте! А если хотите разгадать загадки, которые я вам загадал, то... то, быть может, в свободный день вы согласитесь... Я был бы счастлив повидаться с вами в саду... Согласны?

Мэг. Согласна.

Парикмахерская превращается снова в цветущий сад. Белые кусты сирени танцуют, кружатся. Звучит «симфония любви».

Голос Паркера. Как ваше имя?

Голос Мэг. Маргарита Моррис. Короче — Мэг.

Голос Паркера. Мэг! Мэгги! Мэг! Мэгги! Мэдж! Мэджи!

Звучание «симфонии любви» достигает своего апогея.

Улица. Паркер спешит домой, не чувствуя под собой ног. На лице блаженная улыбка. Он на седьмом небе.

Беспрерывно звучит «симфония любви».

Он восклицает:

— Мэг! Мэгги! Мэдж! Мэджи! Мэгги! Мэджи!

Победоносно смотрит на проходящих женщин.

— Мэг лучше! Моя Мэгги лучше!

Бедно одетая девочка продает цветы.

Паркер гладит ее по головке.

Паркер. Милый ребенок! Я возьму у тебя все цветы с корзиной! Для моей Мэг! Получай деньги!

Берет корзину с цветами и бежит дальше, повторяя: «Мэг, Мэгги».

Проходит через сад.

Видит маленькую собачку, которая мечется, — потеряла хозяина.

Паркер оглядывается. Безлюдно. Приманивает собачку колбасой и берет на руки. Бежит дальше.

Комната Майкла. Майкл, нагнувшись, кормит худую собаку. Стук, дверь открывается.

Входит Паркер. В левой руке собачка, в правой — корзина с цветами.

Майкл *(поднимаясь навстречу другу)*. Поздравляю с удачей! Вы видите, дело несложное.

Паркер. Благодарю, Майкл. Такая удача... Я безумно счастлив! Ах, дорогой Грот, мечта! Какие у нее глаза, какие волосы!

Майкл *(смотрит на собаку)*. Глаза как глаза, а шерсть... Зачем это вы корзину цветов принесли?

Паркер. Для нее. Для моей Мэг, Мэгги, Мэдж!

Майкл. Это ее кличка? Цветы для собаки? Вы с ума сошли, Джон!

Паркер. Это вы с ума сошли, Майкл. Не для собаки, а для моего сокровища, моей Мэг, моей невесты! Да-да! Она будет моей невестой, моей женой! Какие глаза, нос, волосы... Ни у кого таких нет... Поставьте, пожалуйста, цветы в воду и накормите собачку. *(Спускает на пол собаку, отдает букет.)*

Майкл ищет, куда бы поставить цветы. Наливает воду в таз, кружку, тарелку, ведро. Кладет в них цветы.

Майкл. Значит, кончено, Джон? Нокаутирован? Положен на обе лопатки?

Паркер. Да, Майкл. Полный нокаут, от которого не могу прийти в себя. Я безмерно счастлив, Майкл! *(Бросается к нему и обнимает. Майкл освобождается от его объятий.)*

Майкл. А ваши счеты и расчеты? Счастье — это деньги. Так, кажется, вы сами говорили?

Паркер. О, я готов рыть землю руками, схватить жизнь зубами за горло, но я достану денег! Я не могу ждать, Грот. Я пойду на работу! Только

не собаки... Эту я как-то случайно поймал. Зато и меня едва не поймали. Суд, тюрьма... тогда все пропало! Надо искать другой заработок.

Майкл. Поищите. Может быть, на тротуаре валяется. *(Кормит собаку Паркера.)* А собачка ничего. Эту вы отведите к доктору Никольсу. Я дам адрес. Он делал объявление, что ему нужны собаки. Обещает хорошую плату.

Паркер. Да, да. Спасибо. Отнесу... Майкл, если бы вы ее видели! Ее глаза, ее волосы, ее...

«Симфония любви». Цветущая белая сирень. Среди цветов — лицо Мэг.

Приемная врача Никольса. На венских стульях и диванах сидят пациенты — старики и старухи.

Возле входной двери, за столиком, госпожа Вуд, домоправительница и кассирша врача Никольса. Ей лет пятьдесят. Крашеные черные волосы, вставные зубы. Злые глаза и фальшивая любезная улыбка.

Входят новые пациенты. Вуд записывает их и принимает деньги.

Вуд. Массовый гипноз — пять, индивидуальный — двадцать пять. Повторные визиты — половина.

Старик *(опирается на палку. Руки дрожат. Подходит к Вуд, спрашивает)*. А какая разница, скажите, пожалуйста, между массовым и индивидуальным гипнозом?

Вуд. В смысле результатов — никакой. Дело в удобстве. При массовом гипнозе некоторые лица, одним словом трудно поддающиеся внушению, не засыпают. Приходится оставаться на следующий сеанс... Вы на индивидуальный?

Старик *(в нерешительности)*. Но... это поможет?

Вуд *(внушительно)*. Посмотрите на меня. Мне семьдесят два года и три месяца. А кто даст мне больше пятидесяти? Я была совершенно дряхлая, седая старуха, и профессор Никольс омолодил меня.

Старик. Неужели даже волосы?..

Вуд. Даже волосы, представьте. Из благодарности я осталась у него работать. Безвозмездно... Вам индивидуальный?

Старик. Пожалуйста! *(Уплачивает деньги и садится. Соседке старухе.)* Вы тоже... омолодиться?

Старуха. Да. Я преподавательница музыки. В последнее время пальцы не слушаются меня *(с трудом шевелит пальцами)*, и я теряю учеников. Про господина Никольса рассказывают настоящие чудеса.

Лысый старик. А по-моему, все это одно шарлатанство.

Старик. Зачем же вы пришли сюда?

Лысый старик. Утопающий хватается за соломинку.

Вторая старуха. Никакого шарлатанства. Профессор Никольс предупреждает, что наука не может вернуть молодости, но что внушение поднимает бодрость, жизненный тонус, жизнерадостность. И действительно. С тех пор как я стала посещать сеансы, чувствую себя превосходно. Ведь мы часто сами старим себя!

Вуд *(новому пациенту, сильному, крепкому рабочему с седой головой)*. Индивидуальный — двадцать пять, массовый — пять.

Рабочий. На все двадцать пять! *(Платит, усаживается.)*

Старик. А вы сюда зачем, дружище? Такой геркулес!

Рабочий *(шумно вздыхая)*. Геркулесов с седой головой не берут на работу.

Лысый старик. В таком случае внушение надо делать не вам, а предпринимателям, чтобы они приняли вас на работу. *(Смеется.)*

К Вуд подходит новый пациент — третий старик.

Вуд. Кажется, повторный?

Третий старик. Да, да! Здравствуйте! Прошу вас. *(Кладет деньги.)* Двенадцать пятьдесят?

Вуд. Совершенно верно!

Третий старик идет к стулу. В это время Вуд, вместо того, чтобы положить полученные деньги в кассу, быстро и незаметно прячет их в свою сумочку.

Дверь в кабинет открывается. В дверях врач Никольс в белом халате. Высокий, представительный, лет тридцати пяти.

За ним в белом халате его ассистентка Элис Юнг, тоже высокая, миловидная.

Несколько человек поднимаются и спешат в кабинет.

В то же время из другой двери выходит толпа пациентов — стариков и старух — после массового гипноза. Их лица радостны, возбуждены, движения не по годам бодры и быстры. Они проходят в переднюю со словами:

— Замечательно!

— Я чувствую себя великолепно!

— Право, на двадцать лет моложе стал!

Какой-то старичок галантно предлагает старушке руку, но она отказывается с любезной улыбкой...

Кабинет Никольса для индивидуального гипноза. Небольшая комната. Пол покрыт ковром. Гардины. Полумрак. Удобное мягкое кресло с откинутой спинкой. В кресле полулежит второй старик. Глаза его закрыты.

Перед ним Никольс. Рядом Элис. Она делает ладонью легкие пассы на лбу пациента.

Никольс *(продолжая внушение)*. И вы будете чувствовать себя бодро... через неделю придете для повторения сеанса... а теперь слушайте: когда моя ассистентка сосчитает до десяти, вы проснетесь. *(К Элис. Тише.)* Начинайте, Элис!

Элис *(считает довольно быстро)*. Раз... два... три...

Никольс *(быстро говорит ей)*. Медленнее, Элис...

Элис. Четыре... Пять...

Никольс. Еще медленнее. Я же говорил вам,

что если пробуждение произойдет слишком быстро, у пациента появятся боли в лобной части мозга...

Элис *(очень медленно)*. Шесть... семь... восемь... девять... десять.

Пациент просыпается. Встает.

Никольс. Ну, как вы себя чувствуете?

Второй старик. Отлично. Благодарю вас! Я давно уже не чувствовал себя таким бодрым. *(Берет палочку, которая лежала на подлокотнике кресла.)* Теперь мне и палочка не нужна. Откуда силы взялись! Еще раз благодарю вас. *(Кланяется и уходит, держа палку в руках.)*

Никольс *(в открытую дверь)*. Кто еще?

Входит рабочий.

Рабочий. Извините, я уступил свою очередь... Как-то... боязно.

Никольс *(смотрит на его богатырское сложение)*. Безработный?

Рабочий. Да.

Никольс. Я так и думал. *(Вынимает из бумажника деньги и дает рабочему.)* Возьмите деньги, которые вы уплатили за визит...

Рабочий. Но, господин профессор...

Никольс. Я не профессор, а только врач. Возьмите же деньги! Я догадываюсь, почему вы пришли ко мне. Купите на эти деньги лучше краски для волос. *(Сует ему деньги в руку.)* Быть может, это вам скорее поможет. Гипнозом не лечат социальные болезни. *(Добродушно.)* Ну, идите же, идите. *(Выпроваживает его. Обращается к Элис.)* Вот на сегодня и все. Устали?

Элис. Нисколько.

Никольс. А я, признаюсь, немножко устал. Прошлую ночь почти всю проработал.

Элис. Над чем?

Никольс *(медлит с ответом, закуривает папиросу)*. Много будете знать, скоро состаритесь.

В дверь заглядывает Вуд.

Вуд. Пациенты все. Я буду гасить огни, господин Никольс.

Никольс. Пожалуйста. Да! Госпожа Вуд, приходящая прислуга уже ушла?

Вуд. Да.

Никольс. Я не успел сказать ей, чтобы она убрала в моей лаборатории. Будьте так любезны, госпожа Вуд, привести в порядок...

Вуд *(возмущенно пожимает плечами, но с неизменной улыбкой)*. Но я не прислуга, господин Никольс.

Никольс. Простите, пожалуйста. Я только очень просил вас сделать одолжение, но если вы...

Вуд *(сердито)*. Уберу! *(С шумом захлопывает дверь.)*

Пауза.

Элис. Она, кажется, недолюбливает вас.

Никольс. Глупа и самолюбива. Когда пришла ко мне несколько месяцев тому назад, была без гроша. Я пожалел ее. Дал ей место домоуправительницы и кассирши. В сущности, синекура. Простите, я болтаю с вами, а вам, может быть, давно пора домой.

Элис. Я мешаю вам?

Никольс. Нет, нисколько, но...

Элис. Я не спешу. *(С некоторой грустью.)* Меня никто не ждет дома. *(Пауза.)* Господин Никольс, мне хотелось поговорить с вами, если вы не очень устали...

Никольс *(с некоторым удивлением и интересом)*. Пожалуйста. О чем?

Элис *(смущаясь)*. Я ваша ассистентка... Вы прекрасно могли бы обойтись без меня. Но закон требует, чтобы лечебные сеансы гипноза производились в присутствии по крайней мере двух врачей. Для вас я вынужденный накладной расход, и только. Но... я хотела бы быть вам полезной... Вот вы сказали, что работали всю ночь... Вы чем-то занимаетесь. Что-то скрываете от меня. Я, конечно, не имею права спрашивать, чем именно. Но мне так хотелось бы чем-нибудь оправдать те деньги, которые вы платите мне за это глупое формальное ассистентство... Да, да, вы ведете какую-то науч-

ную работу. У вас есть лаборатория. Оттуда иногда доносится лай собак. Недавно я прочитала в газете ваше объявление о том, что вы покупаете собак. Конечно, для опытов. Почему вы никогда не говорите мне о вашей работе? Вы не доверяете мне?

Никольс *(любуясь ею)*. Уважаемая и милая Элис Юнг! Вы обижаетесь на то, что я мало эксплуатирую вас?

Элис *(улыбаясь)*. Хотя бы...

Никольс *(качая головой)*. Вы вполне отрабатываете деньги, которые получаете. Они невелики. Нагружать вас другой работой не собираюсь, а платить дополнительно не могу. Только и всего.

Элис. Ни о какой дополнительной плате не может быть и речи. Я интересуюсь научной работой и... *(Смущается, замолкает.)*

Никольс *(в раздумье смотрит на нее, потом говорит)*. Моя работа...

Дверь открывается. Входит журналист Битл.

Битл. Добрый вечер, господин Никольс! Здравствуйте, госпожа Юнг!

Никольс и Юнг с удивлением смотрят на него.

Битл. Извините за мое вторжение, которым я обязан любезности госпожи Вуд.

Никольс. Что вам угодно?

Битл. Моя фамилия Битл. Журналист. Представитель газеты «Времена суток». Надеюсь быть вам полезным. Реклама необходима для процветания всякого дела...

Никольс. Я не нуждаюсь в рекламе.

Битл. Есть реклама и реклама. Я мог бы написать очерк, рассказ. Привести несколько примеров чудесного омоложения при помощи гипноза кудесником нашего времени доктором Никольсом...

Никольс подходит к столу и нажимает кнопку звонка.

Входит Вуд, немного взволнованная, но улыбающаяся.

Никольс. Госпожа Вуд! Вы имели любезность направить сюда без доклада...

Вуд. Я не швейцар, господин Никольс...

Никольс. ...господина Билта...

Битл. Битл, Битл, господин Никольс, а не Билт...

Никольс *(не слушая его, продолжает, обращаясь к Вуд)*. Имейте же любезность и проводите его до выходной двери.

Вуд и Битл вспыхивают от гнева.

Битл. Ах, вот как! Честь имею кланяться! До скорого свидания на страницах «Времена суток»! Не моя вина, если это свидание будет не особенно теплым!

Вуд и Битл уходят.

Никольс. Разбойник пера! Не терплю этих негодяев. *(Подходит к стене и включает вентилятор.)* Фу! Проветрить комнату.

Элис. Может быть, не надо было так круто обходиться?

Никольс. Э! Что он мне сделает? Кто читает их гнусную газету? Идемте в лабораторию, госпожа Элис.

Лаборатория Никольса. Небольшая комната, заставленная грубо сколоченными столами, клетками с собаками, аппаратурой. Самодельный циклотрон. Провода. На полке — банки, техническая посуда.

Никольс и Элис входят.

Никольс. Вот моя священная обитель. Входя сюда, я отряхиваю прах с ног своих, прах всех житейских мелочей и неурядиц. Сеанс гипноза — это лишь необходимость. Надо же чем-нибудь жить. Опыты, аппаратура очень дорого стоят. Деньги! Деньги!

Никольс подходит к клеткам с собаками. Собаки радостно встречают его. Он гладит их сквозь прутья решетки, угощает, называет по имени: «Стелла», «Пик»...

Никольс. Элис, обратите внимание на эту старушку Стеллу. Совершенно дряхлая собака, не правда ли?

Элис. Вы производите опыты омолаживания животных при помощи гипноза?

Никольс *(смеется)*. Угадали наполовину. Омолаживаю, но не гипнозом.

Элис. Ну вот видите, какая я глупая.

Никольс. Почему? Ничуть не глупая. О подобных опытах мало кто знает.

Элис. Что же это за опыты?

Никольс. Потенцирование, укрепление организма путем введения в него искусственных радиоэлементов. В теле человека создается постоянный очаг лучистой энергии, которая и поднимает все функции организма на высшую ступень.

Элис. И каковы результаты опытов?

Никольс. Неплохие, а перспективы изумительные. Пока я делаю опыты над животными, но скоро перейду и к опытам над людьми. Подумайте только! Потенцирование уничтожает усталость, укрепляет одряхлевший организм. Даже сон станет не нужен. Какие горизонты это открывает для повышения производительности труда, укрепления национальной обороны, для борьбы со старостью! Рабочие, солдаты, летчики, не знающие усталости, не нуждающиеся в сне! Великие люди, с новой энергией продолжающие свою деятельность политика, ученого, писателя!

Элис. Да, все это изумительно. И вы работаете один?

Никольс. Увы, один. Я пытался привлечь к работе некоторых наших крупных ученых. Одни отнеслись с недоверием, другие пытались присвоить себе всю честь. Это бы еще не беда, но они хотели сделать потенцирование источником личного обогащения. На этом действительно можно нажить миллионы, потенцируя богатых людей. Но я хочу сделать потенцирование общим достоянием и не собираюсь брать патента. Потому-то я и не хочу ни с кем связываться, не хочу быть кому-нибудь обязанным.

Элис. Даже мне? В моей скромной помощи, которую я предлагаю?

Никольс. Милая Элис, но зачем вам это? Мой путь — путь новатора, путь удач и неудач, путь борьбы, быть может и жестокой. Зависть и тупость погубили не одного благодетеля человечества. Зачем же вам связывать свою судьбу с моей, вступать на этот тернистый путь? *(Сердечно.)* Элис!. Я скрывал от вас эту сторону моей жизни потому, что... берегу вас, вашу жизнь!

Элис *(грустно)*. И этим причиняете мне боль. Моя жизнь... Кому она нужна? Что она стоит? Неужели вы не понимаете, какое для меня было бы счастье отдать жизнь на дело, которое может облагодетельствовать человечество! И если бы я могла быть полезна вам... вам лично...

Никольс *(смотрит на нее, колеблется)*. Благодарю вас, Элис, но...

Элис *(горячо)*. Но если я этого хочу? Если я прошу вас об этом?

Никольс *(после паузы)*. Хорошо! Пусть будет по-вашему! *(Подает руку, Элис радостно протягивает свою.)* Благодарю. Признаться, ваша помощь очень и очень облегчит мою работу. Но не обвиняйте же меня, если...

Элис. Что бы ни случилось, я не оставлю вас.

Угол сада. Вечер. Огни фонарей. Звуки музыки переплетаются с «симфонией любви».

Паркер в волнении ходит возле садовой скамьи. Ежеминутно смотрит на часы-браслет. Всматривается в лица проходящих женщин. Его лицо крупным планом. Мимическая игра. Напряженное ожидание, вспышка надежды, радости, разочарование, вновь ожидание... Показывается Мэг.

Паркер. Она! Мэг! Моя Мэгги, Мэджи!.. *(Спешит ей навстречу.)*

Мощно звучит «симфония любви». Дальнейшие кадры сменяются мягкими наплывами, как отрывки чудесного сна. В их показе есть что-то нереальное, словно сквозь розовую дымку.

Паркер идет по дорожке под руку с Мэг. Он на седьмом небе от счастья...

Паркер и Мэг перед паноптикумом Сантано.

У входа в паноптикум появляется его владелец, Сантано, в сером костюме, с сигарой в зубах. По внешности напоминает Наполеона III. Он рассеянно оглядывает толпу и скрывается в дверях паноптикума. Паркер, занятый своей Мэг, не замечает его.

Паркер. Зайдем, Мэг, в паноптикум.

Мэг. Зайдем, Джон.

Паркер и Мэг в паноптикуме. Проходят перед стеклянными ящиками с восковыми фигурами «знаменитых красавиц мировой истории».

Паркер читает надписи.

Паркер. Прекрасная Елена... Моя Мэг лучше... Аспазия... Моей Мэгги в подметки не годится... Клеопатра...

Мэг. Со змейкой? Какой ужас... Как живая. Правда? Как живая! Даже грудь дышит.

Паркер. Да, изумительно сделано. Прекрасная Елена... Но ты прекраснее всех, и ты дивная, моя Мэг, Мэгги, Мэджи, моя Клеопатра, Елена, Аспазия, моя крошка...

Паркер и Мэг на каруселях, в лодке, запряженной лебедями. Музыка.

Паркер и Мэг в той же лодке, с лебедями в облаках.

Паркер. Я не на земле, я на небе! Я на седьмом небе, моя Мэг, Мэгги...

Танцевальная площадка. Паркер и Мэг танцуют в толпе.

Но пары исчезают. Все исчезает. Остается только Паркер, танцующий с Мэг в розовом тумане.

Паркер ведет Мэг в темную аллею. Мэг слабо упирается.

Небольшая борьба: он — в темноту, она — к свету.

Паркер. Ну, умоляю тебя! Пойдем! Пойдем туда!

Мэг. Зачем же туда? Лучше на танцевальную площадку. В аллее темно.

Паркер. Зачем же на танцевальную? Мы уже танцевали. Пойдем, умоляю тебя, посидим там ми-

нуточку... *(Показывает на скамью, на которой парень целовал когда-то девушку.)*

Мэг сдается. Идут.

Мэг и Паркер сидят на скамейке и целуются. Звучит «симфония любви». На длительном поцелуе — музыкальное фермато. Все покрывается розовым туманом.

Склады. Тяжелые двери. Огромные замки. Будка сторожа. Ночь. Лунный свет то пробивается сквозь облака, то меркнет. «Счетоводная симфония» чередуется с «симфонией любви».

Паркер сидит на ящике возле будки. Перед ним собачка, которую он нашел в саду.

Паркер дает ей кусочки колбасы и разговаривает с ней.

Паркер. Ешь, Мордашка, ешь! Нашел я тебя в счастливый день, дружище, и никому тебя не продам... Ешь! Нам с тобой ночь не спать — чужое добро сторожим, деньги зарабатываем. Ешь!

«Счетоводная симфония» громче.

Паркер. Устал... В голове еще конторский шум... Спать как хочется! А еще целая ночь впереди... *(Глаза прикрываются, голова свисает на грудь. Встряхивает головой. «Симфония любви». Мэг в ореоле. Паркер резко поднимает голову, открывает глаза.)* Мэг! Мэгги! Мэдж!.. Вот и буду так твердить до утра, чтобы не уснуть... Мэг! Мэгги! Для тебя! Помоги мне не спать, Мэг! *(Встает, ходит с собачкой. Снова садится. «Счетоводная симфония». Склоняет голову на грудь. Вскакивает. Садится. Смотрит на луну. Пальцами раскрывает веки, чтобы они не слипались.)* Мэг, Мэг, Мэг... *(Снова засыпает. Сладко похрапывает. Собака ворчит, лает. Но Паркер продолжает спать, прислонившись к будке.)*

Входит человек в кепке, ударяет Паркера по плечу. Паркер вскакивает и обалдело смотрит на него.

Человек в кепке. Так-то вы сторожите? Спите?

Паркер. Я... Мэг... Ничуть!

Человек в кепке. Ничуть! Храпели, как ло-

шадь. Можете уходить. Таких сторожей нам не нужно.

Паркер. Простите... Но... *(Безнадежно машет рукой.)* Идем, Мордашка! Нас выгнали. И ты тоже! Хоть бы залаяла!

Комната Майкла.

Паркер с газетой в руках. Возле него Мордашка. Майкл со своей тростью. Они стоят друг против друга и возбужденно разговаривают.

Майкл. Но вы сломаете себе шею, сумасшедший!

Паркер. Пусть — один конец.

Майкл. Калекой станете.

Паркер. Мэг чудесная девушка. Она так любит меня, и если даже я стану калекой, уродом, не бросит. Другого выхода нет. Я не могу больше ждать, Майкл. Что еще мне остается? Пробовал вечерами перевозить мебель на тележке — выгнали. Говорят — слабосилен, быстро устаю. Пробовал ночным сторожем служить, снова выгнали. Уснул, утомленный работой в конторе. Никуда не годен. А тут и силы не надо. Одно из двух: либо сразу разобьюсь, либо буду хорошо зарабатывать и всего за каких-нибудь полчаса в вечер.

Майкл *(сердито машет арканом на палке)*. Идите! Ломайте себе шею, руки и ноги, несчастный влюбленный!

Паркер. Благодарю за доброе пожелание, Майкл! Идем, Мордашка, ломать себе шею! *(Выбегает с собакой.)*

Майкл *(бросается к двери, кричит вслед)*. Паркер! Джон Паркер!.. Убежал как бешеный. Вот это любовь! Жаль парня! *(Со вздохом.)* Деньги, деньги! Кто вас выдумал?..

Арена цирка. Публики нет. Полусвет. На трапециях упражняются акробаты — женщина и мужчина. С резким, как крик чайки, гиканьем они перепрыгивают с одной трапеции на другую.

Униформисты подкатывают к манежу пушку. Ими распоряжается Шмит, пожилой мужчина в пиджачном костюме.

В углу арены пугливо жмутся пришедшие по газетным объявлениям молодые люди. У многих истощенные лица. Впереди Паркер. Он волнуется не меньше других, но бодрится.

Шмит *(говорит с иностранным акцентом. К акробатам)*. Эй! Два-Альби-два! Очистить манеж!

Артисты соскакивают с трапеции, спускаются по канату и отходят за барьер. Униформисты натягивают над манежем сетку.

Шмит *(к толпе молодых людей)*. Вы все пришли сюда по газетному объявлению? Очень хорошо. Никакого риска и никакой выучки. Только немножко смелость. Человек-снаряд — лежи себе в пушке, как пуль. Пушка стреляет, человек-снаряд падает в сетку. И все. Взвесились на весах? Все? Очень хорошо. Кто желает первый?

Паркер *(выходит)*. Я!

Шмит. Очень хорошо. Идите к пушке.

Паркер идет. Игра. Его одолевает страх. Дрожащими губами шепчет: «Мэг! Мэгги!»

Дуло наклоняют. Засовывают Паркера в дуло.

Его испуганное лицо крупным планом. Перед тем как скрыться в дуле, тихо восклицает: «Мэг!» — скрывается.

Дуло поднимают вверх. Часть униформистов бежит на противоположную сторону манежа, куда должен упасть человек-снаряд.

Выстрел, огонь, дым.

Паркер вылетает из пушки, описывает дугу над манежем.

Перелет. Паркер падает на самый край сетки, сетка подбрасывает его, после чего он падает на руки подхвативших его униформистов.

Они ставят его на манеж, но он падает.

Толпа кандидатов на роль человека-ядра быстро тает.

Шмит *(спешит к лежащему Паркеру, приподнимает, осматривает его)*. Совершенно ничего. Все в порядке. Только испуг. Воды!

Паркеру дают воды. Он встает. Болезненно улыбается.

Шмит *(хлопает его по плечу)*. Очень хорошо. Небольшой перелет. Дуло низко поднято. Сейчас будет лучше. Идите к пушке.

Паркер *(слабо говорит, ощупывая себя)*. Может быть... позволите отдохнуть... я...

Шмит. Просто вы есть трус. Трус негоден. Следующий.

К Шмиту подходит один из артистов в пальто и цилиндре.

Артист. Я вам говорил, господин Шмит, что из этого ничего не выйдет. Взяли бы вы из своих...

Шмит *(сердито)*. Я знаю, что делаю. Свои дорого, а этих я... Следующий!

Из толпы выходит истощенный юноша.

Шмит *(юноше)*. Вы тоже негоден. Очень слабый. Следующий!

Паркер *(пошатываясь, проходит за ложи, отвязывает собаку)*. Пойдем, Мордашка! *(Выходит.)*

Стена возле цирка. Паркер сидит на ящике. Рядом собака. Он ощупывает себя и говорит собаке:

— Опять не вышло, Мордашка! Майкл прав. Придется снова взяться за собак. Тюрьма так тюрьма. Мэг не бросит. Поймет, ведь это все для нее... Что же с тобой делать, Мордашка? Ты уж извини, но придется отвести тебя к доктору Никольсу. Ради Мэг я готов продать не только друга, но и самого себя... *(С трудом встает.)* Идем, Мордашка!

Медленно идет, ведя собаку на поводу, сгибается, хватаясь за живот.

Снова лаборатория Никольса. Возле клеток с собаками — Никольс и Элис.

Никольс *(показывает Элис клетку с собакой)*. Вот полюбуйтесь, Элис, на известную уже вам старушку Стеллу.

Элис *(смотрит на живую, веселую, бодрую собаку)*. Но это другая собака, господин Никольс. Та едва стояла на ногах, а эта весела и жива, как здоровый щенок.

Никольс. И тем не менее это та же собака! Стелла! *(Собака весело лает и прыгает. Никольс ла-*

скает ее.) Ведь это ты, старушка Стелла? Ты помолодела, не правда ли?

Элис. Изумительно.

Никольс *(Элис)*. Вот что делает потенцирование, Элис!

Элис. Вы сделали величайшее открытие! Вы...

Никольс. Еще не совсем сделал, но близок к этому. Опыты над животными считаю законченными. Можно переходить к опытам над людьми.

Элис. Господин Никольс! Можно вас просить об одном одолжении?

Никольс. А именно?

Элис. Я хочу быть первым человеком, над которым вы произведете опыт потенцирования.

Никольс. Благодарю за это предложение. Но это невозможно.

Элис. Но почему? Риск? Для такого дела не жалко рисковать и жизнью.

Никольс. Если бы опыт угрожал жизни, я не решился бы произвести его над человеком, кто бы он ни был. Нет, мой опыт не угрожает жизни. В этом я уверен. Но могут быть побочные последствия. Всего не предусмотришь.

Элис. Тем более...

Никольс. Но ведь вы же моя помощница, Элис! Мне трудно будет обойтись без вас, если с вами что-либо случится.

Элис. Благодарю вас за вашу заботу обо мне. Но если бы вы знали, как мне хочется быть вам полезной... в вашей работе.

Никольс. Довольно обмениваться взаимными любезностями, Элис! Именно потому, что вы...

Дверь лаборатории открывается. Выглядывает госпожа Вуд с неизменной улыбкой, но злыми глазами.

Вуд. Проф... Господин Никольс! К вам опять пришел собачник.

Никольс. Тот, старый боксер? Майкл Грот?

Вуд. Нет, господин Никольс, другой, молодой. Незнакомый.

Никольс *(несколько разочарованно)*. Другой? Молодой? Ну, все равно. Проводите его, пожалуйста, сюда.

Вуд пожимает плечами, кивает головой и уходит.

Элис. Так вы решительно отказываете в моей просьбе?

Никольс *(смеясь)*. Однако я не знал, что вы такая упрямая.

Элис *(смущаясь)*. Это не упрямство...

Никольс. А что же?

Элис смущается еще больше, краснеет.

Входит Паркер с собакой.

Паркер. Здравствуйте. Вы господин... доктор Никольс?

Никольс. Да.

Паркер. Очень приятно. Я привел вам собачку. Готов продать ее. Но только с условием, если вы не будете мучить и резать ее для ваших опытов. Это мой друг, и только крайняя необходимость...

Никольс. Вашему четвероногому другу ничто не угрожает.

Паркер. Тем лучше.

Никольс. Мне не нужны собаки.

Лицо Паркера вытягивается. Он вынимает из кармана газету.

Паркер *(протягивает газету)*. Но я не ошибся... это вы делали объявление в газете?

Никольс. Газете уже несколько дней. Тогда мне нужны были собаки, теперь нет. Вы опоздали.

Паркер *(огорченный)*. В таком случае извините! *(Собаке.)* Нам с тобой опять не повезло, Мордашка. На этот раз наказан поделом за то, что хотел продать своего лучшего друга. Идем, Мордашка! *(Направляется к двери.)*

Никольс. Подождите, господин... собачник!

Паркер *(поворачивается к Никольсу)*. Паркер. Джон Паркер. К вашим услугам.

Никольс. Господин Паркер, а не хотите ли вы сами подвергнуться опыту?

Паркер. Я? Опыту? Откровенно говоря, нет. Я уже подвергался всяческим опытам и неизменно с неудачным исходом.

Никольс *(улыбаясь)*. На этот раз, быть может, исход будет удачный.

Паркер. Нет уж...

Никольс. Притом вы получите хорошее вознаграждение.

Паркер. Со мной удачных случаев не бывает. *(Подумав.)* А в чем состоит опыт? Он не угрожает жизни?

Никольс. Ни в малейшей степени.

Элис. Я сама готова хоть сейчас подвергнуться этому опыту.

Никольс. Вы безработный, господин Паркер?

Паркер. Нет. Я счетовод фирмы «Грей и К°. Подтяжки «Идеал». Получаю сто пятьдесят...

Никольс. Так вот, господин Паркер. Если вы согласитесь подвергнуть себя опыту, то получите сумму, равную вашему шестимесячному окладу.

Паркер *(перед ним мелькает лицо Мэг. Он шепчет)*. Мэг, Мэгги. *(Громко.)* А в чем состоит опыт?

Никольс. Вы примете порошок, подвергнетесь кое-каким манипуляциям. Ничего неприятного. И если опыт удастся — а я уверен в этом, — ваши физические и умственные силы поднимутся в необычайной степени. Вы не будете чувствовать усталости, по всей вероятности, вам не нужен будет и сон. Вы сможете без всякого вреда для здоровья иметь дополнительный заработок, поступить на ночную работу. В состоянии будете работать за двоих, за троих.

Паркер *(слушал Никольса со все возрастающим вниманием)*. За троих! *(Перед ним мелькает лицо Мэг. Девушка как будто поощряет его: «Решайся!»)* Такой опыт вполне устраивает меня. И если все это верно, я согласен, господин Никольс.

Никольс. Отлично! Присядьте на этот табурет. Госпожа Юнг, приготовьте радиоактивный кобальт и приенцин тройной... Аппарат Гейгера-Мюллера...

Паркер. Сейчас? Уже?

Никольс. Зачем же откладывать? Примите эти порошки, запейте водой. Так... Госпожа Юнг, приставьте аппарат Гейгера-Мюллера к груди господина Паркера.

Элис выполняет указания. Паркер волнуется. Шепчет, как заклинания: «Мэг! Мэгги! Мэдж! Мэджи!» Пауза.

Слышно сухое, все учащающееся щелканье аппарата.

Никольс. Отлично! Искусственные элементы насыщают организм. Переместите аппарат к ладоням. *(Щелканье.)* Есть! К ногам! *(Через некоторое время слышится щелканье.)* Великолепно! Организм насыщен.

Элис. Но удержатся ли радиоэлементы?

Никольс. Думаю, что да. Приставьте аппарат к голове. *(Элис выполняет. Слышно частое, равномерное щелканье.)* Вот видите? Вот слышите? Щелканье равномерно и не убывает. Как вы себя чувствуете, господин Паркер?

Паркер. Пока, как всегда, только волнуюсь немножко... Впрочем, нет, не как всегда. Я чувствую, как сила вливается в меня. Голова свежа, словно после хорошего сна... Давно уже у меня не было такой свежей головы. И в теле... какая-то необычайная легкость...

Лицо Паркера словно посвежело, помолодело, глаза заблестели, в них появилась необычайная для него энергия. Паркер сжимает кулаки, расправляет руки, улыбается, встает.

Паркер. Господин Никольс! Я чувствую, как сила переливается в моих жилах! Мне хочется танцевать, прыгать! Я словно стал другим человеком.

Никольс *(с улыбкой удовлетворения смотрит то на Паркера, то на восхищенную Элис)*. Очень рад! Очень рад, господин Паркер. Опыт удался! И прекрасно удался. Вот вам еще вознаграждение. *(Вынимает из кармана бумажник, подсчитывает и дает Паркеру деньги.)* Пересчитайте. Правильно?

Паркер *(берет деньги, не считая и не веря своему счастью)*. Господин Никольс! Вы сделали меня счастливейшим человеком!

Никольс. В этом заключалась цель опыта, господин Паркер. Сделать счастливейшими тысячи, миллионы людей. В добрый час! Прошу вас в первое время являться ко мне каждые пять дней. Надо проверить результаты опыта. Это в ваших же интересах.

Паркер. Все, что вы потребуете, господин Никольс! Спасибо! Идем, Мордашка! Наконец-то и на нашей улице праздник!

На другой день.

Контора «Грей и К°». Конец рабочего дня. Обычный шум и треск, но без музыкального сопровождения «счетной симфонии». Все служащие утомлены до предела.

Только один Паркер свеж и бодр. Ни малейшего признака утомления. Он с веселым видом энергично вертит ручку арифмометра, быстро записывает, снова вертит.

Темп его работы вызывает удивление окружающих.

Главбух *(хмурится, глядя на уставшего комптометриста, который явно снижает темп работы. С одобрительной улыбкой переводит взгляд на Паркера. Громко и грозно обращается к комптометристу)*. Господин Бер! О чем вы думаете? *(Комптометрист начинает быстро выстукивать цифры на комптометре.)*

Главбух *(Паркеру)*. А вы, господин Паркер, сегодня отлично работаете. Если так будете продолжать, можете рассчитывать на прибавку. Мы умеем ценить прилежание.

Паркер расцветает от неожиданной похвалы, кивает головой и продолжает работать еще быстрей.

Машинистки уже заискивающе улыбаются ему. Но он отвечает им холодным взглядом — теперь-де вы мне не нужны!

Звонок. Конец занятий. Счетоводы убирают работу. Лишь Паркер продолжает крутить ручку

арифмометра, пока контора не пустеет. Уходит и главбух. Тишина.

Паркер поднимается, расправляет руки, делает гимнастику, напевает песню. Силы распирают его.

Комната Майкла.

Вбегает Паркер. Он неузнаваем. Бодр, весел, жизнерадостен.

Паркер. Победа, победа, победа! Где вы пропадали? Я еще вчера заходил к вам, хотел похвалиться успехом. *(Вынимает пачку денег и показывает Майклу.)* Видали?

Майкл. Где-то когда-то видел нечто подобное... И даже пачки потолще. Когда срывал лавры боксера. Но Черный Джим переломал мне кости, и с тех пор, увы... Поздравляю, Джон Паркер, человек-снаряд. Я, признаться, ожидал увидеть вас на костылях.

Паркер. Я был недалек от этого, Майкл, но деньги я заработал не в цирке. *(Хлопает по пачке денег.)* Тут на полгнездышка хватит! *(Прячет деньги.)* Но это не все, Майкл...

Майкл. Уж не связались ли вы с бандитами ради прекрасных глаз Мэг!

Паркер. Нет, Майкл, нет! Со мной такое случилось... *(Вертится.)* Все расскажу. Сейчас спешу. Иду наниматься на ночную работу.

Майкл. На ночную работу? Вы?

Паркер. Да, я, мой друг! Завтра утром сделаю вам подробный доклад. Покойной ночи!

Паркер убегает пританцовывая.

Майкл *(качает головой)*. Словно подменили человека! Уж не спятил ли он с ума?

Контора в полуподвальном помещении. Стол. На столе кипы мануфактуры, сантиметр, счетоводные книги. За столом мастер — лысый человек в жилете, с очками на носу. Он считает на счетах. Входит Паркер.

Паркер. Добрый вечер.

Мастер *(бросает взгляд поверх очков)*. Сейчас! *(Щелкает на счетах, записывает итог, снимает очки.)* Здравствуйте. Наниматься пришли?

Паркер. Да.

Мастер *(критически осматривает Паркера)*. Боюсь, что вам не подойдет. Работа у нас горячая. Шальная работа, а вы какой-то щуплый. Скиснете на втором часе.

Паркер. Попробуйте. Не скисну.

Мастер. Попробовать можно. Идем!

Подвал. Низкие своды. Станки для механической кройки. Лампа под потолком. Рабочие — дюжие парни — работают.

Мастер *(подводит Паркера к пустующему станку и объясняет)*. Вот, работа нехитрая, но требует внимания и расторопности. *(Кладет кусок материи в машину, пускает ее. Отбрасывает выкроенную часть на стол направо, обрезки налево.)* Понятно?

Паркер. Понятно! *(Делает работу самостоятельно.)* Справлюсь!

Мастер *(с усмешкой)*. Ну, ну! Действуйте! *(Уходит.)*

Стенные часы показывают одиннадцать.

Рабочие наблюдают за Паркером, перебрасываются шутками.

Первый *(Паркеру)*. Валяй, валяй! Что через пару часов наваляешь?

Второй. Все мы попадались на эту удочку. Как будто и просто, а к утру и ноги не потянешь.

Третий. Сдаст непременно! Кишка тонка. В чем душа держится?

Паркер, не обращая внимания на слова товарищей, работает усердно, хотя и медленней других: он еще не освоился с приемами.

На часах — час ночи.

Паркер работает уже с такой же скоростью, как и другие. Куча обрезков с одной стороны и готовых выкроек с другой. Кучи увеличились, но они еще меньше, чем у других рабочих.

Первый рабочий. Ишь ты, как старается новичок!

Четвертый. Из кожи лезет!

Третий *(уверенно)*. Выдохнется!

На часах три.

У Паркера кучи обрезков и выкроек выше, чем

у других. Работает быстрее товарищей, которые значительно снизили темпы, — устали.

Второй. Смотри ты, какой задорный! Обгоняет нас!

Первый. Самолюбивый. Из последних сил выбивается.

Второй. Бейся не бейся, а скиснешь!

На часах пять.

У Паркера груды вдвое выше, чем у остальных. У всех рабочих сонные, истомленные лица, вялые движения. Они делают большие паузы.

Паркер совершенно свеж, весел и возбужден. Работает с необычайной быстротой.

Рабочие с недоумением, завистью и недружелюбием смотрят на него и на огромные груды на его столе.

Четвертый. О, чтоб его!

Третий. Ну и ловкач!

Первый. Удивительные вещи!

Второй. Откуда он взялся? На вид ведь щелчком убьешь, а подите! Всех обскакал.

Входит мастер и с изумлением смотрит на груды выкроек и обрезков, за которыми Паркер едва виден.

Мастер. Вот это да! Эй вы, новичок! *(Из груды выглядывает радостно-возбужденное лицо Паркера.)* Как ваша фамилия? Где вы работали раньше? *(Покровительственно кладет ему руку на плечо.)* Молодец! Идем к хозяину. Он уже пришел. Не ожидал! *(Обнимая его за плечи, ведет в контору, перед дверью оборачивается к рабочим.)* Эх, вы! Видали, как надо работать? *(Уходит с Паркером.)*

Рабочие хмурятся, ворчат.

Уголок сада. На скамье, где они сидели раньше, Паркер и Мэг.

Паркер *(держит Мэг за руку)*. Понимаешь, Мэг, днем в конторе «Грей и К°», а ночью...

Мэг. Милый, но ты можешь переутомиться!

Паркер. В том-то и дело, что нет! Понимаешь, теперь я совершенно не чувствую усталости.

Мэг. И тебе не хочется спать?

Паркер. Совершенно. На часок-другой протянусь на кровати, но могу обойтись и без этого.

Мэг. Удивительно! Этот Никольс настоящий кудесник!

Паркер. Не правда ли? Я теперь работаю без устали день и ночь. И за это Никольс еще заплатил мне деньги. Милая Мэг! Теперь я много зарабатываю, и нам не долго придется ждать. Я уже подыскал хорошенькую квартирку. Три комнаты с кухней и ванной. А теперь пойдем побродим по магазинам...

Внутренность магазина «Все для молодоженов».

Паркер и Мэг, нагруженные покупками. Паркер сияет. Они проходят, разглядывая вещи.

Отдел подвенечных платьев.

Паркер в совершенном обалдении от счастья сидит в кресле рядом с Мэг. «Живой манекен» в подвенечном платье бледно-зеленого цвета, с фатой и флердоранжем проходит перед ними.

Продавщица *(указывает на живой манекен)*. Я очень рекомендую вам это подвенечное платье. Самая последняя модель. Крик моды.

Мэг. А цена какая?

Продавщица. Шестьсот.

У Паркера лицо несколько вытягивается.

Мэг. Дороговато.

Продавщица. Но обратите внимание на материал. Это платье должно изумительно идти к вам!

Перед Паркером видение: Мэг в этом подвенечном платье.

Паркер *(тряхнув головой, оживленно)*. Возьмем, Мэг!

Мастерская механической кройки в подвале.

На часах шесть утра.

Рабочие, уставшие, хмурые, злые.

Паркер, чем-то расстроенный, работает медленнее обычного, с перерывами и паузами.

Первый рабочий. Доработался! *(Злобно Паркеру.)* Почему же ты сбавил скорость?

Второй. Услужил!

Третий. Этого надо было ожидать.

Четвертый. Выскочка! Из-за тебя хозяин удвоил норму! Ни себе, ни другим!

Звонок. Работа кончается.

Разозленные рабочие уходят, бросая на Паркера недружелюбные взгляды, и о чем-то разговаривают.

Улица возле мастерской.

Хмурое, туманное утро.

Рабочие окружают Паркера.

Первый *(кладет на плечо Паркеру тяжелую руку)*. Вот тебе наш сказ: уходи, откуда пришел, подобру-поздорову, а не уйдешь...

Лица и позы рабочих угрожающие.

Паркер *(испуган, освобождается от руки рабочего)*. Простите, я уйду... я не ожидал... не думал... мне хотелось заработать побольше.

Второй. И заработал!

Паркер *(вконец огорченный)*. У меня невеста... Мэг... Мэгги. Я хотел поскорее на ней жениться...

Лица рабочих проясняются. Некоторые из них грустно улыбаются. Слышится чей-то сочувствующий смешок.

Паркер быстро уходит, сливаясь с туманом.

Рабочие стоят молча. Смущены.

Четвертый. Вот какое дело!

Третий. Жениться парень хотел, то-то из кожи лез!

Второй. Деньги, деньги!

Первый. Проклятая жизнь...

У Майкла Грота. Ранние сумерки.

Грот сидит на табурете, опустив голову.

Паркер ходит в волнении по комнате.

Паркер. Понимаете, Майкл? Едва не прибили!

Майкл. Да, жизнь — кошка. И кровожадная кошка. Играет с нами, как с мышами. То приласкает, то вдруг когти выпустит.

Паркер. Но я не сдамся, Майкл! Ведь я могу работать за троих. *(Выбрасывает руки.)* Я им покажу! Ну, спокойной ночи! Пожелайте успеха на новой работе! *(Убегает.)*

Майкл. Жаль парня! *(Философски.)* Жизнь — кошка, и кровожадная кошка!

Цех завода. Конвейер, еще неподвижный. Рабочие занимают свои места. Говорят.

Первый рабочий *(второму)*. Слыхал? Говорят, опять будет снижение расценок.

Второй. И конвейер, говорят, будет пущен быстрее.

Третий. Это еще посмотрим. Если все будем работать, как работали...

Четвертый. Ясно! Все, как один!.. А где Марк?

Первый. Говорят, уволили.

Четвертый. Скверно. Как бы на его место не подослали какого-нибудь ловкача.

Входит Паркер и занимает пустующее место Марка.

Паркер. Здравствуйте, товарищи!

Рабочие смотрят на него подозрительно. Молча кивают головами. Все на местах у конвейера.

Звонок. Конвейер медленно двинулся. Движение ускоряется, пока не доходит до определенной быстроты.

Паркер внимательно и усердно выполняет свою работу.

Рабочие опасливо следят за ним — насколько это позволяет работа на конвейере.

Вначале Паркер едва справляется. Это успокаивает рабочих (новичок!). И они углубляются в работу.

Скоро Паркер овладевает несложной манипуляцией. Уже опережает других и, выполнив свою работу, ожидает остальных.

Незаметно сзади него появляется мастер. Он наблюдает за работой. Потом говорит.

Мастер. А я что доказывал? А вы что говорили? «Нельзя быстрей!» Вот вам и нельзя! Новичок быстрее вас справляется с работой! *(Кричит.)* Пустить конвейер быстрее!

Лица рабочих мрачнеют.

Конвейер движется быстрее.

Конец смены. Рабочие утомлены до предела. Лишь Паркер свеж, как в начале работы.

Звонок. Конвейер замедляет ход. Останавливается.

Рабочие уже с нескрываемой злобой смотрят на Паркера и о чем-то сговариваются.

За воротами завода. Рассвет. Поле, склады.

Паркер быстро идет. За ним толпа рабочих.

Первый *(нагоняет Паркера, хватает его за шиворот и трясет)*. Чтоб твоей ноги не было на заводе! Провокатор паршивый!

Другие рабочие толкают Паркера. Он падает, поднимается, вырывается и бежит с необычайной быстротой.

Его преследуют криками и улюлюканьем.

Комната Майкла. Раннее утро. Майкл кормит собак, в том числе и Мордашку.

Паркер *(вбегая)*. Все кончено, Майкл!

Майкл *(осматривает своего друга, замечает синяк на лице, разорванный ворот)*. Били?

Паркер. Били... И, наверно, убили бы, если бы я не убежал. Меня приняли за провокатора... За хозяйского ставленника. Я не могу работать с другими. Остается только контора Грея. Но и там уже на меня косятся сослуживцы, после того как главный бухгалтер дал мне прибавку.

Майкл. А вы не вылезайте вперед. Работайте, как другие.

Паркер. Не могу, Майкл. Это как-то само собой выходит. Понимаете, энергия прямо-таки распирает меня. А когда подумаю о Мэг, а я о ней все время думаю, то не могу удержаться... Какая неудача! А мы уже подвенечное платье купили.

Майкл. История! *(Задумывается.)*

Паркер. Что делать, Майкл?

Майкл. Что делать? Не мастер я думать, Джон. Голова у меня не так устроена... Видно, в самом деле нельзя вам работать с другими. Надо найти такую работу, чтобы вы были один. Вроде ночного сторожа. Теперь-то вы не уснете... Постойте-ка. Есть и получше ночного сторожа. Сейчас я нашел работенку в ночном ресторане «Сан Ремо». Выгружаю продукты, складываю тару.

Паркер. А собаки?

Майкл. Ликвидирую. Это последнее. Под полицейский протокол попал. Но не обо мне речь. Так вот, в ресторане «Сан Ремо» требуется человек. Из склада продукты в кухню подавать, вина в буфет. Как раз для вас. Чем скорее будете поворачиваться, тем больше ценить вас будут, и никому поперек дороги не встанете.

Паркер *(бросается к Майклу и крепко жмет ему руки)*. Майкл Грот! Милая грот-мачта! Вы возвращаете меня к жизни!

Майкл. Ого, какое крепкое рукопожатие! Да, у вас таки силенок прибавилось. Силы много, а девать некуда...

Ярко освещенная большая кухня ресторана «Сан Ремо».

Величественный шеф-повар, повара, поварята. В стене окно, через которое подаются готовые блюда. Изредка официанты забегают на кухню. Кипит работа. Шипят на плитах сковородки. Стучат ножи. Поварята бегают как угорелые, помогая старшим. Лишних разговоров нет. Слышатся только короткие приказания и ответы.

Паркер выносит из низенькой двери подвала несколько ощипанных кур и три бутылки вина. Ставит на стол. Паркер весел и оживлен.

Из двери на двор входит Майкл с ящиком на спине. Кидает ящик возле стола.

Майкл. Вот я и пошабашил. *(Паркеру.)* А вы как?

Паркер. Спасибо, дружище! Все идет отлично. Я очень доволен.

Майкл. Искренне рад! *(Подмигивает.)* Рассчитываю быть посаженым отцом на вашей свадьбе!

Официант *(Паркеру)*. Буфетчику пять бутылок коньяку, одну шерри-бренди!

Паркер кивает головой официанту, затем Майклу и быстро скрывается в подвале. Видно, как он спускается по ступеням в темноту.

Один из поваров *(заглядывает в дверь подва-*

ла и кричит Паркеру). Почему не зажжете свет, Паркер?

Голос Паркера. Тут все под рукой. Я уж на память знаю.

Майкл с довольным видом смотрит вслед ушедшему Паркеру и выходит из кухни.

Два поваренка возле двери в подвал о чем-то шепчутся. Первый из них показывает пальцем на темную дверь подвала и шепчет.

Первый. Провались я на этом месте, если вру! Сам видел.

Второй *(широко открывает глаза от удивления и испуга).* Настоящее привидение?

Повар *(поварятам).* Вы что тут шепчетесь? Марш работать!

Второй поваренок. Дядя Джим! Вот Джером уверяет, что видел в подвале привидение. Стра-ашное! Шкелет. И светится, как гнилушка.

Повар. Вот я дам вам по затылку, чтобы не болтали глупостей! Давайте скорей шумовку!

Ребята разбегаются.

Паркер выходит из подвала и ставит на подоконник бутылки. Официант быстро уносит их.

Первый поваренок *(Паркеру).* Дядя Джон! Вы никого не видали в подвале?

Паркер. Никого. А в чем дело?

Первый. И как вы только не боитесь ходить туда! Я бы — убейте меня — не пошел! Там ходит привидение. Страхолюдное, смерть! Сам видел.

Повар *(первому повареику).* Джером, чертенок! Сковородку!

Первый поваренок бежит исполнять приказание.

Кухня. Конец рабочей ночи. Погасли плиты. Нет шума, стука, но громче разговоры. Посуда убрана. Усталые повара и поварята снимают колпаки, халаты, фартуки.

Паркер тоже снимает халат.

В окне показывается официант с сонной физиономией.

Официант *(Паркеру).* Помогите, пожалуйста, Джон, убрать столы.

Паркер. Пожалуйста!

Официант. И вы, Джим?

Повар. А выпивка будет?

Официант. Все, что осталось в бутылках, ваше.

Повар. Идет!

Зал ресторана. Горят только две лампы. В окна брезжит рассвет. Дверь в отдельный кабинет открыта. Там почти совсем темно. Оттуда слышен голос Паркера, напевающего песню.

Повар *(тоже напевает песню. Собирает со столов бутылки, допивает вино. Складывает пустые бутылки в корзину. Случайно его взгляд падает на открытую дверь в отдельный кабинет. Через кабинет проходит туманное пятно. Повар вскрикивает и роняет бутылку, которая с грохотом падает на пол. Говорит заплетающимся языком, как человек выпивший)*. О! Вот так история! Неужели этот пострелёнок Джером был прав? И у нас в ресторане заявились привидения? *(Кричит.)* Паркер! Глянь!

Из отдельного кабинета быстро выходит Паркер.

Официант *(повару)*. Какая вас муха укусила, Джим? Почему вы так заорали?

Повар *(Паркеру)*. Паркер! Вы там были... в отдельном кабинете... Вы ничего не видели?

Паркер. Ничего.

Повар *(дрожа от волнения)*. Там... я видел... привидение...

Официант *(повару)*. Я говорил вам, что это к добру не приведет. Не вы первый допились до белой горячки!

Повар. Значит, и Джером? Но ведь он совсем не пьет вина! Нет, тут что-то не так... не то...

Паркер поднимается по полутемной лестнице «Приюта для холостяков». Снизу доносится чей-то истерический крик. Оглядывается. Да что они сегодня все с ума сходят?

Идет по коридору, освещенному лишь одной лампочкой посередине. Когда он уже доходит до своей комнаты, из комнаты Грин открывается дверь. Выглядывает Грин. На ней чепчик и ночной халат, туфли на босу ногу.

Госпожа Грин неистово вскрикивает и падает в коридоре под самой лампочкой.

Паркер спешит к ней на помощь.

Из своей комнаты выбегает полуодетый Майкл.

Майкл. Что случилось?

Паркер. Госпожа Грин упала в обморок.

Майкл. Почему? Что с ней?

Паркер *(смущенно)*. Понять не могу!

Паркер и Майкл поднимают Грин.

Грин *(приходя в себя)*. О-ох... боже... Привидение! Я видела привидение! *(Совсем приходя в себя.)* Ах, оставьте! Я не одета... *(Убегает в свою комнату, с шумом захлопывает дверь.)*

Майкл и Паркер стоят друг против друга в полном недоумении.

Паркер. Идемте, Майкл, мне надо с вами поговорить. Сегодня с людьми творится что-то неладное...

Они доходят до открытой двери в комнату Майкла.

Комната Майкла. Темно.

Паркер *(посреди комнаты. Его лицо и руки слабо светятся)*. Понимаете, Майкл, сегодня...

Майкл *(в дверях комнаты, видя свечение Паркера, с испугом)*. Ой-ой-ой! Ой-ой! *(У него стучат зубы.)*

Паркер *(не понимая)*. И этот тоже! Что с вами, Майкл?

Майкл. Вы... вы это, Паркер, или оборотень, привидение, выходец с того света?

Паркер *(уже раздражаясь)*. Да что вы, с ума сошли? Опия накурились? Какое-то массовое помешательство! Ну, конечно, это я, черт побери! Опомнитесь, Майкл! Придите, наконец, в себя! *(Делает несколько шагов к нему. Майкл, завывая от ужаса, задом выскакивает в коридор.)* Неужели вы меня боитесь? Чем я так пугаю вас? Ведь это же я, я, ваш друг, Джон Паркер!

Майкл *(еще не решаясь войти в комнату)*. Но... вы светитесь, Джон, светитесь, как гнилушка!

Паркер. Как гнилушка? Странно! Джером говорил о том же. Вы не бредите, Майкл?

Майкл. Посмотрите сами на свои руки.

Паркер *(смотрит и вскрикивает)*. Ах! В самом деле! *(Бежит к зеркалу.)* И лицо светится! *(Подбегает к выключателю, зажигает свет. Свечение тела исчезает. Паркер гасит свет. Свечение тела появляется.)* Майкл, я погиб! Я заболел ужасной болезнью!

Майкл. Заболел? *(Осмеливается войти в комнату, но тотчас зажигает свет и лишь после этого решается подойти к Паркеру.)* Да, Паркер как Паркер. *(Гасит свет, Паркер мерцает.)* Наваждение! Станьте в темный угол, Джон.

Паркер становится. Свечение тела усиливается. Сквозь тело видны слабые очертания скелета, внутренних органов.

Майкл *(снова завыл от ужаса и отскочил к двери)*. О-о-о! Я вижу ваш скелет, Джон! Ваше сердце... *(Зажигает свет.)* Невозможно смотреть!

Паркер *(садится на табурет, опускает голову, закрывает лицо руками)*. Кончено! Все кончено! Я погиб, Майкл, погиб! Все разбито... Ну, как я покажусь Мэг! Могу ли я жениться на ней?

Майкл. Не падайте духом, Паркер! Может быть, это пройдет. Посветитесь и погаснете...

Паркер *(с тоской)*. Боже мой... Но что со мной? Какая болезнь приключилась?

Майкл. Когда служил в цирке, у нас был один светящийся человек. Только у него скелет не был виден. Он чем-то натирался. Вроде фосфора. Может быть вы как-нибудь где-нибудь случайно... намазались таким светящимся веществом?

Паркер *(безнадежно машет рукой)*. Где я мог измазаться? Нет, это болезнь! Какая-то новая, ужасная, неслыханная болезнь!.

Майкл. А вы все-таки попробовали бы отмыться. Давайте я помогу вам, Паркер.

Паркер. Не поможет.

Майкл. А все-таки? Чем вы рискуете? Идемте в ванную.

Ванная комната. Паркер в ванне. Клубы пара.

Майкл моет Паркера, трет его мочалкой изо всех сил.

Паркер. Ой! Ой! Вы сдерете с меня кожу, Майкл!

Майкл. Потерпите, Джон! Зато мы всю эту светящуюся нечисть отдерем...

Комната Майкла. Горит огонь.

Паркер, полуодетый, сидит на табурете.

Майкл *(гасит свет)*. Ну посмотрим! *(Оборачивается к Паркеру.)* Эх, дьявольщина! Светитесь!

Паркер *(уныло)*. Свечусь... И даже как будто сильнее.

Майкл *(зажигая свет)*. Я все-таки зажгу свет, Джон. Не сердитесь, но впотьмах у вас уж очень жуткий вид... Подумаем, обсудим. Если нельзя отмыть, то, может быть, закрыть можно. *(Осматривает комнату.)* Вот наденьте-ка это мое кожаное пальто.

Паркер послушно надевает. Майкл гасит свет.

Майкл. Светится, проклятый!.. А клеенка? *(Снимает со стола и покрывает ею Паркера.)* И сквозь клеенку светитесь! А жесть, железо? Накройте лицо этой миской!

Паркер. Но не буду же я ходить на свидание с Мэг с той жестяной миской на лице!

Майкл *(накрывает лицо Паркера миской)*. У-у-у! Жуть какая! Даже мороз по коже! Скорей свет! *(Зажигает. Стоит задумавшись.)* А если...

Паркер *(встает)*. Нет, Майкл, довольно! Мне уж ничего не поможет... *(Смотрит на свои руки.)* Быть может, я скоро умру... умру, когда так хочется жить, когда я нашел свое счастье... Но откуда, откуда навалилась на меня эта напасть? *(Задумывается. Громко.)* Майкл, а что, если это от опыта, который проделал Никольс?

Майкл. И очень просто. С врачами только спутайся.

Паркер. Но уж если это он виноват... Сейчас же бегу к нему. Подниму с кровати и заставлю его погасить меня! *(Быстро выбегает.)*

Майкл *(качая головой)*. Каких только болезней не придумают врачи на нашу голову!

Улица. Входная дверь. Табличка с надписью: «Доктор Г. Никольс».

Паркер звонит. Из двери показывается злое, заспанное лицо Вуд.

Вуд. Что вам?

Паркер. Мне необходимо срочно видеть господина Никольса.

Вуд. Его вызвали в другой город. *(Захлопывает дверь.)*

Паркер разочарован. Вновь звонит — раз, другой, третий.

Показывается Вуд, еще более злая.

Вуд. Опять вы? Я же сказала...

Паркер. Когда вернется господин Никольс?

Вуд. Не знаю. *(Захлопывает дверь.)*

Паркер протягивает руку, чтобы позвонить снова, но затем безнадежно машет и уходит.

Контора «Грей и К°». Конец рабочего дня.

Паркер выходит из конторы в коридор и спешит к телефону-автомату. Паркер в будке с телефонной трубкой. Крупным планом.

Паркер. Но я сегодня вечером не могу, милая Мэг... Да, занят. И вообще по вечерам. Лучше воскресенье утром. Очень нужно? Но... Очень, очень? Хорошо. Хорошо. Я сейчас выезжаю. Да-да! Целую. Целую!

Улица. Вечер. Фонари еще не зажжены.

Паркер быстро шагает по тротуару. Лицо и руки его светятся.

Встречный прохожий в испуге шарахается в сторону.

Паркер проходит через небольшой сквер. В аллее почти совсем темно. И тело Паркера светится сильнее. Прохожий замечает это, пугается. Куча ребят преследует Паркера. Восклицают:

— Фокусник!

— Привидение!

— Скелет!

— Человек-лампа!

— С кладбища сбежал!

Паркер ускоряет шаги. Толпа за ним все увеличивается.

К нему подбегает журналист Битл.

Битл. Простите за беспокойство, но я хотел бы задать вам...

Паркер. Я вам задам! Оставьте меня в покое! *(Почти бежит. Битл за ним. Вспыхивают фонари. Паркер перестает светиться. Вздыхает с облегчением.)*

Выбегает к остановке автобусов и вскакивает в отходящий автобус.

Битл, бежавший за Паркером, не успел сесть в автобус.

Битл с досадой машет рукой и бежит к стоянке такси. Садится, едет за автобусом.

Паркер в автобусе. Сидит, опустив голову. Внезапно автобус останавливается, свет гаснет. Паркер светится.

Шофер *(соскакивает, чтобы починить неисправность, кричит пассажирам)*. Не беспокойтесь! Сейчас поедем!

Соседка Паркера вглядывается в его лицо и дико вскрикивает. Все обращают внимание на Паркера.

Переполох. Пассажиры бросаются к выходу.

Старик *(стуча палкой и указывая на Паркера, кричит)*. Кондуктор! Удалите это безобразие!

Истерики.

Паркер поспешно выходит из автобуса.

В то же время из задней двери в автобус входит Битл, ищет глазами Паркера. Увидел, что Паркер вышел, спешит к выходу, но не может пробраться через толпу обезумевших пассажиров.

Паркер бежит по улице к саду. Ярко горят огни паноптикума Сантано.

Мэг ждет Паркера возле паноптикума, увидев, бросается навстречу.

Мэг. Милый!

Паркер. Что случилось?

Мэг. Джон! Мне так захотелось видеть тебя! Разве это не достаточная причина, Джон?

Паркер. Да, да, конечно. Я сам соскучился по тебе, милая Мэг. Но, понимаешь ли, по вечерам теперь я очень занят. Должен идти на ночную работу...

Мэг. Успеешь. Тебе к одиннадцати. Пойдем скорей на нашу скамейку! *(Показывает на темную аллею.)*

Паркер. На скамейку? В аллею? Зачем? Здесь так хорошо, светло, музыка играет.

Мэг. Зачем? Глупенький! Здесь так светло, а я... сегодня я читала роман. Герой и героиня целуются при свете звезд. И мне захотелось... Да идем же! *(Тянет его.)*

Паркер *(упираясь, следует за ней)*. Право, Мэг...

Мэг. Ты не хочешь поцеловать меня? Ты разлюбил меня, Джон?

Паркер. Да нет же, нет же... *(Следует за ней.)*

Скамья, окруженная кустарником. Паркер и Мэг сидят, взявшись за руки. Мрак смягчается отдаленным светом фонарей, и лицо Паркера чуть светится.

Мэг *(приближает свое лицо к лицу Паркера, желая поцеловать его, но замечает свечение. С некоторым испугом)*. Что с тобой, Джон? Твое лицо как будто светится.

Паркер. Светится? Это... это, наверное, падает свет от фонаря.

Мэг. Да нет же! Само светится.

Паркер. Может быть, от любви к тебе. Это бывает. Когда очень любят...

Мэг *(вскрикивает и быстро отодвигается от Паркера)*. Ай! Ты весь светишься... Я вижу темные впадины вокруг глаз. И сердце! Какой ужас! Оно бьется...

Паркер. Оно бьется для тебя, Мэг! Ну, поцелуй же меня! *(Протягивает руки.)*

Мэг *(вскакивает, истерически кричит)*. Не прикасайся ко мне! Ты ужасен!

Паркер *(очень быстро)*. Успокойся, Мэг, Мэгги! Это от опыта, который произвел надо мной Никольс. Он скоро приедет и погасит свет, и все будет хорошо... Ну подойди же ко мне, Мэг! Неужели ты

боишься меня? Ведь это же я, твой Джон! Мэгги! Мэг! Ведь ты же говорила, что не оставишь меня, что бы со мной ни случилось...

Мэг. Нет, нет, Джон! Я не могу тебя видеть. Это выше моих сил!

Паркер. Мэг! Ведь только ради тебя я решился на опыт!

Мэг. Но я не могу. Понимаешь ли, не могу. Уйди! Уйди! И не показывайся мне, пока не погаснет свет, если не хочешь, чтобы я умерла от страха. Я не могу видеть твоего сердца!

Паркер *(вскакивает, делает шаг к Мэг)*. Мэгги! Мое сердце...

Мэг *(дико кричит)*. Уйди! *(Убегает.)*

Паркер *(ей вслед)*. Так пощи себе мужа без сердца! *(Почти падает на скамью и тихо рыдает.)*

Какая-то парочка подходит к скамье.

Она. Кажется, наша скамейка занята.

Он. Что-то светится. *(Оба вскрикивают и шарахаются в кусты.)*

Контора «Грей и К°». Окна конторы обращены к глухой стене соседнего здания, которая заслоняет свет. Раннее осеннее утро. В конторе еще горят лампы.

Комптометрист *(Паркеру)*. Скажите нам, Паркер, что с вами произошло? Вас словно подменили. Работаете как машина и не устаете. Откройте нам ваш секрет!

Паркер не отвечает, угрюмо работает.

Машинистка-блондинка. Я знаю секрет господина Паркера. Он имеет невесту, собирается жениться. Копит деньги и работает как мотор.

Комптометрист. Откуда же вы знаете?

Машинистка. Да он все время шепчет ее имя. Мэг, Мэгги. Вот и весь секрет. *(Все смеются.)* Да, господин Паркер?

Паркер *(угрюмо)*. Да. *(Пауза.)*

Старая дева-счетовод. Слыхали, господа? В городе появился светящийся человек. Об этом все говорят. Светится, как лампа, и искры от него во все стороны летят. Недавно в автобусе появился.

Моя знакомая показывала рукав пальто, прожженный искрами. Несколько человек от страха умерли. Еще бы — тело светится, а внутри скелет виден, сердце, легкие.

Все слушают с интересом. Паркер изменяется в лице, нервно крутит ручку арифмометра.

Машинистка-брюнетка *(многозначительно)*. Бабушкины сказки!

Старая дева *(обиженно)*. Почему же бабушкины? И при чем тут бабушка? Все видели. Говорят, об этом уже в газетах пишут.

Входит главбух. Все умолкают и усиленно работают.

Главбух. Почему жжете свет? Уже достаточно рассвело. *(Гасит свет и проходит за стеклянную перегородку.)*

В конторе полумрак. Паркер светится слабым фосфорическим светом.

Машинистка-блондинка смотрит на Паркера, взвизгивает и падает в обморок. Комптометрист бежит к ней на помощь, но, взглянув на Паркера, шарахается в сторону, стоит, лязгая зубами от страха. Машинистка-брюнетка в панике убегает. Все счетоводы вскакивают со своих мест, бегут, толкая друг друга.

Старая дева *(с испугом и торжеством показывая на Паркера)*. Вот он... вот он... вот он! Вот вам и бабушкины сказки!

Покрывая крик и шум, главбух зовет Паркера.

Главбух. Господин Паркер!

Паркер идет к главбуху, виновато кланяется.

Главбух *(внимательно осматривает Паркера)*. Извольте объяснить, господин Паркер, что значит этот... этот... я не знаю, как назвать... этот маскарад?

Паркер. Это не маскарад... это болезнь... совершенно не заразная... собственно, даже не болезнь...

Главбух. Болезнь? Вы больны? И при том такой... э... неприличной болезнью?

Паркер *(лепечет путаясь)*. Не болезнь, нет,

а последствие одного опыта... чтобы лечить других. А я здоров. Совершенно здоров.

Главбух. Разве здоровые люди просвечивают, как графин? Бесстыдно выставляют напоказ свои печенки и селезенки? Здесь не больница. Нам не нужны светящиеся счетоводы.

Паркер. Но ведь я хорошо работаю! Вы сами...

Главбух. Хорошо работаете! Но можно ли работать с вами? Посмотрите, что вы наделали!

Паркер. При свете я не свечусь. И потом... может быть, за ширмой...

Главбух *(быстро пишет, передает Паркеру бумажку)*. Вы больше не служите у нас, господин Паркер. Получите у кассира расчет.

Паркер берет бумажку и, опустив голову, уходит.

Окошко кассира. Полумрак.

Паркер *(кассиру)*. Вот, прошу уплатить!

Старик кассир, взглянув на светящегося Паркера, вскрикивает, прячет голову, потом, стуча зубами, стараясь не глядеть на Паркера, трясущимися руками отсчитывает деньги.

Гардеробная. Здесь также полутемно.

Паркер подает гардеробщику номер. Тот, не глядя на Паркера, берет номер, снимает пальто и шляпу, подает Паркеру и тут только взглядывает на него. Без слов валится навзничь вместе с пальто и шляпой, накрывая себя пальто.

Паркер выхватывает из его рук пальто, шляпу и выбегает.

Двор ресторана «Сан Ремо». Уже совсем светло. Майкл выгружает из грузовика ящики.

К Майклу подходит Паркер.

Паркер *(присаживается на ящик)*. Все кончено, Майкл! Я погиб. Теперь уже погиб окончательно. Меня выгнали из конторы. Не сегодня-завтра выгонят и из ресторана. Они уже заметили мое свечение. Мэг отвергла меня, не может меня видеть. Я пугаю людей. Моя жизнь превратилась в мучение. Я словно заболел темнобоязнью. Мне остается только броситься с моста в воду.

Майкл. А Никольс?

Паркер. Еще не приехал. Ждут сегодня вечером.

Майкл. Так вы уже подождите до вечера бросаться в воду. Он вас погасит. Непременно! Как же иначе? Умел зажечь, сумей и погасить. А пока... ничто так не успокаивает нервы, как физический труд. Помогите-ка мне таскать эти ящики. Скорей время пройдет до вечера.

Паркер. Вы мой единственный друг! Спасибо!

Паркер хватает ящики и начинает их перебрасывать с энергией отчаяния.

Кабинет Сантано. На стенах — афиши, плакаты, на столах замысловатые инструменты музыкальных эксцентриков, по углам — фокусная аппаратура.

Сантано сидит перед письменным столом, загруженным газетами. Газеты валяются на полу.

Возле стола в кресле сидит Битл.

Битл. Но, господин Сантано...

Сантано. Хватит с вас. Будет. Упомяните и о бородатой женщине. Распишите получше.

Битл *(встает)*. Все будет сделано, господин Сантано! *(Кланяется, идет к двери.)*

Сантано *(окликая его)*. Господин Битл!

Битл *(поворачивается)*. К вашим услугам.

Сантано. Скажите, господин Битл... Вам не удалось узнать, кто такой этот светящийся человек? И что он собой представляет?

Битл *(после короткой паузы)*. К сожалению, нет, господин Сантано. Не удалось узнать.

Сантано. Да вы не финтите, говорите правду!

Битл. Я говорю правду, господин...

Сантано. Вы не были бы журналистом и господином Битлом, если бы говорили правду. *(Битл нагло улыбается, потом делает оскорбленное лицо.)* Не обижайтесь. Это же комплимент... По крайней мере... *(Ударяет по кипе газет.)* Это не вами сфабрикованные утки?

Битл. Я видел сам, собственными глазами, све-

тящегося человека. Но он скрылся. Вы очень интересуетесь им?

Сантано. Я? Нисколько. Зачем он мне? До свидания, господин Битл!

Битл хитро улыбается и уходит.

Сантано *(встает, потирая руки)*. Да, черт возьми, хорошо бы заполучить этого светящегося человека! Мировой аттракцион! Как бы другие не перехватили. Бальбо! *(Входит карлик.)* Распорядись, чтобы мне сейчас же подали машину!

Приемная Никольса. Пациентов нет. Вуд одна — подсчитывает в кассе деньги. Часть денег перекладывает в свою сумочку.

Быстро входит Паркер, крайне возбужденный. При его появлении Вуд вздрогнула, пойманная на месте преступления, и поспешно убрала сумочку.

Вуд *(сердито, но с улыбкой)*. Запись на сеансы сегодня уже окончена. Прошу завтра к десяти утра.

Паркер. Мне необходимо видеть господина Никольса по неотложному делу.

Вуд. Он занят. Сейчас идет последний сеанс массового гипноза.

Паркер. Я не могу ждать! *(Открывает дверь, входит.)*

Кабинет Никольса. Никого нет. Паркер открывает дверь соседней комнаты — индивидуального гипноза. Никого. Проходит в следующую комнату.

Комната массового гипноза. Почти темно. Только крохотная лампочка светит у потолка. Десяток пациентов полулежат в креслах с низко откинутой спинкой.

Никольс заканчивает сеанс. Элис щупает пульс у одного пациента.

Никольс *(громко)*. Девять... десять! *(Пациенты пробуждаются, встают.)* Вот и все. Госпожа Юнг, зажгите свет.

Элис направляется к выключателю, но в это время в комнату быстро входит Паркер. Он сильно светится. Заметны глазные впадины, контуры скелета.

Среди пациентов переполох, крики. Пациенты выбегают из комнаты.

Приемная. Панически бегущие старики и старухи. Вуд возле своей кассы. Ее изумление.

Опустевшая комната массового гипноза. Остались только Никольс, Элис, Паркер.

Никольс и Элис с изумлением смотрят на Паркера.

Никольс. Что с вами, господин Паркер?

Паркер. Я пришел задать этот вопрос вам, господин Никольс.

Никольс *(вздохнул, тряхнул головой)*. Подождите... Надо же успокоить пациентов, которых вы так напугали! *(Выходит.)*

Элис. Давно это у вас, господин Паркер?

Паркер. Может быть, сейчас же после опыта, но заметил позже. Я в отчаянии, госпожа Юнг! Как вы думаете, может господин Никольс погасить свет?

Входит Никольс, внимательно осматривает Паркера.

Никольс. Да! Весьма интересно, хотя, признаюсь, и несколько неожиданно.

Паркер. И очень неприятно.

Никольс. Пожалуй, и не совсем приятно. *(Многозначительно, Элис.)* Вы видите, Элис?

Элис. Вижу. Но это не остановило бы меня.

Никольс. Чрезвычайно интересно! *(Осматривает Паркера.)* Сейчас для науки вы представляете исключительный интерес, господин Паркер. На вас могут учиться студенты, любой ученый охотно...

Паркер. К сожалению, не все люди ученые.

Никольс. Впервые ученые могут наблюдать без всяких рентгенов функции органов живого человека. Это даже для вас самого очень полезно, господин Паркер. Если вы заболеете, то самый неопытный врач легко и безошибочно установит диагноз. Малейшее изменение в работе сердца...

Паркер. Не говорите мне о сердце! Что вы со мной сделали, господин Никольс? Я теперь могу работать за троих, и что же? За это меня только били и выгоняли с работы. А сегодня меня изгнали из конторы, когда увидели, как я свечусь.

Никольс. Не беспокойтесь. Безработица вам не грозит. Вы будете...

Паркер. Господин Никольс, дело не только в этом... Поймите же меня! Я молодой человек, я... я имею невесту... Мэг...

Никольс *(усмехнувшись)*. Да, это действительно несколько осложняет дело. Но если невеста вас любит по-настоящему, то не оставит. Привыкнуть можно ко всему. Объясните ей, что у каждого человека есть сердце, если она умна...

Паркер. И любит, и умна, и объяснил...

Никольс. Так она вас уже видела светящимся?

Паркер. Да, видела.

Никольс. И что же?

Паркер. Мэг... Мэгги сказала, что не выйдет за меня замуж, пока не погаснет свет... Она не может видеть моего сердца... И вот, господин Никольс, я хочу знать, сможете ли вы погасить мое свечение? Или скажите, когда оно само погаснет. Для меня это вопрос жизни и смерти.

Никольс *(несколько смущенный)*. Видите ли... продолжительность жизни радия равняется двум тысячам двумстам восьмидесяти годам.

Паркер *(у него подкашиваются ноги, приседает)*. Две тысячи.

Никольс. Успокойтесь, господин Паркер. На ваше счастье, вам введен в организм не чистый радий, а искусственный радиоэлемент. Продолжительность жизни искусственных радиоэлементов значительно короче: от долей секунды до...

Паркер. Но нельзя ли погасить поскорее?

Никольс. Попытаемся.

Паркер. Но как я буду жить, пока вы найдете средство погасить меня? Нельзя ли изобрести какой-нибудь изоляционный костюм?

Никольс. Только из свинца, но боюсь, что он будет тяжел для вас. Вот что, оставайтесь у меня, и я займусь вами.

Паркер. Мне ничего больше не остается.

Никольс *(открывая дверь)*. Госпожа Вуд!

Входит Вуд и, видя светящегося Паркера, взвизгивает и прячется за притолоку.

Никольс. Не бойтесь, госпожа Вуд. Приготовьте, пожалуйста, комнату для господина Паркера рядом с моим кабинетом. Господин Паркер будет у нас жить.

Вуд. Приготовить? Комнату?

Никольс. Да, постелите на диване постель.

Вуд *(возмущенная)*. Но я не прислуга.

Никольс. Я прошу вас. Пожалуйста, поскорей! *(Паркеру)*. Идите, господин Паркер. Госпожа Вуд проводит вас.

Никольс и Элис одни.

Элис. Что с ним случилось?

Никольс *(разводит руками)*. По-видимому, длина волны одного из радиоэлементов оказалась близка к рентгеновской, и тело Паркера начало просвечивать. Всего не предусмотришь.

Вагон трамвая. Пассажиры читают газеты.

Крупным планом газетный лист со статьей «Еще о светящемся человеке».

Первый пассажир *(соседу)*. Читали? Светящегося человека видели вновь.

Второй пассажир. Да, но он исчез после этого. Как в воду канул.

Третий пассажир. Какой-то шутник морочит голову!

Четвертый пассажир. Просто газетная утка.

Женщина. Нет, не утка! Никакая не утка! Я сама была в автобусе, когда светящийся человек всех так напугал.

Четвертый пассажир. Воображение!

Женщина. Что же, я вру?

Ресторан. Все столики заняты. Врываются мальчики-газетчики. Кричат звонкими голосами:

— Тайна светящегося человека открыта!

— Живой скелет найден! *(Сидящим за столом.)* Купите газету!

Старик *(за столиком)*. Пошел! Не надо! Вы уж совсем заврались со своим человеком-лампой!

Газетчик *(другому столику)*. Тайны!..

Господин в очках. Выдумайте что-нибудь поновее.

Часть сидящих все же покупает газеты.

Контора «Грей и К°». За стеклянной перегородкой возле главбуха толпятся журналисты с блокнотами. Впереди всех Битл.

Главбух *(раздраженно)*. Довольно! Не могу же я бросить работу и с утра до вечера рассказывать о Паркере. Он и так наделал нам убытку.

Битл. В каком размере?

Главбух. Миллион! Сто миллионов! Оставьте же меня в покое! Или я принужден буду вызвать полицию!

Журналисты выходят. Битл — впереди всех.

Битл *(на ходу)*. Главное, адрес Паркера узнали! *(Убегает.)*

К главбуху подходит Сантано.

Сантано. Здравствуйте, господин...

Главбух *(раздраженно)*. Опять журналист? Я занят!

Сантано. Журналист? Нет. Я не журналист и никогда им не был.

Главбух *(смягчаясь)*. По какому же вы делу?

Сантано. Моя фамилия Сантано. Я хотел бы узнать у вас некоторые подробности о вашем бывшем счетоводе Паркере...

Главбух *(бросая на пол книги)*. Опять о Паркере? Вон! Слышите ли вы? Или я начну драться!

Сантано. Но... позвольте!

Главбух. Не позволю!

Сантано *(быстро и вкрадчиво)*. Но... я дядюшка моего несчастного племянника Паркера. Его мать, моя сестра, извелась от горя, узнав о том, какое несчастье стряслось с ее сыном, моим племянником. Дело в том, что он почему-то не сообщил о перемене адреса, и я не могу найти его. Если возможно...

Главбух *(кричит)*. Сквозная улица, 49, гостиница «Приют для холостяков». И оставьте меня, наконец, в покое!

Сантано *(кланяется несколько раз)*. Благодарю вас! *(Поспешно уходит.)*

Главбух *(звонит. Входит слуга)*. Тиль! Баста. Двери на замок! Никого не пускать! Скажите, что контора сегодня закрыта!..

Улица. Промчался автомобиль с Битлом. За ним целая вереница автомобилей с другими журналистами. Шоферы стараются обогнать друг друга. Последним едет Сантано. Он толкает своего шофера в спину, заставляя ехать быстрее.

Подъезд «Приюта для холостяков». Один за другим подъезжают автомобили. Опережая друг друга, журналисты скрываются в подъезде. Битл — впереди всех.

Подъезжает автомобиль Сантано.

Сантано скрывается в подъезде.

Комната госпожи Грин.

Грин посреди комнаты, окруженная журналистами. Она взволнована. Журналисты вооружены блокнотами и вечными перьями.

Грин. Не знаю... ничего не могу сказать... У меня Паркер вел себя вполне прилично. Никогда не светился и не допускал чего-нибудь подобного. Я держу только тихих жильцов. Потом Паркер исчез. Куда — я не знаю... ничего не знаю... я бедная одинокая девушка....

Сантано расталкивает журналистов и становится возле Грин, как ее рыцарь.

Сантано *(громко и властно)*. Что вы, господа, в самом деле мучаете бедную женщину? Вы видите, что она ничего не знает и может заболеть и умереть от волнения!

Грин *(с благодарностью взглянула на Сантано, прижимая пальцы к вискам)*. Да, да... у меня ужасная мигрень... Мелькает в глазах... Ах, я, кажется, сейчас упаду в обморок...

Сантано подхватывает госпожу Грин и кричит журналистам:

— Прошу вас немедленно уйти отсюда!

Журналисты, ворча, выходят из комнаты. Один из них говорит:

— Вероятно, родственник. Как не вовремя!

Сантано. Успокойтесь, госпожа Грин! Эти на-

халы не побеспокоят вас. Выпейте воды. Где у вас графин?

Его медовый, ласкающий голос и шикарные манеры не только успокоили старую деву, но и очаровали. Грин бросает на него взгляд и улыбается.

Грин. Благодарю вас...

Сантано заботливо усаживает Грин в кресло, заставляет выпить воды, воркует как голубок.

Сантано. Успокойтесь же, прошу вас! Наглая, грубая публика! Никакого уважения к женщине. Разве так можно обращаться со слабым, прекрасным полом?

Грин. Ужасно! Как трудно жить одинокой девушке, которую всякий обидеть может, самой зарабатывать на хлеб, сдавая комнаты...

Сантано. Вполне вам сочувствую. Это ваш собственный дом или арендуете?

Грин. Собственный. Столько хлопот...

Сантано. Еще бы! Позвольте представиться. Сантано. Я прихожусь дядюшкой Джону Паркеру. Заплатил ли он вам за комнату? Если нет, я уплачу.

Грин. Нет-нет, пожалуйста, не беспокойтесь. Неизвестный человек прислал мне деньги за несколько месяцев вперед.

Сантано. Но где же, однако, мой несчастный племянник? Кто бы мог подумать? Его отец и мать, моя сестра, были вполне нормальные люди, как я сам. Никакого свечения, как видите.

Грин. Где господин Паркер, к сожалению, не могу сказать. Когда я упала в обморок и господин Майкл Грот привел меня в себя...

Сантано. А кто это Майкл Грот? Я могу повидать его?

Грин. Разумеется, если он дома. Комната двадцать четыре.

Сантано. Отлично! Отлично!

Затемнение. Комната Майкла.

Сантано сидит на табуретке. Майкл стоит перед ним.

Сантано *(встает)*. Благодарю вас, господин Грот. С вашей помощью нам удастся найти моего

племянника и вашего друга. Я думаю, что Джон должен быть у доктора Никольса. Еду к нему!

Затемнение. Приемная в квартире Никольса.

Вуд и Сантано сидят друг против друга за кассовым столиком и шепчутся, как заговорщики, оглядываясь на двери кабинета Никольса. Перед Вуд огромная бонбоньерка.

Слышатся шепот и отдельные фразы.

Вуд. Никольс третирует меня, как прислугу. Ужасный человек... *(Шепчет что-то.)*

Сантано *(возмущенно)*. Никакого уважения к женщине! И к такой женщине! *(Шепчутся.)*

Вуд. Да, держит господина Паркера в заключении. Бедняжка не знает, как вырваться.

Сантано *(качает головой)*. Мне нужна будет ваша помощь, но и я освобожу вас от этой тирании. *(Шепчет.)* Место кассирши... паноптикум...

Вуд *(улыбаясь)*. Я буду вам бесконечно благодарна. *(Шепчет.)* Вы можете совершенно положиться на меня!

Встают улыбаясь, пожимая друг другу руки.

Подъезд квартиры Никольса. Стоит автомобиль Сантано. Сантано выходит, садится в автомобиль.

Сантано. Никольс в моих руках! Светящийся человек будет мой!

Шофер. Куда?

Сантано. Семнадцатая, два.

Машина двинулась.

Комната Паркера в доме Никольса. Горит лампа. Паркер ходит из угла в угол, как зверь в клетке. Берет стул, делает с ним упражнения, как с гирей. Ставит. Снова ходит. Гасит свет. Смотрит на руки, подходит к зеркалу. Вздыхает.

Паркер. Свечусь!..

Садится к столу. Кладет руки перед книгой и, освещая ладонями страницы, читает.

Затемнение. Та же комната, но свет погашен. Утро. Входит Элис.

Элис. Доброе утро, господин Паркер!

Паркер. Добрым оно будет тогда, когда погаснет свет.

Элис. Свет не уменьшился?

Паркер. Увы, нет. Госпожа Элис, я очень соскучился по моей Мэг. Нельзя ли мне хотя бы позвонить ей по телефону?

Элис *(подумав)*. Отчего же нет?

Паркер. Благодарю вас!

Паркер у телефона в коридоре.

Паркер. Да, да, это я, Мэг... Что? Ты хочешь видеть меня? Что случилось? Поговорить со мной по важному делу? Но я... хорошо. В саду, на нашей скамейке? Сейчас выезжаю!

Приемная Никольса. Вуд за стойкой. Паркер пробегает в переднюю.

Вуд. Господин Паркер! Куда вы?..

Передняя. Паркер бросается к двери, пытаясь открыть ее, но она закрыта, и ключа нет. Вбегает Вуд.

Вуд. Господин Паркер!

Вуд. Но господин Никольс запретил вам выходить из дома.

Паркер. Запретил? Но ведь я не в тюрьме!

Вуд *(улыбаясь)*. Думайте как хотите.

Паркер. Мне необходимо. Понимаете, совершенно необходимо выйти из дома. Если вы не откроете дверь, я разобью стекла и выпрыгну в окно. *(Угрожающе.)* Давайте ключ!

Вуд *(испуганно)*. Он с ума сошел! *(Кричит.)* Помогите!

Вбегают Никольс и Элис.

Никольс. Что случилось?

Вуд. Господин Паркер с ума сошел... Он едва не убил меня.

Никольс. Что с вами, Паркер?

Паркер. Мне необходимо выйти из дома. Она не дает ключа. Вы не смеете держать меня! Я не в тюрьме!

Никольс. Я держу вас? Госпожа Вуд, принесите ключ! *(Паркеру.)* Но имейте в виду, если вы выйдете из этого дома, то можете не возвращаться. И пусть вас погасит кто угодно!

Вуд приносит ключ. Никольс широко открывает дверь. Говорит Паркеру:

— Идите. Но больше вы не войдете в эту дверь!

Паркер *(сразу остыв)*. Простите, но я... я хотел повидаться с Мэг... *(Опускает голову и медленно идет назад в приемную.)*

Кабинет Никольса. Никольс и Элис. Оба взволнованы.

Никольс. Что с ним случилось? Я даже не ожидал от этой овечки такой выходки.

Элис. Он звонил невесте... Вероятно, она вызвала его на свидание. Но почему бы ему не пойти?

Никольс. Почему? Вы сами видели, я не держу его, но для его же пользы и моей лучше, чтобы он сидел дома. *(Подходит к столу, показывает Элис газеты.)* Видите, Элис? Все газеты полны статьями о светящемся человеке. Его ищут. Упоминается уже и мое имя. Если мне не удастся погасить свечение Паркера, прежде чем журналисты нападут на его след, это может вызвать большие осложнения. У меня есть враги в научном мире. Они уже плетут какие-то тенета...

Комната индивидуального гипноза. Никольс. Элис.

Входит Сантано. Волосы напомажены и разделены прямым пробором. На нем костюм кофейного цвета, несколько странного покроя: жакет с сильно обрезанными закругленными фалдами, застегнутый на одну пуговицу и открывающийся жилет с массивной золотой цепочкой часов. Черные лакированные туфли, подходящие скорей к фрачному костюму.

Этот костюм и внешность, манера держаться с особым апломбом несколько необычны и комичны.

Никольс осматривает посетителя, стараясь определить, кто бы он мог быть.

Сантано, решив, что достаточно попозировал, с легким кивком головы подходит к Никольсу петушиным шагом и говорит быстро, как человек, у которого каждая минута на счету.

Сантано. Профессор Никольс! Прошу прощения за ранний визит и беспокойство. Времени ма-

ло. Здесь проездом. Через час на поезд. Много слыхал о вас. Решил обратиться к вашей помощи.

Никольс. Но не рано ли вы прибегаете к моей помощи, господин...

Сантано. Ной Фелл!

Никольс. Господин Фелл. Вы знаете, очевидно, что я пользую стариков. Вы же еще в цветущем возрасте и состоянии.

Сантано. Не жалуюсь. Мне сорок девять лет. Немного. Но у меня... Позвольте рассказать вам историю своей болезни, если так можно выразиться... Когда мне было тридцать шесть лет, у меня испортился зуб, клык. Вот этот. Пришлось сделать золотую коронку. Коронка оказалась длинна. Плохой дантист. Зуб подсекал нижнюю губу. Образовалась опухоль. Я обратился к другому врачу, тот посмотрел опухоль и сказал: «Господин Сан... Фелл!»

Никольс. Но, простите, какое все это имеет отношение ко мне? Я не зубной врач.

Сантано. Самое близкое. Слушайте дальше. У меня не много времени. Второй дантист посмотрел опухоль, говорит: «Господин Фелл! Если это уже не рак, то место для рака!» Так и сказал. Я ужасно испугался, понятно.

Никольс. Раковые опухоли я также не лечу.

Сантано. Прошу выслушать до конца. У меня каждая минута на счету. Итак, я перепугался. Очень. И бросился к профессору ракологу, или, как у вас зовется...

Никольс. Онкологу.

Сантано. Да, к специалисту по раковым болезням. Он посмотрел на опухоль, многозначительно сказал: «Гм! Да!» У меня душа упала совершенно. Потом он не спеша вымыл руки, пощупал опухоль и сказал: «Могу вас успокоить. Это не рак. Опухоль совершенно мягкая и даже дряблая. Вам еще рано обзаводиться раковыми опухолями. Лет двадцать еще прожить надо». Я был в восторге. Исправил коронку. Клык перестал подсекать губу. Опухоль исчезла, я скоро забыл о ней... Но вот с недавних пор я начал чувствовать какое-то смутное беспо-

койство и недомогание. Потерял сон, аппетит, начал убавлять в весе. Обратился к врачу. Никаких болезней. Все в порядке. Недоумевает, спрашивает: «Чем вы болели?» — «Корью в детстве, больше ничем». — «Вспомните, может быть, еще чем-нибудь болели?» Начал вспоминать и вспомнил зуб. Опухоль. Когда это было? Двадцать лет тому назад. Ровно двадцать!

Никольс. Позвольте, но ведь вы говорили, что вам тогда было тридцать шесть лет, а теперь сорок девять.

Сантано. Может быть, я немножечко ошибся. Дело не в том, сколько мне сейчас, а в том, что прошло ровно двадцать лет, — срок, который я смог прожить, по мнению онколога. Не больше. И вот тут-то начались мои мучения. Я заболел, если так можно выразиться, ракобоязнью. Всюду щупал себя. Искал опухоли. Бегал по врачам. Нахожу признаки рака во всех частях тела. Не могу работать. Одна мысль гвоздит меня: «Твой срок пришел!»

Никольс *(взглянув на Элис)*. Да, это вполне возможно. Вы, господин Фелл, по-видимому, субъект, легко поддающийся внушению. Неосторожный врач, сам об этом не думая, внушил вам мысль о том, что вы умрете через двадцать лет. Такие случаи отмечались в медицинской литературе.

Сантано *(со страхом)*. И люди умирали?

Никольс. Вы еще проживете сто лет, а потом приходите ко мне, я дам вам новую отсрочку.

Сантано. Я знал, что вы поможете мне. Вы один, и никто другой. Чем ушибся, тем и лечись!

Никольс. Совершенно правильно. Садитесь в это кресло. Откиньтесь на спинку. *(Смотрит в глаза Сантано и внушительно говорит.)* Спите!

Сантано тотчас закрывает глаза.

Никольс *(к Элис)*. Он действительно чрезвычайно легко поддается гипнозу. *(К Сантано.)* Вы совершенно здоровы. Никакого рака у вас нет. Вы не будете больше думать об этом!.. Через неделю вы явитесь ко мне для повторного визита. Когда я просчитаю до десяти, вы проснетесь... Раз... два...

Сантано *(вдруг открывая глаза и поднимаясь)*. Даже раньше проснусь, если позволите. *(Потирает руки и смеется.)* Ловко я одурачил вас, господин Никольс? Как говорится, нашла коса на камень. По своей профессии я также имею кое-какое касательство к гипнозу. Удивлены? Ошарашены? Да, я симулировал сомнамбулическое состояние. Хорошо? Артистически?

Никольс. Зачем же вам понадобилась эта шутка?

Сантано. Ага! Вы сами не отрицаете того, что я не спал! Загипнотизированные так не просыпаются. Верно? Возьмите это себе на заметку, и вы также, барышня, госпожа Элис Юнг! Зачем мне понадобилась эта шутка? Хотя бы для того, чтобы удостовериться в кое-каких ваших шутках. Например, как вы используете свое врачебное положение для того, чтобы внушать пациентам приходить на повторные сеансы и нести вам свои монеты.

Никольс. А я не беру за повторные визиты!

Сантано. Да? Так я вам и поверил!

Никольс. Что же вам, наконец, надо? Вы хотите шантажировать меня? Получить деньги?

Сантано. Представьте, что нет!

Никольс *(удивленно.)* Нет? Но тогда что же?..

Сантано. Очень немного. Мне надо, чтобы вы передали мне светящегося человека, господина Джона Паркера, которого вы незаконно лишили свободы и скрываете у себя!

Никольс. Ах, вот что!

Никольс бросается к Сантано, схватывает его за шиворот и, не дав опомниться, наваливается на него всем телом, выталкивает из кабинета, из приемной, из передней и, наконец, за дверь, ударив ногой в спину с такой силой, что Сантано кувырком летит на тротуар, потом следом за Сантано Никольс выбрасывает на тротуар его пальто, цилиндр мышиного цвета.

Приемная. Возле двери побледневшая Вуд.

Никольс *(дико взглянув на кассиршу, отчего она побледнела еще больше)*. Сегодня никого не

принимать! Я уж от одного пациента сыт по горло! *(Уходит.)*

Сантано на улице. Возле подъезда автомобиль. Сантано отряхивается, надевает пальто и цилиндр. Идет к автомобилю.

Сантано. Сантано сумеет постоять за себя! В полицию!

Комната индивидуального гипноза. Элис, застывшая возле кресла. Входит возбужденный Никольс.

Элис *(тихо, подавленная происшедшей сценой)*. Что вы наделали, господин Никольс?

Никольс. А что я должен был делать, по-вашему? *(Ходит по комнате, резко отодвигает ногой стул.)* Пойдемте в кабинет, Элис. Откуда свалился этот Фелл? Как он узнал о Паркере? Зачем ему нужен Паркер?

Элис. Надеюсь, вы не подозреваете меня?

Никольс. Конечно, нет! Но кто бы мог это сделать?

Элис. Может быть, я ошибаюсь, но... кроме нас, одна госпожа Вуд знает все. И она очень недоброжелательно относится к вам.

Никольс. Все возможно... Как бы то ни было, гром грянул, война началась, надо сражаться!.. Но какой ловкач! Слушайте, Элис!.. Неизвестно, чем все это кончится. Мое дело не должно погибнуть. Если со мной что-нибудь случится, вы будете продолжать мою работу. Обещаете?

Элис. С вами ничего не случится. Вы можете вполне полагаться на меня.

Никольс *(страстно)*. О, если бы именно сейчас погас этот проклятый свет! Как бы все сразу изменилось! Все козни разрушились бы! Я вышел бы победителем...

Кабинет Сантано. Сантано сидит за столом, против него Битл.

Битл *(записывая в блокнот)*. Но ведь профессор Никольс...

Сантано. Никакой он не профессор. Присвое-

ние звания. Так и запишите. Он приказал госпоже Вуд величать его профессором перед всеми пациентами. Так. О задержании Паркера записали? О повторных визитах? Вымогательстве? Список пациентов? Адреса?

Битл. Все в порядке!

Сантано. Отлично! Желаю успеха. Проберите его на все корки. *(Вынимает из кармана пачку денег и передает Битлу одновременно с рукопожатием.)*

Битл *(встает, кланяется)*. Не беспокойтесь, господин Сантано. У меня с этим прохвостом Никольсом свои счеты!

Комната у пациента Никольса, лысого старика. Сидят старик и Битл.

Старик. Я всегда говорил, что Никольс шарлатан и обманщик. Вытянул из меня не одну сотню своими повторными визитами, и все на ветер. *(Проводит рукой по лысине.)* А ведь эта Вуд уверяла со слов Никольса, что даже волосы отрастут и почернеют. *(Битл быстро записывает.)*

Комната старухи — пациентки Никольса. Старуха и Битл.

Битл *(записывает и спрашивает)*. Никакого улучшения?

Старуха. После сеанса чувствовала себя великолепно, а потом все по-старому. Увы, то был самообман.

Битл. И обман со стороны Никольса...

Кабинет старого профессора. Профессор и Битл.

Профессор. Внушение, разумеется, может произвести видимость омолаживания. Но применение гипноза с этой целью считаю шарлатанством. И уже совершенно недопустимо внушать под гипнозом повторные визиты. Это преступление, вымогательство.

Ресторан. Публика за столиками. Вбегают мальчишки-газетчики. Звонко кричат:

— Сенсационные новости! Доктор Никольс — шарлатан!

— Никольс обирал своих пациентов!

— Никольс держит взаперти светящегося человека!

— Господин Битл разоблачил преступника!

Посетители ресторана быстро раскупают газеты. Шумно разговаривают друг с другом.

Кабинет Никольса. Никольс и Элис.

Из-за двери кабинета показывается перекошенное лицо госпожи Вуд. Она пытается что-то сказать, лязгая зубами, но вдруг неистово взвизгивает, словно ее пощекотали под мышками. Ее голова внезапно поднимается на три фута, описав дугу, исчезает.

Дверь широко распахивается, и в кабинет вбегает Майкл. Со своим расплющенным носом, рассеченной губой, с налитыми кровью глазами, глядящими из-под низкого лба, он страшен, как взбесившийся бегемот.

Майкл. Где он? *(Быстро осматривает кабинет и бросается к Никольсу, сжимая свои чудовищные кулачища.)* Где Паркер?

В дверях появляется полицейский. За ним выглядывают Сантано и Битл.

С необычайной быстротой полицейский схватывает за руку Майкла.

Полицейский. Стоп! Задний ход, господин Грот.

Майкл зарычал, остановился.

Полицейский *(Майклу)*. Отойдите в сторону и стойте смирно!

Майкл, как побитый, отходит в сторону.

Полицейский. Господин Никольс! Мне сообщили, что вы незаконно лишили свободы некоего Джона Паркера и держите его у себя.

Никольс. Я не лишал свободы Джона Паркера.

Полицейский. Но он находится у вас?

Никольс. Да, у меня.

Полицейский. Разрешите мне повидаться с ним в присутствии понятых. *(Указывает на Майкла, Сантано и Битла.)*

В продолжение последующей сцены Битл быстро записывает в блокнот, следя за происходящим.

Никольс. Пожалуйста.

Комната Паркера. В комнате темно. Паркер ходит из угла в угол.

Входят Никольс, Элис, полицейский, Майкл, Сантано, Битл.

Никольс зажигает огонь.

Майкл бросается к Паркеру и обнимает его с такой силой, что Паркер морщится.

Майкл. Дорогой Джон Паркер! Я пришел освободить вас, старина!

Полицейский. Господин Грот, оставьте господина Паркера, отойдите в сторону! *(Майкл послушно отходит.)* Господин Паркер! Почему вы находитесь здесь? Господин Никольс лишил вас свободы?

Паркер *(растерянно смотрит на прибывших)*. Нет, господин Никольс не лишал меня свободы.

Полицейский. Но вы не хотели бы уйти с нами?

Паркер *(испуганно)*. Нет, нет! Я не хочу уходить от господина Никольса. Он даже мне сам открывал дверь на улицу и предлагал уйти от него, но я отказался. Он лечит меня.

Полицейский вопросительно смотрит на Сантано.

Сантано *(тихо, полицейскому)*. Гипноз! Внушение!

Майкл *(не утерпев)*. Дружище Паркер! Почему же вы не поздоровались со своим дядюшкой! *(Кивает головой на Сантано.)* Он так заботился о вас.

Паркер *(взглянув на Сантано)*. Я не знаю этого человека. Первый раз вижу.

Майкл *(рассерженный, кричит на Сантано)*. Вы что же это, обманывать меня?

Сантано *(прячась за спиной полицейского)*. Явное дело, Джон находится под гипнозом. Что ему внушили, то и говорит. Он и родной матери не узнал бы! *(Выглядывая из-за спины полицейского, с чувством.)* Джон! Неужели ты забыл меня, брата твоей бедной матери?

Паркер. У моей матери не было братьев.

Полицейский *(сообразив, что дело неладно)*. Господин Сантано! Загипнотизирован или нет господин Паркер, этот вопрос могут решить только специалисты. От господина Паркера я не имею жалобы на лишение свободы и не вправе уводить его отсюда против его воли. Моя роль кончена. Можете обратиться к прокурору. *(Поворачивается и уходит.)*

Сантано *(следуя за полицейским)*. Но... господин сержант... *(Уходит.)*

Битл мечется, чтобы не упустить того, что происходит в разных комнатах.

Майкл *(кричит в дверь вслед ушедшим)*. Я сейчас, одну минуту. *(Подходит к Паркеру.)* Ушел черт! Как огня боюсь их. Не могу ли я быть вам полезен, дружище? Может, булочку принести? Курить у вас есть?..

Паркер. Благодарю, Майкл, я ни в чем не нуждаюсь. Вот только одно, если бы вы смогли... Куда-то исчезла Мэг, Мэгги. Я не мог узнать по телефону, где она, что с ней. Телефон парикмахерской почему-то не работает, из ее квартиры сказали, что она выехала неизвестно куда. И вот если бы вы смогли разыскать ее, то лучшей услуги не могли бы оказать мне. Мэг, Мэгги, я потерял ее!.. *(Вздыхает.)*

Майкл *(вздыхает еще более шумно)*. А где она может быть?

Паркер. В этом весь вопрос. Надо найти.

Майкл. А как ее найти?

Паркер. Ну, справьтесь в парикмахерской, побывайте у нее на квартире. Может быть, что-нибудь узнаете.

Майкл *(крякнув)*. Задали вы мне задачу, Джон! Если бы вы мне сказали: «Майкл, сверни шею Никольсу! Преврати его в лепешку», или: «Переломай ноги этому новоявленному дядюшке», — я бы мигом. Но такие дела... Тут надо мозгами ворочать, а они у меня... как жернова... сами знаете.

Паркер *(поняв, что Майклу эта задача не по силам, упавшим голосом)*. Ну, может быть, на улице встретите.

Майкл *(оживленно)*. Уж если встречу, сгребу и в тот же миг на руках вам доставлю.

Голос полицейского. Господин Грот!

Майкл *(вздрогнув)*. Иду, иду!

Улица. Бегут мальчишки-газетчики и кричат:

— Новая сенсация! Светящийся человек найден!

— Никольс держит у себя Джона Паркера под гипнозом!

— Никольс сделал из Паркера светящегося человека!

— Паркер обречен на смерть в ужасных страданиях!

— Никольс должен быть арестован!

— Никольса предают суду!

Кабинет редактора газеты «Времена суток». Редактор сидит за столом, курит сигару. Перед ним стоит взволнованная Элис с газетой в руках. За соседним столом Битл. Он насмешливо смотрит на Элис.

Элис *(взволнованная и возмущенная)*. Но ведь в ваших статьях нет ни слова правды! Это клевета! Если вы не поместите мое опровержение...

Редактор *(строго)*. Я прошу вас, госпожа Юнг, быть осторожнее в выражениях! Наша газета дает только проверенные материалы...

Элис *(увидев Битла, обращается к нему)*. Вы сами были у господина Никольса. Это ваши статьи? Как вам не стыдно!

Битл *(нагло смотрит на нее и беззвучно смеется)*. Вы сами были свидетелем того, как обходится господин Никольс с представителями печати. Кто сеет ветер, тот пожнет бурю.

Элис *(редактору)*. Так вы решительно отказываетесь печатать мое опровержение?

Редактор. Решительно и бесповоротно!

Элис *(мнет газету в руках и бросает ее на стол перед редактором)*. Негодяи! *(Круто поворачивается и уходит.)*

Кабинет старого профессора Истмена. Истмен и Элис.

Элис. Господин профессор, доктор Никольс говорил мне, что несколько лет тому назад он обращался к вам с предложением совместной работы над опытами потенцирования организма искусственными радиоэлементами. Вам знакома сущность дела. И я надеюсь, что вы...

Истмен. Я не понимаю, что вы хотите от меня. Ведь я и тогда отказался от работы, находя ее не научной...

Элис. Однако, как мне известно, вы сами потом стали работать в этой области и опубликовали несколько статей. Вы использовали материал Никольса!

Истмен *(вставая, возмущенно)*. Вы изволите оскорблять меня? Обвинять в плагиате? Я шел самостоятельным путем, и я докажу это! Что же касается вашего Никольса, то он уже погубил одного человека, Джона Паркера.

Элис. Я вижу, что мне с вами разговаривать не о чем.

Кабинет молодого ученого Кронина. Кронин и Элис.

Элис *(с убитым видом сидит в кресле. Кронин ходит по кабинету)*. Это ужасно...

Кронин *(ласково)*. Не огорчайтесь, госпожа Юнг. Борьба, всюду борьба! Мир ученых не представляет исключения. Работы господина Никольса, с моей точки зрения, заслуживают не осуждения, а всяческой поддержки. Ошибки могут быть у каждого. Но ошибка Никольса со свечением тела — ошибка исправимая. Я поставлю вопрос на ученом совете института.

Элис *(поднимается, жмет руку Кронина)*. Спасибо! Это первые дружеские слова, которые я слыхала за сегодняшний день.

Зал ученого совета. Длинный стол, покрытый зеленым сукном. За столом ученые. Кронин произносит речь. Ученые разделились на две партии. Большинство против. Шум, крики.

Кронин. Потенцирование организма — крупнейшая научная проблема нашего времени...

Голоса:

— Всякую проблему можно испортить!

— Мы должны беспощадно изгонять шарлатанов от науки из наших рядов!

Кронин. Нельзя выносить поспешное суждение. Каждый из нас...

Голоса:

— Никольс — шарлатан!

— Следует, однако, разобраться по существу! Не выносить скороспелых решений!

— Авантюрист!

— Преступник!

— Позвольте! К порядку ведения заседания, прошу слова!

Председательствующий, дряхлый старик, слабо звонит в колокольчик. Общий шум, крики...

Поле для игры в футбол. Толпа студентов. Одни из них в спортивных костюмах, другие в обычных костюмах, но с корпоративными шапочками.

Забыв об игре, две группы студентов стоят друг против друга и ожесточенно спорят. Слышны отдельные голоса:

— Доктор Никольс — благодетель человечества!

— Таких благодетелей в тюрьму сажать!

— Так могут говорить только тупицы!

— Как вы смеете оскорблять?

Общий шум, гам, крики. Начинается свалка.

Кабинет судьи. Судья и профессор Истмен.

Истмен. Я не могу отрицать того, господин судья, что работа Никольса имеет огромное значение. Но в его руках потенцирование — опасное орудие. Он хочет сделать потенцирование общим достоянием. Это может привести к огромным экономическим и социальным потрясениям.

Судья. Я понимаю вас, господин Истмен. Интересы государства, общества требуют, чтобы Никольс был... изъят... Он должен быть осужден, хотя для суда это не легкая задача.

Кабинет Никольса. Никольс и Элис.

В кабинет без стука входит Вуд с горящими от злорадства глазами и торжествующей улыбкой.

Вуд. К вам пришли, господин Никольс! *(Широко открывает двери. Входят следователь, два полицейских, Битл и Сантано.)*

Следователь. Господин Никольс! На основании постановления прокурора я должен произвести у вас обыск и арестовать вас. Вот ордер. *(Протягивает Никольсу бумажку, тот не берет ее.)*

Никольс. Спрячьте в портфель, мне он не нужен.

Два полицейских стали по обе стороны Никольса и уже не отходят от него.

Элис. Почему же вы не арестовываете и меня? Я работала с господином Никольсом и отвечаю вместе с ним за все!

Следователь *(улыбаясь)*. К сожалению, не могу удовлетворить вашего желания, на ваш арест пока не имею ордера.

Никольс *(многозначительно взглянув на Элис)*. Успокойтесь, Элис, и не делайте глупостей. Вы только моя служащая и ни в чем не виноваты. У вас свой путь.

Элис. Ваш путь — мой путь!

Никольс. И продолжайте этот путь без меня.

Элис. Но я... *(Она пошатнулась.)*

Сантано, шаркая лакированными туфлями, подскакивает к ней с намерением подхватить ее под руку.

Элис *(брезгливо отталкивая его)*. Не подходите ко мне... негодяй!

Сантано прошаркал мимо с таким видом, как будто он и не собирался подходить к ней.

Никольс *(следователю)*. Вы позволите мне проститься с моим пациентом Паркером?..

Следователь. Не возражаю.

Комната Паркера. Дверь открывается. Входит Никольс в сопровождении полицейских. За ним следуют остальные.

Паркер. Что это значит, господин Никольс?

Никольс. Это значит, что я арестован. Пришел проститься с вами.

Паркер. Арестованы? Господин Никольс! Что

же будет со мной? Кто мне поможет? Кто погасит свет? Что теперь будет со мной и Мэг? Господин Никольс! Я не хочу расставаться с вами!

Следователь *(улыбаясь)*. Как, вы тоже желаете следовать за господином Никольсом?

Никольс. Не беспокойтесь, Паркер. Свет скоро погаснет. Даю вам слово. Искусственные радиоэлементы недолговечны.

Следователь *(Паркеру)*. Господин Паркер, в предстоящем суде вы явитесь главным свидетелем обвинения и, так сказать, вещественным доказательством. Вероятно, вы захотите выступить против господина Никольса и в качестве гражданского истца. Для этого у вас все данные.

Паркер. Но я не имею никаких претензий к господину Никольсу. Мне хочется только, чтобы он скорей погасил мое свечение...

Следователь. Об этом вы скажете на суде. Но суду необходимо обеспечить вашу явку. Мы не можем ограничить вашу свободу, однако должны принять свои меры. Суд находит, что в его и ваших интересах необходимо, чтобы вы до суда находились у господина Сантано, который любезно согласился на это. Поговорите с ним и решите. Но предупреждаю, если вы не согласитесь на мое предложение, нам придется принять в отношении вас другие меры. *(Никольсу.)* А теперь прошу вас присутствовать при обыске.

Все, за исключением Сантано и Паркера, уходят.

Сантано с торжествующим видом обходит вокруг Паркера, затем выключает свет.

Сантано. Я еще не разглядел вас как следует. Эффектно! Сенсационно! Изумительно! Оригинальней, чем я ожидал! Это, наверно, сердце? Ишь, как екает! Я не знал, что оно такое большое и совсем не похоже на те сердца, которые изображают пронзенными стрелой амура или на картах червовой масти... А это что? *(Тычет пальцем в живот.)* Печенка или селезенка? А где почки? *(Вертит и мнет Джона.)* Доктора говорят, что у меня почки не в порядке. Интересно посмотреть, как они выглядят.

Паркер. Оставьте меня в покое!

Сантано. Ну, ну, какой недотрога! Так согласны работать у меня? Ведь вам все равно некуда деваться. У меня полная чаша. Чего душе угодно.

Паркер. И что дальше?

Сантано. А дальше вот что. Если согласитесь выступать перед публикой, то сверх прочего вы получите кое-какие деньжонки.

Паркер. Вы хотите показывать меня, как какого-нибудь крокодила? Я не буду выступать перед публикой.

Сантано *(безразличным тоном)*. Ваше дело. Я думал, вы умнее и практичнее. Вы могли бы хорошо подработать для своего гнездышка, пока погаснет свет. А к тому времени мы разыскали бы и вашу несравненную Мэг. Я уже напал на ее след.

Паркер. Вы обещаете мне это?

Сантано. Да. А у Сантано слово и дело не расходятся.

Паркер. Хорошо! Если так, я согласен на все.

Сантано. И умница, и отлично! *(Обнимает его.)* Идем, племянничек!

Подъезд у дома Никольса. Автомобиль для арестованных. Никольс садится в сопровождении полицейских. Битл несколько раз щелкает аппаратом. У двери Элис, в пальто и шляпе.

Подъезжает автомобиль Сантано. Сантано усаживается вместе с Паркером и Вуд. Когда автомобиль трогается, Вуд бросает на Элис торжествующий взгляд.

Элис *(шепчет)*. Змея! *(Закрывает дверь на ключ, кладет в сумочку и, низко опустив голову, бредет по тротуару.)*

Зал судебного заседания. Вечер. Горят лампы. Места для публики переполнены. Судьи. Прокурор. Адвокат. На скамье подсудимых Никольс.

Атмосфера в зале судебного заседания накалена. Публика остро реагирует на все выступления. Перед судьями стоит Вуд и дает показания.

Вуд. Да, господин Никольс приказывал мне называть его профессором.

Никольс. Ложь!

Адвокат *(к Вуд)*. Вы называли перед пациентами доктора Никольса профессором в его присутствии или за глаза?

Вуд *(несколько смущенно)*. Я... я всегда говорю что за глаза, то и в глаза.

Прокурор. И он не возражал?

Вуд. Он даже приказывал. И он заставлял меня расхваливать его как гипнотизера.

Прокурор. Что же заставляло вас исполнять его приказания?

Вуд *(пожимая плечами)*. Я служила у него. Другую работу найти не легко... Он эксплуатировал меня, третировал, как последнюю служанку-негритянку. А я не какая-нибудь... Это меня только жизнь зажала. Ужасный человек!

Прокурор. Скажите, свидетельница, господин Никольс брал деньги за повторные визиты?

Вуд. Да, всегда.

Никольс. Ложь!

Судья *(Никольсу, грубо)*. Подсудимый! Прошу без реплик. Вам будет предоставлено слово.

Прокурор *(судье)*. Прошу огласить документы под номером два.

Судья. При обыске были отобраны квитанционные книжки *(показывает)*... в которых имеются записи о взимании денег за повторные визиты.

Прокурор *(торжествующе, Никольсу)*. Вы теперь, надеюсь, не будете обвинять свидетелей во лжи?

Никольс. Буду.

Адвокат. Эти записи в квитанционных книжках велись вами, госпожа Вуд?

Вуд. Да.

Адвокат. Прошу занести это в протокол.

Судья *(другим судьям, прокурору, адвокату)*. Вопросов больше не имеете?

Прокурор. Еще один. Скажите, свидетельница, обвиняемый Никольс держал Джона Паркера взаперти?

Вуд *(оживленно)*. О да! Господин Паркер хотел даже выпрыгнуть в окно. Но господин Никольс загипнотизировал Паркера, и тот остался.

Адвокат. Почему вы думаете, что загипнотизировал?

Вуд. Потому, что загипнотизировал. Я же знаю! Он делал вот так... *(Вытягивает руки вперед, таращит глаза, говорит басом.)* «Спите!»

Судья. Вопросов не имеете? Садитесь, госпожа Вуд.

Вуд. Я еще хотела сказать... господин Никольс заставлял меня убирать квартиру, словно я прислуга... он...

Судья. Садитесь! Свидетельница Буш.

К судебному столу подходит молодящаяся старуха. Жеманится, кокетничает.

Судья. Что вы имеете сказать? Вы лечились у доктора Никольса от старости?

Буш *(обиженно)*. Я не так уж стара, чтобы лечиться от старости, но кто не хочет быть еще моложе? Господин Никольс обещал мне...

Судья. И что же?

Буш. Простите, но я смущаюсь... Дело интимное. У меня был жених... то есть я хотела бы, чтобы он стал моим женихом и мужем. Но дело расстроилось. Он женился на девчонке, которая только и умела, что закатывать глаза да вертеть хвостом. Мое счастье разбито. И в этом я обвиняю господина Никольса. Он обманул меня. *(Смех в публике.)*

Судья. Словом, вы остались такой же старой, как были?

Буш. Я... я осталась такой, какой была. Еще не старой, но не первой молодости. А эти мужчины...

Судья. Так. Вопросов не имеете? Садитесь. Свидетель Палей.

Выходит лысый старик.

Старик *(громко и сердито)*. Господа судьи! Я всегда говорил, что Никольс шарлатан и мошенник...

Адвокат *(судье)*. Прошу призвать свидетеля к порядку, он не должен оскорблять...

Судья *(старику)*. Говорите по существу. Никольс обещал омолодить вас и не омолодил?

Старик *(показывая кончик пальца)*. Ни на вот столечко. И вытянул из меня кругленькую сумму. Сейчас я чувствую себя хуже, чем раньше. Сухой плеврит. А недавно упал на улице. Повредил ногу.

Адвокат. Но разве вы не были сбиты с ног убегавшим преступником?

Старик. Да, но если бы меня омолодили, то я бы сам сбивал с ног, а не меня сбивали!

Судья *(сторонам)*. Вопросов не имеете? Садитесь. Свидетель Сантано.

Сантано. К моему показанию, данному у господина следователя, мне нечего прибавить. Я имитировал на сеансе у господина Никольса сомнамбулическое состояние и убедился, что он действительно внушал повторные визиты, чтобы извлечь доход из своих жертв. Господин Никольс сам должен был признать это в присутствии ассистентки госпожи Юнг. Что касается господина Паркера, то он сам об этом расскажет.

Судья. Вопросов не имеете?

Адвокат *(к Сантано)*. Что заставило вас прибегнуть к симуляции?

Сантано. Желание разоблачить преступника и предохранить других людей.

Адвокат. Господин Паркер находится теперь у вас?

Судья. Это не относится к существу дела. Садитесь, Сантано. Свидетель Битл.

Битл. Меня вызывал по телефону господин Никольс. Когда я пришел к нему, то он предлагал мне большие деньги за то, чтобы я написал о нем несколько рекламных статей. Попросту он хотел подкупить меня. Я с негодованием отказался от такой гнусной сделки.

Никольс. Какая наглость!

Судья *(Никольсу, грубо)*. Подсудимый! Если вы будете мешать, я прикажу вывести вас! *(Битлу, любезно.)* Продолжайте, господин Битл!

Битл. Я написал ряд статей, в которых показал истинное лицо господина Никольса.

Судья. Можете садиться, господин Битл. Свидетель Джон Паркер!

В публике оживление. Входит Паркер.

Судья. Господин Паркер! Расскажите все, что с вами произошло.

Паркер. Господин Никольс произвел надо мной опыт. После опыта я почувствовал необычайный прилив сил. Я не испытывал и не испытываю до сих пор ни малейшей усталости, ни малейшего желания спать.

Прокурор *(Паркеру)*. Вы добровольно жили у господина Никольса?

Паркер. Совершенно добровольно.

Сантано недовольно кряхтит и делает Паркеру знаки.

Прокурор. Почему вы жили у Никольса?

Паркер. Господин Никольс обещал, что погасит мое свечение.

Прокурор. Какое свечение?

Паркер. Вскоре после опыта я заметил, что мое тело светится... Это причиняло мне немало неприятностей.

Прокурор. Так. Значит, вы не совсем добровольно жили у господина Никольса... Вы, кажется, имели невесту, и она отвергла вас, увидав ваше свечение?

Паркер. Да, Мэг, моя Мэг сказала мне, чтобы я не являлся к ней, пока не погаснет свет.

Прокурор *(судье)*. Я прошу суд установить факт свечения господина Паркера.

Судья. Господин пристав! Погасите свет.

В зале движение. Свет гаснет. Паркер светится.

Вначале присутствующие, пораженные видением, сидят молча, затем раздаются отдельные восклицания:

— Какой ужас!

— Несчастный!

— Проклятый Никольс!

— В тюрьму его!

Слышится истерический крик.

Судья *(звонит)*. Зажгите свет!

Свет зажигают.

Прокурор *(Паркеру)*. Итак, ваше семейное счастье разбито по вине доктора Никольса?

Паркер. Да, разбито... Но господин Никольс уверяет, что свет погаснет...

Судья. Но пока вы светитесь. И для нас все ясно. Садитесь, Паркер. Свидетельница Смит.

Старуха Смит подходит к столу.

Адвокат. Госпожа Смит, вы подвергались гипнотическим сеансам у господина Никольса?

Смит. Да. И я очень благодарна ему. Господин Никольс не обещал невозможного. Но его сеансы благотворно повлияли на мое состояние. Я снова вернулась к работе. Такой же благотворный результат я наблюдала и у других пациентов.

Прокурор. Вы платили за повторные сеансы?

Смит. Да, платила. Половину.

Прокурор. Вопросов не имею.

Судья. Садитесь. Госпожа Элис Юнг!

Элис Юнг подходит к столу.

Адвокат. Госпожа Элис Юнг, заставлял ли господин Никольс госпожу Вуд называть его профессором в ее разговорах с пациентами?

Элис. Нет. Больше того, он всякий раз поправлял ее, когда она называла его профессором.

Прокурор. В каких отношениях вы состоите с обвиняемым Никольсом?

Элис. Я его ассистентка.

Прокурор. И только?

Элис *(возмущенно)*. Что вы хотите сказать?

Прокурор *(с невинным видом)*. Ничего. Продолжайте.

В публике шепот и движение.

Адвокат. Я прошу очной ставки свидетельницы госпожи Вуд с госпожой Юнг!

Судья. Госпожа Вуд!

Вуд подходит.

Адвокат *(к Вуд)*. Вы уверяете, что господин Никольс брал за повторные визиты?

Вуд. Да. У суда имеются квитанции...

Адвокат. А не знакомы ли вам эти квитанционные книжки? *(Показывает Вуд, потом передает судьям.)* Прошу приобщить к вещественным доказательствам.

Вуд. Я... не знаю.

Адвокат. Как суд может убедиться, это дубликаты квитанционных книжек, но в них нет квитанций на взимание платы за повторные визиты. Такие квитанции госпожа Вуд представляла доктору Никольсу.

Элис. Я подтверждаю это.

Адвокат. Таким образом, госпожа Вуд вела «двойную бухгалтерию»! Подлог! Госпожа Вуд клала себе в карман за повторные визиты.

Вуд. Нахал! Как вы смеете оскорблять беззащитную женщину!

Вуд закатывает истерику. Ее успокаивают и усаживают на место.

Элис. Господин Битл здесь нагло лгал. Это он пытался получить деньги от господина Никольса за рекламные статьи, но Никольс выгнал его вон.

Битл. Осторожнее, барышня! Я привлеку вас за клевету.

Элис. Что касается господина Сантано, то он топит доктора Никольса, чтобы захватить в свои руки Паркера.

Судья. Прошу не делать своих выводов!

Элис. Никольс не внушал Паркеру...

Судья. Об этом может судить только эксперт.

Элис. Но я сама специалист по гипнозу.

Судья. Здесь вы только свидетельница. Садитесь!

Адвокат. Позвольте, но я имею еще ряд вопросов.

Судья *(заглушает адвоката)*. Судебный эксперт профессор Истмен!

Элис, возмущенная, садится на место. Истмен подходит к столу.

Прокурор. Ваше мнение, господин Истмен, о возможности омоложения под гипнозом?

Адвокат. Я возражаю против этого вопроса. Профессор Истмен не специалист по гипнозу.

Судьи совещаются.

Судья *(с неудовольствием)*. Профессор Истмен! Ваше мнение о потенцировании?

Истмен. Мощное, но опасное средство воздействия на организм. Опыт господина Никольса над Паркером может служить этому примером. Во всяком случае, эти опыты над людьми были преждевременными.

Прокурор. Иначе говоря, Никольс применил недозволенные, а значит, и преступные методы лечения, воздействия на организм?

Истмен. Да, поскольку потенцирование не вышло из пределов опытов.

Прокурор. Вопросов не имею.

Адвокат. Я просил бы выслушать мнение профессора физиологии господина Кронина.

Суд совещается.

Судья. Суд постановил в просьбе защитника отказать, так как профессор Кронин не состоит в числе судебных экспертов. Объявляю перерыв.

Затемнение.

Зал суда. Все стоят.

Судья *(заканчивает читать приговор)*. И лишить доктора Никольса права врачебной практики на три года. Оштрафовать его на тысячу долларов с заменой в случае неуплаты пятимесячным заключением. Возложить на него судебные издержки... Приговор может быть обжалован...

Вестибюль суда.

Выходит публика. Сантано и Паркер идут вместе.

Сантано *(сердито дергая Паркера за рукав)*. Я же говорил вам, о чем говорить, а вы говорили... *(Проходят.)*

Слышатся голоса:

— Мало дали!

— Такого бы прямо на электрический стул! Людей зажигать!

Дама *(другой)*. Бедная Мэг! Его невеста!

Вторая. А я бы не бросила его!

Молодой плохо одетый человек. Это не суд, а расправа. Хладнокровное убийство человека. И какого человека!

Второй. Уж и убийство!

Первый. Да, убийство. Кто опорочен судом, тот у нас вычеркнут из общества, из жизни.

Группа студентов. Голоса:

— Мы поднимаем кампанию в газетах. Никольс должен быть оправдан! Приговор кассируют.

— И вас бы вместе с Никольсом в тюрьму засадить!

Освещенный огнями паноптикум Сантано. На стенах огромные плакаты с изображением «мирового чуда» — светящегося человека. Портретного сходства с Паркером нет, зато тело светится так, что от него идут лучи, а скелет нарисован очень четко.

Играет музыка. У входа огромный негр.

В автомобиле подъезжают Сантано и Паркер. Паркер с некоторым испугом смотрит на плакаты со своим утрированным изображением.

Подъезжают новые автомобили. Ими запружена вся площадка. Толпится народ, желающий попасть в паноптикум.

Вестибюль. В кассовом окне Вуд продает билеты.

Сантано кивает ей головой и проходит в свой директорский кабинет вместе с Паркером.

Кабинет Сантано. Письменный стол. Реквизит. Плакаты и афиши на стенах.

Посредине кабинета стоит красивая девушка в костюме Прекрасной Елены. Перед ней Грин. Увидав Сантано и Паркера, Грин говорит «Прекрасной Елене»:

— Чтоб этого у меня больше не было! Идите!

Девушка молча поклонилась и выбежала.

Сантано. Женушка, за что ты пробирала «Прекрасную Елену»?

Грин. С этими твоими девчонками нет сладу.

Осталось всего полчаса до начала сеанса, а они еще не готовы. «Елена» даже не причесала волосы. «Клеопатра» куда-то засунула свою змейку и не может найти. Безобразие! Хлопот не оберешься! Я тебе говорила: купи восковые фигуры. С ними никаких забот. Есть не просят, денег не требуют и всегда в порядке.

Сантано. Но, милочка, восковые фигуры кусаются. Им платить не надо, зато за них сдерут тысячи, а этим нищим девушкам я плачу гроши... *(Паркеру.)* Пройдемте, Паркер, в артистическую, познакомьтесь со своими товарищами.

Артистическая комната. Углы комнаты, грубо сколоченные столы и табуреты завалены реквизитом, бутафорией, фокусной аппаратурой, яркими костюмами. Карлики, великаны, уроды.

К Паркеру подходит высокая статная женщина в шелковом платье с очень длинными распущенными волосами, усами и длинной бородой, покрывающей всю грудь. Задом к Паркеру стоит женщина с декольтированной спиной. У нее между лопатками свисает длинная, как лошадиный хвост, прядь волос. К Паркеру подходят сросшиеся боками близнецы.

Бородатая женщина *(спрашивает Паркера густым басом)*. Новенький?

Паркер. Да, господин... госпожа...

Бородатая женщина. Какой у вас номер?

Паркер. Номер? Какой номер?

Бородатая женщина. Что умеете делать?

Паркер. Я... свечусь в темноте.

Бородатая женщина. Ого! Так это вы? Эй, светящийся человек пришел!

Из тесненьких уборных выбегают полуодетые артисты. Обступают Паркера «знаменитые женщины мировой истории»: «Елена Прекрасная», «Аспазия», «Семирамида», «Клеопатра», «Мария Стюарт», «Мария Антуанетта», «Екатерина II» и другие артисты.

Бородатая женщина. Сейчас он нам покажет свой номер. Погасите свет!

Свет выключен. Все молча и деловито разглядывают засветившегося Паркера. Потом слышатся голоса:

— Ловко!

— Этот номер поднимет сборы!

— Вероятно, Сантано не поскупился на расходы. Сколько вы взяли с него?

— Молодец Сантано!

Свет зажигают. К Паркеру подходит человек в длинной одежде мага, с приклеенной седой бородой и унылым лицом. Подает Паркеру руку — это иллюзионист Янос.

Янос. Янос. Иллюзионист. Продайте мне ваш секрет, господин Паркер!

Паркер. С удовольствием отдал бы вам даром мой секрет, если бы только мог.

Янос. Зачем же даром? Я хорошо заплачу вам. Неустойка — чепуха. Я и неустойку заплачу.

Звонок. Все бегут в дверь, ведущую в зрительный зал. «Клеопатра» мечется.

«Клеопатра». Девочки! Не видали мою змейку? *(Находит змейку на столе, хватает.)* Вот она, проклятая! *(Убегает.)*

Паноптикум. С левой стороны — стеклянные ящики, за которыми размещены восковые фигуры «знаменитых женщин». Публика быстро проходит, направляясь к выходу. Голоса:

— Изумительно!

— Я не мог поверить!

— Судебный процесс сделал хорошую рекламу светящемуся человеку.

Зрительный зал возле сцены. Занавес закрыт.

С задних рядов доносится шум последних аплодисментов, вызовов.

Сцена уже закрыта. В первых рядах стоят несколько зрителей, мужчин и дам в богатых одеждах. Разговаривают. Возле сцены в зрительном зале стоит Сантано. Он сияет.

Молодая девушка. Это в самом деле нечто поразительное! Надо будет обязательно привести сюда Мод?

Молодой человек *(в цилиндре, с тросточкой)*. Сюда? Мод? Даже мировое чудо не заманит Мод в этакую трущобу, наполненную дурно пахнущими плебеями.

Пожилой человек *(с моноклем в правом глазу)*. Если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе. Сейчас я постараюсь это уладить! *(Идет к Сантано.)* Господин Сантано! Не позволите ли вы господину Паркеру дать сеанс на дому? Можно и утром, когда паноптикум закрыт. Я оплачу полный вечерний сбор. Идет?

Сантано *(подумав)*. Но...

Пожилой господин. Два сбора, три сбора!

Сантано. Не могу отказать в вашей любезной просьбе!

Артистическая комната. Паркер сидит на табурете, задумавшись. Взволнованные артисты делятся впечатлениями.

— Вот это успех!

— Теперь Сантано будет загребать деньги лопатой!

Великан *(с завистью глядя на Паркера)*. Счастливчик! И чем это он мажется?

«Клеопатра». Мне бы так засветиться! Сидишь в своем ящике, руки, ноги онемеют...

Артисты постепенно расходятся по уборным, делясь впечатлениями. Только Янос ходит вокруг Паркера, как охотник вокруг дичи.

Янос. Так продайте же ваш секрет!

Паркер сидит неподвижно.

Кабинет Сантано. Сантано и Грин.

Сантано *(расхаживая по кабинету и потирая руки)*. Ну, женушка, теперь мы с тобой заживем! Этот Паркер — настоящее золотое дно! Сниму театр в центре города. Поднимем цены, повалит аристократия. Твоих холостяков разгоним, дом отремонтируем и устроим ресторан, поставим рулетку. Успевай только загребать денежки!..

Артистическая комната. Паркер все в той же позе. Склоняет голову все ниже.

Паркер. Мэг!.. Моя Мэг!..

Входит Сантано.

Сантано. Что же вы сидите пригорюнившись?

Паркер, словно проснувшись, поднимается. Сантано обнимает его.

Сантано. Идем, сынок! Идем, мое золотко!

Огромная комната. Дорогая мебель. Цветы. Большая люстра зажжена наполовину. Ливрейные лакеи закрывают большие окна бархатными занавесками. Убирают эстраду, покрытую ковром, лавровыми деревцами и цветами.

Сантано и Паркер сидят невдалеке от эстрады, полузакрытые зеленью. Из соседнего зала доносятся веселые голоса, звон бокалов, лязг вилок и ножей.

Паркер *(с грустным лицом)*. Есть как хочется... Сами едят, а нам хоть бы сюда что-нибудь прислали...

Сантано *(успокоительно хлопая Паркера по плечу)*. Миллионеры! Ничего, сынок! Перед нами мировая слава. И тогда любой миллионер почтет за честь посадить нас рядом с собой за стол.

Окна закрыты. Люстра ярко горит. Шумной веселой толпой гости наполняют комнату, рассаживаются в золоченые кресла перед эстрадой, перебрасываются шутками.

Джон входит на эстраду. Свет люстры погашен. Тело Джона засветилось. Слышатся голоса, легкий крик женщин.

— Очень эффектно!.. Словно светлячок!

— Или гнилушка!

— Очаровательно!

— Омерзительно!

— Повернитесь!

Джон с угрюмым лицом ходит по эстраде, поворачивается во все стороны.

Сантано *(шипит на него из-за лавровых деревцев)*. Почему у вас такой вид, словно вы присутствуете на собственных похоронах? Публика не любит этого. Сделайте веселое лицо! Улыбнитесь! Да улыбнитесь же, черт вас побери! *(Джон криво улыбается.)*

Молодой человек *(хозяйке дома)*. Послушайте, Мод! Вы всегда отличались эксцентричностью. Выходите замуж за светящегося человека. Иметь светящегося мужа! Этакую светлую личность! Разве это не оригинально? И он довольно интересен, этот светлячок. *(Паркеру.)* Эй! Как вас? Повернитесь лицом! Не правда ли, Мод? У вас будут светящиеся дети. Как светлячки, они расползутся по детской комнате. *(Общий смех.)*

Мод. Об этом надо будет подумать.

Два молодых человека взбираются на эстраду и начинают бесцеремонно щупать Джона. Он вынужденно улыбается. Один из молодых людей приказывает:

— Принесите на тарелке слив и абрикосов!

Лакей быстро приносит на тарелке сливы.

Молодой человек. Скушайте сливы, господин Паркер. И с косточками.

Паркер. Простите, но я не могу глотать косточки. Они могут вызвать аппендицит.

Сантано. Глотайте, Паркер, проглатывают же ребята, и ничего с ними не происходит.

Паркер, вздохнув, съедает две сливы с косточками. Молодые люди следят за движением косточек и говорят:

— Видите, видите? Вот они движутся.

Третий молодой человек поднимается на эстраду с незажженной папиросой в руке. Подходит к Паркеру и пытается приставить кончик папиросы к носу Паркера. Говорит:

— А, позвольте прикурить! *(Взрыв смеха.)*

Терпение Паркера истощилось. Он вдруг отталкивает от себя нахала так, что тот падает с эстрады. Паркер соскакивает с эстрады и бежит через зал. Сантано, подняв руки, бежит за ним. Переполох.

Паркер пробегает через ряд богато обставленных комнат, выбегает на улицу. Вскакивает на ходу в трамвай.

В трамвае.

Кондуктор *(Паркеру)*. Куда вам?

Паркер. Все равно... До конца...

Вагон трамвая пуст. Один Паркер сидит, глубоко задумавшись. Кондуктор трогает его за плечо и говорит:

— Приехали.

Как автомат, Паркер сходит со ступеньки вагона. Перед ним вокзальная площадь. Люди спешат на вокзал. Бежит и Паркер, опережая их.

Кассовое окно. В окне кассирша, перед ней Паркер.

Кассирша. Вам куда?

Паркер. Все равно... только подальше!

Кассирша *(улыбаясь)*. Очень далеко не уедете. Это пригородный поезд. Вам на конечную станцию?

Пассажир *(позади Паркера)*. Что это вы там? Торопитесь!

Паркер *(кассирше)*. Да, да! Конечную, самую конечную! *(Торопливо бросает бумажку, схватывает билет и бежит.)*

Кассирша. Сдачу! Вы не получили сдачу!

Несколько пассажиров кричат Паркеру:

— Вы не получили сдачу!

Джон бежит.

Платформа. Поезд двигается. Паркер вскакивает на ходу.

Вагон, переполненный пассажирами. Паркер сидит, забившись в угол и опустив голову.

Вагон опустел. Один Паркер сидит в той же позе. Кондуктор подходит к нему.

Кондуктор. Выходите! Вагон дальше не идет.

Джон идет по дороге. По сторонам дачи.

Паркер быстро идет по дороге среди полей. Лесок. Деревня. Вдали виднеется одинокое кладбище.

Кладбище.

Среди бедных могил с покосившимися крестами мавзолей. Против мавзолея часовня. Паркер сидит возле часовни на скамье. Откуда-то доносятся звуки, словно звучит контрабас на низкой ноте. Звук переходит как будто в исполняемый на органе похо-

ронный гимн, затем снова в однообразный звук контрабаса. Вечереет.

Внутренность мавзолея. Двое бродяг спят и громко храпят. Один из них просыпается и смотрит в окошко мавзолея. Испуганно вскрикивает и поспешно будит товарища.

Второй бродяга *(испуганно вскакивает)*. Полиция?

Первый. Неужели это не сказки, Сандро?

Второй. Что, Николо?

Первый. Да вот, что покойники могут выходить из могилы. Глянь в окошко.

Второй бродяга выглядывает в окно и протирает глаза. Снова смотрит. Возле церкви он видит светящегося Паркера. Паркер положил голову на руки и плачет.

Второй. Скажи, какая оказия, — и плачет. О чем же он плачет?

Первый. Может быть, вышел из могилы погулять, проветриться, да и забыл адрес своей кладбищенской квартиры.

Второй. Вот так история!..

Джон поднимает голову, вздыхает, говорит: «Есть как хочется». Вынимает папиросу, закуривает.

В мавзолее бродяги.

Первый бродяга. Ну, уж это дудки! Нигде не сказано, чтобы привидения курили. Это не полагается. Тут что-то не так. Какая-то фальшь.

Второй. Пойдем посмотрим поближе!

Первый бродяга вынимает кухонный нож, второй — старенький испорченный револьвер без курка.

Часовня. Бродяги осторожно приближаются к Паркеру с двух сторон.

Паркер *(увидев их)*. Убейте меня! Я только скажу вам спасибо за это!

Первый. Но разве вы еще не убиты, синьор?

Второй. Вы не покойник по крайней мере?

Паркер. Увы, пока еще нет. Очень хочу им быть, да сил не хватает... Может быть, вы поможете мне?

Бродяги с недоумением переглядываются и подходят ближе.

Первый. Убивают на бойне, отправляйтесь туда. Мы этим делом не занимаемся.

Второй. Если вы не мертвец, то отчего же вы прикидываетесь привидением?

Паркер. Это... такая болезнь.

Первый. Болезнь? Вот так болезнь!

Бродяги уже смело подходят к Джону и с любопытством осматривают его, тыча пальцами и задавая вопросы.

Первый бродяга. А это что же такое, черненькое, вроде косточки?

Паркер. Косточка и есть. От сливы... другой не видно? Там другая должна быть. Мне самому плохо видно.

Второй. Есть и другая. Другая пониже. В кишках уже. Вот тут. *(Тычет пальцем пониже желудка.)*

Паркер. В аппендикс не попала?

Второй. Че-го-о? Ку-у-да?

Паркер. Не здесь?

Первый. Нет, выше. Вот, вот где она.

Второй. А это еще что такое кругленькое?

Паркер. Часы.

Второй. И еще кругляшки поменьше. Похожи на монеты. Ну да, монеты в кошельке. Давай мы их пересчитаем!

Бродяги быстро вынимают часы, кошелек, бумажник. Осматривают.

Первый бродяга. Не светятся. *(Второму.)* Как ты думаешь, Николо? С таким пугалом можно хорошие дела делать? Всяка баба, да и не только баба, как увидит такого в темном переулке, так непременно в обморок хлопнется. Тут их и обирай без хлопот. Хочешь работать с нами, синьор?

Паркер. Я хочу умереть.

Первый. Твоя воля. Принуждать не будем. Но если ты собираешься помирать, оставь нам по крайней мере наследство. Костюмчик на тебе отличный! Да и башмаки хоть на бал. Зачем тебе их в могилу тащить? Для земли наши лохмотья хороши

будут. Ты, Николо, как будто одного с ним роста, да и дыр в твоем платье больше, чем материалу. Снимайте живо!

Джон и бродяга Николо начинают раздеваться.

Джон в лохмотьях, бродяга с удовольствием рассматривает на себе костюм Паркера.

Паркер. Я вам отдал часы, деньги, костюм, все, что имел... Не могли бы вы мне за это дать кусочек хлеба?

Бродяги громко хохочут.

Первый. Зачем же тебе хлеб? То помирать собирался, то хлеба просишь.

Паркер. Да, но сейчас мне есть хочется больше, чем умереть.

Второй. Ну что же. Мы понимаем, поделились бы охотно, да у самих со вчерашнего дня куска не было. Вот продадим завтра костюм, башмаки твои, коли сам не догадался, купим хлеба, тогда, пожалуйста, угощайся. А сейчас разве что какой ротозей в деревне приготовил нам ужин. Стянем и покушаем. Жить-то надо! Право, пойдем с нами.

Паркер. Нет, я уж один. Может быть, подадут кусочек, если попросить..

Первый. Подставляй карман шире!

Второй. Ну, иди, пока еще в деревне не все уснули, а нам рано.

Деревня. Кое-где в избах светятся огни.

Паркер *(возле окна)*. Можно у вас попросить кусочек хлебца?

Голос из окна. Много вас тут шляется, не напасешься. Проваливай, пока...

Из дома слышится женский крик.

Джон быстро отходит от окна и идет по деревенской улице. Навстречу ему, поддерживая друг друга, плетутся два пьяных крестьянина. Увидав светящегося Паркера, они кричат от ужаса. Один из них падает, увлекая за собой другого.

— Караул!

Открываются окна и двери. Из домов выбегают вооруженные чем попало крестьяне. Увидав светящегося Паркера, они кричат:

— Привидение!

— Оборотень!

— Бей его!

Крестьяне гоняются за Паркером. Паркер быстро убегает.

Поле. Паркер бежит, преследуемый большой толпой крестьян. Погоня длится долго, но постепенно толпа тает, преследователи один за другим отстают ворча:

— Разве такого догонишь?

— Оборотень и есть оборотень, черту брат!

— Летит, как по воздуху...

Поле. Только три молодых парня продолжают погоню. Но, наконец, и они отстают. Один из них падает в полном изнеможении.

— Загнал, проклятый!

Паркер один бежит по дороге. По сторонам дачи. Вдали виднеется вокзал.

Паркер бежит по шпалам. Светает.

Паркер бежит по шпалам. Вдали виднеется город.

Кабинет Сантано. Сантано и Грин. Сантано расхаживает по кабинету в сильнейшем возбуждении.

Грин. Возмутительно! Кто бы мог ожидать от него? Надо его хорошенько пробрать!

Сантано. Пробрать? Да я расцеловал бы его, только бы он вернулся.

Грин. Ты разослал людей на поиски?

Сантано. Двадцать детективов — и вся труппа. Найти найдут. Такой не скроется. Где-нибудь да засветится... Только бы он вернулся!

Грин. Уж я его!

Вбегает Паркер в лохмотьях.

Паркер. Доброе утро! Ради бога, дайте чего-нибудь поесть!

Сантано и Грин делают грозные лица.

Сантано *(сердито)*. Вы где пропадали? *(Но тут же не выдерживает, бросается к Паркеру, почти обнимает его и тянет к столу, где стоит утренний завтрак.)* И в таком виде! Что с вами было?

Паркер. Все расскажу... Только немножко поем.

Сантано. Ну, ну, ешьте, пейте, блудный сын! *(К Грин.)* Принеси еще бутылку вина...

Затемнение. Паркер, уже переодетый, сидит и рассказывает. Сантано внимательно слушает его.

Паркер. Я добежал пешком и не чувствую никакой усталости.

Сантано *(вскакивает и потирает руки)*. Великолепно! Я как-то не подумал об этом. На вашей неутомимости тоже можно нажить деньги. Вы победите мировых бегунов. Или устроить конкурс, кто дольше протанцует. Вы, конечно, перетанцуете всех. С кладбищем тоже хорошо вышло. Я только думал о пьесе с участием светящегося мертвеца. Вы любите ее. Она любит вас. Но у вас есть соперник. Он убивает вас. Вас хоронят. Она тайно приходит ночами на вашу могилу. Он ревнует ее к вам, мертвому. Подстерегает. Хочет убить. «Умри, несчастная!» Но в это время вы поднимаетесь из могилы. Она и он падают бездыханные от ужаса. Вы исполняете «Танец мертвеца». Это должно иметь сумасшедший успех. Деньги! Деньги! Потекут к нам рекой!

Большая сцена. Мягкий занавес закрыт. Зажжены соффиты. Паркер в белом балахоне раскланивается перед публикой. Зрительный зал переполнен. Овации.

Когда шум оваций несколько стихает, в зале слышится чей-то тревожный голос:

— Женщина в обмороке!

Двое слуг проходят между задними рядами и выносят женщину.

Комната за сценой. На диване лежит Мэг. Глаза ее закрыты. Возле нее доктор и двое слуг, которые принесли ее. Доктор щупает пульс.

Доктор. Каждый день несколько обмороков. Дайте нашатырного спирту! *(Ощупывает желудок Мэг.)* Да у нее желудок совершенно пустой. Очевидно, с нею произошел обморок от голода. Дайте скорее стакан горячего вина!

Слуги подают: один — нашатырный спирт, другой — стакан красного вина. Доктор берет вино и

наклоняется над Мэг. В комнату заглядывает Паркер, видит Мэг и бросается к ней.

Паркер. Мэг! Моя Мэг! Мэгги... *(В стремительном движении он толкает врача. Красное вино проливается на грудь Мэг.)* Боже мой, кровь? Она умерла?

Доктор. Это вино. Она жива. Видите, уже открывает глаза.

Паркер *(обнимает Мэг, целует)*. Мэг, моя Мэг! Ты пришла ко мне... Вернулась...

Мэг *(улыбаясь, говорит слабым голосом)*. Да, Джон, я вернулась...

Паркер. Но что с тобой, Мэг? Куда ты исчезла?

Мэг. Я осталась без работы. Ты не пришел ко мне, и я уехала к сестре... Потом узнала, что ты выступаешь на сцене, и решила вернуться к тебе.

Паркер. Дорогая моя! Теперь мы...

Звонок. Вбегает Сантано.

Сантано. Где же вы, Паркер? Все уже на местах. Ложитесь скорее в могилу!

Паркер. В могилу? Сейчас? Когда со мной моя Мэг? Позвольте мне сегодня не выступать.

Сантано. Да вы с ума сошли? Все билеты проданы. Сорвать сбор? Без разговоров!

Паркер *(вздохнув)*. Хорошо. Но ты, Мэг, уж не смотри на мое выступление. Подожди здесь. Отдохни. Мэг, милая моя! Ведь теперь ты моя? Совсем моя?

Мэг. Да, Джон, твоя.

Сантано. Да идите же наконец!

Паркер крепко целует Мэг и выбегает.

Полуосвещенная сцена изображает кладбище. Открытая могила. Паркер быстро ложится в могилу. Театральные рабочие накрывают его плитой из папье-маше.

Паркер в могиле. Он приплясывает и повторяет:

— Мэг! Моя Мэг! Теперь уж моя, совсем моя!

Сцена на кладбище. Женщина в черном костюме склоняется над могилой. Из кустов выскакивает

мужчина с кинжалом в руке, бросается на женщину с криком:

— Умри, несчастная!

Могильная плита отбрасывается. Из могилы выходит Паркер и становится между мужчиной и женщиной. Те беззвучно падают. На сцене темнеет еще больше. Тело Паркера светится. Раздается музыка вроде «Танца мертвецов» Сен-Санса.

Паркер исполняет свой знаменитый «Танец мертвецов». В зрительном зале поднимается буря оваций.

Вдруг свечение тела Паркера прекращается. Но он не замечает этого и продолжает танцевать.

Овации в зрительном зале сразу прекращаются. Слышится только звук кастаньет в руках Паркера. На сцене и в зрительном зале полная темнота. В зрительном зале слышатся возгласы:

— Что с ним?

— Где же светящийся человек?

— Пропал! Исчез!

— Зажгите свет!

Где-то зажигается одна лампочка, тускло освещающая Паркера. Он с недоумением смотрит на свои руки и смущенно идет за кулисы. Сталкивается с взволнованным Сантано.

Сантано. Что с вами, Паркер? Почему вы перестали светиться? Светитесь! Светитесь же, черт вас побери!

Сантано крепко сжимает руку Паркеру.

Паркер. Но я не могу! Мне больно. Пустите мою руку!

Сантано *(совершенно не владея собой, все сильнее и больнее сжимает руку Паркера, словно надеясь выдавить свет, и уже не говорит, а хрипло стонет)*. Боже мой! Что вы со мной делаете? Ну светитесь же, умоляю вас! Понатужьтесь! Как-нибудь... Не может быть, чтобы вы сразу так и погасли.

Паркер. Но я ничего не могу поделать! Это не от меня зависит. Пустите же! *(С силой вырывает руку.)*

Сантано. О-о-о! Каррамба!

Возле комнаты Мэг. Мэг стоит у двери. Сантано и Паркер возбужденно разговаривают.

Паркер. Господин Сантано! Поверьте мне, я сам огорчен, но что же я могу поделать, если свет погас в тот момент, когда я менее всего ожидал этого.

Сантано. А если погасли, то и идите ко всем чертям! Больше вы мне не нужны! Извольте сейчас же убираться отсюда! Чтоб я больше не видел вас!

Паркер. Я уйду. Сейчас же уйду. Только заплатите мне за прослуженное у вас время!

Сантано *(ревет)*. Заплатить вам? И вы имеете еще нахальство требовать, чтобы вам заплатили? Да знаете ли вы, что вы разорили меня? Я нанял новый театр, потратил уйму денег на костюмы, декорации, залез в долги, а вы так подло поступили со мной! Не вы, а я должен требовать с вас...

Паркер. Ну что же! Прощайте!

Берет за руку Мэг, потом оставляет ее, сбрасывает балахон.

Мэг. Что случилось?

Паркер. Дорогая моя, я погас. Не свечусь больше.

Мэг *(как эхо)*. Погас!

Паркер. Да, совсем погас. Теперь я стал таким, как все.

Мэг. Таким, как все.

Паркер. Пойдем, Мэг, отсюда. Господин Сантано уволил меня.

Мэг. Пойдем, Джон.

Они берутся за руки и выходят.

Улица. Паркер и Мэг сходят по ступеням роскошного театра. Паркер зевает.

Паркер *(вяло)*. Да... вот свет и погас. *(Снова зевает.)*

Мэг. Куда же мы пойдем, Джон?

Паркер. Не знаю, Мэг...

На другой стороне улицы. Перед Мэг и Паркером городской сад.

Паркер. Пойдем посидим в саду, подумаем. *(Сладко зевает.)*

Перед входом в сад им пересекает дорогу Майкл. На его груди и спине большие плакаты с надписью: «Нет в мире лучших подтяжек «Идеал» — Грей и К°».

Паркер. Майкл!

Майкл. Джон!

Друзья крепко пожимают друг другу руки.

Паркер. А вот и Мэг. Поздоровайтесь же с ней, Майкл!

Майкл *(нерешительно шевелит своими большими толстыми пальцами и неуклюже подает руку Мэг)*. Простите... Я вас не заметил...

Паркер. Идемте, Майкл, в сад, нам о многом надо поговорить с вами.

Аллея сада. Паркер и Мэг сидят на скамейке, Майкл стоит перед ними.

Паркер. Где вы пропадали, Майкл? *(В то время как он отвечает, Паркер засыпает, положив голову на плечо Мэг.)*

Майкл. Цеплялся за колесо фортуны. Собаки лопнули. Теперь ношу вот эту рекламу... А вы как, Джон? *(Замечая, что Паркер спит.)* Э, да он уснул...

Мэг. Не будите его! Джон погас.

Майкл. Погас? Вот история. Когда не надо, горел, когда надо, погас. И все так в жизни. Ну, ничего, как-нибудь проживем. Я сохранил вещи Джона... Его гнездышко... Продадите, на первое время хватит. *(Тихо, чтобы не разбудить Джона, продолжает о чем-то говорить с Мэг.)*

На соседнюю скамейку садятся Никольс и Элис.

Элис. Все в порядке. Господин Кронин сказал мне, что вы сможете работать в его лаборатории.

Никольс. Значит, еще поборемся, Элис?

Элис. Да, еще поборемся!

Никольс. Как я вам благодарен, Элис!

Элис. Теперь вы не откажетесь произвести опыт надо мной?

Никольс *(смеясь)*. Вы опять за свое? Кстати, сегодня утром ко мне приходил какой-то иллюзионист Янос. Просит сделать из него светящегося человека. Но с меня довольно светящихся людей!

Во время этого разговора происходит немая сцена: возле сада по улице проезжает ярко освещенный автомобиль. В автомобиле — девушка в подвенечном платье с букетами цветов и жених — это Битл. Уличное движение задерживает автомобиль. Видно, как Битл, смеясь, что-то записывает в блокнот, как будто интервьюируя девушку. Та со смехом выбивает блокнот из его рук. Битл целует невесту.

Чтобы Мэг не видела чужого семейного счастья, Майкл, неуклюже переступая на своих слоновьих ногах, поворачивается так, что плакатами загораживает от Мэг автомобиль.

Майкл *(к Мэг)*. Будет еще и на нашей улице праздник!

Резкий гудок автомобиля. Паркер просыпается, смотрит на Мэг, не понимая, потом расцветает.

Паркер. Моя Мэг! *(Целует ее.)*

Майкл поворачивается спиной к Паркеру и Мэг и закрывает их своими плакатами от проходящих. Поворачивает голову, поводит глазами, как бы говоря: «Будьте скромны! Не вспугните их неосторожным взглядом! Человеческое счастье так хрупко!»

СОДЕРЖАНИЕ

Последний человек из Атлантиды 5

Продавец воздуха 131

Когда погаснет свет 277

Беляев Александр Романович

Собрание сочинений в 8 томах, том 2. (Последний человек из Атлантиды. Продавец воздуха. Когда погаснет свет.) Илл. Б. Бисти. М., «Молодая гвардия», 1963.

384 с. с илл.

Р2
Б44

Редакторы *Б. Клюева, С. Митрохина*
Художественный редактор *Н. Печникова*
Технический редактор *Л. Петрова*

Подписано к печати 13/VIII 1963 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 12 (19,68)+8 вкл. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 200 000 экз. Заказ 635. Цена 81 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

Ilkeh

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ